

Н О В Ы Й
М И Р

||
11
||

Н О В Ы Й М И Р

||
1977
||

11

1977

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 11

Ноябрь. 1977 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ОКТЯБРЯ	3
ЮРИЙ РЫТХЭУ — <i>Конец вечной мерзлоты</i> , роман. Окончание	26
В МИРЕ НАУКИ	
П. ФЕДОСЕЕВ — <i>Наука об обществе и общественный прогресс</i>	160
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ	
АНДРЕ РЕМАКЛЬ — <i>Легенда о КамАЗе</i> , главы из книги. Перевела с французского Л. Завьялова	184
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
ИВАН ГРОНСКИЙ — <i>1917 год</i> , записки солдата. Окончание	199
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Н. ШАМОТА — <i>Открытая человеку и человечеству</i>	224
Е. СТАРИКОВА — <i>Жить и помнить</i> . Заметки о прозе В. Распутина	236
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Дм. Молдавский. «Надо мечтать!» — П. Топер. «Победит везде». — А. Мясников. Горизонты научного поиска. — А. Анастасьев. Советский театр — в пути.	249
<i>Политика и наука</i>	
И. Роздорожный. Ленин, Октябрь, Финляндия. — Б. Марушкин. Слово друзей Октября. — Мих. Матусовский. Записки романтика.	265

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Стр.

КОРОТКО О КНИГАХ: А. Кузнецов.—Н. Страхов. Петр Замойский. Жизнь. Время. Книги. ✦ А. Панков.—Юрий Полухин. Заколдованные берега. ✦ Николай Евдокимов.—Франц Таурин. Без страха и упрека. Повесть о Николае Серно-Соловьевиче. ✦ В. Косолапов.—Сергей Воронин. Камень Марии. Повести и рассказы. ✦ Марк Соболев.—Василий Субботин. Стихотворения. ✦ Ю. Болдырев.—Андрей Дементьев. Рядом ты и любовь. ✦ Владимир Куницын.—Николай Кучмида. Просто дорога. Повесть и рассказы. ✦ Ю. Смелков.—Валерий Гейдеко. А. Чехов и Ив. Бунин. ✦ В. Сапогов.—А. Ф. Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство. ✦ Вл. Кузнецов.—Б. П. Балуев. Ленин полемизирует с буржуазной прессой. ✦ В. Роговин.—А. И. Арнольдov. Социалистический образ жизни и культура. ✦ Владимир Даненбург.—И. П. Донков. Антоновщина: замыслы и действительность. ✦ В. Френкель.—В. И. Рич, М. Б. Черненко. Неоконченная история искусственных алмазов. ✦ Д. Биленкин.—Л. Пирожников. Что такое голография? ✦ Вадим Монахов.—Григорий Медынский. Разговор всерьез	275
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	288

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ОКТАБРЯ

Мы публикуем в этом номере стихи поэтов, печатавшихся в нашем журнале. В них предстает живая история Советского государства, отмечающего шестидесятилетний юбилей. Открываем эту подборку памятными всем строками, увидевшими свет в «Новом мире»:

СЛОВО —
 ПОЛКОВОДЕЦ
 ЧЕЛОВЕЧЬЕЙ СИЛЫ.
 МАРШ!
 ЧТОБ ВРЕМЯ
 СЗАДИ
 ЯДРАМИ РВАЛОСЬ.
 К СТАРЫМ ДНЯМ
 ЧТОБ ВЕТРОМ
 ОТНОСИЛО
 ТОЛЬКО ПУТАНИЦУ ВОЛОС.

В. МАЯКОВСКИЙ.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Весна

Припадок кончен.
 Грусть в опале.
 Приемлю жизнь как первый сон.
 Вчера прочел я в «Капитале»,
 Что для поэтов —
 Свой закон.

Метель теперь
 Хоть чертом вой,
 Стучись утопленником голым,
 Я с отрезвевшей головой —
 Товарищ бодрым и веселым.

Гнилых нам нечего жалеть,
 Да и меня жалеть не нужно,
 Коль мог покорно умереть
 Я в этой завирухе вьюжной.

Тинь-тинь, синица!
 Добрый день!
 Не бойся!

Я тебя не трону,
И, коль угодно,
На плетень
Садись по птичьему закону.

Закон вращения в мире есть,
Он отношенья
Средь живущих,
Коль ты с людьми единой кущи —
Имеешь право
Лечь и сесть.

Привет тебе,
Мой бедный клен!
Прости, что я тебя обидел.
Твоя одежда в рваном виде,
Но будешь новой наделен.

Без ордера тебе апрель
Зеленую отпустит шапку,
И тихо
В нежную охапку
Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,
Водой окатит из колодца,
Чтобы в суровом октябре
Ты мог с метелями бороться.

А ночью выплывет луна,
Ее не слопали собаки.
Она была лишь не видна
Из-за людской
Кровавой драки.

Но драка кончилась...
И вот —
Она своим лимонным светом
Деревьям, в зелень разодетым,
Сиянье звучное
Польет.

Так пей же, грудь моя,
Весну!
Волнуйся новыми
Стихами!
Я нынче, отходя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

Земля, земля!
Ты — не металл.
Металл ведь
Не пускает почку.
Достаточно попасть
На строчку,
И вдруг —
Понятен «Капитал».

П. ВАСИЛЬЕВ

Две песни

Конниц сабельная лава,
Шлемов красная звезда...
Ворошиловская слава
Начиналася тогда.

Не затихнет, не смирится
Ветерок матросских лент.
Он стоял в дыму, Царицын,
Как легенда из легенд.

Наших били. Мы сквитаем!
Проклиная красный флаг,
На баржах часы считая,
Офицеры пели так:

«Нам кресты не защита,
Мы погибнем в мгле,
Наши братья побиты,
С жизнью, стало быть, квиты —
Сам полковник в земле.

Седосусый, остылый...
С нами бог! С нами бог!
Он в сырую могилу
Вниз усами полег.

Он, в боях знаменитый,
Был легок на седле!
Нам кресты не защита,
Мы погибнем во мгле».

Не затихнет, не смирится
Ветерок матросских лент.
Он стоял в дыму, Царицын,
Как легенда из легенд.

И в распахнутые дали
Шли матросы под пургой.
Им любимые кричали:
«Целься лучше, дорогой!»

Собирались в путь-дорогу,
Покидали отчий кров.
Матери, тая тревогу,
Провожали сыновьев:

«До свиданья, милые,
На войне не милуйте,
Завоюйте долю, завоюйте мир...
Мы тебе вдогонку
Машем шалью тонкой,
Ворошилов, красный командир!

Сыновьев вручаем —
 В них души не чаем...
 Поднимись на стремени,
 Саблю вынь, звеня.

Мы благословляем,
 Мы благословляем
 Легкие копыта
 Твоего коня!..»

Э. БАГРИЦКИЙ

+

Итак — бумаге терпеть невмочь,
 Ей надобны чудеса:
 Четыре сосны
 Из газонов прочь
 Выдергивают телеса.
 Покинув дохлые кусты
 И выцветший бурьян,
 Ветвей колючие хвосты
 Врываются в туман.
 И сруб мой хрустальнее слезы
 Становится.
 Только гвозди
 Торчат сквозь стекло
 Да в сквозные пазы
 Клопов понабились грозди.
 Куда ни посмотришь —
 Туман и дичь
 Да грач на земле, как мортус.
 И вдруг из травы
 Вылезает кирпич —
 Еще и еще!
 Кирпич на кирпич.
 Ворота. Стена. Корпус.
 Чего тебе надобно?
 Испокон
 Веков я живу один.
 Я выстроил дом,
 Придумал закон,
 Я сыновей народил...
 Я молод,
 Но мудростью стар, как зверь,
 И с тихим пыхтеньем вдруг,
 Как выдох,
 Распахивается дверь
 Без прикосновенья рук.
 И товарищ из племени слесарей
 Идет из этих дверей.
 (К одной категории чудаков
 Мы с ним принадлежим,
 Разводим рыб —
 И для мальков
 Придумываем режим.)
 Он говорит:

— Запри свой дом,
Выйди и глянь вперед:
Сначала ромашкой,
Взрывом потом
Юность моя растет.
Ненасытимая, как земля,
Бушует среди людей,
Она голодает,
Юность моя,
Как много надобно ей.
Походная песня ей нужна;
Солдатский грубый паек:
Буханка хлеба
Да ковш вина,
Борщ да бараний бок.
А ты ей приносишь
Стакан слюны,
Грамм сахара
Да лимон,
Над рифмой просиженные штаны —
Сомнительный рацион...
Собаки, аквариумы, семья
Вокруг тебя как забор...
Встает над забором
Юность моя.
Глядит на тебя
В упор.
Гектарами поднятых полей,
Стволами сырых лесов
Она кричит тебе:
«Встань скорей!
Надень пиджак и окно разбей,
Отбей у дверей засов!»
Широкая зелень
Лежит окрест
Подстилкой твоим ногам! —
Рукою он делает **вольный** жест
От сердца —
И к облакам.
Я узнаю в нем
Свои черты,
Хотя он костляв и рыж,
И я бормочу себе:
— Это ты
Так здорово говоришь. —
Он продолжает:
— Не в битвах бурь
Нынче юность моя,
Она придумывает судьбу
Для нового бытия.
Ты думаешь:
Грянет ужасный час!
А видишь ли, как во мрак
Выходит в дорогу
Огромный класс
Без посохов и собак.
Полна преступлений

Степная тишь,
 Отравлен дорожный чай...
 Тарантулы... Звезды...
 А ты молчишь?
 Я требую! Отвечай!

И вот, как приказывает сюжет,
 Отвечает ему поэт:

— Сливаются наши бытия,
 И я — это ты!
 И ты — это я!
 Юность твоя —
 Это юность моя!
 Кровь твоя —
 Это кровь моя!
 Ты знаешь, товарищ,
 Что я не трус,
 Что я тоже солдат прямой,
 Помоги ж мне скинуть
 Привычек груз,
 Больные глаза промой! —
 Стены чернеют.
 Клопы опять
 Залезают под войлок спать.
 Но бумажка полощется под окном:
 «За отъездом
 Сдается внаем!!»

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

Здравница

«Оттремела битва,
 Эривань сдается,
 И бежит, покинув
 Цитадель, сардар,
 И пирует войско,
 Славя полководца
 И победоносный
 Штыковой удар».

Так в былом столетье,
 Радуясь трофеею,
 Начал Орбельани¹
 «Здравницу» свою...
 Песнь перенимаю
 На второй строфе я
 И ее потомству
 Заново пою.

Пусть на время смолкло
 Это плоскогорье,

¹ Григорий Орбелиани — грузинский поэт начала XIX века, автор поэмы «Здравница».

Пусть была войсками
Эривань взята —
Люди безуспешно
Штурмовали горе,
И страной владели
Смерть и нищета.

В мрачном том ущелье,
Словно на погосте,
Часто попадалась
Прошлого зола,
Долго там встречали
Череп, и кости,
И непогребенных
Беженцев тела.

Был в тот век суровый
Брату брат враждебным,
Шла меж племенами
Месть из рода в род,
И Аракс угрюмый
С галькою и щебнем
Нес к востоку слезы
Брошенных сирот.

Проклинали люди
Черный день, в который
Родились от злого
Семена отцов.
Враг разил в долинах,
А седые горы
Добивали вьюгой
Бледных беглецов.

Все смолкало снова,
Только пасть гиенья
Щелкала зубами,
Жадностью горя.
И народ в землянки
Скрылся от гоненья,
Что казалось травлей
Дикого зверья.

Встало над странною
Зарево большое,
Хищники ревели,
И Карабекир,
Вор и поджигатель,
Названный пашою,
Пыткой и насильем
Титул свой купил.

Жгли и разрушали
Не одни лишь турки.
Предавал и родич:
Деверь, зять и тесть;
И тесниной кралось

Преступление в бурке,
С братскою улыбкой
Подходила месть.

Но явился Ленин,
И прямой и мудрый,
И с тех пор мы братьям
Мщеньем не грозим,
И стоит горою
Армянин — за курда,
Курд — за армянина
И за всех — грузин.

Мы, страна, не брали
Неприступных Карсов,
Но стоят за нами
Лучшие дела.
Не кичимся кровью
Сумасшедших барсов —
С лучшей, львиной, кровью
Нас ты родила.

Многих проходимцев
Мы побили карты,
И не провести им
Больше никого,
И любой ребенок,
Встав у школьной парты,
Назовет причину
Распри вековой.

Там, где войско русских
Крепость осаждало,
Где Григорий пел им
«Зравицу» свою,
Я стою с друзьями
У дворца сардара
И стране яную
Зравицу пою.

Это не былая
«Зравица» поэта
С чоканьем бокалов,
С переменной блюд,
Это — марш печали,
Это — горечь, это —
Всем погибшим братьям
Песенный салют.

Слышен пионерских
Барабанов рокот,
И сердцам поэтов
Этот голос мил.
Дом у нас единый
И одна дорога,
И в горах Кавказа
Поселился мир.

Вечно не проснутся
 Ханы Эривани,
 Как Ираклий-Тапа²,
 Как преданья бред...
 Так пускай же грянет
 Песня ликования
 И на песню горя
 Ляжет как запрет!

Да цветут Советы!
 Я провозглашаю
 Здравницу за новый
 Светоч и за то,
 Чтоб от нас узнала
 Смена молодая
 Обо всем, что в прошлом
 Здесь пережито.

Те, кто жил ненастной
 Закавказской ночью,
 Не влагавшей шашки
 Никогда в ножны,
 Те, кто годы мрака
 Видели воочью,—
 Те об этом миру
 Рассказать должны.

Чтобы даже лирик
 Пламенного края
 Все сердца надеждой
 Яркою зажег.
 Песня утешает,
 Бодрость порождая,
 Даже если трубит
 Маленький рожок.

Перевел с грузинского БОРИС БРИК

ДЖАМБУЛ

Застольная песня

Трое нас. Мы сидим за веселым
 столом:
 Два степных казаха и русский.
 Чай душистый дымится. За светлым
 окном
 Ходят плавные волны музыки.
 В наших жилах струится разная
 кровь,
 Но готовы раскрыть мы объятья.

² Ираклий-Тапа — гора Ираклия близ Эривани.

Между нами живет большая любовь,
И беседу ведем мы как братья.

Пусть придет к нам грузин, узбек
и калмык —
Будет встреча еще чудесней.
Мы найдем с ними дружеский,
братский язык
И поделимся чаем и песней.

Слышишь шумы? Москва за окном
шумит.
Видишь блеск? Это в синий воздух
Древний Кремль возносит, лучами
облит,
Золотые, как в сказке, звезды...

Рад московскому гостю Джамбул —
и домбра
Запросилась в старые руки.
Слушай клекот орла и звон серебра,
Задуманные слушай звуки.

Я ищу слова, что теплее луча,
Что ласкают и греют душу.
...Посмотри, как дымится
душистый чай,
Подыми пиалу — и кушай!

Перевел с казахского К. АЛТАЙСКИЙ.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Из дагестанских рубай

Многострадальное житье!
Нас молотили, как жнивье,
Нас всюду обирали, братья!
Нас брали, как зверей, в дубье,
Свирепо нас карали, братья!

Тянулась жизнь как тяжкий сон.
Давил безжалостный закон.
Кровь горскую сосал дракон,
Урча от сытости. И трон
Горбом мы подпирали, братья.

Нам — смерть, а богачам — доход.
Мы были дичью их охот.
Терзали нас из года в год,
Дороже нас ценился скот...
Как скот, мы умирали, братья.

Ходить в яремах, как быки,
Довольно нам! Большевики
Сказали: повернуть штыки

По знаку ленинской руки
Теперь вам не пора ли, братья!

Мы вняли им. Река времен
Сменила русло. Сто племен
Восстали. АЛЫЙ лес знамен
Поднялся в небо. Счастья звон
Тогда мы услышали, братья!

Но кто ж разбил металл оков,
Ковавшихся веками? Партия!
Но кто ж нас вырвал из тисков
Могучими руками? Партия!

Когда занялся пятый год
Огнем военных непогод,
Кто вел рабочего в поход
Железными путями? Партия!

Когда в Баку забрезжил свет,
Когда Баку нам слал привет,
Кто всех спаял нас для побед
Над злобными врагами? Партия!

И Ленин вышел против тьмы,
Народы зывел из тюрьмы!
Зажгла сердца, зажгла умы
Нам Ленина строками — партия!

В потемках длил я жизнь свою —
Твой свет сверкнул в моем краю!
Твой свет я от души пою
Прозрачными стихами, партия!

Перевел с дагестанского С. ЛИПКИН.

И. ЭРЕНБУРГ

* * *

О чем молчат арденские леса,
Фиордов воды густо-голубые,
Мадрида дым, альпийская роса
И сизые Парижа мостовые?
Как склянки затонувших кораблей,
Как с гор, как говор улея, что вымер,
Обходит мир пернатых и полей
Короткое торжественное имя —
Привет днепровской боевой воде,
Лугам Рязани, залежам Урала.
По василькам, по братству и руде
Земля измученная стосковалась.
Как веток бред, как рук взметенных хруст,
На Западе наречиях — надейся.
Привет тебе, цветущий розы куст,
Винтовка юного красноармейца!

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

***

А. Суркову.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: господь вас спаси.
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный больше, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Дорожная пыль вдалеке завилась.

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плитовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их.
Но горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

Мы вас подождем, говорили нам пажити,
Мы вас подождем, говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
У нас на глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но трижды поверив, что жизнь уже вся,

Я все-таки горд был за самую милую
За русскую землю, где я родился.

За то, что сражаться на ней мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Старшему брату

Мой старший брат любил меня и нянчил,
Мой старший брат ходить меня учил;
Я ставил ножки на пол — робкий мальчик,—
От счастья плача, не жалея сил.

И постигая таинство движенья,
Я спотыкался, сделав два шажка,
Но предостерегала от паденья
Его большая теплая рука.

У нас всегда была одна дорога,
И вижу я такую жизнь свою:
Шагает брат, а позади немного
Я — маленький — иду, не отстаю.

Я слабым был, но, взгромоздясь на камни,
Я весело встречал каспийский шквал.
Чуть что — мой брат бежал и помогал мне,
Брал на руки, когда я уставал.

Всегда я чувствовал заботу брата.
Он вел меня и защищал не раз,
Отпугивая палкой суковатой
Лохматых псов, кидавшихся на нас.

Он добрым был, он сильным был и смелым,
И с ним я не боялся ничего.
Я так гордился им, мне так хотелось
Расти и быть похожим на него.

И вглядываясь в пройденные годы,
И снова видя брата пред собой,
Судьбу страны, путь моего народа
Мне хочется сравнить с моей судьбой.

О русский брат! Невзгоды и тревоги
Давили нас, и были слабы мы.
Ты научил ходить нас по дороге,
Ведущей к свету из кромешной тьмы.

Ты защищал нас, и бежали в страхе
Все те, кто преграждал дорогу нам.
Когда б не ты — паши и шахиншахи
Давным-давно прибрали б нас к рукам.

Что мы могли? У края скал отвесных
 Мотыгами взрыхлять клочки земли.
 Ты нас учил седлать коней железных,
 Водить в полях комбайны-корабли.

Шторма одних и тех же океанов
 Нас на волнах качали в трудный час,
 Но ты, как старший брат, был капитаном,
 К далеким маякам ведущим нас.

Ты достигал вершин хребтов огромных,
 Мы тоже шли туда по склонам скал,
 И для того, чтоб облегчить подъем нам,
 Ты нам по-братски руку подавал.

Над саклями парят стальные птицы.
 Встает плотина, и ложится гать...
 Растет народ мой, мой народ стремится
 От брата своего не отставать.

О русский брат, все крепче братство наше,
 И в коммунизм дорогою прямой
 Идешь ты, и десятки братьев младших
 Идут не отставая за тобой.

Перевел с аварского Н. ГРЕБНЕВ.

РАСУЛ РЗА

Разные глаза

Посвящается некоторым зарубежным гостям.

Мы стоим и глядим на Баку,
 Я и ты.
 Ты увидел у нас переулки кривые
 Да лачуги, сожженные до черноты.
 Я — людей,
 Их живые под солнцем черты,
 Их глаза, что светились улыбкой впервые.
 Ты увидел песчаник
 Да где-то во рву
 Воробьев отощавших,
 К отбросам привыкших.
 Я увидел
 Чинар молодую листву
 И весну, для которой тружусь и живу.
 Я увидел наш труд
 На прославленных вышках.
 Ты увидел,
 Что пятна мазута грязны.
 Что поделаешь!
 Тут же над Каспием стоя,
 Я увидел шаланды на гребне волны.
 Я увидел весь город с моей крутизны —

Звездный блеск,
 Ожерелье огней золотое.
 Ты увидел,
 Что сер минарет, будто ствол,
 Оголенный грозой и осеннею стужей.
 А потом муэдзин свою песню завел,
 Клянчил нищий подачки.
 Ты заснял его тут же.
 Я увидел дома, и постройки в лесах,
 И раскрытые настежь окна и двери.
 Там живет молодежь,
 И в ее голосах
 Я услышал ту песню, в которую верю.
 Ты увидел ошибки и мелочи все,
 Ты влезал в эти щели уныло и праздно.
 Я увидел широкие ленты шоссе
 И плантации маков.
 Смотрели мы разное!
 Что поделаешь, гость!
 Мы решительно за
 Твой приезд:
 Не боимся ни глаза, ни порчи.
 Только знаешь —
 Возьми-ка ты наши глаза:
 Они чище и зорче!

Перевел с азербайджанского П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Из поэмы «За далью — даль»

Сто раз тебе мое спасибо,
 Судьба, что изо всех дорог
 Мне подсказала верный выбор
 Дороги этой на восток.

И Транссибирской магистралью,
 Кратчайшим, может быть, путем,
 Связала с нашей главной далью
 Мой трудный день и легкий дом.

Судьба, понятно, не причина,
 Но эта даль всего верней
 Сибирь с Москвой сличать учила,
 Москву с Сибирью наших дней.

И эти два большие слова,
 Чей смысл поистине велик,
 На гребне возраста иного,
 На рубеже эпохи новой
 Я как бы наново постиг.

Я начал песнь моей дороги
 С того, как душу мне томил
 Бессоньем сдавленной тревоги
 Огромный наш немирный мир.

И тем обязан не Москве ли
 И не Сибири ли опять
 Весь белый свет — что в самом деле
 Полегче стало в нем дышать;
 Что неусыпной той угрозы
 В нем поубавились права.
 Да, это верные слова,
 Что под оливы и березы
 Желанный мир несет Москва...

МУСТАЙ КАРИМ

* * *

В дальний путь седлают непременно
 Рысака, что всех других резвей,
 С важным порученьем непременно
 Едет муж, что старше и знатней.

Гостя дорогого поджидая,
 Лучшие из блюд на стол несем,
 В праздник в нашем доме зажигаем
 Лампу ту, что веселит весь дом.

Не спеши, однако, в ослепленье
 Не верши свой скороспелый суд:
 Сколько их, коней, не в белой пене,
 А в поту натужном воз везут!

Если скажешь ты: лишь те герои,
 Кто идет на громкие дела,—
 Кто же будет сеять, плавить, строить,
 Чтоб земля вокруг тебя жила?

В праздничное, блестящее пламя
 Никогда подолгу не смотри,
 А не то потом казаться станет
 Мир темней и суше свет зари.

Воспевайте скакунов бесстрашных,
 Славьте славу в золотых лучах,
 Но стократ прославьте тех, кто нашу
 Держит землю на своих плечах.

Перевела с башкирского ИРИНА СНЕГОВА.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

* * *

Да, мы живем в такое время
 И к цели движемся такой,
 Что на земле сердцами всеми
 Овладевает непокой.

С утра безветрие. Но в полдень
 Ломает молнию зенит.

Улегся шторм, притихли волны,
Но глубина еще звенит.

Гудят живые струны улиц,
Волнуется людской разлив.
В полях колосья всколыхнулись.
Бушуют грозы. Век бурлив.

Сердца стремятся к правде века
На межпланетных скоростях.
Все выше чистый, полный света
Багряный голубь — алый стяг.

*Авторизованный перевод с белорусского
ЯКОВА ХЕЛЕМСКОГО.*

МАКСИМ ТАНК

Письмо, найденное плугом

В этот утренний час
Мимо хат и плетеных оград
Ведро, полное солнца,
Несешь ты от нашей криницы.
Если б этой воды
Мне сейчас, как бывало, напиться,
Может, зажили б раны,
Что так под бинтами горят.

Безымянный пригорок.
Один я с последней гранатой.
Не успел я по-братски
Обнять на прощанье солдат,
Тех, которые, руки раскинув,
Недвижно лежат.
Рожь дымится.
И враг опять подползает
Проклятый.

Я письмо дописал,
Погибая, надеясь, любя.
Я не в ящик почтовый кладу его —
В гильзу патрона.
Вдруг найдет его плуг,
В борозде ненароком затронув?
Прочитаешь. Прощай.
Вызываю огонь на себя.

Перевел с белорусского ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ.

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

О Ленине

Не странно ли?

Когда событий ход
Вновь подтверждает: путь наш неизменен
И неизменно к радости ведет,—

Ты часто ль вспоминаешь имя Ленин?..
 Оно — как родина и отчий дом:
 Мы в нем живем, не говоря о нем.

Когда ж беда нагрянет не стучась,
 И правды свет в твоих глазах затмится,
 И трудно днем, и по ночам не спится, —
 «Как не хватает Ленина сейчас!» —
 Твердишь, тоскуя...

Так в краю чужом,
 Изгнанник, вспоминал я отчий дом.

Перевела с калмыцкого ЮЛИЯ НЕЙМАН.

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА

Что значу я?..

Цветут сады, и колосятся нивы,
 И, как в начале моего пути,
 Весь этот щедрый блеск и переливы
 Не меркнут, оставаясь позади.

Что значу я без пройденной дороги
 И просиявших в ранний час огней?
 Все давние обеты и зароки
 Не проросли быльем в душе моей.

Сверкают звезды, и лучится море.
 И, как в начале моего пути,
 Минута счастья и минута горя
 Не меркнут, оставаясь позади.

Что значу я без пройденной дороги,
 Без этих солнечных и хмурых дней?
 Все давние надежды и тревоги
 Не проросли быльем в душе моей.

Встает заря, и запекает птица.
 И, как в начале моего пути,
 Светящиеся дорогие лица
 Не меркнут, оставаясь позади.

Что значу я без пройденной дороги,
 Которой нет ни шире, ни длинней?
 И в этот час, как в час уже далекий,
 Что значу я без Родины моей?..

Перевел с литовского Л. МИЛЬ.

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

Октябрь

Чтоб расширить мира тесный круг,
 нас повел он сквозь грома и тучи
 в океан веков, седой, кипучий;

время распахал он, словно плуг,
 наш Октябрь.
 А значит, сеять будем,
 пашню Октября от бурь храня!
 Он как Прометей пришел —
 чтоб людям
 стать людьми в лучах его огня.

Перевел с украинского В. КОРЧАГИН.

ЕМИЛИАН БУКОВ

«Искра»

Век девятнадцатый закончил бег...
 И ленинская «Искра» в Кишиневе
 внезапно вспыхнула.
 (Везде мороз и снег
 империи...)
 Как много в этом слове
 тепла: «Из искры возгорится пламя!» —
 и прорастали пламени ростки,
 рабочие сжимались кулаки,
 стонала Русь, звенела кандалами.
 И буквы, за лучом вбирая луч
 земного солнца,
 пламенем бессонным
 взрывались эпицентрами на склонах
 высоких стрóf — окаменевших круч.

От «Искры» той, что в Кишиневе тайно
 печаталась,
 багряный водопад
 стремился в Вильнюс, на просторы дайны.
 И не было для пламени преград!
 С тех пор, единой искрой зажжены,
 сроднились города — рабочий Вильнюс
 с рабочим Кишиневом,
 пламень вынес
 их на просторы огненной волны,
 мятежной, очищающей волны —
 просторной братской солнечной страны!

Перевел с молдавского ВАЛЕРИЙ КРАСКО.

МИРСАИД МИРШАКАР

У Мавзолея

Стрелки курантов,
 сомкнитесь туже:
 станьте одной
 золотой чертой!

Ночь.
 Голубые хоромы стужи.
 Площадь,
 и вьюга на площади той.

Ветер
 гудит все резче и злее,
 хлопья
 с заречной несет стороны.

Глаз не смыкают
 у Мавзолея
 два молодых солдата страны.

Холод
 этой морозной ночи
 их не заставит
 покинуть пост,
 ибо они —
 всей планеты очи,
 юность
 под сенью кремлевских звезд.

Стужа
 влагает свои сказанья
 инеем
 в сонм ледяных ветвей,
 но часовые
 как изваянья
 гордо стоят,
 не сдаваясь ей.
 Для человечества,
 для вселенной
 должность высокая
 этих двоих —
 им мое сердце
 и лучший стих!

Два воина
 оберегают Ленина,
 Ленин оберегает их!

Перевел с таджикского АЛЕКСАНДР ГОЛЕМБА.

АСКАД МУХТАР

..*

Здесь даже время замедляет бег,
 Здесь спят сыны, отдав до капли силы...
 В цветах лежат открытые для всех
 Европы безымянные могилы...

И люди к ним идут из года в год —
 Их всех одна беда объединила...
 Не знает вас по имени народ,
 Европы безымянные могилы...

И даже материнская любовь ·
Сынов в бою от пуль не защитила...
Но матери все ждут своих сынов —
И живы безымянные могилы...

И сына потеряв навеки, мать ·
Свою беду с народом разделила —
Вам никогда чужими не бывать,
Европы безымянные могилы!..

И на рассвете, выстроившись в ряд,
Присягу здесь солдаты приносили,
Чтоб никогда не слышали набат
Европы безымянные могилы...

И каждую весною вновь плывут
В тюльпанах к стороне далекой, милой
И матерей, как журавли, зовут
Европы безымянные могилы...

Перевел с узбекского ВАЛЕРИЙ КРАСНОПОЛЬСКИЙ.

МИКОЛА БАЖАН

Вечер 24 октября

Чуть слышно он приотворяет дверь
И вслушивается. Нет ни души теперь.
Мерцанье электрической спирали
Не разгоняет темень. Не пора ли
Идти? Ползут ступени в полутьму.
Пора идти. Пора идти ему.
По всей земле, по всей планетной шири,
Туда, где надвигается гроза,
Оставив на столе в пустой квартире
Записку, чтобы бросилась в глаза
Хозяйке. Пусть увидит, в самом деле,
И попытается его постичь!
«Ушел туда, куда вы не хотели,
Чтобы я уходил». И росчерком: «Ильич».

Не мешкая вниз по ступеням круто,
Схватив помятую кепчонку чью-то,
Надев пальто потертое... Один,
Второй и третий марш, потом — полого...
И даже Рахья³, молчаливый финн,
Вдруг буркнет укоризненно и строго,
Что очень просто голову сломать
На этих чертовых ступеньках можно.
Что ж, пусть бурчит! Он человек надежный.
Все будет хорошо. Шагать, шагать!
Всенепрременно все пойдет на лад.

³ Эйн о Рахья — большевик, сопровождавший Левина в эту ночь.

И этой ночью, в этот миг суровый,
Они вдвоем пройдут сквозь Петроград,
Сквозь революционный, предгрозовый.

И вступят в Смольный: Там его друзья.
Товарищи. Настал последний срок.
Миг напряженья. Больше ждать нельзя.
Пришла пора переступить порог.
И в сердце ощутив сил небывалых сдвиг,
Неся в себе мильярд всечеловечьих вольт,
Идет сквозь Петроград как через материк
На свой бессонный пост, где гроз вселенских пульт.

Тягуче льется даль. Тягуче длится час.
Заборы. Ветер. Снег. Фонарь над головой.
Вот грохот вдруг возник, рассыпался, угас,
А вот во весь опор промчался верховой.
И расступаются проспекты и дома,
Разводятся мосты, вздымаются во тьму.
Ему велит идти История сама,
Ничто, никто пути не преградит ему.
Он мягко отстранит прохожих суету.
Расступится толпа военных на мосту.
Солдаты путь дадут. Пройдет он, распоров
Назойливый галдеж крикливых юнкеров.
И он увидит, как, сияюще остры,
У Смольного цветут высокие костры.
И он, взволнованный, на площадь выйдет вдруг
И, щурясь, поглядит на свет из-под руки:
Народ, народ, народ, народ шумит вокруг.
Облеплены людьми, гремят броневики.
Бьет в небо низкое багровый блеск костров.
Орудья у ворот. Народ гудит, суров.
Но смолкнет вдруг людской водоворот.
На миг расступятся стальные патрули,
В штаб Революции уверенно войдет
Ее великий вождь, бессмертный сын земли.

Перевел с украинского АЛЕКСАНДР ГОЛЕМБА.

БОРИС ОЛЕЙНИК

Истина

Мы новый мир задумали
создать руками чистыми.
И люди нам поверили
как непреложной истине.
Наш путь не упирается
в сухой ломоть насущного,
Мы каждой клеткой отданы
великому грядущему.
Чисты мы перед совестью,
сынами и планетой —
Клянемся в этой истине
своими партбилетами!

Дороги наши мечены
   паденьями и взлетами.
 Знамена наши сечены
   дождями пулеметными.
 Нас разлучали с жизнью,
   с мечтаниями первыми,
 Но никакие беды нас
   не разлучили с верою!
 Чисты мы перед совестью,
   сынами и планетою —
 Клянемся в этой истине
   своими партбилетами!
 В боях завоевали мы
   одну лишь правду вечную —
 Что утро начинается
   звездой пятиконечною,
 Что на весах истории
   всей поднебесной золото
 Не перевесит спаянных
   стальных Серпа и Молота.
 Чисты мы перед совестью,
   сынами и планетою —
 Клянемся в этой истине
   своими партбилетами!
 В наследство капиталов мы
   себе не заготовили,
 Зато храним запасливо
   всю красоту духовного,
 Зато любить способны мы —
   не сыщешь крепче верности,
 Зато мечтать умеем мы —
   до высших пиков вечности.
 Зато когда мы празднуем,
   когда хлеба обильные,
 Мы рады гостю каждому,
   кто с помыслами мирными.
 Зато когда решаем мы,
   какою мерить мерою,
 Мы можем лишь по-ленински
   и действовать и веровать!
 Чисты мы перед совестью,
   сынами и планетою —
 Клянемся в этой истине
   своими партбилетами!

Перевел с украинского Н. КОТЕНКО.

ЮРИЙ РЫТХЭУ

★

КОНЕЦ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ*

Роман

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

В результате захвата колчаковцами и японо-американскими войсками Сибири и Дальнего Востока северная окраина страны оказалась отрезанной от центральных районов России. Таким образом, создались благоприятные условия для деятельности буржуазии и интервентов.

«Первый Ревком Чукотки (1919—1920 гг.)».
Сборник документов и материалов.
Магадан, 1957.

На корме, на солнечной стороне, над винтом, тяжело рубящим студеную воду Берингова моря, пассажиры парохода «Томск» играли в карты. Разбухшие и засаленные от долгого употребления, с разлохмаченными краями, карты смачно шлепались о доски.

Двое — Сергей Евстафьевич Безруков и Дмитрий Мартынович Хваан — сидели на крышке трюма и молча наблюдали за играющими, изредка взглядывая на синеющие вдали берега Чукотки. Возле них стоял чайник, жестяная банка с сахаром, кусок хлеба и большой складной нож.

Только что назначенный начальник Чукотского уездного правления Иннокентий Михайлович Громов держал банк. Придавленные тяжелой бутылкой зеленого стекла, перед ним лежали разноцветные денежные знаки — царские ассигнации, керенки, японские иены, китайские юани, американские и сингапурские доллары, английские фунты.

— Господа! — Громов поднял отяжелевшие от пьянства глаза. — На бумажки больше не играю. Ставьте золото!

— Господин Громов, — заговорил один из игроков, — на кой черт вам золото на Чукотке? Там, говорят, этого металла столько, что его запросто гребут из речного песка.

— И меха! — вступил в разговор третий игрок. — Горы лучших в мире, самых дешевых мехов...

Пароход «Томск» уже три недели как вышел из Владивостока. По ночам северный ветер пригонял туман и промозглую морось — смесь холодного воздуха и мельчайших капелек воды. Влага оседала на же-

---

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 10 с. г.

лезной палубе, на вентиляционных трубах, на свернутых канатах, на толстых звеньях якорной цепи.

Вместе с начальником Чукотского уездного правления Громовым, представителем власти «верховного правителя» Сибири адмирала Колчака, на пароходе плыли его секретарь Толстихин, мировой судья Суздальев — длиннолицый, в пенсне человек, начальник колчаковской милиции — узкоглазый, с жесткими усами Струков и десять милиционеров.

Поначалу они составляли среди пассажиров обособленную кучку, но по мере продвижения парохода на север, по мере того как сходили пассажиры на Сахалине, в Японии и в Петропавловске, выявлялась группа едущих на Чукотку. Теперь старались держаться вместе, выспрашивали друг у друга все, что знали о далеком крае, пересказывали слухи. Представители будущей чукотской власти с интересом присматривались к тем, кто ехал вместе с ними. Это была странная и непонятная публика. Большинство надеялось на легкую наживу в сказочно богатом крае и жадно вострило уши, когда речь заходила о мехах и золоте.

Александр Булатов, скользя руками по мокрым поручням, быстро сбежал по трапу, уселся на подсохшую на солнце крышку трюма и принялся свертывать сигарку. Он старался сыпать махорку бережно, защищая каждую крупинку от порывистого морского ветра. С другой стороны на крышке сидели двое. Одного — невысокого, черноволосого, с живыми глазами — Булатов заприметил с первого же дня, когда сажались на пароход во Владивостоке. Что-то было знакомое в его лице. Решив, что они встречались где-нибудь в Светлановской или на Первой речке, Александр быстро познакомился с ним. Сергей Евстафьевич Безруков направлялся в Ново-Мариинск кладовщиком в продовольственный склад.

В тихие ночи Булатов выходил из душного твиндека на палубу и подолгу смотрел на светлый след, тянущийся за кормой до самого ночного горизонта. Под ударами винта потревоженная морская вода светилась, будто вспыхивала невидимым, внутренним огнем. Булатов спросил о странном свечении у вахтенного матроса, но тот буркнул что-то невразумительное.

В этой светящейся темноте, в неопределенном пространстве между небом и водой вспоминалась прошлая жизнь.

Деревня Заходы Смоленской губернии... Бедная изба и ежедневный труд на клочке земли, которая родила плохо и скудно, сколько ни поливай ее потом. Хлеба до нового урожая не хватало, и ранней весной ребятишки уходили в лес, проваливаясь в подтаявший снег, искали съедобные корни, прошлогодние орехи, птичьи гнезда. Девятилетним Саша Булатов пошел внаем к сельскому богатеему. Пас коров и коней, исполнял всю сельскую работу. Зимой урывками бегал в школу. Грамота далась легко — может, оттого, что уж очень велико было нетерпение узнать, что написано в книгах.

В солдаты шел охотно — хотелось побольше повидать. Впервые увидел море — Балтийское. Оно было совсем не такое, как в бабушкиных сказках, не синее с волнами вышиной с гору. Служба проходила в крепостной артиллерии на берегу Финского залива. Земля у здешнего народа была куда скуднее против смоленской, но финны упорно копались в ней и ухитрялись среди валунов и мха выращивать крупную картошку, которую и продавали местному гарнизону. По берегу моря паслись упитанные, медлительные, как сами хозяева, коровы.

Стоя на часах у тихого, словно умершего моря, Булатов вспоминал родную деревню, которая отсюда казалась такой милой и прекрасной, что сердце щемило.

С какой радостью ехал он домой после действительной!

Думал хорошенько поработать на земле, жениться... Но ничего не успел. В конце лета четырнадцатого года его снова мобилизовали. Началась германская. В пятнадцатом попал в плен к немцам. Везли в закрытых вагонах через всю Европу. Привезли на шахты. Рубил уголь и высматривал — куда и как сподручнее бежать. Подговорил товарищей, таких же, как и он, русских военнопленных. Во Франции его товарищи вступили в Русский экспедиционный корпус, а Саша Булатов нанялся матросом на французское судно, чтобы возвратиться в Россию через Владивосток. Во Владивостоке впервые узнал о событиях в России, о революции и Петроградском Совете. Отчаянно рвался домой, но дорога через Сибирь была закрыта. Оставался единственный путь — через Америку...

За мысом Наварина по левому борту потянулись чукотские берега, больше желтые с синевой, голые и неприютные. Ни одной человеческой души не угадывалось там, хотя иные бухты и заливы казались уютными для жилья.

Поражало обилие морской живности. То и дело по курсу корабля взметывались китовые фонтаны, и не раз бывало так, что пароход шел посреди огромного китового стада. У берега кишели словно отделанные полированной слоновой костью белухи, то и дело выныривали нерпы и черными печальными глазами провожали проходящий корабль. Птичья стаи бесконечной полосой тянулись по горизонту, висели пылью над морской далью, носились низко над водой, шлепая по волнам крыльями и смешно вытягивая красные лапы при взлете...

Безруков выплеснул из зеленой эмалированной кружки остаток чая, налил свежего и пододвинул Булатову хлеб и жестянку с сахаром:

— Пей.

— Спасибо,— с благодарной улыбкой ответил Булатов и погасил окурки.

И Безруков и Хваан были немногословны и всегда трезвы в отличие от окружения Громова. Дмитрия Хваана присмотрел начальник милицейского управления Струков и подговаривал пойти к нему служить.

— Не думаю, чтобы тебе в эту навигацию удалось перебраться на американский берег,— с сомнением сказал Безруков Булатову.— Сейчас уже осень, и американские шхуны ушли от берегов Чукотки.

— Я смотрел по карте,— ответил Булатов.— Берингов пролив совсем не широк. Верст сто. Да еще два острова посередине. Зимой прихватит льдом — запросто можно перейти.

— Точно! Морозы здесь крепкие, говорят, даже реки до дна замерзают,— поддержал Дмитрий Хваан.

— В августе — и такая холодина,— зябко запахивая бушлат, сказал Безруков.— А не страшно через Америку-то?

— Мне не страшно,— пожал плечами Булатов.— Где я только не был! С пятнадцатого года добираюсь до дому — через Францию, вокруг Африки, Сингапур, Шанхай... Навоевался я — вот! — Булатов полоснул себя по горлу ребром ладони.— И неизвестно, за что и за кого!.. Домой охота!.. Буду крестьянствовать. Мне бы на пароход наняться, который в Европу идет, а еще лучше в Швецию, Норвегию или в Финляндию.

— А сам-то родом откуда? — спросил Хваан.

— Смоленский я...

— Ну, смоленские всегда домой доберутся, хоть с луны,— засмеялся Безруков.— А кто тебя там ждет? Небось невеста?

— Не успел невесту завести,— ответил Булатов.— Родители там у меня, братья, сестры да хозяйство... Старикам уже тяжело. К тому же, говорят, землицы добавили крестьянам.

— Там Советы,— задумчиво сказал Безруков.— Они насчет земли — строго: кто работает, тот и землей владеет.

— А разве это не справедливо? — поднял голову Булатов.

— Оно-то справедливо для крестьян,— ответил Безруков.— А помещик-то по-иному мыслит...

— С помещиками у нас особый разговор,— мрачно заметил Булатов.

Хваан поднял жестяной чайник и разлил остатки чая: пресной воды на судне оставалось уже немного и ее выдавали строго по норме — два литра на человека в день.

Вообще с продуктами на пароходе стало скуднее: исчезло мясо и свежий хлеб — его пекли только для команды. Лишь изредка выдавали страшно пахучую солонину и такую соленую рыбу, что, прежде чем есть, ее надо было вымачивать несколько дней в пресной воде.

Ново-Мариинск упоминался уже как желанный и вожделенный край. Говорили об оленьем мясе, о тучных стадах, которые бродят между домами,— бери и режь, о богатой рыбалке, о нерестилищах, где кета так густо идет, что ее можно лопатами черпать.

— В Ново-Мариинске задерживаться не думаешь? — еще раз спросил Безруков.

— А что я там оставил, в этом Ново-Мариинске? — усмехнулся Булатов.— Чужое для меня место.

— Как же чужое — Россия все же,— заметил Хваан.

— Для меня Россия — моя Смоленщина.

— Каждый так будет рассуждать, что же получится? — Сощурившись, Безруков посмотрел на Булатова.

— А уже получилось, чего тут гадать! — зло произнес Булатов.— Колчак и белочехи Сибирь захватили, американцы и японцы — Дальний Восток... Сказывают, что и в Чите новое правительство объявилось.

— Приедешь в Смоленск, а там — немцы! — сказал Хваан.

Булатов испуганно посмотрел на него:

— Это правда? Откуда ты знаешь?

Хваан пожал плечами:

— Вот такие, как ты, рассуждают: это мое, а до остальных мне дела нет, а Россию и растаскивают все кому не лень...

— А что я могу поделать? — рассердился Булатов.— Мне бы только домой добраться.

У входа в Анадырский лиман сторожевым зверем лежал остров Алюмка. Булатов стоял на носу корабля рядом с Безруковым и Хвааном, стараясь издали разглядеть столицу Анадырского края. «Томск» медленно входил в воды лимана, серо-коричневые, пересекаемые во всех направлениях белыми спинами белух, гонящихся за рыбными косяками.

На низких берегах вдали синели горы, за мысом виднелись ажурные мачты радиостанции.

Вглядевшись в берег, Булатов показал вперед:

— Вон домишки! Видите?

Да, столица Анадырского уезда с морской стороны выглядела довольно жалко. Пассажиры, сгрудившись у борта, молча смотрели на берег.

«Томск» втягивался в Анадырский лиман, используя приливное

течение. Из дымовой трубы несколько раз вырывался хрипый гудок, и белый пар растворялся в небе.

Было солнечно и ветрено.

Булатов поднял воротник бушлата.

— Ну, как она тебе, чукотская земля? — весело спросил его Безруков, хлопнув парня по плечу.

— Одно только скажу — не завидую вам, — ответил Булатов.

— Оно верно, — согласно кивнул Безруков. — Невеселая земля.

Домишки уже можно было разглядеть подробнее. На берегу за небольшим кладбищем с покосившимися крестами стояло несколько яранг, сначала показавшихся Булатову стогами сена. Чуть далее — приземистые длинные строения, покрытые гофрированным железом. А уже за ними, в глубине берега, были разбросаны небольшие домишки с торчащими высоко трубами. Над всем возвышались мачты радиостанции.

— Дикость вокруг, а радио есть! — удивился Булатов.

— А что, твоя деревня поболее будет? — поддразнил Хваан Булатова.

— Моя деревня не больше, но она моя, — ответил Булатов. — И не на лысине земной стоит...

Он отошел в сторону.

Безруков посмотрел ему вслед.

— Кого-то там оставил для нас Каширин, — задумчиво произнес он.

— Может, придется все заново начинать, — отозвался Хваан.

— Ну что же, — вздохнул Безруков. — Не впервые...

С берега на черном кунгасе, буксируемом пыхтящим от натуги катером, плыли люди. Все они, задрав головы, смотрели вверх, стараясь отыскать среди приезжих кого-нибудь из знакомых.

С борта спустили веревочный трап, и анадырцы, цепляясь за скользкую веревку, поднялись наверх.

Поближе к трапу подошел Громов. На нем был мундир царского офицера с золочеными пуговицами. В военную форму обрядились и Струков и вся его милицейская команда.

Перед ними вытянулись прибывшие на пароход члены ново-мариинского Комитета общественного спасения.

— Мы рады вас приветствовать в столице Чукотского уезда Ново-Мариинске, — учтиво произнес один из них, рыжеватый господин в черном пальто с маленьким бархатным воротником.

Громов представил своего секретаря Толстихина, мирового судью Суздалева и начальника милиции Струкова.

Багаж пассажиров уже был уложен в грузовую сеть и лебедочной стрелой опущен за борт в кунгас. Туда же были уложены и нехитрые пожитки Булатова и его спутников — Безрукова и Хваана.

Берег приближался, а позади, на рейде Анадырского лимана, оставался «Томск». Булатов вглядывался в толпу встречающих. При всей разношерстности собравшихся на берегу людей что-то в них было общее. То ли серая, засаленная одежда и меховые шапки, несмотря на довольно теплую погоду. То ли выражение лиц... В них было нескрываемое любопытство, не утоленная еще после долгой полярной зимы жажда по новым лицам, голосам, новостям.

В стороне стояла молодая чукчанка в коротком, тесно облегающем полные плечи черном жакете. Черные волосы выбивались из-под цветного платка, обрамляя смуглое миловидное лицо.

Катер лихо подвел к берегу широкую корму кунгаса.

Пока прилаживали дощатый трап и анадырское начальство первым сходило на берег, Булатов с разинутым ртом наблюдал, как по-

жилой анадырец вытягивал из воды сеть, унизанную огромными жирными рыбинами.

— Кета,— сказал Безруков, тоже наблюдавший за рыбаком.

— Значит, и впрямь здесь рыбка есть,— заметил Булатов.— А где олени?

— Олени в тундре пасутся и ждут тебя,— весело сказал Хваан, перебрасывая через плечо вещевой мешок.

На берег сошли вместе и остановились чуть поодаль от толпы, сомкнувшейся вокруг представителей новой власти.

Изредка из-за спин мелькало лицо девушки с любопытными черными глазами, и Булатов против воли несколько раз поглядывал на нее.

— Что будем делать? — спросил он товарищей.— Есть тут заезжий дом какой-нибудь или бординг-хауз?

— Яранга тебе бординг-хауз,— засмеялся Безруков.— Давай спросим, где тут живет Аренс Волтер, знакомый один.

Он шагнул к толпе, и ближайшей оказалась примеченная Булатовым девушка.

— Скажи-ка, красавица, где тут живет Аренс Волтер? — учтиво обратился к ней Безруков.

Девушка подняла глаза, встретилась взглядом с Булатовым и смущенно прикрыла лицо концом рукава.

— Да ты что, не понимаешь? — громче спросил девушку Безруков.

— Понимаю, понимаю,— с легким акцентом ответила девушка.— Он не живет...

— Как не живет? — упавшим голосом спросил Безруков.— Уехал, что ли?

— Вон стоит.— Девушка показала на светловолосого мужчину в высоких резиновых сапогах.

Безруков пошел к нему.

Представители власти в сопровождении встречавших медленно направились к зданию уездного правления. Процессию сопровождали любопытствующие собаки.

За всем этим издали наблюдали несколько оборванцев с темными, почти черными лицами.

— Аренс Волтер,— познакомил Безруков, подведя светловолосого мужчину в высоких резиновых сапогах.

— А те кто такие? — спросил Булатов, кивнув в сторону оборванцев.

— Местные жители,— ответил Волтер.— Чукчи... Эй, Иван! Куркутский!

Человек походил на русского.

— Здравствуйте, добрые молодцы,— поздоровался он.— Доспели, мольч, до Анадыря-то? Ну, ну, живите тут...

— У Михаила изба как? — спросил его Волтер.

— Пустует, оннак,— ответил Куркутский.— Можно там жить, только печку поправить.

— Печку поправим,— сказал Волтер.

Изва Михаила Куркутского встретила гостей пустотой и сыростью: хозяин жил у старшего брата, а в свое жилище складывал всякую ненужную рыбацью рухлядь.

Аренс Волтер по-хозяйски оглядел жилище, потрогал расшатавшиеся кирпичи в плите, ковырнул пальцем растрескавшуюся замазку на крохотном закопченном оконце и удовлетворенно произнес:

— Ничего, починим. Зимовать можно.

Булатов осмотрелся и сказал:

— Ну, я зимовать тут не буду.

Аренс Волтер удивленно посмотрел на него.

— Он у нас в Америку собирается, а оттуда на Смоленщину,— с улыбкой пояснил Хваан.

— Какой дорогой? — спросил Волтер.

— Попутным судном или зимой по льду...

Волтер посмотрел на парня и, убедившись, что тот говорит вполне серьезно, сказал:

— Американской шхуны в эту навигацию больше не будет. Знают о том, что царя больше нет, и выжидают... Зимой перейти Берингов пролив невозможно.

— А что же делать? — растерянно спросил Булатов.

— Возвращаться на пароход, пока не поздно, или же готовиться зимовать здесь,— посоветовал Безруков.

Булатов молча вышел из комнаты.

Каждого из этих людей в Ново-Мариинске хорошо знали: поселение небольшое и всяк на виду. Трудно соединить их вместе даже мысленно. Но здесь они сидели тесно, в крохотной комнатке, и внимательно слушали Сергея Безрукова.

Пришли коренные анадырские жители, рабочие рыбных промыслов и торговых фирм. Василий Бучек — кряжистый, по всему виду, сильный мужик; с живым пытливым взглядом Сергей Гринчук; его товарищ — аккуратный широколицый Владимир Клецин; один из помощников радиста, тихий и застенчивый Василий Титов; моторист катеров уездного правления Игнат Фесенко; Николай Кулиновский и Михаил Куркутский. Всех их когда-то собрал вокруг себя Петр Каширин.

— Товарищи! Красная Армия Советской республики движется на восток. Партизанская война разгорается как лесной пожар. Мы, как искры революции, должны зажечь массы далекого Севера и поднять их на борьбу за власть пролетариата. Сложность нашей работы в том, что нас немного. Широкие массы туземного населения пребывают в темноте и невежестве. Предстоит гигантская работа. Надо искать сочувствующих, привлекать их к нашей борьбе... Петр Васильевич Каширин направлен в Якутию, а нас партия послала сюда...

Милюнэ еще никогда не переживала такой суматохи. Сначала было решено устроить торжественный прием у Трневых, но всем гостям в доме не поместиться, поэтому перенесли угощение и напитки в здание уездного правления, заняв столы присутственного зала.

Каждый значительный человек Ново-Мариинска желал попасть на это сборище, и дверь в доме Трнева не закрывалась, хотя каждого просителя Иван Архипович вразумлял:

— Господа, не я устраиваю прием, а общественность Ново-Мариинска. Потрудитесь обратиться в уездное правление.

— Иван Архипыч, вы уж как-нибудь там замолвите словечко... Все же не последние люди в Ново-Мариинске...

Агриппина Зиновьевна на этот раз превзошла себя. Глянув на нее, Иван Архипович не сдержался и крякнул.

А Милюнэ всплеснула руками и искренне воскликнула:

— Какая вы красивая, Агриппина Зиновьевна!

На лицо был положен весь грим, сберегаемый долгие годы. Брови и ресницы подчеркнуты. Щеки слегка подрумянены и обсыпаны тончайшей китайской пудрой из большой коробки, хранящейся в заветном ларце. Агриппина Зиновьевна надела гладкое черное шелковое платье, а на плечи накинула палантин из отборных королевских гор-

ностаев. Снежной белизны мех красиво оттенял черный блеск шелка тангитанской женщины.

Иван Архипович тоже приоделся — во все черное, только рубашка была ослепительно белая, Милюнэ постаралась накрахмалить и отгладить так воротник, что он стал жесткий, словно не матерчатый, а из перпичей мандарки лучшей выделки.

Когда Агриппина Зиновьевна и Иван Архипович проходили по улице Ново-Мариинска, анадырцы выглядывали из домишек и перешептывались, а чумазные ребятишки пальцами показывали.

Милюнэ шла чуть поодаль и сбоку, любуясь своими хозяевами и в душе гордясь за них.

Ей хотелось похвастаться, что и она тоже приложила руки к этим нарядам: большим железным ковчегом, наполненным углями, водила по влажной ткани, и пар вырывался из-под плотно прижатого железа.

За церковью, где Тренева повернули к устью лимана, к уездному правлению, Милюнэ присоединилась к толпе наблюдающих.

Медленно проществовал Сооне-сан. Прошел Бессекерский с граммофоном и пластинками. Следом семенил Ермачков, помогая тащить трубу.

— Танцовать будут, ежели доспеют! — возбужденно сказал Ермачков, обращаясь к Волтеру. — Хороша музыка в ящике!

Бессекерский приносил свой граммофон в дом Тренева, и Милюнэ слышала удивительную музыку. Она поначалу подумала, что внутри ящика сидят маленькие человечки. Бессекерский дал поглядеть внутрь, сняв крышку. Но там, кроме колесиков и пружины, больше ничего не было. Это разочаровало Милюнэ, и она решила, что сам торговец толком не знает, откуда рождается музыка в волшебном ящике.

Милюнэ побежала к дому уездного правления, куда направлялись любопытные.

Она встала коленями на завалинку и прильнула к стеклу. Поначалу ничего не было видно — на улице слишком светло и глазам надо было привыкнуть к полутьме внутреннего освещения.

В самой большой комнате правления, освещенной висячими керосиновыми лампами, говорил новый начальник уезда. Речь его была долгая и, наверное, очень важная, потому что все стояли и терпеливо держали в руках наполненные до краев стаканы и рюмки...

— Господа! — Голос у Громова был басовитый, несколько хрипловатый, словно он долго ехал по морозу на нарте. — Господа! Мы прибыли сюда для спасения России. Наша любезная родина оказалась во власти узурпаторов, анархистов и попросту разбойников во главе с немецким шпионом Лениным. Пользуясь темнотой и невежеством низших слоев российского общества, он поднял восстание и захватил власть, оккупировав Петроград и Москву. Но, господа, лучшие сыны России не могут отдать на поругание дорожную родину! История призвала на поле брани представителей истинного российского дворянства. Вместе с историей на нашей стороне разумные и благожелательные силы Америки, Англии и Японии. Благодаря их бескорыстной помощи большевики не захватили Дальний Восток. Верховный правитель России адмирал Колчак, божьей милостью поставленный у власти, полон решимости освободить Россию от большевиков, вернуть награбленное истинным хозяевам, защитить церковь от поругания и разорения. Да здравствует адмирал Колчак и наши доблестные союзники!..

Раздалось глухое «ура», и стекла слегка вздрогнули.

Милюнэ, стоя на завалинке, старалась увидеть своих хозяев и

нашла их совсем недалеко от главного стола, за которым теперь восседал новый начальник...

Говорили речи и жители Ново-Мариинска.

Первым взял слово Бессекерский. После зимнего путешествия он заметно переменился, стал каким-то жестким, словно выморозил остатки души на чукотском холоде.

— Господа! Мы слишком долго либеральничали и играли в демократию. Создавали мертворожденные комитеты, пытались даже туземцев ввести в уездное правление. Теперь этой анархии конец. Да здравствует твердая власть адмирала Колчака и его представителя на Чукотке господина Громова!

После каждой речи слышалось глухое «ура» и все как по невидимому знаку опрокидывали полные стаканы в рот. Такого всеобщего поглощения дурной веселящей воды Милюнэ еще никогда не видела, и любопытство было так велико, что многое бы отдала, чтобы очутиться внутри.

— Эй, баба! — услышала она сзади.

На крыльце стоял один из милиционеров в сером мундире. Он держал винтовку и с любопытством посматривал на Милюнэ.

— Ну что, интересно?

Милюнэ молча кивнула.

— Хочешь поглазеть?

— Хочу, — добродушно ответила Милюнэ.

— Тогда иди за мной и помоги.

Милиционер спустился на берег, где на костре в большом ведре варилась уха. Поддев палкой раскаленную дужку, вдвоем понесли ведро в уездное правление.

Войдя внутрь, Милюнэ очутилась в табачном тумане, пропитанном густым запахом дурной веселящей воды, пота и какой-то прелой кожи. На столе уже были расставлены тарелки, и Бессекерский собственноручно принялся наливать Громову уху, приговаривая:

— Попробуйте нашей анадырской юшки! Такой золотой ухи вы нигде еще не пробовали!

Милицейские чины, сидящие за отдельным столом, черпали ложками красную икру, заскорузлыми пальцами рвали малосольные сосисы пупки.

Милюнэ помогла разлить уху по тарелкам и отошла в сторонку, радуясь, что удалось проникнуть на самый тангитанский праздник: будет что порассказать Тымнэро и Тынатваль.

После ухи подавали олени котлеты и жареных уток.

Заиграл поставленный на железный сейф граммофон, и музыка заставила умолкнуть пирующих.

Громов вытащил из ухи ложку и принялся дирижировать.

— Дамы приглашают кавалеров!

При этих словах Агриппина Зиновьевна решительно встала, повела плечами, поправляя горностаевый палантин, и устремилась к Громову.

— Позвольте, господин Громов!

Громов положил ложку, одернул мундир, вытер тыльной стороной ладони усы и тяжело вывалился из-за стола.

Все расступились, образовав свободное пространство посреди комнаты. Держа одной рукой ладонь Агриппины Зиновьевны, а другую положив на то место, где у хозяйки начиналась округлость, Громов повел даму, вальсируя среди пораженных анадырцев.

Сдержанный шепот восхищения пронесся над столом.

Милюнэ застыла в изумлении — Агриппина Зиновьевна и Громов двигались в удивительном согласии с музыкой. Все грузное тело жен-

щины от полных ног до плеч вздрагивало в такт ритмичным ударам. Пара кружилась, словно привязанная невидимой веревкой к невидимому столбу, и казалась одним целым, как если бы мужчина и женщина силой музыки приросли друг к другу.

Милюнэ перевела взгляд на Тренева. Иван Архипович смотрел на жену, и лицо его как-то странно скривилось, будто у него неожиданно заболел зуб.

А тем временем Громов все плотнее и плотнее прикипал к Агриппине Зиновьевне. Когда он оказался лицом к Милюнэ, она увидела, что новый начальник даже закрыл глаза от удовольствия и чуть открыл рот.

Никто сначала не понял, что случилось. Музыка тонко взвизгнула, будто кто-то прижал хвост ненароком забредшей собаке. Наступила тишина, и в этой тишине отчетливо послышался голос Тренева:

— Агриппина Зиновьевна!

Он встал из-за стола и решительно шагнул к танцующим. Взяв за руку жену, он оторвал ее от оторопевшего Громова и строго произнес:

— Довольно, Груша, пора домой.

Агриппина Зиновьевна растерянно озиралась, будто только что проснулась.

— Господа,— произнес пришедший в себя Громов,— я не понимаю... Что это может значить?

— А то, господин Громов,— выпятил тощую грудь Тренив,— что нам с женой пора домой.

— Ваня, Ванечка,— пыталась что-то сказать Агриппина Зиновьевна, но Тренив не слушал ее и изо всех сил тащил за собой.

Возле дверей Тренив увидел Милюнэ и сердито крикнул ей:

— И ты тоже иди домой!

Милюнэ послушно поплелась вслед за хозяевами, которые молча почти бегом шли по единственной, пыльной, летней улице Ново-Мариинска.

Аренс Волтер закрыл дверь, вернулся в домик и сказал собравшимся:

— Никого.

— А что собака лаяла? — настороженно спросил Михаил Куркутский.

— Тренив с женой и Маша бежали! — ответил Волтер.— Почему бежали домой?..

Безруков подумал и спросил:

— А как насчет Милюнэ? Она бы нам очень подошла. Живет в доме у Тренева, а к нему, похоже, сходятся многие нити. Знает чукотский и русский и сама представительница местного населения.— Он оглядел присутствующих.— Что ты скажешь, Куркутский?

— Все же она баба!

— Ну что ты, товарищ Куркутский! — укоризненно заметил Безруков.— В революции для нас нет ни баб, ни мужиков — товарищи.

— В том и загвоздка, что товарищем ее не назовешь. Больно красива,— вздохнул Куркутский.

Безруков засмеялся:

— А что в этом плохого? Революция приветствует красоту. Тебе, Куркутский, подпольная большевистская группа дает задание — выявить политическое лицо и пригодность для нашего дела чукчи Тымнэро и служанки Тренивых Маша.. Задача ясна, товарищ Куркутский?

— Ясна,— вздохнул Михаил.

— Второе,— продолжал Безруков.— Оружие и боеприпасы. Как насчет этого, товарищ Волтер?

— Мы имеем шесть револьверов системы «браунинг» с комплектом патронов,— перечислял Аренс,— пять винтовок русских тоже с патронами, три охотничьих ружья.

— Если возникнет необходимость, где еще можно достать оружие?

— У Бессекерского склад полон оружия,— сказал Михаил Куркутский.— Мой брат с Тымнэро работал у него, перекладывал ящики. И еще известно — он ездил по побережью, пытался продавать оружие, но товар почти весь пришлось привезти обратно.

— Ближайшая задача — выявить людей, которые могут войти в нашу боевую подпольную группу,— сказал Безруков.— Для этого надо побывать на угольных коях, в ярангах местных жителей...

— А как быть с другими населенными пунктами? — спросил Владимир Клецин.

— Пока туда нет надобности ехать,— немного подумав, сказал Безруков.— Вот когда мы возьмем власть здесь, в Ново-Мариинске, тогда можно и отправляться с добрыми вестями... А пока, товарищи, за работу!

Кто-то завозился у дверей.

В комнату вошел Александр Булатов, пытливо оглядел собравшихся и сказал:

— Что сидите в духотище да в табачном дыму? На улице такая благодать!

— И верно! — весело ответил Дмитрий Хваан.— Чего мы тут киснем?

Гурьбой потянулись из домика и спустились к лиману, где в ровном свете белой ночи рыбаки возились возле ставных сетей.

Напротив уездного правления догорал костер, и оттуда явственно несло густым запахом свежей ухи.

— Благодатная река,— задумчиво произнес Сергей Безруков, глядя, как старик тащил короткую ставную сеть.

— Я тут услышал — ждут японский пароход. Жена Громова на нем едет,— сказал Булатов.— Может, на этом пароходе удастся перемахнуть на тот берег?

— Ну что же,— подумав, ответил Безруков.— Вольному воля... Только сомневаюсь, что ты доберешься до родной Смоленщины.

— Почему? — вскинулся Булатов.

— Все же через чужую землю без денег, без знакомых...

— Но добрался же я сюда,— возразил Булатов.

— Сюда-то добрался,— согласно кивнул Безруков.— А что собираешься делать у себя в деревне?

— Работать,— твердо ответил Булатов.— Говорят, землю дали... А у меня вон — видите мои руки? Уж сколько лет я не брал теплой, весенней земли. Соскучился.

— А ты уверен, что землю дали? — спросил Безруков, свертывая самокрутку.

— Так по всей же России! — ответил с жаром Булатов.

— А вот и нет,— сухо заметил Безруков.— Адмирал Колчак, верховный правитель Сибири, с помощью своих союзников возвращает власть помещиков и капиталистов. Никаких раздач земли и фабрик крестьянам и рабочим. Вот он установит власть на Дальнем Востоке, укрепит в Сибири, а потом двинет и на Центральную Россию, на твою Смоленщину...

Булатов растерянно посмотрел на Безрукова и забормотал:

— Нет, нет, не может такого быть... Разве можно? За что же боролись, кровь проливали? Не-ет, да разве мужик запросто отдаст землю, если он ее получил?

— Его и спрашивать не будут,— вступил в разговор молчавший до этого Хваан,— силой возьмут, и все.

— Так и силой можно не отдать! — сердито сказал Булатов.

— Как это? — с интересом спросил Безруков.

— А так! — убежденно произнес Булатов.— Не позволят. Не может быть. Да я слышал еще в Германии в плену, во Владивостоке: есть такая партия — большевики. Во главе с Лениным. Они за бедного человека, за простого рабочего. И армия у них есть. А уж если мужик встанет, так встанет стеной. Нас все же поболее, нежели помещиков...

— А мобилизуют? — спросил Хваан.

— Я же не дался,— с усмешкой ответил Булатов.— Я ведь почему из Владивостока уехал? Чтобы колчаковцы меня в свою армию не взяли.

— Не все же такие сообразительные, как ты,— заметил Безруков.

— Не все, но многие, будьте уверены!

Хваан с Безруковым переглянулись.

Старик выпростал пойманную рыбу из ячей, сложил добычу в жестяной таз и длинной палкой снова вытолкнул снасть в спокойную гладь Анадырского лимана.

— А почему бы нам не купить рыбы да не попробовать здешней ухи? — предложил Хваан.

Он подошел к старику и выторговал у него две большие рыбины. Вернувшись домой, затопили печь и занялись стряпней.

Булатов с видимым удовольствием разделявал рыбу. Он вывалил на чистую доску икру и спросил:

— А с этим что будем делать?

— А мы ее мигом засолим,— весело отозвался Михаил Куркутский.

Он взял кусок марли и принялся протирать сквозь нее икру в небольшой эмалированный тазик. Икринки отделялись друг от друга и словно ягодки падали, покрывая дно миски сплошным красным пятном. Затем Куркутский сделал рассол и вылил его в икру. Слегка помешав, он сказал:

— Через пять минут икра будет готова.

И вправду, пока варили уху и собирали на стол, икра была готова и ее можно было есть с хлебом. Уха тоже оказалась сытной и вкусной.

Безруков внимательно наблюдал, как ел Булатов. Он черпал ложкой неспешно, глубоко, а потом, подставив кусок хлеба под ложку, осторожно нес ее ко рту, стараясь не уронить ни капли. Ложка у Булатова по солдатской привычке была своя, и он носил ее всегда за голенищем сапога. После еды Булатов аккуратно обтер ложку и засунул на место.

— Что вы так на меня глядите? — спросил Булатов, заметив особое внимание Безрукова.

— Да вот гляжу,— не сразу ответил Безруков.— Хороший должен быть из тебя хозяин.

— Ну, это еще неизвестно,— скромно ответил Булатов.— Почитай, я по-настоящему и не хозяйствовал. Только жениться собрался — в армию взяла, **возвернулся** — война началась... Потом плен и вот это...

— Да, выходит, ты и пожить-то как следует не успел...

— Это точно. И не начинал, только собирался,— вздохнула Булатов.

Ему нравился Безруков. Что-то в нем было обстоятельное, твердое, хотя на вид Сергей Евстафьевич был щупловат и черняв. Уважали его и, похоже, во всем ему подчинялись не только его спутники по пароходу «Томск», но и новые, анадырские знакомые. Иногда Булатову чудилось, что Безруков всех их давно знает или связан с ними каким-то тайным братством.

Но такие догадки приходили в голову Булатову мимоходом, во время размышлений о дороге на родину через неведомую еще Америку.

А если и впрямь дороги не будет через Берингов пролив? Значит, надо чем-то заниматься, устраиваться на работу...

Милюнэ пришла в ярангу Тымнэро и уселась у горящего костра. Вышростала из узелка гостинцы для девочки и обломок кирпичного чая.

— Кыкэ — русский чай! — с радостью заметила Тынатваль.

— На пароходе привезли,— ответила Милюнэ.— Товар мой хозяин получил.

— На шкурки менять будет? — поинтересовался Тымнэро.

— Не до шкурок ему,— ответила Милюнэ.

— А чего? — Тымнэро отложил каменное точило, которым полировал лезвие охотничьего ножа.

— Такое случилось! — Милюнэ отхлебнула из блюдца свежезаваренного черного чаю.— Не хочет отдавать свою жену новому начальству.

Милюнэ для Тымнэро стала как бы окошком в мир тангитанов. Оттуда нескончаемым потоком шли самые причудливые новости.

— Хотел, что ль, взять начальник твою хозяйку? — спросил Тымнэро.

— Хотел, еще как хотел, даже глаза закрывал,— с жаром произнесла Милюнэ.— Прильнул к ней, будто вдруг детенышем стал, закрыл глаза... Танцевал с ней. Ну Архипыч и заметил это. Взял за руку жену и оторвал от начальника.

— Кыкэ вынэ вай! — с ужасом произнесла Тынатваль.— Как же он посмел? От начальника, да еще нового. Говорят, у него золотые наплечники, как у Армагиргина?

— Ии,— кивнула в знак согласия Милюнэ.— Оторвал и потащил. И меня заодно прихватил. Такой сердитый был, никогда я его таким не видела... Пришли домой, и тут вся смелость его и покинула. Встал он перед своей женой, а та вся красная. Внутри бурлила, вот-вот лопнет...

Милюнэ замолкла, еще раз хлебнула чаю. Даже девочка притихла, захваченная рассказом Милюнэ.

— Мне сначала и показалось, что она лопнула,— продолжала Милюнэ.— Такой был звук. Это она так ударила своего мужа. Большой своей жирной ладонью по щеке. Да так сильно, что вся рука отпечаталась на лице Архипыча...

— А что он? — нетерпеливо спросил Тымнэро.

— Он-то? Он ничего. Слегка пошатнулся, но ничего не сказал. Повернулся и пошел в комнату. И там рухнул на постель.

— Какая безжалостная она! — заметила Тынатваль.

— Ии,— согласилась Милюнэ.— Села она в своем красивом платье на стул поодаль от постели и в окно стала глядеть... Только будто пар из нее сразу вышел, потому что бледная очень, я даже испугалась. Потом увидела я — плачет...

— Так ей и надо, как же бить мужа? — с недоумением заметила Тынатваль, искоса глянув на своего Тымнэро.

— Да не она, а сам Архипыч заплакал, — понизив голос, сообщила Милюнэ.

— Кыкэ вынэ вай! — в ужасе воскликнула Тынатваль.

— Какомэй, — тихо произнес потрясенный Тымнэро. — Довела, значит.

— Ии, — поддакнула Милюнэ. — Мне его жалко стало.

— Конечно, жалко, — согласилась Тынатваль.

— Самое интересное было потом, — прошептала Милюнэ. — Посидела Агриппина Зиновьевна на стуле, а потом как зарыдает, будто прорвало ее, как реку весной, и кинулась на своего Ванюшу и приникла к нему, как олененок. Обнялись они и так долго-долго плакали, пока не затихли и не уснули.

Милюнэ замолчала, выпила свой чай, шумно втянув остаток с блюда. Пораженные рассказом, Тынатваль и Тымнэро сидели, не говоря ни слова, пока мужчина не протянул:

— Значит, и у них переживания бывают...

— Да уж верно, — вздохнула Милюнэ. — Глядишь, глядишь на них, удивишься всяким их чудачествам, а потом такое сотворят — чисто лыгъоравэтльаны.

— Да, это у них есть, — согласился Тымнэро. — Вот мы с Куркутом возили торговца Писсекара... Казалось, большего тангитана трудно сыскать. С нами поначалу только криком! От собак не отличал. А померз в тундре, снегу наглotalся в пургу, да поспал в яранге, да Серо ему палец оттяпал на ноге — на настоящего человека стал похож. Правда, как вернулись в Ново-Мариинск, прежнюю гордость обрел. Идет и не видит тебя.

— Трудный народ, — сказала в заключение Милюнэ и прислушалась.

Кто-то приближался к яранге. Стены из кусков жести да обрезков фанеры были так тонки, что слышно было далеко. Особенно когда по топкой тундре шли, чавкая ногами меж кочек.

— Есть кто дома? — послышался голос.

— Ии, — испуганно ответил Тымнэро: а ну как услышали тангитаны нелестные про них рассуждения?

— Мы к тебе в гости, — весело произнес Михаил Куркутский, вваливаясь в чоттагин вместе с Аренсом Волтером и тремя новоприбывшими тангитанами.

— Амын етгык! — согласно обычаю приветствовал Тымнэро гостей и усадил на китовые позвонки да на бревно-изголовье.

Сергей Безруков, Дмитрий Хваан и третий их спутник, Александр Булатов, с нескрываемым любопытством озирались в яранге. Аренс Волтер с легкой усмешкой посматривал на них, а Михаил Куркутский, чувствуя неловкость за вторжение целой толпы незваных тангитанов, говорил нарочито весело и громко:

— Вот гости, значит, захотели познакомиться да поглядеть, как живет чукотский человек. Николь не были в яранге и любопытствуют... Так что ты, Тымнэро, не обижайся...

— Я не обижаюсь, — спокойно ответил Тымнэро. — Пусть глядят. Только вот нечем мне похвастаться перед ними.

— Да не на похвальбу они пришли к тебе, — успокоил Куркутский. — А познакомиться... Может, дружбу с тобой хотят затеять...

— Ну что ты глупости говоришь, Михаил? — вполголоса с укоризной заметила Милюнэ. — Где это видано, чтобы тангитан дружил с лыгъоравэтльаном?

— А Кассира, а вон Аренс — разве они не друзья местному человеку?

— Тебе и твоему брату, может быть, и друзья,— сказала Милюнэ.

— Зря ты такое говоришь.— Михаил Куркутский скосил глаза.— Глянь, как на тебя молодой-то смотрит...

— Я уже заметила,— краем глаза улыбнулась Милюнэ.— Будто женщины никогда не видал. Как еще на берегу увидел меня, так с тех пор и глядит.

— А может быть, у него к тебе любовь?

— Знаю, какова у тангитана любовь к чукчанке,— усмехнулась Милюнэ.— Мокрым ртом возить да языком лизать...

— Ну уж ты скажешь...

— Об чем разговор? Обо мне? — с любопытством спросил Булатов, догадавшись, что Куркутский и Милюнэ толкуют о чем-то, связанном с ним.

— Да нет,— соврал Куркутский.— Толкуем о рыбе.

— Хороша здесь рыба! — сказал Булатов, краснея.

— Хорошая,— согласилась девушка и опустила глаза.

Вроде бы глаза как глаза, чуть коричневые, как высохшая трава, но вдруг в этой траве мелькнет огонек, словно незагащенный костерок...

— Я никогда такой не видел.— с увлечением заговорил Булатов, обрадовавшись возможности поговорить с девушкой.— Мне она очень понравилась. Я уже пробовал икру и свежесоленые эти самые... брюшки.

— У нас их называют пупки,— поправил Куркутский.

— Очень мне понравились,— повторил Булатов.

Аренс Волтер рассказывал о житье в яранге, о назначении полога, кладовок по бокам.

— А у кочевых чукчей такие же жилища? — спросил Сергей Безруков.

— Разницы почти никакой,— вступил в разговор Михаил Куркутский.— Только ихняя яранга полегче, поменьше, чтобы возить на нарте и быстро собирать.

В пологе Тымнэро передняя стенка была приподнята и внутренность спального помещения хорошо видна — скатанные оленьи постели да три погашенных жирника. В летнее время Тынатвал всегда держала открытым полог, чтобы свежий воздух проветривал шкуры.

Безруков с Хвааном заглянули внутрь полога, переглянулись.

Тымнэро примечал их понимающие взгляды и улавливал мысль: ну как можно жить в таком жилище? Точно такое же выражение было у Бессекерского, когда в Уэлькале он впервые должен был войти в чукотское жилище. А потом не вытащить его было из полога. Как увидит издали ярангу после долгого пути, на лице появляется человеческое выражение и ледяные глаза добреют.

— Не видали никогда такого? — спросил Тымнэро.

Куркутский перевел.

Безруков помолчал и сказал:

— На земле много разных народов живет, и у каждого народа свой образ жизни. От этого и с интересом смотрим, что такого никогда не видали.

В ярангу вошел старший Куркутский.

— Вы тут не слышите — оннак карап идет с Алюмки... Похоже, японский пароход.

Все обитатели яранги высypали наружу.

Пароход был уже на внутреннем рейде Анадырского лимана.

— Ну вот, может, это твой корабль пришел,— сказал Безруков Булатову.

— Почему — мой?

— А вдруг он дальше на север плывет? Скорее всего это так,— ответил Безруков.

— Разве вы уезжаете? — спросила парня Милюнэ.

Булатов замешкался с ответом.

— Вам не понравился Ново-Мариинск? — продолжала Милюнэ.— Мы очень жалеть будем, если вы уедете далеко...

Милюнэ говорила, а Булатов краснел и смущался не в силах ответить на этот поток простых и откровенных слов.

— Оставайтесь у нас,— продолжала Милюнэ, удивляясь сама себе, откуда у нее вдруг такая смелость и эти слова.— Мы насолим вам пупков и икры на зиму, насушим юколы и балыков.— Милюнэ дотронулась до рукава Булатова.

— Я подумаю,— хрипло ответил Булатов и широко зашагал к морскому берегу.

Следом за ним двинулись и остальные тангитаны.

Ваня Куркутский удивленно сказал Милюнэ:

— Напугала ты, мольч, парня-то... Видала, как он dospел?

— И вправду, что это с тобой вдруг случилось, Милюнэ? — спросил Тымнэро.

А Милюнэ смотрела вслед уходящему тангитану.

Японский пароход разгружался.

Почти весь груз предназначался для Сооне, но кое-что судно доставило и для других торговцев. Похоже, что во Владивостоке налаживалась жизнь, возобновлялись старые связи. Пришли грузы и для Тренева, и он нанял Тымнэро переносить тюки и ящики в свой небольшой, но хорошо утепленный склад. Этот же пароход взял и пушнину, собранную за несколько лет и скопившуюся на складах новомариинских торговцев.

Сооне ходил по Ново-Мариинску именинником: мало того что центр Чукотского уезда снабдил японский пароход, но он еще и привез жену начальника уезда.

Простая на вид, полноватая женщина сошла на берег с кунгаса, и Громов, шагнув навстречу, широко обнял ее, крепко прижал к себе и впился поцелуем в губы. У нее было обиженное, серое, словно вылепленное из глины лицо, и Милюнэ удивлялась, что нашел в ней хорошего этот здоровенный тангитан, от которого даже на большом расстоянии пахло дурной веселящей водой.

Трнев сказал дома:

— Этот мужлан недолго продержится здесь. И вообще — я не верю в Колчака...

Это было неожиданно, потому что некоторое время назад Иван Архипович говорил другое.

— Колчак и все эти громовы — лишь средство вернуть России царя,— сказал в заключение Трнев.

Он больше не ходил в уездное правление и весьма решительно отклонил приглашение Громова явиться на пирушку, устраиваемую по поводу приезда жены. Он лег в постель, и Агриппина Зиновьевна положила ему на лоб смоченное уксусом полотенце. Этот запах для Милюнэ всегда связывался с пельменями, да и весь укутанный белыми простынями, с белым полотенцем на голове Иван Архипович походил на большую пельменину.

На рейде стоял пароход, собираясь отправляться в обратный путь к теплым морям.

А на вершинах Золотого хребта уже выпал снег.

Казачка обмелела и несла желтую тундровую воду, в которой плохо заваривался чай и часто попадались маленькие червячки. Такое случалось каждую осень, и кому было не лень, ходили за водой к холмам, меж которых лежали на вечной мерзлоте чистые озера, хранившие талую воду зимнего снега.

В траве созрела красная морошка, и Милюнэ ссыпала горсть за горстью в кожаный туесок. Иногда на склонах кочек, обращенных в южную сторону, попадалась голубика, а шикши было столько, что быстро чернели руки и подошвы торбасов покрывались ягодным соком.

Милюнэ старалась подальше обходить старинное тангитанское кладбище с огромными побелевшими деревянными крестами. Большинство из них имело домиком сделанный навес, под которым хорошилась крохотная иконка. Как-то мельком Милюнэ видела, как провозжали в последний путь тангитана. Сначала тангитана положили в ящик из хороших досок, прямо на свежие мягкие стружки. Руки его сложили так, чтобы он держал в руках свечу. В таком виде его понесли в церковь, где отец Михаил спел над ним погребальную песню и подымил из медного сосуда, в котором тлел пахучий мох. Милюнэ стояла у стены при входе в церковь и с замиранием сердца наблюдала моление. Но самое печальное было в самом погребении. Тымнэро наняли копать могилу. Это ему было не впервой, и хоть работа была неприятная, однако хорошо оплачивалась. Едва удавалось вырыть яму глубиной до колена, как начиналась мерзлая земля, от нее железный лом отскакивал, как от камня. Яма понемногу заполнялась водой, и вот в эту воду и опустили бедного тангитана. А потом на белый гроб покидали подтаявшую тяжелую глинистую землю. Дерево отзывалось на тяжесть глухо и отчаянно, и у Милюнэ от жалости сжималось сердце, будто на него кляли эту вязкую тяжелую землю. Куда уж лучше лежать в открытой, чистой тундре, на высоком пригорке, головой к восходу и ждать, пока тундровые звери обглодают земную оболочку ушедшей сквозь облака души.

Милюнэ прошла подальше от кладбища и углубилась в тундровые холмы, увлекаемая ягодными полянами.

Так она дошла до озерка и остановилась в изумлении: голый тангитан стоял по пояс в воде. Сначала она подумала, что кто-то из покойников вышел искупаться — о таком говорили местные чукчи, которые слышали по ночам в ненастную погоду вой и скрежет на кладбище. Вглядевшись, она узнала. Это был тот самый молоденький тангитан — Булатов. Он плескался в воде, приседал и фыркал, как морж. Разинув рот от изумления, Милюнэ так и застыла. Но еще больше поразила она, когда Булатов дошел до самой глубины и поплыл! Милюнэ знала, что есть тангитаны, которые плавают не хуже моржей, но еще никогда не видела! Это оказалось чистой правдой — Булатов рассек воду склоненной набок головой, взметывая руки, словно ласты!

Милюнэ и не заметила, как она подошла к самой воде и остановилась, поставив у ног ведро.

Тангитан доплыл до другого берега, повернул обратно и заметил Милюнэ.

Он, видимо, не ожидал увидеть здесь человека и встал на дно.

Она успокоилась и с любопытством ожидала, что будет дальше. Парень стоял в воде. Похоже было, что он замерз, но вылезать из студенной воды не торопился.

— Уходи отсюда! — услышала Милюнэ.

В голосе было больше просьбы, чем приказания.

И тут Милюнэ поняла, что тангитан стесняется.

Это было ново и неожиданно. Те голые, которых Милюнэ видела в хозяйской бане, нисколько ее не стеснялись, и даже, похоже, им нравилось показывать девушке свою срамоту и смущать ее этим... А этот?

Милюнэ в изумлении повернулась и ушла за холм, пораженная открытием. Почему он такой? Почему когда смотришь на него — и сердце сильнее стучит и дыхание прерывается, как от долгого бега по качающимся тундровым кочкам?

Она шла, вспоминая смущенное лицо голого тангитана, стоящего по пояс в холодной воде тундрового озера, и ту свою неожиданную просьбу не уезжать из Ново-Мариинска.

Вдруг она вспомнила об оставленном на берегу озера ведре и повернула обратно.

Булатов шел навстречу, осторожно неся в чуть отставленной руке полное ведро.

Милюнэ подошла и протянула руку, сказав:

— Спасибо.

— Ничего, я понесу, — сказал Булатов.

Милюнэ в удивлении подняла глаза: как, он хочет нести полное ведро воды, которое должна принести она, служанка Милюнэ?

— Не надо, — тихо сказала Милюнэ, — я понесу ведро.

— Но почему? — с искренним удивлением спросил Булатов. — Может быть, это мне приятно — помогать вам.

— Разве такое бывает? — спросила Милюнэ.

— Что? — не понял Булатов.

— Разве бывает так, что тангитану приятно помогать чукче?

Булатов поставил на землю ведро и пристально поглядел прямо в лицо Милюнэ.

— Странное ты говоришь, — пробормотал он. — Ничего не понимаю.

Да, может, он и вправду не понимает? Трудно ему понять это... И Милюнэ спросила:

— А что ты делал в озере?

— Купался.

— Зачем?

— Грязь с себя смывал, — ответил Булатов. — Скоро уезжать, а бани в Ново-Мариинске нет. Вот и решил в озере помыться. Старший Куркутский надоумил меня.

— Сказал бы мне, я бы помыла тебя.

— Как это? — опять не понял Булатов.

— Я к этому делу привычная, — призналась Милюнэ. — Уж чего-чего, а тангитанов мыть научилась.

— Где же ты мыла этих самых... и кто они такие?

— Такие, как ты, — ответила Милюнэ. — Тангитан — это значит белый человек, чужестранец. Своего хозяина мыла, Ивана Архипыча, его жену, торговца Грушецкого.

— Да? — как-то неопределенно протянул Булатов, и Милюнэ поняла, что ему неприятно об этом слышать.

— Давай теперь мне ведро, — попросила Милюнэ.

— Ничего, мне не тяжело.

— Все равно давай.

Булатов снова поставил ведро на землю.

Милюнэ тоже посмотрела в эти желтоватые, словно отразившие тундру глаза, и они притягивали ее все ближе и ближе. Она почувствовала на плечах его сильные, тяжелые, будто железные руки, и какая-то посторонняя сила толкнула ее в объятия. Она ощутила его гу-

бы на своих губах, сухие, горячие, но почему-то такие желанные и сладкие... Что же это такое? Это же совсем не то! Так вот почему тангитаны целуются губами, а не нюхаются! Кружилась голова, и, чтобы не упасть, Милюнэ все крепче и крепче держалась за парня и закрыла глаза...

Милюнэ открыла глаза и посмотрела в широко раскрытые желтоватые глаза Булатова, на бледно-голубое небо. Вот оно, это женское счастье,— сладость через острую боль и большое-большое сердце, полное горячей, вскипающей крови.

Булатов отвалился на траву лицом вверх и с закрытыми глазами прошептал:

— Как же так это случилось?

— Случилось,— эхом отозвалась Милюнэ.— Хорошо случилось... Теперь можешь уезжать.

Булатов в испуге сел.

— Как уезжать?

— Теперь у меня будет воспоминание,— прошептала Милюнэ.— А то ведь у меня ничего не было... Ничего...

— Какое воспоминание? — не понимал Булатов.— Что ты говоришь?

Вместо ответа Милюнэ взяла руку Булатова и положила на голый живот.

— Держи тут руку, мне приятно,— сказала она.— Потом буду вспоминать.

— Почему вспоминать? — Булатов склонился над девушкой.— Разве ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

— Тангитаны никогда не бывают вместе с чукчанками...

— Ну, мы это еще посмотрим,— хрипло произнес Булатов.

Милюнэ казалось, что весь Ново-Марининск смотрит, как она идет рядом с тангитаном, несущим ведро с озерной чистой водой. Она шагала рядом, онемевшая от счастья, еще не проснувшаяся от волшебного сна.

Булатов вошел в домик и с порога сказал:

— Я остаюсь.

Сергей Безруков и Дмитрий Хваан переглянулись, потом Безруков сказал коротко:

— Ну вот и хорошо.

Глава вторая

Народные управления колчаковцами были упразднены. На их место назначили управляющих уездами и старост, то есть была полностью восстановлена система управления Чукоткой, существовавшая в период царского самодержавия.

«Борьба за власть Советов на Чукотке (1919—1923)». Сборник документов и материалов. Магадан. 1967.

Агриппина Зиновьевна не могла нарадоваться на свою служанку: она приносила чистую пресную воду не только для чая, но и для стирки белого белья. Когда Милюнэ развешивала на длинной веревке простыни, пододеяльники и наволочки, сразу можно было заметить, что она их полощет не в желтой осенней воде Казачки, а в прозрачных снежных водах тундровых озер.

Александр Булатов обычно ожидал ее за кладбищем, читая скорбную летопись истории крайнего Северо-Востока. Буквы были выреза-

ны глубоко в дереве, и снежные пурги и летние дожди только округлили и отполировали их очертания.

Каждый раз, глядя в глаза Милюнэ, в ее лицо, Булатов чувствовал, как у него закипают слезы. Почему? И однажды признался в этом Милюнэ:

— Почему, когда я смотрю на тебя, мне плакать хочется?

— Коо,— ответила по-чукотски Милюнэ, потом сказала: — Наверное, это слезы радости. Мне покойная мать рассказывала сказки, и там было такое: слезы радости. Может быть, такое бывает не только в сказках?

— Может быть,— неуверенно согласился Булатов.

Милюнэ все же удалось уговорить Булатова отдавать ей ведра, когда они приближались к домам Ново-Мариинска. Булатов смастерил для Милюнэ коромысло, и она несла ведра, покачиваясь стройным телом, медленно, стараясь не расплескать ни одной капельки драгоценной прозрачной воды.

Перемену в настроении Милюнэ первой заметила пронизательная Агриппина Зиновьевна. Служанка уходила надолго, а возвращаясь, не скрывала своей радости.

Милюнэ напевала песни, услышанные в этом доме:

Дышала ночь восторгом сладострастья...

Агриппина Зиновьевна прислушалась, обменялась взглядом с мужем и вышла на кухню.

— Машенька, а ты понимаешь, что ты поешь? — осторожно спросила она служанку.

— Понимаю, конечно,— уверенно ответила Милюнэ.— Дышала ночь...

Но тут, подумав, обнаружила, что другие слова ей непонятны. Что это значит — восторгом сладострастья? А почему ночь дышит? Разве она человек или зверь, чтобы дышать? Но было в этой песне что-то особенное, как разноцветные мелькающие камешки на дне тундрового ручья...

— Наверное, все-таки не понимаю,— смущенно призналась Милюнэ под пристальным, испытующим взглядом Агриппины Зиновьевны.

— Не понимаешь, а поешь! — осуждающе произнесла хозяйка.— И что это с тобой такое творится в последние дни?.. Уж не нашла ли какого-нибудь себе хахаля?

— А что это такое — хахаль? — спросила Милюнэ.

— Хахаль — это человек,— принялась объяснять Агриппина Зиновьевна,— который ухаживает за девушкой. Любовник, одним словом...

При первом же свидании Милюнэ спросила Булатова:

— А что такое восторги сладострастья?

Булатов удивленно посмотрел на Милюнэ.

— Что-то буржуазное... Трудно объяснить,— неопределенно ответил Булатов.— Откуда ты такое вызнала?

— Песня есть такая,— ответила Милюнэ и пропела:

Дышала ночь восторгом сладострастья...

Булатов слушал. Он полулежал, опершись плечом о тундровую кочку, и даже сквозь подбитое ватой пальто чувствовал студеное дыхание вечной мерзлоты. По утрам мороз уже прихватывал лужи, и трава стала ломкой, хрупкой.

Голос у Милюнэ был удивительной чистоты, как первый ледок, и песня эта, слышанная где-то в далекой дали, вдруг взволновала парня,

напомнила дымные залы сингапурских портовых харчевен, бледные ночи на берегу Финского залива, строгие прямые улицы Петрограда и долгую свою дорогу к дому, которая неожиданно затерялась в немислимой дали.

Дышала ночь восторгом сладострастья...

Деревенская околица, глинистый взгорок, за которым открывался уже другой мир, в который дважды уходил Саша Булатов. И вдруг эта удивительная девушка из стойбища легендарного чукотского короля, такая ласковая, все понимающая...

— Я тебя очень люблю, Машенька.— В порыве нарастающей нежности Булатов обнял ее, прижал к себе, оборвав песню.

— Я тебя тоже очень люблю,— ответила Милюнэ.— Я никогда не думала, что так будет, только мечтала, слышала нутром... Думала, что все пройдет, как болезнь, и я останусь одна или выйду замуж за какого-нибудь старого оленевода. И вдруг такое... Я тебя очень люблю, мой дорогой, мой хороший хахаль...

— Как ты сказала? — Булатов отодвинулся от Милюнэ.— Откуда у тебя такое слово?

— Разве оно плохое? — испугалась Милюнэ.— Я тебя обидела?

— Да нет, ты меня не обидела, но это слово мне не нравится,— строго сказал Булатов. — Называй меня лучше по-другому.

— Это слово мне сказала Агриппина Зиновьевна,— призналась Милюнэ и с тревогой спросила:— Наверное, и песня тебе не нравится?

— Нет, песня ничего,— после некоторого раздумья сказал Булатов.— Но есть другие...

— А спой мне! — вдруг горячо попросила Милюнэ.— Спой мне твою любимую песню!

Булатов посмотрел в глаза Милюнэ и снова ощутил ту щемящую нежность, от которой хотелось заплакать тихими слезами.

— Ну хорошо, вот слушай! — Он прокашлялся и начал:

Красна девица сидела под окном,
Утирала слезы белым рукавом.
Пришла весточка нерадостная к ней,
Что сердечный друг не верен больше ей.
Что задумал он иную замуж взять.
Как тут девице не плакать, не вздыхать?
Стали девицы подружку утешать:
«Полно сердцем о неверном тосковать.
Ты в селе у нас всех лучше красотой,
Наши молодцы любят тебя тобой.
Всякий девице желает угодить,
Ты властна из них любого полюбить».
«Пусть их много,— красна девица в ответ,—
Сердце милого другого не найдет!»

Милюнэ слушала, подперев голову рукой, чуточку раскачиваясь в такт. А когда Булатов умолк, она долго смотрела на него замороженным, затуманенным взглядом и прошептала:

— Как это хорошо: сердце милого другого не найдет! Какие это правдивые слова!

Иногда, лежа в объятиях Булатова, Милюнэ надолго замолкала и смотрела на тающие в небе облака. Интересно, что там, за облаками? Вправду ли тот мир, куда уходят навсегда и откуда уже никогда не возвращаются? Бывают ли там такие встречи, какая случилась с ней? А вдруг это земное счастье когда-нибудь может кончиться? Милюнэ

боялась так думать, но эта мысль упорно приходила к ней, гасила огонь, окатывала холодом будущего расставания.

— Неужели такое когда-нибудь кончится?— спросила Милюнэ с замиранием сердца.

— Никогда! — не задумываясь ответил Булатов.— Бог такого не допустит.

— А ты веришь в тангитанского бога?— с интересом спросила Милюнэ.— Наверное, он добрый... Ведь сам страдал. Я видела в церкви — он приколот к кресту. И лицо такое страдальческое... Мучился... Тот, кто мучился, тот понимает страдания других.

— Да я так сказал,— смущенно пробормотал Булатов.— Понимаешь, Машенька, это счастье в наших руках. И все счастье людей. Так мне сказал Сергей Безруков. Похоже, что он верно говорит. Раз оно, счастье, в наших руках, то уж никакой силой его у нас не отобрать. Так что не думай, что это кончится...

— Но ведь все в мире кончается,— тихо произнесла Милюнэ.

— И об этом не надо думать,— весело сказал Булатов.

— Ну как не думать, когда так хорошо! Почему так? Когда уж очень хорошо, обязательно думаешь о плохом.

— Ну, Машенька! — Булатов привлек ее к себе, заметив на ее глазах слезы.— Все будет хорошо... Скоро здесь будет совсем другая жизнь. Для таких, как мы с тобой. Так мне сказал Сергей Безруков...

— Что ты все про него говоришь?— с любопытством спросила Милюнэ.— Разве он мудрец, который все знает наперед? Он же кладовщик, а его друг — этот Дмитрий — милиционером стал и большой нож на пояс нацепил.

— Это не нож, а сабля называется,— засмеялся Булатов.— Конечно, Сергей Евстафьевич, может, и не мудрец сказочный, но разумный человек. Ты слыхала когда-нибудь о Ленине?

Милюнэ кивнула. Это имя не раз произносилось в доме Третьевых.

— Ну что ты знаешь про него?

— Русский разбойник,— ответила Милюнэ.— Зачем ты о нем спрашиваешь? Лучше спой мне еще раз песню о сердце милым.

— Кто же тебе такое сказал про Ленина? — с изумлением спросил Булатов.

— В нашем доме хозяева только так и говорят о нем,— ответила Милюнэ.— А что, не такой он?

— Да ты знаешь! — Булатов долго искал слова, а потом сказал:— Ленин дал таким, как я, землю!

Однако это не произвело впечатления на Милюнэ.

— А зачем эта земля? — пожала она плечами.— Вон, сколько хочешь бери. В мешок клади или валяйся на ней, как мы с тобой.

— Да не эта земля! А та, на которой хлеб растет! Понимаешь — хлеб! За землю люди дрались, убивали друг друга, потому что наша российская земля — это жизнь!

Милюнэ с изумлением смотрела на Булатова. Она никогда не видела его таким взволнованным.

— Откуда же Ленин взял столько хорошей земли? — с недоумением спросила она.

— Вся земля России, на которой растет хлеб, принадлежала помещикам, богатым людям,— принялся объяснять Булатов.

— Как Армагиргину? — догадалась Милюнэ.

— Вроде бы,— кивнул Булатов.— Эти помещики заставляли работать крестьян, таких, как я. Все, что вырастало, они отбирали себе, а нам оставляли самую малость. А мы бедствовали и голодали...

— А что, без Ленина не могли догадаться, что эту самую землю

надо попросту отобрать у помещиков? — с наивным простодушием спросила Милюнэ.

— Может быть, догадывались, да не решались,— ответил Булатов.— Не знали, как это можно сделать. И Ленин сказал как.

— А как?

— Самим взять власть,— ответил Булатов.— Стать во главе жизни.

— Как Громов? — шепотом спросила Милюнэ.

— Да не так,— с досадой ответил Булатов.— Громов — это враг трудового народа. Кровный враг нашей жизни.

Аресты в угольных копиях и суд взбудоражили сонный Ново-Мариинск. Испугались даже торговцы, многие из которых входили в разные составы Комитета общественного спасения.

Безруков узнал от Волтера, что эти два шахтера никогда не были связаны с Кашириным, с подпольщиками, но все же было тревожно: может быть, за этими двумя несчастными скрывается тот, кто ждал приезда своего человека из Владивостока?

В доме Тренева говорили только шепотом, а Иван Архипович больше не вставал с постели даже за нуждой. Милюнэ приходилось выносить большой зеленый ачульхен¹.

Когда несколько дней назад арестованных привезли на угольной барже и тут же препроводили в тюрьму за рекой Казачкой, Тренив сказал:

— Может, и устроят для острастки судилище, а потом или выпустят, или дадут короткий срок. Эдак каждого из нас можно засадить.

Однако прошел почти месяц, прежде чем было объявлено о суде. Тренив призвал в комнату Милюнэ и сказал:

— Сходи послушай, о чем там толкуют. И тебе интересно будет, поскольку ты девка любопытная, и нам потом расскажешь.

Милюнэ поначалу думала, что тангитанский суд состоит в том, что виноватого выставляют на всеобщее обозрение и увещевают.

Однако она тут же уловила зловещий характер судебного разбирательства и поняла, что никакого увещевания здесь не будет. И голос и повадки судьи Суздалева говорили о том, что подсудимые не могут рассчитывать на его доброту.

Народу на судебном заседании было совсем немного. Родственники и близкие друзья обвиняемых оставались на том берегу лимана: буря не позволила им переправиться на правый берег Анадыря.

Суздалев сидел за большим столом, покрытым зеленой скатертью. Позади него на стене в старой раме, в которую раньше был заключен портрет государя, висел поясной литографированный портрет адмирала Колчака в полной парадной форме.

Немногочисленные любопытствующие сгрудились на задних скамьях и совсем стиснули сидящих рядом Булатова и Милюнэ.

Одного из шахтеров Милюнэ знала — его звали Николай Звонцов. Он входил в состав комитета, который тогда назывался Советом. А другого она видела впервые, хотя имя его произносилось в доме Тренева: Алексей Шорохов.

Подсудимые сидели на специальной скамье перед столом с зеленой скатертью, а позади них с ружьями, удлиненными примкнутыми штыками, стояли милиционеры.

— Обвиняемый Звонцов! — Суздалев чуть поднял голову от бумаг.— При обыске в бараке, где вы проживали, под кроватью в сун-

¹ Ночной сосуд.

дучке была найдена взрывчатка. Скажите суду, для каких целей предполагалась сия взрывчатка?

— Знамо для чего,— ухмыльнувшись, ответил Звонцов.— Для уголька.

— Вы мне зубы не заговаривайте! — неожиданно выкрикнул Суздалев, и пенсне его слетело с носа.— Вы что же думаете, что мы такие олухи, что поверим вашим басням? Так знайте, что мы прибыли сюда для того, чтобы дочиста искоренить большевистскую заразу и всякие марксистские идеи. Скажите суду, что вы знаете о деятельности Петра Каширина!

— Петра Васильевича я знал как золотоискателя, а про другую деятельность его я не знаю,— ответил Звонцов.

— А не вместе ли с вами он принимал участие в организации большевистской первомайской демонстрации? — Голос Суздалева истончился, и он налил в графин желтоватой воды.

— Ежели за это судить, так весь Ново-Мариинск надо посадить на скамью подсудимых,— усмехнулся Звонцов.

— Не беспокойтесь, вскорости так и будет,— успокоил его судья. Затем Суздалев приступил к допросу Алексея Шорохова, который обвинялся в принадлежности к какой-то тайной организации.

Рядом сидел Булатов, но ничего не говорил. Начальник милиции Струков строго посматривал в зал и дважды сделал замечание: сначала Ермачкову, а потом Ване Куркутскому за их громкий разговор в зале судебного заседания.

Вместе с Суздалевым сидели анадырские обыватели, которые были набраны в качестве присяжных. Среди них Милюнэ узнала одного из приказчиков Грушецкого, а остальные, видимо, были недавними приезжими.

После допроса Шорохова, речей обвинителя и защитника суд удалился на совещание.

Оно продолжалось недолго.

— Суд идет!

В зал вошел Суздалев в сопровождении присяжных и уселся за свой зеленый стол.

Приговор читался медленно и торжественно.

Оба обвиняемых были приговорены к смерти.

Когда до сознания Милюнэ дошло это, она не выдержала и громко по-чукотски произнесла:

— Кыкэ вынэ вай!

— Тихо! — тут же отозвался эхом Струков.— Молчать в зале суда!

Приговоренных, оглушенных только что услышанным и еще не до конца осознавших случившееся, провели к выходу. Они шли, опустив головы, исподлобья глядя на остававшихся на свободе, остававшихся жить.

Когда Милюнэ рассказала о приговоре и заплакала, Тренев утешил ее:

— Помилует Громов их. Не за что так жестоко карать...

— Так ведь сказал судья — по закону. И никакой жалобы... — объяснила Милюнэ.

В эти осенние дни Ново-Мариинск словно вымер. На мокром ветру болтались на вешалах связки красной юколы, мокрые сети, мелкая волна лизала серую прибрежную гальку. Иногда с той стороны приплывала баржа, и нанятые Бессекерским грузчики молча и быстро выгружали сырой, сочащийся черной влагой, отяжелевший каменный уголь.

Булатов торопился: он арендовал старый покосившийся домик над самым Анадырским лиманом возле складов Бессекерского. Домик был хлипкий и требовал серьезного ремонта.

Друзья знали, для чего нужен Булатову домик, и дружно взялись помогать ему. Аренс Волтер осмотрел будущее жилище и сказал:

— Молодая жена любит много тепла!

Собрали по Ново-Мариинску угольный шлак и засыпали доверху стены. Сложили новую печь с плитой. Утеплили пол и потолок. За-стеклили двойным стеклом окошки и, главное, весь домик изнутри и снаружи оштукатурили.

Волтер съездил за белой глиной, приготовил раствор. Иногда прибежала Милюнэ и смотрела, как тангитаны набивали дранки на стены домика. Пришел Ваня Куркутский, поглядел и сказал:

— Онак как глина доспеет, так и отвалится в пургу. Вы лучше изнутри гуще помажьте глиной, а снаружи обложите дерном — вернее будет.

После долгих споров согласились с бывалым человеком.

Самым веселым и ловким оказался кладовщик Сергей Безруков. Все у него спорилось, горело в руках. Милюнэ уловила, что и Дмитрий Мартынович, и Михаил Куркутский, и Аренс Волтер, и ее Саша с каким-то особым уважением относятся к Сергею Евстафьевичу, и напрямик спросила жениха:

— Он что вам — отец?

— Кто? — не понял Булатов.

— Сергей Евстафьевич, — ответила Милюнэ. — Вы все так почти-тельные с ним.

Булатов с каким-то испугом посмотрел на Милюнэ и принялся уверять:

— Да это тебе только кажется... Просто он много жил, много видел, да и должность у него — главный кладовщик государственного склада.

Однако в тот же вечер он с тревогой рассказал всем о разговоре с Милюнэ.

Сергей Евстафьевич задумался.

— Это ты верно подметил... С конспирацией у нас дело неважно. Уж очень бросается в глаза, что мы часто собираемся. Придумать надо какой-то интерес. А то и старший Куркутский стал пытаться своего брата: что вы там, мольч, по вечерам поделываете? В карты не играете, водки не пьете...

— В том и беда, что всем другим, кроме водки и карт, заниматься подозрительно, — заметил Дмитрий Мартынович.

— А начинать главное дело рано? — с нетерпением спросил Булатов.

— Рано, — ответил после некоторого раздумья Сергей Евстафьевич. — У нас, по существу, только две боевые группы. В угольных копиях еще никого нет... И известий пока нет. Свадьбу когда сыграем?

— Милюнэ все торопит, а я думаю повременить. Хочу уже при новой жизни красное венчанье устроить.

— С красным попом? — улыбаясь, спросил Дмитрий Мартынович.

— Может, с красным попом, — без улыбки ответил Булатов. — Но уж чтобы был настоящий революционный брак. А пока так поживем.

— Хорошо, если бы она пока не увольнялась от Трениных, — сказал Безруков. — Очень важный источник информации. Открывать ей, конечно, все не надо, но намекнуть или даже попросить ничего не рассказывать о нас... Можно ей верить?

— Классовое чутье у нее есть, — ответил Булатов. — Мы как-то толковали с ней, так она сама дошла до идеи вооруженного восстания.

— Что ты говоришь? — с деланным изумлением произнес Хваан.

— Правда! — настаивал Булатов. — Говорили мы о земле, которая помещикам принадлежит. Так она прямо сказала — отобрать надо! Раз добром не хотят отдавать — отобрать!

Безруков с улыбкой смотрел на Булатова. Как переменяла парня любовь! Он подтянулся, стал увереннее. В первом же откровенном разговоре признался, что еще во время службы в царской армии сочувствовал большевикам. Однако случилось так, что познакомиться с ними ему не удалось — сначала германская война, плен... Он знал о революционных событиях в России, поэтому и пробирался на родину, не пожелав служить ни в экспедиционном корпусе, ни в колчаковской армии. Он внимательно слушал, когда Безруков говорил ему: «Наша сила — это трудовой народ. Вооруженный трудовой народ. Ты думаешь, чего это Колчак так любезничает с союзниками? Да тут дело простое — боится своего народа, боится, что рано или поздно раскусят его. А одни офицеры воевать не будут... Так что, Саша, реальная и главная сила в истории — народ».

Булатова решено было пристроить на радиостанцию, благо парень разбирался в технике. Однако туда было не так просто попасть, и вначале с помощью Дмитрия Мартыновича Хваана Александр Булатов устроился в охрану станции.

Когда Милюнэ заявила хозяевам, что уходит жить в другой дом, Агриппина Зиновьевна растерянно произнесла:

— Ну вот и дождались... Замуж, что ли, выходишь?

— Еще нет, — простодушно ответила Милюнэ.

— Куда же ты уходишь? — поинтересовался Иван Архипович.

— К Саше Булатову.

— Ну, Машенька, — разочарованно протянула Агриппина Зиновьевна, — лучше не могла найти? Он же нищ и гол как сокол! Ванечка, надо что-то предпринять. Говорила я тебе — мужа ей надо. И вот дождались — сама нашла!

— Так-так-так, — бормотал Иван Архипович, — женщина обычно сама находит мужа. Так уж заведено.

— Но не можем же мы бросить нашу Машеньку на произвол судьбы! Небось он уже совратил ее... Скажи-ка, Машенька... а он спит с тобой? Или ты спала с ним?

— Нам с ним некогда спать, — ответила Милюнэ. — Очень любим друг друга. Даже устаем.

— Тьфу! Как не стыдно тебе такое говорить! — возмутилась Агриппина Зиновьевна. — Ну ясно, они живут вместе!

— Еще не живем, — дивясь гневу хозяйки, объяснила Милюнэ, — только собираемся. Ждали, когда домик будет готов.

— Ну что ты молчишь, Ванечка! — Агриппина Зиновьевна повернулась к мужу. — Да скажи ей что-нибудь. Или вызови этого Булатова, поговори с ним. Как же можно такую девку отдавать какому-то мужику!

— А если у них и вправду любовь? — спросил Иван Архипович.

— Любовь! — с презрением произнесла Агриппина Зиновьевна. И Милюнэ удивилась, как она произнесла это слово. — Знаем мы эту любовь! Лишь бы память девку, испортить ее!

Она говорила зло, и Милюнэ чувствовала, что эта злость направлена против Саши Булатова.

— Он не испортил! — гневно ответила она. — Он очень хороший, лучший на свете человек. Не надо о нем так говорить!

— Совсем закружил девке голову,— устало произнесла Агриппина Зиновьевна.— Ну, а на что будете жить-то? Жалованье небось у твоего голодранца нищенское?

— Если хотите, я буду продолжать вам служить,— сказала Милюнэ.

— Ну что же,— после некоторого раздумья произнесла Агриппина Зиновьевна.— Мы к тебе привыкли, ты нам как родная стала. Так и быть, приходи...

Милюнэ собрала в узелок нехитрые свои пожитки.

— А свадьба когда? — спросил Трнев.

— Свадьба будет весной,— ответила Милюнэ.

— И до весны вы будете жить так? — спросила Агриппина Зиновьевна.

— Да,— ответила Милюнэ.

— Нет, так дело не пойдет! — Агриппина Зиновьевна отобрала узелок у Милюнэ.— Если уж парень тебя берет замуж, то пусть все делает по-честному, благородно. Пусть венчается или сочетается гражданским браком.

Иван Архипович тоже принялся уговаривать:

— Машенька, мы отвечаем за твое будущее. А вдруг твой Булатов весной возьмет да и уедет? Оставит тебя одну. Сколько таких вот брошенных жен теперь коротают свой горький век на Чукотке и растят детей? Ты хорошенько подумай. А мы тоже примем меры со своей стороны.

Милюнэ не совсем понимала, о чем идет речь, но догадывалась — хозяева принимали Булатова за обычного тангитана, который берет местную женщину только на время своего пребывания на Чукотке. Ну и что же? Если даже это будет так — пусть! Значит, так надо Саше.

Поздно вечером того же дня она тайком выскользнула из домика Трневых и пришла к Булатову.

На следующее утро в дверь раздался громкий стук.

Милюнэ испуганно встрепенулась. Булатов спокойно сказал:

— Не бойся, я сам с ними поговорю.

Это был начальник милиции Ново-Мариинска Струков. Сабля билась о новенькие нерпичьи торбаса — мороз уже сковал землю и шел легкий снежок.

— Булат, начальство тебя требует вместе с сожительницей!

— Это какое такое начальство? — спокойно спросил Булатов.

— Сам Громов.

Булатов откинул щеколду, и Струков вошел сначала в крохотные сени, где хранился уголь, и оттуда уже в теплую комнату.

Милюнэ успела накинуть на себя платье и испуганно смотрела на вошедшего.

Струков внимательно оглядел ее и одобрительно сказал Булатову:

— Лакомый кусочек отхватил... Но предупреждаю — даром это тебе не пройдет. Жениться придется.

— А я и собираюсь это сделать.

— Обвенчаем с дикаркой — вот будет потеха! — хихикнул Струков, осматриваясь в комнате. Проведя рукой по стене, строго спросил: — Где брал известку?

— Белой глиной мазал,— ответил Булатов.

— Полно врать-то! Неужто такая глина есть?

— Сколько хочешь за Второй бухтой.

— Покажешь место,— коротко и строго сказал Струков.— Давайте пошевеливайтесь, начальство ждет.

Новомариинцы выглядывали из дверей, украдкой смотрели в окна и шептались:

— И этих заарестовали.

Кулиновский старательно подметал крыльцо уездного правления.

Громов сидел в хорошо натопленной комнате, примыкающей к той, в которой недавно судили шахтеров. Он был в мундире с золотыми погонами, обвязанный ремнями, как груз на гоночной нарте. Он строго посмотрел красными глазами на вошедших и рывкнул:

— На вас подана жалоба!

— А по какому случаю?— стараясь сдерживаться, спросил Булатов.

— А потому что вы, господин Александр Булатов, состоите в незаконном и греховном сожительстве со здешней туземкой Марией-Милюнэ... Вы думаете, мы потерпим такой разврат? Мы посланы сюда богом и его превосходительством адмиралом Колчаком, чтобы навести порядок. Опекуны туземной женщины обратились ко мне с просьбой либо отторгнуть девку, которую они, можно сказать, выпестовали своими неустанными заботами, либо заставить вас, господин Булатов, вступить в законный брак, то есть обвенчаться с ней...

Громов еще раз строго посмотрел на Милюнэ и Булатова. Колчак, нарисованный на портрете, выглядел куда добрее.

— Господин Громов, мы не можем обвенчаться,— ответил Булатов.

— Это почему?

— Я человек неверующий, а Маша, сами понимаете, родилась в тундре и не крестилась.

— Так окрестить ее!

— Я не хочу,— тихо произнесла Милюнэ.

Громов с любопытством глянул на нее:

— Так ты говоришь по-русски?

— Говорю.

— А отчего же ты не хочешь креститься?

— Русская вера для нас чужая,— ответила Милюнэ, радуясь, что отводит гнев начальства от Булатова.

— Русское православие — вера всеобъемлющая,— изрек Громов.

— Но можно и гражданским браком сочетаться,— подал мысль Струков.

— Это хорошая идея! — согласился Громов.— Но пусть опекуны дадут свое разрешение девице, и мы волею его превосходительства адмирала Колчака зарегистрируем гражданский брак. И я сам на свадьбе буду посаженным отцом!

Радостные и растерянные Милюнэ и Булатов вышли из уездного правления.

— Что будем делать? — спросила Милюнэ.

— Пойдем к Безрукову, посмотрим, что он посоветует.

Безруков внимательно слушал, изредка ободряюще улыбаясь Милюнэ.

— А я полагаю,— сказал он,— все идет к лучшему. Пусть Громов регистрирует брак, пусть даже он будет посаженным отцом на свадьбе. Нам важно заполучить его благорасположение... Понимаешь, Саша, это нужно для дела!

Булатов покорно кивнул и напомнил:

— Но нам еще надо получить разрешение «опекунов» — Треневых.

— Это я беру на себя,— сказал Безруков.— Иван Архипыч сегодня в государственном складе будет, и я с ним поговорю.

Неизвестно, как говорил Безруков с Тренивым, но Агриппина Зиновьевна сделала Милюнэ свадебный подарок — старое белое платье.

— Пусть будет как у приличных людей,— сказала она со слезами на глазах.

Милюнэ растерянно призналась Булатову, что ничего не знает о том, как устраивается тангитанская свадьба.

— Ты думаешь, я знаю? — пожал плечами Булатов.

— Придумаем что-нибудь,— весело сказал Безруков.— На свадьбе главное — пир. Верно, Дмитрий Мартынович?

Решено было пировать в домике молодоженов.

— Пусть будет хороший свадебный обед,— сказал Аренс Волтер и принялся с Милюнэ обсуждать, что подать гостям.— Торговцы пусть позаботятся о вине,— сказал он, кивнув в сторону Безрукова.

Все было на этой свадьбе: рыба в самых разных видах, мало-сольные лососевые пупки, икра, вяленая юкола, балыки, строганина из озерной белой рыбы, оленина вареная и жареная, холодец из ластов нерпы и большое количество различных консервов — от японских морских водорослей до ананасового американского компота.

Вин тоже было множество. Да еще каждый притащил с собой.

Гостей вроде бы немного приглашали, но их оказалось столько, что просто удивительно, как они разместились в такой крохотной комнатке.

На почетном месте уселись Громов с женой, сама Милюнэ с Булатовым, с другой стороны Тренивы, Безруков, Хваан, Аренс Волтер и начальник милиции Струков, который не сводил масляного взгляда с Милюнэ, смущая ее этим.

Громов пришел уже в подпитии, но этому никто не удивился, так как все колчаковское начальство отличалось большим пристрастием к крепким напиткам.

Громов холодно кивнул Трениву и старался не смотреть в его сторону даже во время демонстрации свадебных подарков.

Громов подарил молодоженам набор армейского постельного белья и два серых солдатских одеяла с японскими клеймами.

Веселье, однако, продолжалось недолго: Громов окончательно опьянел и Струкову пришлось тащить его через весь Ново-Мариинск.

На следующий день Булатов с Милюнэ пришли в ярангу Тымнэро.

— Вот это мой муж,— представила Милюнэ Булатова.

— На вид уж очень молодой,— заметила Тынатваль.

— Зато сильный,— сказала Милюнэ.

Она принесла с собой узел с остатками свадебного пиршества и две бутылки сладкого вина, которое в яранге Тымнэро никогда не пробовали.

Все это угощение она с помощью Тынатваль разложила на низком деревянном столике у бревна-изголовья.

— Мы здесь продолжим нашу свадьбу,— весело сказала Милюнэ.

Тымнэро смотрел на нее и отмечал про себя, что она не загордилась и помнила о своих родичах. Похоже, что и муж ничего, пока стеснительный, что у тангитанов большая редкость.

Он скромно и неловко сидел на китовом позвонке и пытался играть с девочкой.

— Тихий чего-то он у тебя,— заметил по-чукотски Тымнэро.

— А мне он и такой хорош! — задорно ответила Милюнэ.— Да если бы вы знали, какой он человек!

Булатов беспомощно улыбался, не зная, как себя держать в яранге.

— Работать у Тренева теперь не будешь? — спросила Тынатваль.

— Да вот вчера большой начальник пожелал, чтобы я служила в правлении,— с оттенком хвастовства сообщила Милюнэ.

— Далекое пойдешь, если и впредь так будет,— задумчиво произнес Тымнэро. Однако в его словах была надежда и сердечное пожелание.

Он смотрел на парня и думал: а вдруг во всем мире и впрямь нашелся такой тангитан, который посчитал равней чукотскую девушку? Повидал Тымнэро во время поездки чукотских и эскимосских женщин, сожительствующих с тангитанами. Видел в Янранае потомков негров. Лет десять тому назад во времена китобойного бума негры варили жир и брали местных девушек, чтобы не так было тоскливо во время непривычной снежной и холодной зимы. Попадались в селениях светловолосые и светлоглазые ребятишки, которые только мастью отличались от сверстников и другой жизни, кроме чукотской, и иного разговора не знали. Каково будет Милюнэ? Или это и впрямь другая порода тангитанов, как утверждает молодой Куркутский, крепко подружившийся с ними? Будто они проповедают братство бедняков.

Милюнэ осторожно налила из темной бутылки красного вина и сказала:

— Вы только попробуйте! Это так вкусно.

Тымнэро и Тынатваль пригубили и в один голос похвалили:

— Сладко!

Милюнэ засмеялась и сказала:

— А надо говорить: горько!

— Это почему? — удивился Тымнэро.— Ведь сладко же!

— Таков тангитанский обычай. Вчера, когда мы собрались на женитьбенный пир, только поднесли ко рту первые чаши, как вдруг самый главный заорал: горько! Думали—чего-то не то налили ему или не нравится веселящая вода. Ну, мне Булат мой объяснил: оказывается, при женитьбенном угощении собравшиеся время от времени кричат «горько», показывая, что надо подсластить обычай, надо поцеловаться. От поцелуя сладко и бывает.

— Правда? — с изумлением воскликнула Тынатваль.

— От тангитанского поцелуя, а не от нашего,— пояснила Милюнэ.— От нашего только запах улавливаешь, а от тангитанского губами сладость чувствуешь...

— А ну я скажу «горько»? — озорно произнес Тымнэро.

— А я возьму и поцелую Булата,— с улыбкой сказала Милюнэ и потянулась губами к окончательно смутившемуся Булатову.— Давай поцелуемся, Тымнэро сказал «горько»...

— Так я не слышал,— слабо сопротивлялся Булатов.

— Он по-чукотски сказал.

Лица молодоженов слились в одно, они приникли губами друг к другу и даже зажмурились от удовольствия.

— Какое-то! — сказал с придыханием пораженный Тымнэро.

— Кыкэ вынэ вай! — с благоговением прошептала Тынатваль.

— Вот какой сладкий тангитанский поцелуй,— с улыбкой сказала Милюнэ, и в ее словах была такая глубокая радость, будто она стала маленьким ребенком, который смеется при виде простого солнечного зайчика.

В яранге пробовали необычные праздничные тангитанские кушанья, похваливали их, искренне радовались счастьем своей родственницы, но в этом безоблачном небе все же была какая-то дымка, и Милюнэ, прощаясь, вдруг с тоской сказала:

— Только мне все время кажется, что это какой-то чудный сон... Все время боюсь проснуться!

Среди ночи Тымнэро показалось, что за стенами яранги кто-то ходит, слышатся приглушенные голоса. Слабо тявкнула собака, и из темноты со стороны двери раздался голос:

— Эй, Тымнэро!

Это был Анемподист Парфентьев, дальний родич Вани Куркутского.

Тымнэро нашарил спички под изголовьем и запалил кусочек мха в каменной площадке. Мох плохо разгорался: жир застыл, по ночам стояли заморозки. От крохотного пламени по темным стенам яранги замотались огромные тени. Головы изгибались на самом верху, у дымового отверстия, и рядом с ними торчали остроконечные штыки винтовок.

— Выходи из яранги, Тымнэро,— шепнул Парфентьев.— Работа, онак, есть... Обещались хорошо заплатить.

— Что за работа? — спросил Тымнэро.

— Могилу, мольч, копать надо,— ответил Парфентьев.

— Зачем в темноте? — удивился Тымнэро.— Рассветет — хоть десять могил выкопаю.

Струков о чем-то с раздражением спросил Парфентьева. Тот ответил, и тогда Струков нагнулся и зашептал так строго, что Тымнэро все понял:

— Если ты, дикая морда, сейчас же не вылезешь из своего логова, мы тебя штыком оттуда выковыряем!

Тымнэро сам удивился, как быстро он выполз из полога и спешно начал надевать кухлянку.

Он взял железный лом, кирку и лопату.

— Нарту возьми! — приказал Струков.

— Собак запрягать? — дрожащим голосом спросил Тымнэро.

— Не надо, без собак обойдемся.

Анемподист Парфентьев шел впереди, указывая дорогу на кладбище, за ним тянул нарту с инструментом Тымнэро, затем шел Струков, а уже позади в темноте терялись вооруженные милиционеры.

Над самым обрывом остановились и принялись копать.

— Быстрее, быстрее! — торопил Струков, поглядывая на карманные часы, которые он вынимал из глубин серой шинели.

Когда уставал Тымнэро, за лом и кирку брались милиционеры и Парфентьев. Вроде было готово, и Тымнэро сказал об этом Парфентьеву. Однако Струков не согласился и велел расширить яму почти вдвое против обыкновенной. Когда над Алюмкой проклюнулась заря и словно кто-то сдвинул в сторону черный колпак ночи, яма была готова.

— А теперь пошли с нами,— торопливо сказал Струков и показал на нарту: — Тащи это.

Берегом лимана, хоронясь от домов, прошли мимо складов, мимо выгашенных на берег кунгасов, катеров и лодок, мимо спящих темных окон. Справа тяжело дышал и сонно шевелился в темноте Анадырский лиман. Вот-вот пойдет шуга — мелкий лед и снежная каша, предвестница твердого ледового покрытия.

От устья Казачки повернули влево, поднялись до моста и перешли на левый берег.

Возле высокой дернистой стены сумеречного дома остановились, и Струков приказал Парфентьеву и Тымнэро подождать здесь.

Милиционеры с начальником ушли.

Тымнэро слышал собственное сердце: оно колотилось гулко, сильно.

— Они кого-то хотят убить,— шепотом сказал он Парфентьеву.

— Сиди и молчи,— простонал Парфентьев.— А что нам делать? Они и нас запросто могут убить.

— И верно,— сдерживая дрожь, ответил Тымнэро,— могила-то для двоих.

— Молчи, я тебе говорю...

За земляными стенами тюрьмы было удивительно тихо, хотя Тымнэро ожидал борьбу, громкие мольбы о пощаде. Он всматривался в темноту и напрягал слух.

Сначала блеснул огонек, потом светлое пятно от фонаря замечалось по свежему, выпавшему в начале ночи снегу. Толпа людей отделилась от земляной стены и направилась к лиману. Струков кивнул:

— Следуйте за нами.

Тымнэро успел рассмотреть двух несчастных. Они шли, опустив головы. И вдруг в голову ударило: вот сейчас эти люди уйдут из жизни. Навсегда! Нигде и никогда больше они не возродятся, не увидят этот холодный рассвет над стылými, замерзающими водами Анадырского лимана. И самое страшное — они знают, что уходят, и люди, которые молча идут за ними, сделают это своими руками. Тымнэро почувствовал, как под малахаем у него от ужаса шевелятся волосы. Ноги подгибались, и он несколько раз споткнулся, пока не упал на замерзшую до каменной твердости землю.

Струков обернулся и недовольно приглушенно спросил:

— Что там?

— Тымнэро пал,— скучно ответил Парфентьев.

— Как — пал? — удивился Струков.

— Ослабел, онак.

— Поднять его, сволочь такую! — крикнул Струков, подбежав к лежащему на земле Тымнэро.

Он занес над ним свой торбас, и Тымнэро поднялся сам, дивясь, откуда у него взялись силы.

Арестованных повели к прибрежным скалам, торчащим над устьем Казачки.

Красная заря уже превратилась в робкий рассвет, и кое-что можно было разглядеть.

Спотыкающихся арестованных поставили у камней. Только теперь Тымнэро рассмотрел, что у них крепко связаны руки. Один из милиционеров надел им на головы мешки из-под американской крупчатки. Все тангитаны действовали с такой деловитостью, что Тымнэро с ужасом убеждался, что для них эта работа привычная, хорошо знакомая.

С мешками на головах арестованные уже меньше походили на людей. Выстроившись в ряд, отряд произвел залп, и расстрелянные как подрубленные повалились вперед.

Оглянувшись на Ново-Мариинск, Струков торопливо перекрестился и подбежал к лежащим. Он носком торбаса потрогал тела и позвал:

— Давайте сюда нарту!

Так вот для чего им нужна была нарта Тымнэро!

Он покорно подтащил нарту к телам. Двое милиционеров ловко погрузили расстрелянных, и Струков начал понукать:

— А ну вперед! Быстро тащите!

Обратно шли тем же путем — берегом Казачки, затем спустились у дома уездного правления к лиману. Тымнэро почудилось, что в до-

ме начальника колыхнулась белая занавеска, но глядеть особенно некогда было.

Кое-где в домиках уже зажглись желтые огоньки керосиновых ламп. Светилось и окошко домика, в котором поселилась с мужем-тангитаном Милюнэ. Со стороны яранг несколько раз твякнула собака. Струков вполголоса выругался.

Тымнэро тащил нарты, спотыкаясь, падая. Иногда ему казалось, что он превратился в собаку и бредет на четвереньках, запряженный в нарту смерти.

Доехали до вырытой могилы.

Легкий снежок запорошил коричневую мерзлоту, и темный провал могилы выделялся при свете наступающего бледного дня.

Тела опустили в могилу, и Струков заторопил:

— Быстро! Быстро!

Он даже пытался ногами столкнуть в могилу куски земли, сам хватался за лопату. Могилу засыпали вровень с землей, не стали делать над ней холм.

А снег шел все сильнее, и вскоре на том месте, где были зарыты несчастные, ничего нельзя было заметить.

— Все,— сказал Струков и скомандовал милиционерам раскопаться.

Сам пошел следом за Анемподистом Парфентьевым и Тымнэро, вошел в ярангу и устало опустился на китовый позвонок. Пошарив в карманах шинели, достал бутылку и попросил:

— Давай стакан!

Стакана в яранге не было, и Тымнэро достал погнутый жестяной ковшик.

Стекло звякало о металл, видно, дрожала рука у начальника, пока он разливал дурную веселящую воду.

Тымнэро глотнул, и огненный поток понесся по всем жилам, высвобождая настоящего Тымнэро, снимая с него оцепенение. Глухо крикнув, выпил и Анемподист Парфентьев. Струков налил еще, пополоскал, обмывая ковш, и выплеснул на пол.

«Брезгует»,— безразлично подумал Тымнэро.

Струков выпил, вытер усы и поставил недопитую бутылку на земляной пол.

— Скажи ему,— обратился он к Анемподисту Парфентьеву,— чтобы молчал дикарь, чтобы язык проглотил и насчет того, что видел сегодня, никому не говорил! Понятно? Это относится и к тебе, Парфентьев! Будете болтать, сами видели, как легко замолчать навеки!

Струков встал и, низко пригнувшись, вышел из яранги.

Парфентьев посмотрел на Тымнэро и поднял бутылку.

— Ну что, мольч, допьем?

Тымнэро кивнул. «Может, все это почудилось»,— подумал он, пьянея.

Однако весть о расстреле шахтеров на следующий день распространилась по всему Ново-Мариинску.

Милюнэ по дороге на новую службу в уездное правление зашла к Трениным, и Агриппина Зиновьевна встретила ее вопросом:

— Говорят, твой родственник Тымнэро участвовал в расстреле шахтеров?

Милюнэ еще ничего не знала и, удивившись вопросу, ответила:

— Этого никак не может быть! Тымнэро совсем не такой человек!

— Но ведь могли заставить,— предположил Иван Архипович. На крыльце уездного правления топтался в ожидании Громова новый начальник радиостанции Учватов, заменивший Асаевича. Он держал кожаный портфель, а на поясе у него висел револьвер в маленьком кожаном чехольчике. Каждый раз, видя револьвер, Милюнэ содрогалась: надо же придумать и сотворить оружие, предназначенное специально для умерщвления человека!

Разом пришли Громов и Струков.

Милюнэ принялась убирать — подметать, вытирать пыль. Растопила две печи. Они топились со стороны коридора, и Кулиновский заранее приготовил растопку и уголь. Когда пламя занялось и загудело в высоких печах, обитых железом, Учватов решил пойти в кабинет. Он предварительно постучался.

— Войдите! — крикнул Громов.

Струков с Громовым сидели друг перед другом. Между ними стояла бутылка водки и один стакан.

Учватов покосился на стол и молча начал вынимать телеграммы из портфеля.

Громов брал одну за другой телеграммы и отшвыривал от себя, ругаясь:

— Где телеграммы о падении Советской республики? Где сообщение о победах Колчака?

— Таковых не поступало, ваше благородие,— испуганно докладывал Учватов.

Ознакомившись с телеграммами, Громов подозвал поближе Учватова и продиктовал телеграмму о расстреле шахтеров.

— Зашифруй и отправь в два адреса — во Владивосток и в Петропавловск,— приказал он.

Он следил за карандашом Учватова и, когда радист закончил, протянул ему полный стакан:

— На, выпей.

— Извините, ваше благородие, с утра как-то...— замялся Учватов.

— Уже вечер, балда,— засмеялся Громов.— Ты же сам говорил — поясное время. Сейчас в Петрограде уже поздний вечер. Так что смело пей!

Учватов выпил и закашлялся.

Со слезами на глазах он вышел из кабинета и отправился на радиостанцию.

Милюнэ несколько раз заходила в кабинет: оба тангитанских начальника играли в шашки, изредка прикладываясь к бутылке. Они о чем-то тихо переговаривались. Кулиновский успел ей рассказать, что слухи о расстреле шахтеров — чистая правда: милиционеры сами рассказали обо всем.

А Милюнэ никак не могла понять: вот эти два человека, волею которых в прошедшую ночь были убиты двое, спокойно, как ни в чем не бывало играли в шашки!

Сергей Евстафьевич Безруков вел заседание подпольного революционного комитета.

— Товарищи! Тот, кто сегодня нас призывает к немедленному выступлению, не отдает себе отчета в сложности обстановки. Расстреляли двух шахтеров. Невинных. А они могли стать нашими товарищами по борьбе. Враг настроен. Давайте трезво рассмотрим обстановку и прикинем наши силы. Формирование боевых групп идет медленно. Тут есть свои трудности — мелкобуржуазная прослойка в Ново-Мариинске очень велика. Здесь что ни тангитан, если пользо-

ваться терминологией Машеньки, то владелец какого-нибудь крохотного дела. В таких условиях выявить сочувствующих Советам чрезвычайно трудно. Местное население находится в таком положении, что требуется долгая и кропотливая разъяснительная работа, чтобы они поняли цели и задачи пролетарской революции. А именно местное население должно явиться главной массовой революционной силой.

— С другой стороны,— вступил в разговор Дмитрий Мартынович,— я знаю по опыту: наша подпольная группа по мере роста будет подвергаться все большей опасности раскрытия. Разведка у Громова, прямо скажу, никудышная, но обольщаться не следует. Рано или поздно он нащупает.

— И что же ты предлагаешь? — спросил Безруков.

— Честно говоря, у меня предложений конкретных пока не имеется,— ответил Хваан и как-то виновато улыбнулся.

— Насчет местного населения,— заговорил Михаил Куркутский,— вы, может быть, и правы. Но тут надо учитывать вот что: в Ново-Мариинске живет самая забитая и нищая часть чукотского населения. Сюда пришли те, которые потеряли не только оленей, но большую часть своей гордости. Я слышал, что сами чукчи отзывались о ново-мариинских своих родичах с презрением, почитая их рядом с собаками, кормящимися на помойках... Это одно. С другой стороны, есть тайная вражда между чуванцами и чукчами.

— Это тоже надо учитывать! — заметил Безруков.

— Но и нашим товарищам в центре нисколько не легче,— сказал Хваан.— Поэтому будем вместе искать выход из положения. Когда можно поднять восстание? Во всяком случае не раньше того, как мы выясним положение на угольных копиях и создадим там боевую группу. Без поддержки нашего маленького чукотского пролетариата мы просто не имеем права выступать.

— Когда замерзает Анадырский лиман? — спросил Безруков Куркутского.

— В начале декабря лиман должен твердо стать,— не очень уверенно ответил Куркутский.— Но можно попробовать проехать выше — там лед становится раньше, но путь длинный. А приливная волна сильная, рушит ледяной покров.

— Тебе поручается проследить за этим,— сказал Безруков.— А теперь послушаем командиров боевых групп.

Первым говорил Николай Кулиновский. Кто бы увидел его теперь, не узнал бы услужливого, на вид даже глуповатого сторожа и истопника уездного правления. Выступили моторист Игнат Фесенко, помощник радиста Василий Титов и рабочие Василий Бучек и Семен Гринчук.

Сидящий у окна Александр Булатов предупредил:

— Маша идет!

— Спокойно! — сказал Безруков.— Выходите по одному. Без суеты...

Не успели, однако, выйти все, как в комнату влетела запыхавшаяся Милюнэ.

— Они сюда идут!

— Кто они?— встревоженно спросил Безруков.

— Громов и Струков...

— Почему ты так думаешь? — спросил Хваан.

— Я не думаю,— с удивлением ответила ему Милюнэ.— Я сама вот этими ушами услышала.

Она отвела густые черные косы и показала Хваану свои уши.

Безруков громко расхохотался:

— Ну раз этими самыми ушами, то дело серьезное. Так! Все уходят! Быстро!

Булатов взял за руку Милюнэ и почти силой увел ее берегом лимана домой.

Милюнэ едва попевала за Булатом.

— А что с ними будет? А? Я боюсь за них...

Булатов затащил Милюнэ в комнату, запер дверь и, едва переведя дыхание, спросил:

— Что случилось? Почему они собрались идти к ним? Кто-нибудь приходил? Что-нибудь говорил?

— О, Булат, ты столько у меня спросил, мне трудно сразу ответить,— простонала Милюнэ.

— Говори!

— Я услышала,— принялась сбивчиво рассказывать Милюнэ,— говорит Струков Громову: скучно нам тут сидеть да водку лакать и в шашки играть... Пойдем-ка к кому-нибудь в гости... Сначала собрались к Трениву. Но Громов сказал: нельзя, он ревнивый... А ты, Булат, тоже ревнивый?

— Говори, говори! — с нетерпением попросил Булатов.

— Перебрали почти всех, а потом вдруг Струков говорит: давай-ка к Безрукову сходим. Чего-то ему не нравится... Странные, говорит, люди: не пьют и в шашки не играют. В другую игру — забыла... Ну вот и собрались, а я на всякий случай решила предупредить.

— Ты молодец, Машенька! — со вздохом облегчения произнес Булатов и поцеловал Милюнэ.

— Как хорошо! — прошептала Милюнэ.— Не зря я бежала.

Когда Громов и Струков вежливо постучались в дверь, они тут же слышали дружное:

— Войдите!

В комнате при свете керосиновой лампы за шахматной доской сидели Безруков и Хваан.

— Здравствуйте, господа! — громко поздоровались вошедшие, испытующе оглядывая обстановку.

— Видишь,— кивнул на шахматную доску Громов,— вон как интеллигенция развлекается. А ты все — шашки да шашки. В шахматы надо учиться играть, господин Струков!

— Слушаюсь, ваше благородие! — вытянулся Струков.— Будем стараться.

— Садитесь,— радушно пригласил гостей Безруков,— сейчас чашек поставим...

— Вот,— с укоризной произнес Громов,— чай пьют люди...

Дмитрий Мартынович приготовил нехитрое анадырское угощение — крепкий чай, юхалу, американское сливочное масло в жестяной баночке и колотый сахар, называемый местными ново-мариинскими покупателями в отличие от тростникового русским.

Громов, громко прихлебывая чай и с хрустом разгрызая крепкий сахар, продолжал с какой-то пытливой насмешливостью поглядывать на Безрукова.

Сергей Евстафьевич старался не показывать своего беспокойства.

— Послушайте, господа,— вкрадчиво заговорил Громов,— уж лучше сразу признайтесь... Чего нам прятаться друг от друга? Поверьте мне, за свою жизнь я и не таких повидал.

Дмитрий Мартынович шевельнулся, но Безруков метнул на него взгляд, остановив.

— Особенно в Сибири таких навалом,— продолжал каким-то доверительным голосом Громов.— Хлыстовцы, трясуны, скопцы, старо-

веры, молокане... Молокане — те на Кавказе обретались... И еще черт знает кто! Как ваша секта называется?

Услышав это, Безруков почувствовал, как от его лица отхлынула кровь. Внутренне он улыбался и ликовал, но напряжение на лице оставалось, и он, криво улыбнувшись, ответил:

— С чего это вы взяли, ваше благородие, что мы сектанты?

— Как с чего? — вступил в беседу Струков. — Я же за вами давно присматриваю. Странную жизнь ведете, господи! В православную церковь не ходите — раз, не пьете и в карты не играете — два, с бабами тоже баловства не позволяете... Это что же такое? А? Народ подозрительный у себя собираете и по ярангам бродите. Да тут дурак догадается, что это секта. Имейте в виду вот что: здешний дикарь своего бога ни за что не променяет. Я уж допекал нашего отца Михаила, так он мне сказал, что это дело безнадежное... Так что вы напрасно стараетесь.

— Вы зря это, господи, на нас такой поклеп возводите, — усмехнувшись и незаметно глубоко вздохнув, ответил Безруков. — Люди мы скромные, степенные, и главная наша забота — деньги скопить и открыть собственное дело. И приехали мы сюда, надеясь, что тут поболее места под солнцем...

— Места тут много, это верно, — утробно засмеялся Струков, — а вот солнца маловато.

— Да уж бог обидел эту землю, — сказал Громов. — Когда я сюда соглашался, и не думал, что окажусь в таком аду.

— Но ведь люди-то здесь живут, — осторожно заметил Безруков. — Уже много столетий.

— Какие люди! — брезгливо произнес Громов. — Дикарь разве человек?

— Но ведь не только дикари здесь живут, — возразил Безруков. — Вон сколько торговцев, прямо один на другом в Ново-Мариинске, шахтеры да рыбаки.

— С ними тоже каши не сварить. Одни так напуганы, нос боятся высунуть наружу, другие погрязли в разврате и пьянстве. Сожительствоуют с туземками, вот как ваш дружок этот, который на радио служит в охране...

— Булатов?

— Он самый. Ну что за женитьба, прости господи? Родятся детишки, кто они будут?

— Но ведь вы сами подтвердили брак, — напомнил Безруков.

— Ну и что? У нас военная диктатура. Придет гражданская власть — кто удостоверит?

— Главное — они любят друг друга, — заметил Хваан.

— И вы верите в любовь между белым человеком и туземкой? — с удивлением спросил Громов.

— Почему нет? — пожал плечами Хваан. — Вы же сами видели Машу. Разве ее нельзя полюбить?

— Да бабенка-то она вкусная, — оживился Струков. — Толкуют тут, что она не простая.

— Как — не простая? — спросил Безруков.

— Королевских кровей она будто бы...

Безруков засмеялся.

— И верно, видом она чисто королева! — сказал он. — А родом она с оленного стойбища, что возле Танюрера. С голоду там вымерли все. Осталась одна. Перебралась в стойбище Армагиргина, которого почитали королем чукотским, а оттуда сюда, в Ново-Мариинск.

Гости допили чай.

На прощанье Струков оглядел комнату и сказал:

- Надо что-то делать.
 Холодом повеяло на Безрукова от этих слов.
 — Что **вы** имеете в виду?
 — Подохнем к весне от скуки и стужи,— мрачно сказал Струков.

Глава третья

Первоначально свержение колчаковской власти в Анадыре группа Мандрикова намерела произвести в январе—феврале 1920 года, одновременно с массовыми выступлениями рабочих против власти Колчака в Иркутске, Хабаровске, Владивостоке, Петропавловске-на-Камчатке. Деятельность группы Мандрикова стала серьезно тревожить колчаковцев.

Н. А. Жихарев, «В борьбе за Советы на Чукотке». Магадан. 1958.

Милюнэ открыла дверцу печи и посмотрела на скачущий поверх угля синий огонь. Через минуту-две пламя станет рыжим и загудит в обитой железом печке. Печка холодная, хотя вчера она была раскалена: сильные ветры с верховья выдули все тепло. Они не давали лиману замерзнуть, и между берегами плавала шуга. Если так будет еще недели две — уголь кончится.

Учватов принес очередные телеграммы. Он вошел в уездное правление весь в снегу и долго отряхивался в коридоре, сметая налипший на шинель снег. На дощатом полу остались большие лужи, и Милюнэ аккуратно вытерла их старой мешковиной.

За работу положили жалованье, показавшееся Милюнэ необыкновенно большим и щедрым. И как ни разуверял ее Булатов, она долго не могла прийти в себя после первой полочки.

За стеной голоса становились громче.

Учватов вышел из кабинета. Струков выглянул в коридор и крикнул склонившейся у печи Милюнэ:

— Никого не пускать!

Телеграмма была странная. В первой ее части выражалось неудовольствие по поводу расстрела двух шахтеров. «Беспочвенные репрессии могут только ожесточить восстанавить против власти население присутствие мирового судьи Суздалева должно использоваться полной мере создания впечатления законности... агентурным сведениям известный большевистский агитатор Михаил Сергеевич Мандриков возможно находится Чукотке вместе другим известным большевиком Всеволодом Сибирцевым Михаил Мандриков совершил дерзкий побег владивостокской тюрьмы предлагается начать поиск вышепоименованных преступников поимке немедленно арестовать предать военному суду управляющий Камчатской областью Червлянский».

— Лично я убежден, что Мандрикова в Ново-Мариинске нет! — сказал Струков.— Ну посудите — я тут перебрал всех от кладбища до радиостанции — никто не подходит...

— А этот парень, который сожительствует с туземкой?

— Смоленский он, мой земляк,— ответил Струков.— Пытал я его уже насчет этого. Я же сам смоленский...

— А моряк этот? Пяять-чинить?

— Норвежец чистой воды,— ответил Струков.

— Может, он затесался в твою милицейскую команду? — Громов пытливо посмотрел в глаза.

— Мандриков-то? Да вы что, ваше благородие?! Я сам подбираю свою команду...

Громов выпил и вдруг сказал:

— А может, ты сам большевик? А?

Струков закашлялся:

— Не обижайте меня, ваше благородие...

— Ладно,— мирно произнес Громов.— Знаешь, чует мое сердце, что он и впрямь где-то среди нас сидит. Но кто? Иной раз мерещится там, где и подумать-то невозможно... А вот вы, господин Струков, никогда не задумывались над тем, почему большевики захватили власть в России?

— Как — почему? — пожал плечами Струков.— Временный успех озлобленной черни, грабителей...

— Бросьте, господин Струков,— слабо махнул рукой Громов.— Значит, вы серьезно над этим не думали. А я вот думал... И каждую ночь об этом думаю. Ведь что получается. Против большевистской власти поднялся весь мир. Корнилов, Врангель и, наконец, наш адмирал Колчак получают помощь со стороны таких могущественных держав, как Америка, Англия, Франция и Япония... Казалось, слабое усилие — и власти большевиков конец! Ан нет! Держатся. В чем тут дело?

Струков беспомощно развел руками.

— А дело в том, что война идет против народа, понимаете, господин Струков? Против русского народа,— подняв палец, торжественно провозгласил Громов.— Вся хитрость в том, на чьей стороне народ. Если нам удастся перетянуть народ на свою сторону — наша будет власть, а нет — победы не ждите, господин Струков.

— Выходит, все, что мы делаем, зря? — прищурился Струков.

— Почему зря? — встряхнулся Громов.— Мы верим в победу. Но крови будет много. Чтобы народ поверил нам, в нашу силу, надо застрашать его, поставить обратно на колени... На колени перед богом и отечеством! — Громов стукнул кулаком по столу, звякнув стаканом о бутылку.— Ты присмотришься к здешним чуванцам и тем, кто называет себя русскими... Куркутским, Никитиным, Синицким... Подозрительный народец. С одного боку вроде и впрямь русские, но с другого — чистые дикари. Вот за ними надо доглядывать.

Прислушиваясь к разговору в кабинете, Милюнэ старалась меньше звякать ведром и совком.

Выйдя в коридор, Струков увидел склоненную у печки фигуру Милюнэ. Она усердно шевелила кочергой в бушующем пламени. Какой-то червячок шевельнулся в груди у Струкова, но вспомнив черные, словно литые кулаки Булатова, он прошел мимо.

Для начала он решил зайти к Анемподисту Парфентьеву, благообразному человеку, которого часто видел в церкви. Он пособлял отцу Михаилу во время службы, а раз после пурги даже забрался на колокольню поправить покосившийся от ветра крест.

Еще в сенях Струков услышал пение:

Напишу я письмо не пером, не чернилом,
Напишу я письмо горящей слезой...

— Есть кто дома? — крикнул из сеней Струков, чтобы дать знать о своем приходе.

— Есть, почему нет? — Дверь, обитая оленьими шкурами, отворилась, и сам хозяин выглянул.— Я тут дома, моя жинка дома, детишки... Куда нам ходить, дома сидим.

Струков вошел в маленькую комнатку. У окна стоял столик, а остальную часть комнаты занимали полаты и большая печка.

— Гляди, Матрена, кто к нам в гости пришел! — засуетился Анемподист Парфентьев. — Проходите, ваше благородие, садитесь.

В комнате было душно и тепло.

Струков снял шапку и перекрестился на образа.

Его удивила лампадка, горящая довольно ярким пламенем без копоти.

— Где лампадное масло берете? — спросил он, кивнув на образ.

— У моря берем, у тюленя, — ответил, кланяясь в пояс, Анемподист. — Поставь-ка, Матрена, самовар, гостю с холоду чаю хочется.

— Стало быть, в лампаду тюлений жир заливаете? — продолжал пытаться Струков.

— Он самый, — кивал Анемподист. — В нашей церкви только такое сало и горит.

Только теперь Струков догадался, отчего это в ново-мариинском храме воняло, как на китобойном судне.

Матрена, дородная, но шустрая баба, обмахнула тряпичей единственный гнутый венский стул и подала почетному гостю:

— Садитесь, пожалуйста.

Детишки мал мала меньше гнездились на полатах и оттуда испуганно смотрели на неожиданного гостя, вполголоса обсуждая его шинель, погоны и особенно длинную саблю, волочащуюся по полу и ставшую стоймя меж коленей, когда Струков уселся на стул. И еще на поясе у него в кожаном чехле висело маленькое ружьецо, из которого стреляют по людям...

Анемподист был страшно напуган приходом Струкова. Он ворошил мысли, стараясь дознаться, по какому такому случаю прибыл самый большой милицейский начальник. Может, надумал куда поехать на собаках? Однако упряжка лучшая у Вани Куркутского или же еще лучше — у Тымнэро. Или что случилось в правлении? Сердце колотилось где-то у самой глотки, потом проваливалось вниз. После расстрела тех двоих несчастных с угольных копей Анемподист потерял спокойствие. В Ново-Мариинске быстро узнали, кто был при этом, и даже близкий родич Ваня Куркутский перестал заходить. Остальные косились и при встрече старались поскорее уйти в сторону. А чем виноват Анемподист? Поглядеть бы на Ваню Куркутского, если бы к нему посреди ночи пришел бы сам Струков. Уж точно бы наложил в штаны и побежал бы вперед как собака.

Заварили чай и поставили перед Струковым лучшую чашку — из китайского фарфора.

— Где покупал? — спросил Струков, щелкнув ногтем по тонкой стенке чашки.

— В лавке у Сооне-сана, — быстро ответил Парфентьев. — Вам нравится?

— Больно тонка, — заметил Струков.

— Это вы правильно заметили, — ответил Анемподист.

Этот анадырец по-русски говорил лучше остальных и старался выражаться без употребления этих словечек: мольч, доспел, постеля...

— Дело у меня к тебе, — сказал Струков, оглядел еще раз комнату. — Секретное...

— Помилуйте! — вдруг всхлипнул Анемподист. — Ослобоните меня от этого!

Струков в удивлении уставился на плачущего Парфентьева.

— Ты чего? Еще ничего не слышал, а уже сопли распустил, туземная твоя морда! Перестань!

Но тут, к замешательству Струкова, вдруг тихо завывли многочис-

ленные ребяташки на полатях, мелко затряслась Матрена с горячим самоваром в руках.

— Отец родной! — размазывал по лицу слезы Анемподист. — Отпусти мою душу грешную на покаяние! Сил больше нет, да и детишек надо чем-то кормить... Ослобони, Христа ради!

— Тьфу ты! — свирепея, крикнул Струков. — Замолчишь ты?

Но плач становился все сильнее, и вдруг Струкову стало жутко. Нахлобучив шапку, он выскочил из дома Анемподиста Парфентьева, слыша за собой нарастающий вой.

Постояв на свежем воздухе, немного пришел в себя. Черт знает что за народ здесь! Он был уверен, что ему будет легко уговорить Анемподиста Парфентьева помогать немножко, рассказывать что да как, а он, сволота такая, не дал даже объяснить, в чем дело. Тьфу ты черт!

Струков сплюнул под ноги и посмотрел на лиман.

Кое-где уже стоял лед, но еще курились на морозном воздухе белым паром открытые полыньи.

Надо ехать в угольные копи. Скорее всего там прячется этот Мандриков.

— Говоришь, телеграмма? — спросил Безруков у Милюнэ.

Она кивнула и добавила:

— Они ее и читали и потом говорили.

— Вот бы ее взять... — сказал Хваан.

— Ни в коем случае! — торопливо и строго сказал Безруков. — Ах, если бы ты была грамотная!

— А почему ее не научить? — сказал Хваан. — Девка она смышленая, да и учитель у нас есть. С дипломом.

— Кто? — с интересом спросил Безруков.

— Михаил Куркутский, — ответил Хваан.

— А верно! — обрадованно улыбнулся Безруков. — А я-то совсем запамятовал! Ну как, Маша, будешь грамоте учиться?

— А разве я смогу? — с сомнением спросила Милюнэ.

— А почему не сможешь? — удивился Безруков.

— Так ведь я старая...

Безруков расхохотался:

— Ну насмешила! Старая!

— Говорят, этой премудрости надо с детства учиться, — объяснила Милюнэ.

— С детства оно, конечно, лучше, — всерьез сказал Безруков. — Но и в твоём возрасте ещё далеко не поздно. Вот только надо спросить, возьмётся ли Куркутский.

— И ещё мужа, — напомнил Хваан.

Он был прав. Когда Булатову сказали, что решено с помощью Куркутского учить Милюнэ грамоте, он категорически заявил:

— Я сам буду учить ее!

— Так ведь Куркутский — учитель, — заверял его Безруков. — У него диплом даже есть.

— А я ейный законный муж, — мрачно отвечал Булатов. — Как же от живого мужа жену отдавать другому мужику?

— Да ты что? — Безруков удивленно поглядел на Булатова. — Он же будет учить ее грамоте. Понимаешь это или нет? Для дела.

— Я сам буду учить грамоте, — упрямо повторял Булатов. — Пусть мне Куркутский скажет как, и я буду.

Милюнэ смотрела на мужа и понимала, почему он не хочет, чтобы кто-то другой учил ее. И тогда она сказала:

— Пусть сам Булат учит... Я буду стараться.

— Ну смотри, Булат.— Безруков погрозил пальцем.— Задание серьезное, ответственное.

— Ну уж ладно, чего там,— буркнул Булатов, уводя жену домой.

На радиостанции он раздобыл чистый журнал, достал два карандаша и в один из вечеров приступил к обучению.

— Мы начнем с буквы «а»,— важно и торжественно сказал он Милюнэ, принарядившейся по этому случаю в белое свадебное платье.— Вот гляди, как она пишется.

— Таких «а»,— оживленно заметила Милюнэ,— у Теневиля много.

— Разве у него русская грамота?— с удивлением спросил Булатов, слышавший от жены об изобретателе письменности.

— Они у него в яранге валяются,— сказала Милюнэ.

— Эти буквы?

— Они самые! На стене висят. Деревянные.

— Зачем же они висят?— растерянно спросил Булатов.

— Он на них шкурки сушит,— объяснила Милюнэ.— Песцовые, заячьи, лисьи.

Она взяла карандаш и осторожно поставила в начертанной мужем букве вторую перекладинку.

— Только у некоторых распялок вот так...

Булатов наконец догадался, о чем идет речь, и обрадованно сказал:

— Тогда тебе легко будет запомнить эту букву. Выходит, она похожа на распялку. А произносится она так — а-а-а!

Милюнэ смотрела, как Булатов тянул звук, и ей становилось смешно. Будто вдруг у него заболел зуб или живот.

Она встала и звонко поцеловала учителя в раскрытый рот.

— Ты что?

— Ты был похож на младенца,— улыбнувшись, сказала Милюнэ,— когда он голоден и просит грудь.

— Ну тебя!— смущенно махнул рукой Булатов.— Давай лучше учиться грамоте. Ты запомнила букву «а»?

— Запомнила,— кивнула Милюнэ.— Похожа на распялку Теневиля, а глянешь на нее — надо стонать.

— Не стонать,— поморщился Булатов,— а произносить букву — а-а-а!

Булатов и Милюнэ сидели друг против друга, разделенные столом. Милюнэ послушно произнесла: а-а-а! Потом сказала:

— Давай я лучше рядом с тобой сяду.

— Но так удобнее.

— А я хочу рядом,— упрямо повторила Милюнэ.

— Ну ладно,— вздохнул Булатов,— садись рядом.

Милюнэ перебралась и уселась, прижавшись к Булатову боком.

Она жарко и шумно дышала ему в ухо, смущая его, горяча кровь. Голову кружил сладкий туман.

— Маша,— Булатов отодвинулся от нее,— давай перейдем к другой букве. Вот она — «бе». Видишь?

— На Сооне-сана похожа,— прошептала Милюнэ.— Животик спереди и большая шляпа. Только почему он спиной стоит?

— Кто стоит?

— Сооне-сан.

— Так это не Сооне-сан, а буква «бе»!

— «Пе».

— Не «пе», а «бе»!

— Булат, дай твою руку.

Булатов машинально дал руку Милюнэ. Она расстегнула платье и положила его руку на голый живот.

— Ты что? — отдернул руку Булатов.

— Так мне приятно, — сказала Милюнэ, снова взяла руку и положила на живот. — Показывай дальше буквы...

Но Булатов уже не мог вести урок...

Потом, лежа на кровати, они разговаривали.

— Трудно мне будет научить тебя грамоте, — со вздохом произнес он.

— Я буду очень стараться, — обещала Милюнэ.

— Как сегодня?

— Сегодня я очень тебя любила, — прошептала Милюнэ и поцеловала его.

— Возьмем власть, сразу откроем школу, — уверенно сказал Булатов. — И для детишек и для взрослых. Мне ведь тоже надо учиться. Я ведь только три зимы ходил в школу.

— Скорее бы, — со сдержанным нетерпением произнесла Милюнэ. — Я так хочу, чтобы было как в Петрограде, как в Москве... Я тоже хочу увидеть знаешь кого?

— Кого? — приподнялся на локте Булатов.

— Ленина, — тихо ответила Милюнэ. — Когда Безруков рассказывал, я так и видела будто бы его. Слышала его слова... Поедем в Петроград, Булат?

— Поедем, — ответил Булатов. — Вот только закончим тут дела, поставим твердую пролетарскую власть.

— Я и хочу ехать и боюсь, — шептала Милюнэ, прижимаясь к мужу. — Это так далеко, до луны ближе...

— Нет, до луны дальше...

— Почему дальше? Ведь луну мы видим и даже различаем на ней охотника, который тащит нерпу, а Петроград и Ленина мы не видим. Значит, куда ближе? Конечно, до луны. Только туда никак не допрыгнуть, потому что высоко. Но в сказках люди поднимались и до луны. На больших и сильных орлах взмывали к небесам и уже оттуда ступали на луну.

— Ну и как там? — заинтересовавшись, спросил Булатов.

— Обыкновенно, — ответила Милюнэ. — Только сама луна очень невелика, чуть больше шаманского бубна.

— А вот теперь меня слушай, Маша... Все, что ты говоришь про луну, это сказки, — сказал Булатов. — На самом же деле луна — спутник земли, даже, говорят, осколок нашего мира. Как ты думаешь, какая наша земля?

— Хорошая, — подумав, ответила Милюнэ.

— Это само собой, — перебил Булатов. — Какой формы наша земля — круглая, или плоская, или еще какая? А?

— На этом берегу лимана плоская, а на другом — холмистая, а по дальше — горы видны в хорошую погоду.

— Да не про это речь. — Булатов даже сел на кровати. — Вся наша земля — круглая! Понимаешь? Совсем круглая!

Милюнэ зевнула.

— Об этом мне Иван Архипыч говорил, да я не поверила... Да и никто умный не поверит.

— Ты хочешь сказать, что я не умный? — обиженно спросил Булатов.

— Раз ты так говоришь, — пожала плечами Милюнэ. — Но утром ты будешь говорить по-другому.

— Да я и утром тебе скажу, что земля круглая! Да спроси кого хочешь — того же Безрукова.

— Он такой глупости говорить не будет, — убежденно сказала Милюнэ.

— Это почему же?
— Потому что он умный.
— А я не умный?
— Ты не обижайся,— умоляюще попросила Милюнэ.— Если не хочешь сердиться, не говори, что земля круглая... Хорошо?
— Да круглая же она!
— Ну хорошо,— примирительно сказала Милюнэ,— если уж очень тебе хочется, пусть земля будет круглая.
— Да не я хочу, а она действительно такая! — Булатов чуть не плакал.

Безруков собрался ехать на угольные копи.
Сидели в домике у Булатова и ждали, когда подъедет Тымнэро.
— Вот скажите ей, Сергей Евстафьевич, что земля круглая,— попросил Безрукова Булатов.
— Да,— сказал Сергей Евстафьевич,— действительно, как доказано наукой, земля имеет форму шара.

Милюнэ как-то странно, чуть ли не страдальчески посмотрела на Безрукова, потом на Булатова и молча кивнула в знак согласия.

Послышался собачий лай.

В комнату вошел Тымнэро, одетый по-зимнему. Он был аккуратно подпоясан, на поясе в ножнах висел нож, а в руках он держал хорошо сплетенный кэнчик.

Еще должен подъехать Ваня Куркутский. Поездка была обставлена как перевозка продуктов из государственного продовольственного склада в тамошнюю лавку. Оттуда нарты должны были привезти уголь в мешках.

— Садись сюда,— позвала Милюнэ Тымнэро, показывая на лавку у стола.

— Ничего, я здесь постою,— ответил Тымнэро.

Ему было любопытно оказаться внутри тангитанского жилища. То, что рассказывала Милюнэ, было не в счет, как предполагал Тымнэро, она в силу своей женской натуры многое видела не так, как было в действительности.

— Да ты не бойся, не стесняйся,— с улыбкой произнесла Милюнэ.— Тут все свои.

«Для тебя свои»,— подумал Тымнэро, однако бочком продвинулся вперед.

Милюнэ налила ему чаю и положила рядом большой кусок хлеба, намазанный маслом и еще чем-то желтым поверху.

Эх, унести бы это домой дочке!

— Это мне? — шепотом спросил Тымнэро.

— Тебе, конечно,— ответила Милюнэ, которой очень нравилась роль хозяйки.

Тымнэро отхлебнул чаю и осторожно откусил хлеба. Что-то было невообразимо вкусное и сладкое. Наверное, это и есть американская патока.

Хлебая чай, Тымнэро искоса поглядывал на собравшихся. Однако никто на него не обращал особого внимания. Может, Милюнэ и права на этот раз, утверждая, что эти тангитаны совсем другой породы, чем те, которые сидят в доме уездного правления.

Подъехал с нагруженной нартой Ваня Куркутский, и упряжки двинулись берегом за вторую рыбалку Сооне, где лед должен быть крепче. Возле Алюмки из открытых полыней еще поднимался пар.

Безруков сидел на нарте Тымнэро, примостившись немного бочком. Этот тангитан, по всему виду, впервые ехал на собаках. Он ерзал, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, искал удобное

положение. Под скалами Второй бухты Тымнэро остановил нарту и подстелил пассажиру клоч шкуры белого медведя. Безруков поблагодарил каюра:

— Спасибо, друг.

Друг... Надо же! Произнес, будто так и должно быть и Тымнэро впрямь был другом этому тангитану.

А седок смотрел на широкую спину каюра, и беспокойные мысли одолевали его. Найдёт ли он на угольных коях нужных людей? Условия подпольной работы на Чукотке оказались неизмеримо сложнее, чем в Приморье. Прежде всего отсутствие сильной рабочей прослойки, незнание языка местного населения, его настроений...

Собаčky упряжки отъезжали от Ново-Мариинска. Снежный покров размыл границы между морским пространством и берегом. Низкое зимнее белесое небо казалось продолжением нартового пути. Собаки быстро перебирали лапами, и полозья чуть слышно шуршали по свежему снегу, еще не тронутому ни единым живым следом.

В этой монотонной белизне особенно хорошо думалось.

Давно ли все это было? А сколько событий, встреч, какие расстояния преодолены!..

Еще учеником ремесленного училища в родных Горах на Могилевщине деревенский паренек мечтает о Петербурге. На Путиловском заводе с первых же дней знакомится с революционно настроенными рабочими и посещает марксистский кружок. После службы на флоте механик машинного отделения крейсера «Олег» отправляется на Дальний Восток, о котором наслышан от друзей — балтийских моряков. Во Владивостоке становится членом подпольной марксистской группы, а легально — директором-распорядителем Приамурского товарищества кооперативов.

После Февральской революции на Дальнем Востоке ожесточилась политическая борьба. Трудно, наверно, было бы разобраться во всем. Но рядом были хорошие товарищи: и Всеволод Сибирцев — опытный подпольщик, большевик, и порывистый Костя Суханов, и совсем еще юный, стройный, как девушка, Саша Фадеев-Булыга.

Дальневосточники избрали бывшего балтийского моряка в Учредительное собрание. В Петрограде он встретился со старыми друзьями с Путиловского завода.

Учредительное собрание просуществовало только один день. Посланец революционеров Дальнего Востока стал активным участником Третьего Всероссийского съезда Советов. Слушал речь Владимира Ильича Ленина, и удивительное чувство тогда охватило его: каждое слово, каждая мысль пролетарского вождя, казалось, уже были им самим продуманы...

В середине лета 1918 года во Владивостоке состоялся седьмой съезд уполномоченных Союза приамурских кооперативов. Ему предстояло рассказать о съезде Советов, о речи Ленина. Слушали внимательно. Тогда многим казалось, что победа близка. Но уже волны белочешского переворота докатились до Владивостока. Последовали аресты... И вот они в тюрьме — Михаил Губельман, Константин Суханов, Всеволод Сибирцев...

Лагерь охраняли белочехи и японские солдаты, но арестованные и здесь продолжали учиться.

Первая годовщина Октябрьской революции... Митинг и речь Кости Суханова. Кажется, и сейчас в белой тишине можно услышать его глуховатый голос: «Я поздравляю вас, товарищи, с первой годовщиной Великого Октября. Вся наша страна празднует в этот день дату победы народа над властью помещиков и капиталистов! И хотя советская родина охвачена огнем гражданской войны с интервентами,

перед народом открылись светлые перспективы будущего строительства нового, социалистического государства. Революция дала рабочим права быть хозяевами своих фабрик и заводов, а крестьянам отдала землю, и каждый сознательный гражданин отныне станет трудиться на благо своей родины».

Это была последняя речь Кости Суханова, пламенного большевика, мечтателя. Через несколько дней по дороге из концлагеря в тюрьму Костя Суханов и еще несколько товарищей были застрелены якобы при попытке к бегству.

Полгода готовились к побегу оставшиеся в живых. Им удалось вырваться из лагеря.

Первое время скрывались на чердаке дома большевика Николая Матвеева. Но из Владивостока надо было уходить. Они были слишком хорошо известны колчаковцам и всем разведкам интервентов... Так возникла идея отправить группу на Чукотку.

Перед отъездом встретились со Всеволодом Сибирцевым.

«Чукотка,— сказал Сибирцев,— на западе граничит с Якутией, а на востоке — с Соединенными Штатами Америки. В Ново-Мариинске мощная радиостанция. На самый крайний случай можно через Якутск организовать связь с советской Россией, а через радио Ново-Мариинска передавать обращения к мировому пролетариату. Словом, действуйте по обстановке. Задачи революции остаются прежними: установление советской власти повсеместно на всей территории бывшей Российской империи, власти рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Чукотка... Вот она лежит, покрытая снегами, таинственная и молчаливая.

Каюр о чем-то вполголоса разговаривал с собаками, и те, к удивлению Безрукова, как бы понимали его. Вожак умными глазами поглядывал на каюра, согласно моргал и поворачивал в нужном направлении.

Нарты шли по льду медленно, почти на ощупь.

Куркутский часто притормаживал упряжку, уходил вперед и палкой с острым наконечником пробовал крепость льда.

Украдкой выглянуло низкое солнце, осветив дальние горы.

Остановились, нанесли на полозья новый слой льда вместо истершегося, и пустились дальше.

Лишь к вечеру вышли на твердую землю — из-за тонкого льда сделали изрядный крюк — и теперь круто повернули на восток, через замерзший залив на мыс Обсервации, который в ясную погоду каждый день Безруков видел в окошко своего склада.

С мыса по одну сторону виднелся Ново-Мариинск с радиомачтами, по другую — утонувшие в снегу домишки угольных копей. Жирный, густой дым стлался над крышами.

Ближе к шахте снег заметно темнел. А возле огромного махового колеса лебедки он был сплошь покрыт угольной пылью и кусками породы.

Шахтеры радушно встретили путников и тут же повели их греться в небольшую конторку, где от железной печки, сделанной из бочки, полыхало нестерпимым жаром. Быстро разгрузили нарты, артельщик принял товар и стал раздавать нетерпеливым сахар, чай, табак.

Пока каюры пили чай, Безруков знакомился с небольшой лавкой, скорее кладовкой, где шахтеры брали нужные им товары.

Когда в комнатухе остались втроем, Безруков улыбнулся и тихо сказал:

— Вам привет от Каширина.

Один из шахтеров подал руку:

— Ну вот, наконец свиделись... Сергей Кошелев...

Второй тоже назвался. Это были именно те люди, которых знал Волтер.

— Как же так случилось с двумя расстрелянными? — спросил Безруков.

— Наткнулись на них с обыском, — вздохнул Кошелев. — А взрывчатку хранили впрок, чтобы по весне глушить рыбу на озерах... Хорошие ребята, жалко их...

— Ну как вы тут? — спросил Безруков, всматриваясь в лицо Сергея Кошелева — крупное, скуластое, с вьезшимися в крылья носа точечками угольной пыли.

— Мы ждали вас, — ответил Кошелев. — Группа у нас небольшая, но оружие есть всякое — дробовое, пулевое.

— Товарищи, без особого распоряжения из Ново-Мариинска — никаких выступлений, — предупредил Безруков. — Гибель безвинных товарищей — это жестокий урок. Надо строго соблюдать конспирацию. Нас не так много, чтобы из-за глупой неосторожности провалиться... Ждите от нас связного... Ну а паролем пусть пока остается — привет от Каширина...

— А где он сам? — спросил Кошелев.

— Партия послала его в Якутию, — ответил Безруков.

На обратном пути в Ново-Мариинск Безруков ехал на нарте Куркутского. Он мысленно подсчитал соотношение сил. Если не принимать во внимание крохотного милицейского отряда Громова, то, в общем-то, на стороне колчаковцев остается немного. Даже торговцы и те начинают поговаривать, что при старом комитете было куда выгоднее: Громов установил непомерно высокий налог на торговцев и промышленников якобы для нужд уездного правления. Причем брал налог в твердой иностранной валюте. Многие подозревали, что эти деньги оседают отнюдь не в сейфе канцелярии, но помалкивали и скрепя сердце платили. Японский рыбопромышленник Сооне, который поначалу отказался платить налог, ссылаясь на свое иностранное подданство, был подвергнут превентивному аресту и после суток, проведенных в тюрьме, согласился уплатить налог, хотя и торговался, предлагая китайские юани и японские иены. Но Громов был тверд — или доллары, или царские десятки. Когда Громов пригрозил обыском с последующей конфискацией имущества, Сооне-сан без звука уплатил требуемую сумму, преподнеся деньги с такой улыбкой и с такими церемонными поклонами, словно для него это было величайшим удовольствием.

Пересекали лиман в глубине, в верхней его части, где лед был надежен. Собаки бежали дружно. Глядя на них, на их быстрый бег, Безруков улыбнулся: думал ли он когда-нибудь, что ему доведется ехать на собачьей упряжке? Революция распространяется по всему миру как ураган. И если не Безруков, то кто-то из товарищей, может, уже совсем скоро будет ехать не на собаках, а на слонах в жаркой Индии... Да, там будет полегче. Не так холодно и пустынно. Все-таки тропическая растительность и всякие там кокосы и манго. Может, попроситься туда, когда здесь, на Чукотке, все будет налажено?

Безруков думал об этом с улыбкой, понимая, что уж в Индии-то найдутся свои силы, чтобы пойти по дороге свободы.

Безруков облизал усы: на них быстро нарастал лед и неприятно натягивал верхнюю губу... Да, там, в Индии, такого не будет. Тепло, жарко, хоть голый ходи. Интересно, каково на слоне ездить? На узкой нарте сидеть несподручно, да еще при долгой дороге. Так и ерзаешь, ищешь удобное место. Вроде бы нашел, а через пять минут

снова ищешь, как бы поудобнее устроиться. Даже постеленный лоскут медвежьей шкуры нисколько не помогает. А вот на широкой слоновьей спине... Видел Безруков это чудное животное в петроградском зоопарке. Слоны были грустны и лениво прядали большими, серыми, будто мешки из-под сахара, ушами. Вот только глазки больно маленькие у слона, и в них никакого выражения. Не то что у собак. Однако спина у слона, должно быть, теплая, как печка. Сидишь, едешь, словно сказочный Емеля на русской печке: сверху солнышко греет, а под тобой слон. У такой громадины и температура должна быть соответствующая. Вот благодать! Нет, надо попроситься в Индию. Хотя бы для справедливости: тех, кто делал революцию в холодных местах, особенно вот в таких, как Чукотка, направлять потом в теплые и жаркие страны. Для равновесия, так сказать...

Чем больше Безруков думал об Индии, тем холоднее ему становилось, и, когда заговорил, он едва разжал стянутые стужей губы:

— Слушай, Куркутский, ты про Индию что-нибудь знаешь?

— А кто он? — живо отозвался каюр.

— Не человек, а страна такая.

— Китай, что ли? Али Япония?

— Индия. Какой Китай, какая Япония? На слонах там ездят.

— По сколькок запрягают? — с интересом спросил Куркутский.

— Не запрягают, а верхом везают на них, — ответил Безруков.

— У нас ламуты тоже верхом на оленях ездят, дикоплешие, — сообщил Куркутский, — онкак от этого у них ноги кривые становятся, свободно пролезть меж них можно.

— Так ты про слона и не слышал? — спросил Безруков.

— Слышал, — уверенно ответил Куркутский, — животина, говорят, огромная, как морж.

— Так вот в Индии на них верхом ездят, — сообщил Безруков. — А он теплый, этот слон, чисто печка, изнутри греет.

— Взопреешь, мольч, — философски заметил Куркутский. — Особливо если в двойной кухлянке да в меховых штанах. На нарточке лучше. Холодочек вокруг тебя, а застыл — встал, пробежался, и снова тепло... Куды там тебе слон!

Безруков понял, что ему не соблазнить жителя холодного края индийской жарой, и он умолк, с трудом сомкнув опухшие от мороза губы.

Вечная мерзлота... От кого же он это слышал? Да уж точнее и не скажешь. В поисках удобного места на нарте Безруков повернулся лицом назад и смотрел на едущего следом Тымнэро. Разве не пребывает душа этого чукчи в той же вечной мерзлоте, как и вся окружающая природа? О чем он думает? Что у него на душе? Как он воспримет новую власть, власть, которая должна принести ему истинную человеческую жизнь? Истинную жизнь. Кто-то сказал, что сами чукчи себя чукчами не называют, а как это...

— Куркутский, как чукчи сами себя называют? — спросил он каюра.

— Грех сказать, — ответил Куркутский, — народ-то сам дикоплеший, а звание себе взяли — лыгъоравэтльан.

— Что это означает?

— Истинно, доподлинно люди, — ответил Куркутский, — а остальные, мольч, мусор человеческий, не настоящие. Разве так можно рассуждать? Добро бы истинно жили по-людски, а то ведь дикоплешие...

— Слушай, Куркутский, я тебя прошу, при мне это слово — «дикоплеший» — больше не употребляй. Нехорошо это. Чем ты лучше чукчи, если так относишься к ним?

— Так я к ним со всей душой и уважением! — даже как-то сердито ответил Куркутский. — Только вот что скажу, господин Безруков, больно несправедливо к ним относитесь вы, тангитаны. Народ доверчивый, как ребенок, каждый готов помочь, разделить последний кусок, так мало вам того деленного куска, вы еще у него из глотки последний вынимаете. Разве это справедливо? Вот едешь на собаках по тундре. Замерз, чисто твой слон в Индии... Видишь впереди дымок — стойбище, значит, там. Приехал, а тебя встренут как лучшего друга, будто только и делали всю жизнь, что ждали тебя. Починят тебе всю одежду, накормят, лучшую постель дадут... А ведь не видели тебя никогда... А ну попробуй тот же Тымнэро подъехать на собаках к любому дому в Ново-Мариинске да постучаться, чтобы, моля, впустили погреться... Да его так шуганут оттуда, да еще палкой стукнут по спине, чтобы, моля, не совался в чужое жилище... Вот как, господин Безруков... Может, потому они себя и истинными людьми называют? — тихо, с сомнением произнес Куркутский.

Да, работы тут после взятия власти будет непочатый край. Школы открыть, обучение наладить... Люди способные к этому, вон Булат хвастался, что Милюнэ уже почти всю азбуку выучила. Врачей нет: больно много кашляющих, видно, чахотка тут свирепствует. Слышал он, что чукча запросто мрет от детской кори. Да и с жильем у них худое. Безруков вспомнил ярангу Тымнэро. У иной собаки конура получше, чем яранга. Обучить людей, в кооперативы объединить, чтобы сообща работали, чтобы справедливый дележ был. Рыбалки передать кооперативам. И поднять людей из этой вечной мерзлоты к свету, к теплу настоящей человеческой жизни. И все это, может быть, зависит от того, как скоро они поднимут народ...

Впереди показались прочертившие небо мачты анадырской радиостанции. А уже за ними — черные дымки из труб и желтые глазки окошек.

Подъехали к домику. Хаваан встретил на воле, пытливо взглянул в глаза товарищу.

Безруков с ободряющей улыбкой ответил на его спрашивающий взгляд:

— Рано еще нам в Индию собираться!

Вихри враждебные веют над нами...

— А что такое — веют?

Булатов задумался. Почему, действительно, веют? Веют зерно на току, вот это он доподлинно знал.

— Так надо, — твердо ответил Булатов. — Песня революционная, и каждое слово проверено и поставлено для дела.

Милюнэ понимающе кивнула.

Они вполголоса еще раз спели первый куплет:

Вихри враждебные веют над нами,
Черные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

— А что такое — роковой?

— Ну что ты все выспрашиваешь? — сердито ответил Булатов. — Ты должна понимать — песня-то революционная, а что в революционном движении главное? Что Безруков говорил — конспирация! Тайна. Чтобы враг заранее не распознал намерения пролетариата...

— А мне нравится это слово — «пролетариат», — тихо сказала Милюнэ.

Булатов вопросительно посмотрел на свою подругу.

— Я вот кем была? — продолжала Милюнэ. — Сначала Треневы просто кричали мне — эй! А сами друг другу говорили — господин, госпожа, а то и мадам... А мне — эй! Даже когда дали тангитанское имя Маша, все равно чаще кричали — эй! Будто собаку окликали... А это хорошо — пролетарий. Пролетарий Милюнэ. Знаешь, когда захочешь меня нежно-нежно назвать, говори мне — пролетарий. Так тихо, нежно произнеси — пролетарий Маша... Хорошо?

Булатов почесал голову. Милюнэ частенько озадачивала его неожиданными суждениями. Способная она, уже бойко складывала слоги и читала по складам.

— Есть такой лозунг, — сказал Булатов, поглаживая плечо Милюнэ, — его выдвинул вождь рабочего класса Карл Маркс: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Милюнэ широко раскрытыми глазами посмотрела на Булатова:

— Так и сказал — пролетарии всех стран, соединяйтесь?

Булатов кивнул.

— Как хорошо сказал! — с изумлением прошептала Милюнэ. — Так это же он про нас с тобой! Призвал нас друг к другу! И мы соединились.

— Да не в этом смысле говорил Карл Маркс, — усмехнулся Булатов. — Смысл этого призыва в том, чтобы пролетарии всех стран, всего мира объединились для борьбы против богатых, против тех, кто сосет кровь рабочего класса. Поняла?

Милюнэ явно была огорчена тем, что лозунг, оказывается, имел несколько иной смысл, чем она предположила. Но все равно попросила жалобно, заглядывая в теплые желтые глаза мужа:

— Но ты все равно иногда зови меня — пролетарий, хорошо?

— Ладно, — согласился Булатов не в силах устоять перед этими умоляющими глазами, перед этой беззащитной нежностью.

Он смотрел на Милюнэ, и комок подкатывал к горлу, и он думал: почему все-таки, когда он смотрит долго на Милюнэ, ему хочется плакать? Мужчине сильному, пережившему черт знает что, прошедшему полмира, а вот глянул в глаза этой девчонке — и слезы навертываются на глаза; и чтобы она не видела его состояния, он схватил ее в объятия и стал целовать. Закрыв глаза, Милюнэ счастливо улыбалась и что-то тихо шептала про себя часто-часто, как будто молилась или произносила какое-то заклинание...

По вечерам в домик к Булатовым приходили Безруков и Хваан. Считалось, что они столовались у Милюнэ, которая наловчилась отлично готовить во время службы у Треневых. Так и было на самом деле: они даже хотели положить жалованье Милюнэ, но она наотрез отказалась, и никак нельзя было уговорить ее. С трудом сошлись на том, что они будут приносить свою долю продуктов.

В этот вечер они оба были озабочены и молчаливы. Поев и принявшись за чаепитие, Безруков как бы походя спросил:

— Ну как, Машенька, твои успехи в грамоте?

— Уже слоги складывает, — с гордостью за жену ответил Булатов. — Вот тут тетрадка. Она списала у меня всю страницу со старого номера «Нивы». Страсть как любит писать! Просто удивляюсь!

— Это правда? — с интересом спросил Безруков, быстро переглянувшись с Хвааном.

— Правда, — бесхитростно ответила Милюнэ. — Как будто вышиваю по оленьей шкуре что-то красивое... Слова... Наверное, самое красивое, что есть у человека, — это слова. Вот мы учили песню про революцию...

— «Варшавянку» разучивали,— смущенно сообщил Булатов.— Тихонько, никто не слышал...

— И еще пролетарии... Какое хорошее слово! Лучше, чем господин, мадам, госпожа...

— А есть еще слово «товарищ»,— подсказал Хваан.— Так обращаются друг к другу товарищи по революционной борьбе.

Милюнэ задумалась, но потом решительно сказала:

— А мне больше нравится «пролетарий». И потом есть приказ Карла Маркса, чтобы они соединялись...— Она помолчала и тихо добавила, потупившись: — Как мы с Булатом...

— Маша! — пытался остановить жену Булатов.

— Ты смотри! — удивленно произнес Безруков.— Ты, Булат, оказывается, зря время не теряешь. Молодец, молодец! А ты, значит, любишь писать, Машенька?

— Очень люблю! Так бы сидела целый день и писала!

— После победы революции, может, и писателем станешь,— заметил Хваан.

— А это что? — нахмурившись, спросила Милюнэ.

— Человек, который пишет книги,— пояснил Хваан.— Есть такие умные люди.

— Так сколько надо знать, чтобы книгу написать! — ответила Милюнэ.

— Выучишься! — уверенно ответил Хваан.

— Так еще и умной надо быть,— уныло ответила Милюнэ.

— А ты разве глупая? — возразил Безруков.— Гляди, как быстро научилась грамоте! Да это просто чудо!

— Учитель у меня хороший,— с гордостью произнесла Милюнэ.— Хорошо меня учит. Рядом. Когда он рядом, я хорошо понимаю все...

— Машенька! — укоризненно заметил Булатов.

Ему и впрямь было неловко перед товарищами, но он не сердился на Милюнэ. Слушая ее болтовню, поглядывая на нее, он снова чувствовал комок в горле и подступающие к глазам слезы.

— Ты, Булат, наоборот, должен гордиться, что твоя жена так политически выросла,— наставительно сказал Безруков.— Это же важно. У нас не так много людей, которые могут принести настоящую, реальную помощь общему делу. А события решительные приближаются. Так что действуй в том же духе и дальше.

— Так она не все в правильном смысле понимает,— смущенно признался Булатов, виновато глядя на Милюнэ.

— Все как надо понимает! — решительно заявил Безруков.

Пока Милюнэ мыла посуду, мужчины вполголоса разговаривали.

— Пришли какие-то особо секретные телеграммы на имя Громова,— говорил Хваан.— По глазам Учватова видел, что это так. Когда принимал, запер комнату и один сидел. Даже охрану выставил за дверь. Сам лично понес в канцелярию, никому не доверил. Обычно ленится по холоду ходить, посылает кого-нибудь из охраны. А тут сам поперся.

— Пьяный Струков проговорился, будто предупреждение пришло из Петропавловска о существовании заговора в Ново-Мариинске. Даже сообщили имена возможных участников заговора. Но это только предположение.

— Громов распорядился усилить охрану канцелярии, да и к своему дому приставил милиционера на ночь. Ходит, топчется, бедняга, всю ночь мерзнет.

— Да и Струков зашнырял кругом. Чуть ли не все дома обошел. Должно быть, ищет заговорщиков.

— Любым способом нам надо разузнать содержание этих телеграмм,— сказал Безруков.

— Не влезешь ведь в сейф,— заметил Хваан.

— Думать надо,— вздохнул Безруков.

По свежему снегу Тымнэро пошел к Алюмке.

Голые, унылые, покрытые снегом крутые берега острова приближались, и Тымнэро, искоса поглядывая на них, ощущал в глубине живота холодок страха. Поравнявшись с островом, он вынул из тюленьего мешочка мелко накрошенное мясо и кинул в сторону темных берегов, мысленно проговорив: «Будь милостив, дух, ко мне. Ничего мне от тебя не надо, только доброты и понимания. Иду я на кромку льда караулить нерпу... Что для твоих богатств одна-единственная нерпа? Будь милостив ко мне...»

Молитва несколько ободрила Тымнэро. Да еще мысль о том, что за его плечами новый винчестер, заработанный в трудном путешествии с торговым человеком тангитаном Писсекером. Винчестер хороший, Тымнэро пристрелял его за Второй бухтой, установил прицел и убедился, что оружие надежное и точное. Только была бы нерпа.

Дальше лед был тонок, и Тымнэро нацепил лыжи-снегоступы.

День сероватый, обычный, когда свет убывает и приближается время темных ночей и полярных сияний. Анадырский лиман уже крепко замерз во всю ширину, и от угольных копей прелегла привычная колея нартовой дороги, по которой возили уголь. Жизнь шла своим чередом, и вроде бы ничего с виду не изменилось, если не считать того, что на сердце у Тымнэро всегда лежало темное облако горечи и печали о той страшной памятной ночи. Как же можно вот так запросто застрелить человека? Ведь они не просили смерти, как это иногда водилось среди чукотского народа. Это бывало очень редко, когда человек становился немощен и чувствовал, что он уже лишний среди живущих. Просили смерти обычно дряхлые старики или безнадежно больные люди. Это было просто и понятно... Но те парни были совсем здоровые и, по всему виду, не хотели умирать... Стараешься забыть все это, а проснешься среди ночи — и видишь их. Темные, почерневшие от предчувствия смерти лица и глубоко запавшие глаза, светящиеся, как потухающий жирник...

С этими печальными думами Тымнэро дошел до края припая и осторожно приблизился к открытой воде. В этом месте лед был коварен, часто подмывался подводными течениями, истончался, и бывало, что охотник проваливался в ледяную воду.

Тымнэро скользнул снегоступами по льду, прислушался, не трещит ли где-нибудь, попробовал наконечником посоха лед.

У кромки Тымнэро соорудил из кусков льда убежище, чтобы нерпы не могли его заметить, и уселся в ожидании. Иной раз можно было просидеть весь день и не увидеть ни одной нерпы, и поэтому Тымнэро приготовился к долгому сидению, стараясь устроиться поудобнее, чтобы ноги не затекали, но при случае можно было бы быстро и легко прицелиться и выстрелить.

Но не успел он угнездиться в своем убежище, как с легким всплеском у самого края льда вынырнула нерпа. Тымнэро даже вздрогнул от неожиданности. Нерпа смотрела прямо на него. Охотник осторожно выдвинул ствол винчестера, навел мушку. Он видел большие круглые нерпичьи глаза сквозь прорезь прицела. Они смотрели прямо в его глаза. Какие удивительные, человеческие глаза! Большие, круглые, и было в них выражение доверчивого любопытства, как у ребенка. Тымнэро вдруг вспомнил глаза умершего сына... У него точно такие были глаза, когда он слушал сказки и спрашивал: «А по-

чему солнце краснеет к вечеру? Почему все птицы улетают на зиму, а ворона остается? Правда у меня вырастут такие же усы, когда я стану большим?»

А нерпа медленно плыла, не уходя с прорези прицела и глядя прямо в глаза Тымнэро. А те двое, расстрелянные у скал? У них тоже светились глаза на исхудавших и почерневших лицах... И вдруг Тымнэро почувствовал, что у него нет сил сделать маленькое усилие — нажать на податливый спусковой крючок, будто вся его сила вытекла вместе с размышлениями.. Мушка запрыгала перед глазами, и нерпа, плывущая так же спокойно, почти не всплескивая, с широко открытыми глазами тихо погрузилась в воду.

Тымнэро с глухим стоном откинулся, свалил ледяную преграду, закрывающую его от воды. Неизвестно, сколько времени он просидел так, приходя в себя, набираясь сил. Он сидел с закрытыми глазами, а когда открыл их — увидел пустынное море с плывущими льдинами. Начинало темнеть. Солнце давно село, и долгие зимние сумерки на двигались на землю.

Тымнэро оглянулся. Темная громада Алюмки зловеще вырисовывалась на фоне красноватого от вечерней зари неба.

Охотник торопливо засунул в чехол винчестер, надел лыжи-снегоступы и спешно двинулся обратно. Он торопился и не думал о крепости льда. Иногда он слышал тревожный треск, но не обращал внимания, бежал, уходя от взгляда широко раскрытых глаз, погружившихся в студеную воду.

Он миновал Алюмку, даже не вспомнив о злых духах, и круто повернул к берегу, чтобы поскорее выйти на твердую землю.

Тымнэро вышел как раз на тангитанское кладбище. Он снял лыжи-снегоступы, которые ему уже не были нужны, и побежал к своей яранге мимо покосившихся крестов и вспученных мерзлотой могил. Споткнувшись, упал на колени, и ужас охватил холодом все его тело: он был как раз на том еле заметном бугорке, который сам насыпал над телами двух несчастных. С диким воем Тымнэро поднялся и побежал, волоча за собой лыжи-снегоступы.

Еще издали он увидел, что в чоттагине горит огонь. Может, кто приехал в гости? Неужто Теневиль из стойбища Армагиргина? Давно его не видел, да и само стойбище, сказывали, укочевало так далеко, что никто толком не мог сказать куда.

Тымнэро услышал чьи-то громкие голоса в яранге, и вдруг сердце его пронзили плач ребенка и Тынатваль.

Он рванулся вперед и ворвался в чоттагин, остановившись в изумлении у порога.

В яранге было полным-полно тангитанов, и посередине на китовом позвонке сидел сам глава милиции Струков. Двери в кладовые были распахнуты, бочки с припасами опрокинуты, и на земляном полу обрадованные собаки грызли куски нерпичьего жира, вылизывали заквашенные с осени листья, доедали китовую кожу — осенний подарок знакомого эскимоса с Уэлькаля.

У полога, прижавшись друг к другу, сидели Тынатваль с дочерью и ревели в голос.

Струков был сильно пьян и покрикивал на них:

— А ну перестаньте реветь! Предписано обыск делать — значит, так полагается! Голова трещит от вашего плача, а ну замолчите!

Тымнэро первое время никак не мог сообразить, что творится в его яранге.

Струков увидел его и криво улыбнулся:

— А вот и хозяин явился!

— Что вы тут делаете? — сердито по-чукотски спросил Тымнэро. Он чувствовал, что гнев темной волной захлестывает его сердце, поднимается к голове.

Дрожащими руками он выпростал из кожаного чехла винчестер и взвел затвор.

— Ну-ну! — испуганно выкрикнул Струков, ладонью прикрывая лицо, будто это могло спасти от пули. — Не шути с оружием...

Он видел перед собой искаженное гневом лицо Тымнэро, этого добродушнейшего, покорного, всегда готового услужить чукчи. Лицо его стало похоже на кусок старой моржовой кожи, глаза сузились, и из щелочек, казалось, сыпались искры.

— Ребята! — крикнул Струков. — Кончай обыск! Раз ничего не найдено — значит, ничего и нет!

— Одна тухлятина, вывалившийся из бочки.

— Да уж, запашок не приведи господь, — сказал другой, усатый.

— Кончай, ребятки, кончай, — торопливо говорил Струков, продолжая заслоняться рукой от наведенного на него винчестера. — Ну что наставил-то ружье свое? Видишь — кончили, уйна варкын²! Понимаешь, басурманская твоя морда? Сейчас уходим.

На этот раз Тымнэро был готов нажать спусковой крючок. Одно его удержало: на линии выстрела сразу за Струковым у полога сидели жена и дочь. Понемногу рассудок возвращался, прояснялась голова. Он понял, что Струков собирается уходить, и опустил ствол винчестера.

— То-то! — строго произнес милицейский начальник. — А то наставил ружье! Экий господин! Подумаешь, обыск у него сделали! Да ты знаешь, что тебе грозит за сопротивление властям?

Струков говорил строго, сердито, и удивительно, что Тымнэро почти все понимал. Главный милиционер тем не менее не спускал глаз с винчестера, который Тымнэро продолжал держать в руках.

— Ружжо-то убери! — строго приказал Струков. — Уйна!

И вдруг Тымнэро сзади получил такой удар в голову, что все потемнело вокруг, и он упал лицом вперед прямо на растоптанный нерпичий жир...

Когда он очнулся, в чоттагине тангитанов не было. Всклипывающая Тынатваль стояла на коленях и осторожно обтирала сырой тряпкой его измазанное жиром, разбитое лицо. Сам Тымнэро лежал уже в пологе, но лицом к чоттагину. Рядом сидела девочка, обессиленная от слез. Она только мелко дрожала и лишь изредка вздрагивала всем телом, словно кто-то бил ее изнутри.

Возвращалось сознание, хотя в голове гудело, словно она опустела.

— Ушли они, ушли тангитаны! — всхлипывая, как бы утешала мужа Тынатваль. — Ушли проклятые!

— Что они тут искали? — с трудом произнес Тымнэро.

— Большака, — всхлипнув, произнесла незнакомое, чужое слово Тынатваль.

— Что это такое?

— Не знаю. Но они все время говорили это слово — большак, мантрака... Так много говорили, что я запомнила. Сначала думала — еда какая-нибудь. Открыла им бочки, а они их повалили прямо на землю... Вижу — это не то. А они такие страшные, машут перед лицом ребенка маленьким ружьем, пугают ее... Тогда сообразила: наверное, эта большак и мантрака — шкурки. Достала прошлогодние пы-

² Ничего нет (искаженное чукотское).

жики, что нам подарил Теневиль, песцовые... А они этими шкурками меня по лицу! И все рыщут. Один даже на полог влез, чуть не продал его. Даже моржовую шкуру-пол поднимали... А этот ихний главный сел на китовый позвонок и оттуда распорядился. Ругался, понукал своих... Вроде бы говорил: ищите большака, мантрака...

Тымнэро сел. Потер голову. Сзади выросла большая шишка. А крови вроде бы не было, и даже ощущение пустоты стало проходить.

— Взбесились они,— сказал он.

— Хуже бешеных собак,— согласилась жена.

— Что такое большак и мантрака?— спросил Тымнэро у Милюнэ. Женщина испуганно оглянулась.

Тымнэро не любил ходить в этот домик. Милюнэ здесь была какая-то чужая, совсем тангитанская. Она все старалась угодить Тымнэро, свала в рот разные лакомые куски и каждый раз провожала гостя с узелком подарков. Казалось, это должно было быть приятно, но Тымнэро почему-то тяготился этим, чувствовал себя неловко и каждый раз торопливо покидал домик.

— Откуда ты знаешь эти слова?— шепотом спросила Милюнэ, глянув в окошко, выходящее на зазеленелый, заснеженный лиман.

— Потому что Струк искал у меня в бочках с нерпичьим жиром и квашеной зеленью большака и мантрака!— сердито ответил Тымнэро.— Все перевернул. Вывалил жир на землю, выскреб бочку с зеленью, даже на полог залезал... Перепугал насмерть жену и ребенка. Я такой сердитый был — чуть не застрелил его...

— Да ты что!— испуганно произнесла Милюнэ.

— И застрелил бы,— мрачно повторил Тымнэро,— да на линии выстрела Тынатваль с дочкой были.

— Да что они так?— с горечью произнесла Милюнэ.— Зачем такое делают? Взбесились совсем.

— Истинно,— подтвердил Тымнэро.— Как бешеные собаки рыскают везде, только нюхают, а не едят...

— Худое нынче время,— вздохнула Милюнэ.

— Раньше тангитан был совсем другой,— вспомнил Тымнэро.— Он не лез в ярангу, не мешался в наши дела. Я возил уголь, получал бумажку, шел в лавку, пальцем показывал, что мне нужно, и все. Даже слов не надо было. А нынче! То одна власть, то другая! И чего Солнечный владыка не удержался на своем золоченом сиденье?

— Есть другие тангитаны,— мягко заговорила Милюнэ.— Они стоят за бедных, говорят: бедные люди пусть всегда будут вместе и вместе пойдут на богатых, отберут у них все и поделят поровну между собой. Так будет по справедливости.

— А я не пойду!— решительно заявил Тымнэро.— Мне чужого не надо. Что я — разбойник?

— Так ведь богатства, которые у торговцев, сделаны трудовыми людьми. Тыловишь рыбу, а у тебя ее отбирают, продают и деньги берут себе...

— Так это у тангитанов,— заметил Тымнэро.— А у меня пусть попробуют отобрать даром!

Милюнэ посмотрела на своего родича с откровенным сочувствием. Тымнэро огляделся и увидел на столе тетрадку, карандаш, какие-то каракули на белой бумаге, будто вошь наследила. Он с любопытством посмотрел на лист бумаги, перевел взгляд на Милюнэ:

— Твой тангитан балуется этим, как Теневиль?

— Это я пишу,— смущенно сказала Милюнэ.

— Ты?— удивился Тымнэро.

— Учусь читать и писать, тангитанской грамоте.

— Какоей!— воскликнул Тымнэро.— Зачем же это тебе? Или совсем тангитанкой хочешь стать? Наше все забыть хочешь?

— Грамота нужна каждому человеку,— наставительно произнесла Милюнэ.— Особенно бедным и обездоленным. Чтобы знать настоящую правду жизни.

— Правду жизни только шаманы знают,— убежденно возразил Тымнэро.

— А для чего Теневиль придумывает свои знаки?— в ответ спросила Милюнэ.

— Чудачество, конечно, это, но полезное дело,— ответил серьезно Тымнэро.— Новость далеко сообщить можно таким способом. Про дело сказать знаками.

— Вот и тут тоже! И новость сообщить, и мудрость вызнать из книг.

— У отца Михаила хочешь взять божественную книгу?— удивленно спросил Тымнэро.

— Зачем у отца Михаила? Есть другие книги, где написана настоящая правда.

— Настоящую правду знают только шаманы,— убежденно повторил Тымнэро.

Он еще раз, повнимательнее, рассмотрел каракули, поднял взгляд на Милюнэ и спросил:

— Так это что такое — большак, мантрака? Почему искали это у меня в яранге в кладовой, в пологе, в бочках? Ты служишь у сильных тангитанов, должна знать...

Милюнэ отвела в сторону взгляд и ровно, бесстрастно ответила:

— Не знаю, что это такое.

— Кто-то украл у них это самое,— убежденно сказал Тымнэро.— Они же почти всегда пьяные — и милиция и начальство. Худо смотрят за домом. Раз проходил мимо — двери настезь, а охранник Кожура валяется, и собака лижет его в лицо. Конечно, так можно не то что большака и мантрака украсть, и денежный ящик унести можно.... Не припомню, кто у нас в Ново-Мариинске может такое сделать?.. Сами, видать, потеряли, а теперь на людей кидаются!— сердито заключил Тымнэро.

Громов сидел за столом, закапанным фиолетовыми чернилами, и мутно смотрел на Струкова. Начальник колчаковской милиции снял фуражку, лысина потела, и он рукавом шинели пытался вытереть ее.

— Вот смотрю я на тебя, господин Струков, и думаю — дурак ты.

— Ваше благородие!

— Дурак,— повторил Громов.— Круглый причем. Ну кому как не дураку придет в голову искать Мандрикова в яранге? Да ты провонял всех моих милиционеров ворванью! Им войти в канцелярию нельзя — так разит от них!

Громов встал, обошел стол, приблизился к Струкову, брезгливо повел носом:

— И от тебя воняет. Вы что там, в нерпичьем жиру купались?

— Копались,— кивнул Струков.

— Я говорю — купались!— рявкнул Громов.— Вы, господин Струков, каким были неудачником-бакалейщиком, таким и остались...

— Так китайцы разорили меня,— виновато оправдывался Струков,— открыли напротив лавку да цены снизили...

— Мне нужна настоящая военная разведка! Понял ты, бакалейная душа? Чтобы все было как при ясном дне — политическое, гражданское и всяческое положение в крае! У тебя даже нет ни одного досье!.. Ты знаешь, что это такое — досье?

— Что-то французское,— пробормотал Струков.

— Французское!— передразнил его Громов.— Досье— это специальное дело, заведенное на подозреваемое лицо. Понял?

— Понял, ваше благородие! Заведу эти досье на всех анадырцев, язвы их в душу мать!

— Господин Струков! Что это за ругань в присутственном месте? Как вы себя держите? Верховный правитель адмирал Колчак, да будет вам известно, человек интеллигентный и терпеть не может площадной брани! На наше святое дело смотрит весь просвещенный мир. Франция, Англия, Соединенные Штаты Америки! А вы ругаетесь да шарите по хижинам дикарей!

— Так, ваше превосходительство,— заискивающе заговорил Струков,— я ведь как рассуждал. Этот большевик, то бишь Мандраков...

— Мандриков!

— Так точно, Мандриков, тоже, видать, не прост. Он заховался так, что его не обнаружить. И вот я смекал, где он тут понадежнее мог укрыться? На виду он жить не может, выдаст его агитаторская душа. Смекал я, смекал, перебрал в уме вседомишки Ново-Мариинска, всех людей перебрал и кое-где лично побывал для разведки... А потом вдруг как озарило меня: если уж где он прячется, так не иначе как у этих диких! Прячется и думает, что никто не сообразит искать его там, в вонючем логовище... Вот и учинил обыск...

— И все равно ни хрена не нашел!

— Не нашел!— вздохнул Струков и достал рукавом шинели вспотевшую лысину.

— Сейчас придет сюда здешний торгаш, или, как он себя называет, коммерсант, Тренев,— сказал Громов.

— Это который?— наморщил лоб Струков.

— Ну тот, у кого баба аппетитная.

— А-а, этот лис,— вспомнил Струков и облизнулся.— А баба у него хоть и слегка появленная, но годная еще...

— Струков!— рявкнул Громов.

— Простите, ваше благородие.

— Сейчас он придет, и ты увидишь, как надо вести конфиденциальный разговор. Понял, бакзелейная твоя душа?

— Не понял,— мотнул головой Струков.

— Интеллигентный разговор, лысый огурец!

Тренев вошел бледный, но тщательно одетый в суконную черную шубу, подбитую красной лисой. На голове была шапка из отборнейшей огненной лисы. Вся эта краснота только подчеркивала его бледность. Он снял прекрасно сшитые перчатки из оленьей замши, сдернул с головы шапку, сделал легкий поклон.

— Имею честь явиться по вашему настоятельному приглашению, несмотря на свое недомогание, как лицо, уважающее существующую власть...

— Садитесь, господин Тренев,— ласково произнес Громов, указывая на стул, стоявший перед столом.

Тренев уселся, закинул было ногу на ногу, но, заметив, как она трясется, уперся обеими ногами в пол.

— В гости к себе не приглашаете, вот и пришлось вас позвать сюда, в канцелярию,— сказал Громов.— Прошу прощения за такую официальность, но что поделаешь — служба! Наше многострадаль-

ное отечество сейчас нуждается в сотрудничестве всех лучших сил России. Умных, думающих, смотрящих далеко вперед, имеющих уважение широких слоев населения. Многие местные коммерсанты уже выразили свою лояльность, и только вы, господин Тренев, как-то прохладно отнеслись к нам. Неужели то маленькое недоразумение на банкете могло вас так настроить против нас? Поверьте, я уважаю вашу супругу даже более, чем жену Цезаря, и с моей стороны не было ничего такого, чтобы вы могли из-за этого выражения невинной симпатии коситься на меня...

Струков слушал своего начальника и дивился в душе: вот загибает! Такие словечки, выражения, черт знает что!— у матершинника, похабника и беспробудного пьяницы, которого в глубине души Струков презирал, но более, конечно, боялся.

— Да я что,— торопливо заговорил Тренев,— у меня и в уме ничего такого не было, чтобы, так сказать... Наоборот, я со всем уважением, можно даже сказать, с почтением. Я всегда уважал закон и власть и особенно вас, господин Громов, как полномочного и, я бы сказал, мудрого представителя его высокопревосходительства верховного правителя адмирала Колчака. Лишь мое слабое здоровье, подорванное суровым климатом здешних мест, не позволяет мне деятельно выражать свою симпатию и верность вам...

— Будем считать, что с недоразумениями покончено,— оборвал Громов разошедшегося Тренева.— Скажите-ка, господин Тренев, сколько времени вы проживаете в Ново-Мариинске?

— Около десяти лет,— на минуту задумавшись, с готовностью сообщил Тренев.

— И, думаю, неплохо нажились за эти годы?

— Да что вы, господин Громов, какая тут пожива среди нищих и диких чукчей? — махнул рукой Тренев, но спохватился и доверительно добавил: — Конечно, торгуем не совсем в убыток себе, но больших прибылей нет... Кстати, я одним из первых внес требуемый налог на нужды правительства...

— Это я знаю,— прервал снова своего собеседника Громов.— А скажите-ка, где вы держите свои деньги?

— А-а позвольте,— заикаясь, спросил Тренев,— какие деньги?

— Я имею в виду не наличную кассу, а то, что накопили здесь за десять лет.

— Э-э, господин Громов, так сказать, коммерческая тайна... и вообще только, так сказать, крайний случай...

— В русском коммерческом банке Владивостока вашего счета нет!— резко заметил Громов, глянув в какую-то бумагу.

— Так ведь и денег-то...

— Ваши деньги небось лежат в каком-нибудь американском банке?— продолжал Громов, не обращая внимания на попытку Тренева вставить слово.— Скорее всего это так и есть. Учтите, господин Тренев, со временем мы и в этом деле наведем порядок. Русский коммерсант держит свои деньги в иностранном банке! Это непатриотично, господин Тренев!

— Я все это понимаю, но для удобства расчетов с поставщиками, с компанией «Гудзон бей»...

— С этим «бей» мы тоже разберемся после окончательной победы,— заявил Громов.— Больно они тут власть забрали. Куда ни кинься — кругом «Гудзон бей»... Ну ладно, с этим делом тоже ясно. Теперь скажите, господин Тренев, вы хорошо знаете всех жителей Ново-Мариинска?

— Затрудняюсь твердо сказать, знаете, мало общаюсь по причине своего слабого здоровья...

— Вы бросьте это!—брезгливо произнес Громов, начиная терять первоначально взятый тон.—Здоровье... Я знаю, вы купаетесь в ледяной проруби на Казачке после бани. Не всякий просто здоровый такое выдюжит. Да еще, говорят, наложницу держали...

— Господин Громов!—с выражением крайнего оскорбления произнес Тренев.—Моя честь...

— Ладно, ладно.—Громов поднял руку, призывая утихомириться Тренева.—Это я так, к слову... Хотя, сказать откровенно, никак не поверю, чтобы такую бабу вы могли пропустить мимо себя...

Милюнэ скреблась в коридоре у печки, и ее возня хорошо была слышна в комнате.

— Машка! — услышала она громкий голос начальника.

Она вошла в комнату и остановилась у двери. Встретилась глазами с бывшим хозяином и заметила, что у того взор, как у загнанного волками оленя.

— Вот скажи, Машка, твой бывший хозяин хорошо обращался с тобой? Не обижал?

— Не обижал.—быстро ответила Милюнэ.—Он хороший, добрый...

— А он не хотел тебя это самое?.. Как это по-чукотски называется?—обратился Громов к Треневу.

— Я чукотского языка не знаю!—гордо ответил Тренев.

— А зря! Десять лет уже на Чукотке, а языка не удосужились изучить! Это же черт знает что!—возмущенно заметил Громов и сказал Милюнэ:—Ладно, иди работай!

Милюнэ ушла.

Струков, внимательно слушавший весь разговор Громова с Треневым, никак не мог уразуметь, куда же клонит начальник. То ли запугать хочет торговца, то ли выпотрошить. А то говорит с ним уважительно, даже как будто с ровней себе.

— Господин Громов, я должен заявить,—дрожащим голосом начал Тренев.—Я крайне оскорблен вашими подозрениями. Я человек семейный, религиозный.

— Дойдем еще до вашей религиозности,—успокаивающе произнес Громов.—Так, значит, вы многих жителей Ново-Мариинска знаете хорошо?

— Да не так чтобы...

— Вот такого, как Аренс Волтер вы знаете?

— Этого американца?

— Господин Тренев!—укоризненно произнес Громов.—Аренс Волтер по национальности норвежец.

— Да, это верно, но мне казалось — он американский подданный,—торопливо ответил Тренев.—Он плавал на американском судне, повздорил с капитаном, и тот его списал на берег прямо здесь, в Ново-Мариинске. Личность, конечно, подозрительная. Не хочет уезжать, занялся тут починкой всяких металлических изделий. Вроде даже на радиостанции двигатель чинил. Все может привести в порядок — часы, примус, мотор... Мастер, одним словом, но вроде живет тихо, одиноко...

— А про такого Мандрикова вы слышали что-нибудь?

Громов так и впился глазами в растревоженные бегающие глазки Тренева.

Тренев наморщил лоб. Он и вправду старался вспомнить, где он мог слышать про такого человека.

— Извините меня великодушно, но впервые слышу такое имя,—ответил Тренев.

— Это правда?

— Ну с чего мне перед вами таиться, господин Громов? — с вымученной улыбкой проговорил Трениев.

Он еще раз попытался было закинуть ногу на ногу, но дрожь не унималась, и он снова уперся обеими ступнями в пол. Видимо, как догадался Трениев, последние дни новые власти были озабочены поисками этого таинственного человека. Говаривали, что обыск делали даже в ярангах чукчей.

— А тот, кого вы ищете, давно проживает в Ново-Мариинске?

— В этой комнате я спрашиваю! — рявкнул Громов так, что даже Струков вздрогнул. — Скажите, кто бы мог быть Мандриковым?

— Трудно ответить определенно, — мотнул головой Трениев. — Осмелюсь вам заметить, что многое зависит от того, в какое время должен был приехать этот предполагаемый вами Мандриков. Если он приехал в последнюю навигацию, то его следует искать среди тех, кто прибыл именно в это время. Некоторые люди поплыли вверх по реке Анадырь, в Марково. Может быть, он там?

На этот раз Громов не прерывал Трениева и даже, как показалось Струкову, с интересом выслушал его.

— А ведь это дельно, — с похвалой произнес уездный начальник, когда Трениев замолк.

Иван Архипович почувствовал себя настолько уверенно, что мог водрузить ногу на ногу. Правда, иногда нога неизвестно отчего подпрыгивала, но это уже было не так заметно.

— Осмелюсь еще вам заметить, что для авторитета власти и уважительного отношения к ней простого народа необходимо вести правильно избранную политику, — почти вызывающе произнес Трениев.

— Что вы имеете в виду? — прищурившись, спросил Громов.

— Осмелюсь заметить, что некоторые ваши действия вызвали у населения превратное отношение к вам, некоторое, так сказать, охлаждение. — Трениев чувствовал в глубине души, что не следовало бы ему говорить такое, но его уже понесло и он не был волен над собой. — Эти бесплодные обыски вызвали некоторый, так сказать, юмор по отношению к действиям...

— Какой такой юмор? — наливаясь краской, грозно спросил Громов. — Вы что, собираетесь осуждать действия моей военной разведки? Да вы знаете, господин Трениев, кто такой Струков? Пинкертон по сравнению с ним дикий и невежественный эскимос! И вы осмеливаетесь в канцелярии представительства верховного правителя разглашествовать и давать советы! Ты, который после февраля семнадцатого года бегал по улицам с красным флагом? Ах ты, большевистская твоя морда! Я тебе покажу юмор!

И тут Громова прорвало. Все, что он накопил в течение целого часа вежливого разговора с Трениевым, все, что сдерживалось, вырвалось наружу мутным потоком таких ругательств, что Струков даже привстал со стула в восхищенном изумлении.

Испуганный Трениев забыл убрать ногу с колена, и она прыгала у него перед носом. Он втянул голову в плечи, весь сжался и ожидал с минуты на минуту, что Громов выбежит из-за стола и обрушится на него с кулаками.

— Вон отсюда, лиса вонючая! Вот отсюда, двоеженец несчастный!

Трениев встал. Он понимал, что если не выйдет, с ним сделают что-то ужасное.

Он выскочил в коридор, промчался мимо изумленной Милюнь, выбежал на улицу и, не останавливаясь, не помня себя, на глазах у удивленных редких прохожих добежал до своего дома и так прямо как был, в шубе рухнул на кровать.

Громов победно посмотрел на Струкова, вытащи из сейфа бутылку американского пшеничного виски, отхлебнул прямо из горлышка. Протягивая Струкову бутылку, спросил:

— Теперь понял, что значит конфиденциальный разговор?

Глава четвертая

В нее (подпольную революционную группу.— Ю. Р.) входили рабочие — украинцы Игнатий Фесенко, Семен Гринчук, Мефодий Галицкий, русский Александр Булат, ингуш Якуб Мальсагов, американский матрос норвежец Аренс Волтер, чуванцы Михаил Куркутский (учитель), Николай Кулиновский, украинец Василий Бучек, русский радиотелеграфист Василий Титов. Таким образом, подпольная революционная группа по своему составу была поистине интернациональной.

«Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней», «Наука». Сибирское отделение. Новосибирск. 1974.

Декабрь 1919 года в Ново-Мариинске был удивительно тих. Легкий ветерок слегка обжигал лицо морозцем, а на северной стороне неба полыхало сказочное северное сияние. Даже старожилы-анадырцы утверждали, что давно не видели такого яркого, долгого и многоцветного сияния. Люди выходили из домов, иные добирались до Анадырского лимана, чтобы ничто не мешало созерцанию этого удивительного зрелища.

Безруков с Хвааном остановились на полпути и невольно сошли с тропы на лиман.

— Это что-то фантастическое,— прошептал Безруков.— Я много слышал о северном сиянии, но чтобы так... Трудно поверить, что это само собой рождается. Гляди, какой радужный столб! Будто цветным прожектором пустили в небо! А вон там! Прямо занавеси, бахрама из радуги...

— А вон совсем красный цвет, будто флаг,— показал Хваан на другой край небосклона.

— Верно! — воскликнул в восторге Безруков.— Слышь, кто-то там в небе революцию совершает, а мы тут канителимся.

Они двинулись к домику Булатова, поминутно оглядываясь на сияющее, полыхающее небо.

— У меня такое ощущение, словно вокруг нас сжимается кольцо,— медленно проговорил Безруков.— По-моему, Струков начал настоящую работу и потихоньку подбирается к нам.

— Я тоже так думаю,— ответил Хваан.— В один прекрасный день он явится к нам и предъявит ордер на арест...

— Ну,— усмехнулся Безруков,— допустим, никакого ордера он предъявлять не будет... Вот только одно интересно мне: знает он что-то или только подозрения?

— Если бы знали,— ответил Хваан,— они не стали бы медлить.

— Это тоже верно,— вздохнул Безруков.— Маловато еще у нас сил, чтобы приступить к серьезному делу. Нет крепкой опоры, рабочего класса нет. Углекопов горстка. Просто удивительно — народ нищий, вроде бы покупателя нет, а торгашей вокруг, будто комарья летом! Сюда бы десятка два путиловцев! Я ведь свою рабочую жизнь начинал в Петрограде на Путиловском, прежде чем попал на флот. Вот там сила! Порох! Только поднеси спичку — и взрыв!

— Придется обходиться теми силами, какие есть,— заметил Хваан.— Время приближается.

— Думаю, что самое подходящее — в ночь на новый, тысяча девятьсот двадцатый год,— тихо произнес Безруков.— Колчаковцы не преминут как следует отметить наступление Нового года. Да и нам собраться будет легче, будто на вечеринку.

— Я предупредил всех, чтобы сегодня на собрании быть осторожными,— сообщил Хваан.— Не ко времени эти тихие дни, много народу толчется на улице.

— Сиянием любят, — заметил Безруков.

Почти все оповещенные уже сидели в тесной комнатке Булатова. Какая-то необычайно праздничная, улыбающаяся Милюнэ встретила Безрукова и Хваана.

— Здравствуйте, товарищи, — певуче произнесла она, сдерживая улыбку.

— Здравствуй, здравствуй, Машенька,— торопливо проговорил Безруков, нетерпеливо оглядывая через ее плечо собравшихся.— Придется тебе в сенях постоять, но так, чтобы с улицы тебя не видели. Поняла?

— Поняла,— кивнула Милюнэ.

Она проворно влезла в меховой кэрокэр и встала в темном провале приоткрытой на улицу двери.

Она уже знала, что ей надо делать. Последнее время революционная группа собиралась чаще. В прошлый раз будто бы справляли день рождения Булатова. Правда, Булат утверждал, что и впрямь у него день рождения, и Милюнэ постаралась наготовить хорошего угощения. На столе стояло вино, но гости почти не пили. Они то шептались, то громко пели незнакомые Милюнэ песни, и чаще всего о камыше, который шумел. Милюнэ слушала и вспоминала долину Танюрера, где в защищенных от ветра местах растут настоящие деревья. Они тоже гнутся под ветром, особенно в пургу, в темную ночь...

— Вот! — Булатов положил перед Безруковым исписанный какими-то детскими каракулями лист бумаги.

— Что это? — удивленно поднял брови Безруков.

— Телеграмма из Петропавловска,— еле сдерживая гордость, ответил Булатов.

Безруков повнимательнее взгляделся в каракули и прочитал: «Пост Ново-Мариинск Громову совершенно секретно большевистскую группу предположительно следует искать среди новоприбывших пароходе Томск или японском грузовом судне Итио-Мару вероятно часть проследовала верховья обнаружении немедленно арестовать сообщить шифром Петропавловск Червлянский».

— Ты достал? — спросил Безруков Василия Титова.

— Нет,— ответил Титов.— Учватов запирается и сам принимает эти телеграммы. В последние дни никого не допускает к аппарату.

— Так откуда же это? — удивленно спросил Безруков.

— Маша принесла,— с улыбкой сообщил Булатов.— Переписала в канцелярии и принесла.

— Как она догадалась, что именно это нам нужно?

— Она же уши имеет,— с прежней улыбкой ответил Булатов.— Так она сама мне говорит: у меня есть уши и глаза.

— Ну молодец! — восхищенно проговорил Безруков.— Надо же так ухитриться...

Он еще раз прочитал телеграмму. Да, стягивающаяся петля, которую он чувствовал последние дни, и впрямь существовала. И вот доказательство.

— Но это чертовски опасно.— Безруков взял листок, зажег спичку и поджег бумажку с краю.

— Никто ведь не догадывается, что Маша грамоту знает,— ответил Булатов.— Для них она дикарка, темная чукчанка.

— Но все равно скажи ей — пусть будет осторожна. Без крайней необходимости пусть не переписывает.

— Хорошо,— кивнул Булатов.

— А теперь к делу,— заговорил Безруков.— Нам не след задерживаться. Волтер, сегодня раздать оружие. Держать наготове и ждать сигнала. Предположительно время выступления—ночь на Новый год. Группа Александра Булатова берет полицейских, группа Куркутского занимает позиции возле церкви, а наша,— он кивнул в сторону Хваана,— арестует Громова. Игнатий Фесенко — судью Суздалева и Толстихина. А тебе, Аренс, придется взять на себя Струкова. Зверь он сильный, но, думаю, справишься с ним.

— Это я буду сделать хорошо! — с готовностью отозвался Воатер.

— Группа Кулиновского берет радиостанцию...

Милюнэ разглядывала в раскрытую дверь северное сияние. Почему это нынче так разыгрались небесные боги? Или праздник у них какой? Никогда Милюнэ не видела еще сияния такой силы и красоты. Там — царство мертвых. В верхней части, там, где мерцающий свет слабее,— там живут истинные покойники, умершие обычной, собственной смертью. А ниже, где сияние высвечивается так, словно за небом горит гигантский жирник с красным пламенем,—там царство убитых духами, наказанных за разные грехи. Почему-то их больше всего. То ли духи очень строги, то ли человек впрямь сильно грешит при жизни, иногда даже не подозревая об этом. А вот у края неба, где северное сияние переходит темную голубизну ночного неба и уже можно различить звезды,— там живут самоубийцы... Да, велико небо и жителей там предостаточно, может, даже больше, чем живущих на земле. Вон там, в зените, живут другой жизнью «окровавленные» — так называют убитых в боях копьями и другим оружием. Им отведено лучшее место — прямо в зените, чуть выше Полярной звезды...

— Товарищи,— продолжал Безруков.— Сегодня мы должны пополнить подпольный революционный комитет. Какие есть предложения?

Хваан встал.

— У меня есть предложение ввести в подпольный революционный комитет следующих товарищей: Александра Булатова, Семена Гринчука, Мефодия Галицкого, Якуба Мальсагова, Аренса Волтера, Николая Кулиновского, Василия Бучека и Василия Титова.

— Есть другие предложения?

— Нет,— ответил за всех Волтер.

— Товарищ Хваан назначается командиром народной охраны,— сказал Безруков.— А теперь, товарищи, быстро расходиться. По одному, по двое.

Они выходили мимо застывшей, неподвижной Милюнэ, проскальзывали и исчезали в залитом мерцающим светом пространстве.

Когда Милюнэ вернулась в комнату, там еще оставались Безруков и Хваан. Она совсем забыла, что их надо накормить! Она скинула кэркэр и принялась быстро собирать на стол.

За чаепитием Безруков спросил:

— Расскажи-ка, Машенька, как тебе удалось спisać телеграмму?

— Вечерами, когда все уходят из канцелярии, я мою полы,— принялась рассказывать Милюнэ.— И стала примечать — в том желез-

ном ящике, где лежат важные бумаги, у них часто остается ключ. И все оттого, что вместе с бумагами начальник держит бутылку дурной веселящей воды. А то закрывает будто на ключ, а дернешь — ящик то вовсе открытый. Руки-то к вечеру у него уже не слушаются...

— Но будь осторожна, Маша! — строго сказал Безруков. — Это очень опасно! Понимаешь это?

— Понимаю, — кивнула Милюнэ. — Но ведь и вам всем опасно...

Одно небо над всей землей.

Одна земля у чукотского народа.

На огромном пространстве заснеженной притихшей тундры играло удивительное северное сияние.

Видел его и умирающий Армагиргин в широко распахнутый вход в ярангу. Он смотрел на игру света и цвета и искал свое место. Куда его поместят боги? В зенит он не попадет. Там живут «окровавленные» — герои, мученики... А он не был героем. Не стал им. Уходит он сквозь облака собственной смертью и чувствует, как жизнь выливается из него, как из опрокинутого сосуда. Может, его поместят в густоту красного света, где обитают наказанные за грехи?..

Армагиргин тяжело вздохнул.

Одна из жен тревожно оглянулась на-него. Но лицо старика было спокойно.

Да, скорее всего духи поместят его туда. За великие грехи, сотворенные на земле, а более того за измену своей вере, за попытку принять тангитанского бога. За то, что хотел подвести чукотский народ под власть русского царя, да того, видать, навечно ссадили с его золоченого сиденья... Людей презирал, многих обижал, оставлял без еды малых детишек... И такое было. Случалось в злобе поднимать руку на своих пастухов. А более всего любил женщин... Сколько их прошло через него, через его жадную похоть! Он брал молодых девушек, зрелых женщин-матерей, иной раз грубо отбирал у своих же пастухов и насыщал свой вечный голод и тоску по женскому телу. Почему большинство людей довольствуется одной женой, а ему было мало двух? Может, он по-иному устроен и сила мужская у него была рассчитана не на одного? И все равно, прислушиваясь к незаметному журчанию вытекающей жизни, вспоминал о женщинах приятно, сладко. Даже о вкуснейшей еде не так сладко думал, как о женщине. Может, вся жизнь, весь ее лучший смысл и заключается в этом? И все-таки наслаждение не было полным, потому что ни одна женщина не понесла от него. Нет у него потомства в наказание за измену вере. Это он понимал и ожесточался, особенно на пороге старости. Он проводил бессонные ночи и к утру был похож на высушенную на солнечном ветру юколу. Разве это малое наказание? Может быть, довольно и можно простить его и поместить хотя бы в верхний ряд умерших обычной смертью? Сказывали же, что жители других рядов царства мертвых презирают живущих в красной полосе, не ходят в гости к ним...

Армагиргин еще раз тяжело вздохнул.

Подошла младшая жена и внимательно посмотрела на него. В ее взгляде Армагиргин почувствовал скрытое нетерпеливое ожидание. А что ей ждать? Все равно им ничего не достанется. Однако надо спешить. Времени остается мало... Пусть услышат все.

— Позовите Теневиля, Эль-Эля и других...

Он говорил и удивлялся, какой у него слабый голос. Как легкое дуновение осеннего ветра, которое не может оторвать даже пушистую головку одуванчика.

Первым пришел шаман Эль-Эль. Он приблизился к Армагиргину

и внимательно посмотрел на старика. Крепкий человек. Смерть стоит у изголовья, а выражение лица спокойное, будто он просто прилег отдохнуть.

— Пусть меня сожгут. Навстречу лучам сияния. Я хочу подняться в небо на световом луче...

Эль-Эль молча и деловито кивнул. Он помнил этот старинный обряд, по которому хоронили лишь самых уважаемых и достойных людей. Других просто нагими клали на землю в символической оградке из мелких камней, оставляя тело ушедшего сквозь облака тундровым зверям на съедение. Эль-Эль знал, что Армагиргина надо сжечь, и заранее позаботился о хороших сухих дровах, как только увидел, что старик надел белые камусовые штаны.

Входили пастухи, когда-то друзья Армагиргина, от которых он отгородился своим богатством и высоким положением брата русского царя. Они молча рассаживались в чоттагине, окружая костер и старика, лежащего на легкой беговой нарте, покрытой шкурой оленя.

Старик не говорил больше. Он берег силы. Те несколько слов, которые он сказал Эль-Элю, почти истощили его жизненный запас, и он с испугом ощутил, что сил у него осталось лишь на самом доньшке телесной оболочки.

Наконец вошел Теневиль.

Армагиргин позвал его глазами к себе.

Теневиль подошел, и умирающий взял его руку. Потом кивнул Эль-Элю и сделал ему знак приблизиться.

— Я буду говорить, а ты произноси громко, чтобы все слышали,— попросил старик шамана.

В притихшей пустой яранге, по всему стойбищу, под края разноцветных небес разносился резкий каркающий голос Эль-Эля:

— Боги не дали мне потомства! И перед тем как уйти сквозь облака, я хочу сказать важное! Все оленья стадо, все, что есть у меня, я оставляю Теневилю! Пусть все знают об этом, и если даже где-нибудь объявится имеющий право на моих оленей, все равно сказанное мною — последнее слово. И еще я хочу сказать: будьте ему послушны, он мудр и справедлив. Я это знаю! И еще прошу — не надо делать обряда вопрошания, пусть меня похоронят, пока светит сияние. Я хочу вознестись ввысь на луче. Я все сказал!

Старик умолк и закрыл глаза.

Теневиль с замирающим от ужаса сердцем чувствовал, как холодеет рука умирающего, постепенно коченеет и вот наконец становится будто костяной, охватившей плотно его руку. Теневиль с трудом выпростал свою ладонь из закованной руки умершего, и та упала на край нарты с глухим стуком.

Все.

Армагиргин ушел сквозь облака. Чукотский король, нареченный так якутским генерал-губернатором от имени русского императора и называвший себя братом царя, умер.

Исполняя его волю, старика переодели в погребальные одежды. Молодые парни потащили приготовленные дрова на ближайший холм и сложили костер.

Одетого во все белое Армагиргина вместе с беговой легкой нартой вынесли из яранги и, впрягшись, повезли на холм.

У входа остались жены Армагиргина и плакали тихо, прощаясь со своим мужем.

Приближалось утро.

Северное сияние бледнело. Надо было спешить.

Сухие дрова занялись сразу, и к небу, коснувшись лица умершего, соединяясь с лучами сияния, взметнулось высокое жаркое пламя.

Теневиль не мог отвести взгляда и с ужасом увидел, как переменялось выражение его лица: спокойное, умиротворенное, оно вдруг стало гневным. Загоревшийся мех плотным дымом окутал уходящего сквозь облака на последнем луче северного сияния.

Теневиль чувствовал, какая тяжесть легла на его плечи. Он уходил с похоронного пепелища уже другой походкой, шел медленно, опустив плечи, склонив голову.

Как жить дальше? Старик сказал-таки свое слово и передал оленей в его владение. Но Теневиль понимал сердцем, что не может принять этого дара. Другие жители стойбища перестанут считать его ровней себе. Вокруг него возникнет пустота раболепия и показного уважения, скрытого презрения и не произнесенных вслух унижительных слов.

Он вошел в свою ярангу, и Раулена вздрогнула, глянув на него: так изменился ее муж.

— Что случилось, Теневиль?— тихо спросила она.

— Старик передал мне стадо,— глухо ответил он.

— Кыкэ вынэ вай!— воскликнула в ужасе Раулена.— Что теперь будет?

Несколько дней Теневиль сидел в своей яранге. Он смотрел на огонь костра, перебирал в памяти прошедшую жизнь, обращаясь иногда к своим записям. Позади была длинная жизнь: медленные солнечные весны с новорожденными телятами и радостью, переполнявшей сердце; осенний убой оленей, когда забивались подросшие за лето оленята на зимние кухлянки и совершался древний обряд благодарения щедрых богов; зимы... Сколько их было! Не перечесть, даже если начать воспоминания с того возраста, когда Теневиль начал себя помнить... И утраты... Люди, ушедшие сквозь облака на сверкающие полосы северного сияния. И вот теперь там Армагиргин. В вечной жизни, но пресной, как талый снег.

А здесь как жить?

В значках, нацарапанных на дощечках, написанных на чайных обертках и в нескольких тетрадках, ответа на этот вопрос не было. Не было и в сердце, в глубинах разума.

Будущее должно быть не столько для него, сколько для мальчика. Каково ему будет? Он продолжит род Теневиля, протянет нить в грядущие годы, теряющиеся у края небес. Для него надо решить, как дальше жить.

Раулена пыталась расшевелить мужа, варила ему вкусную еду, но Теневиль ел, не замечая ни прэрэма, ни сладких ребрышек, ни паленых оленьих губ и копыг. Он смотрел в огонь костра.

На четвертый день к нему пришли пастухи и старейшие жители стойбища Армагиргина. Опытные, знающие оленеводы, сохранившие стадо, несмотря на сумасбродства старика, на его часто нелепые распоряжения. И вот нынче... Время пришло идти на пастбища в пойме реки Анадырь, а он погнал стадо на неизведанные, давно не посещаемые земли на границе с Якутией. Здесь жить опасно: якуты могли напасть, отбить оленей. Уже появились верховые ламуты— те тоже могли принести беду. Никто не любит, когда на его земле поселяется чужак. Да и самому тебе неуютно и зябко на стыке неизведанных земель. Правда, сказывали старики и в древних преданиях утверждалось, что это исконно чукотская земля, покинутая во времена кровопролитных войн. Она долго пустовала, пока ее не заняли ламуты и якуты-оленеводы. Редко сюда возвращались стада чукотских оленеводов, и тогда начинались распри, угон оленей, а то и тайные убийства.

Молча сидели старики, и Раулена обносила их крепким оленьим бульоном. Надо бы чаю, да не было заварки. Давно не было, как только старик стронул с побережья стойбище, пытаясь уйти от людей. А как уйдешь от людей, от своего народа? Это все равно что пытаться уйти от самого себя.

Теневиль отвернулся от огня.

Люди смотрели на него, выжидая, что он скажет, новый глава стойбища Армагиргина. Пройдет немного времени, и люди уже будут называть стойбище по имени нового эрмэчина, главы, хозяина стада — стойбище Теневиля.

— Люди!

Теневиль не узнал собственного голоса. Неужто и голос мог перемениться за эти дни? Да, он чувствовал большие перемены в своем сердце — вместилище разума. Но, оказывается, и в голосе его тоже произошли перемены. Он откашлялся и снова заговорил:

— Люди! Вы слышали, что сказал, уходя сквозь облака, Армагиргин. Я держал его руку, пока она не заоченела. И я все слышал. И не возражал. Потому что в это время я думал о вас, о нас, о наших детях. Я думал о нашем будущем. Что-то происходит на нашей земле. И от этих перемен бежал сюда Армагиргин, уводя и нас. Нас, которых он почитал за свою собственность. Но только в древних сказках человек был собственностью другого человека. Это не олень, не собака. Человек есть человек, и он должен жить человеком. С уходом Армагиргина ушла и наша прежняя жизнь. Все оленье стадо принадлежало ему одному. Так он думал, и мы тоже привыкли так думать. А это было не так. Нашими трудами оберегалось и умножалось стадо. Наша сила, наша забота оберегала новорожденных телят, уводила стада от гололеда и выбитых пастбищ. Мы своими ногами исходили тундру в поисках оленьей еды — мха ягеля... А считалось, что стадо принадлежит ему, когда по справедливости оно было нашим... Я говорю вам, люди, эти олени — ваши. Они принадлежат всем вам вместе. Пусть будет так. Я долго думал. Три дня и три ночи. Мы привыкли жить вместе, работать вместе. Пусть будет и дальше так. Будем вместе. А олени будут общими.

Люди молчали. Каждый дивился словам Теневиля, ибо ждали от него совсем других слов — ведь он стал эрмэчином, хозяином, владельцем стада. А он сказал такое... Чудной... А может, мудрость говорит его устами? Но как это — все хозяева оленьего стада? Разве такое может быть?

— А теперь, люди, — сказал Теневиль, поднявшись во весь рост, — будем кочевать в долину Анадыря. К своей земле пойдем!

Канцелярия — место заплеванное и грязное — стараниями Милюнэ превратилась в помещение, куда было приятно войти. Полы чистые, каждая половица вымыта с песком. Даже стены, когда-то выкрашенные масляной краской, вдруг обнаружили блеклую зелень. Каждый день Милюнэ отдирала от стекол наросший лед, и бледный зимний свет ненадолго проникал в комнату. Керосиновая лампа не коптила, светила ярко и ровно, и стекло сияло чистотой. Жестяные банки из-под американских фруктовых консервов были приспособлены под пепельницы, и теперь уже никому не приходило в голову кинуть замусоленный окурок на чисто вымытый пол.

Обычно Милюнэ приходила ранним утром, брала ключ у милиционера Кожуры, охраняющего помещение канцелярии, и первым делом затапливала две высокие круглые печки. Иногда жар оставался после вчерашней топки, и тогда надо было только освободить от пепла угли, выгрести золу из поддувала. Печки были хорошие,

уголь в них горел так, что иной раз спекался, и приходилось его долго бить кочергой, чтобы вынуть шлак.

Затопив печи и вытерев пыль, Милюнэ уходила домой.

И возвращалась уже ближе к обеденному часу. Освобождала пепельницы от окурков, подтирала полы: не все сметали снег с обуви, особенно милицейские чины, которые носили высокие черные валенки с резиновыми калошами. Милюнэ завела было веник. Но мало кто брался за него.

— Старательная!— говорил Громов.

А Струков поглядывал маслянистыми глазами, наливающимися кровью, словно у весеннего оленя — тыркыльыны. Пуще всего Милюнэ боялась этого взгляда, чувствуя, как жадный взгляд милицейского начальника проникает сквозь одежду и жадно ощупывает незащищенное тело.

В тот вечер Громов со Струковым допоздна засиделись в канцелярии. Милюнэ уже приготовила воду, чтобы вымыть полы, и ждала только их ухода. А они все сидели и о чем-то толковали вполголоса. Иногда звякала бутылка. Несколько раз окликали Милюнэ, чтобы принесла свежей, натаянной из речного льда воды. Войдя в комнату, Милюнэ видела одно и то же: склонившегося над бумагой Громова и сидевшего перед столом вплотную Струкова. Оба были уже изрядно пьяны, и через плотно притворенную, но хлипкую дверь Милюнэ иногда слышала даже что-то вроде спора.

Милюнэ сбегала домой, накормила своих и побежала обратно в канцелярию.

Струков и Громов собирались уходить. Они едва держались на ногах. Громов складывал бумаги в железный ящик и заталкивал туда же пустую бутылку.

— Ты меня проводи, Струков, до дому,— заплетающимся языком говорил он.— Проводи. Заступись, ежели Павловна будет браниться.

— Как же, ваше благородие... Провожу, конечно! — с готовностью отвечал Струков.— Как не проводить начальство?

Он был потрезвее Громова, а может, просто крепче его был.

— Будь здорова!— пробормотал Громов, проходя мимо Милюнэ, стоявшей у дверей с мокрой тряпкой в руке.

Струков попытался ущипнуть на ходу Милюнэ, но она ловко посторонилась, и оба тангитана прошли, держась друг за друга.

Милюнэ принялась за уборку. Высыпала содержимое пепельниц в горящую печку, промыла банки, убрала стол, обсыпанный табачным пеплом и крошками махорки, и вдруг замерла от неожиданности: в железном ящике торчал ключ с обрывком веревочки на кольце. Давно не было такой удачи.

Она прислушалась. Скрипел под ногами часового снег. Он ходил вокруг дома, согласно приказу Струкова. Но Милюнэ хорошо знала — как только она уйдет, часовой заберется в теплую комнату и уляжется спать. Поутру иной раз ей приходилось полчаса стучаться, чтобы добудиться крепко спавшего охранника. Где-то далеко, возле яранг, выла собака.

Милюнэ положила в ведро с водой тряпку, насухо вытерла руки и взялась за ключ. Дверца железного ящика, толстая, тяжелая, открылась легко, без звука. Под пустой бутылкой лежали бумаги, над которыми сегодня колдовали Громов и Струков.

Милюнэ еще раз прислушалась.

Тишина накрыла Ново-Мариинск и Анадырский лиман.

Милюнэ слышала только собственное сердце, оно стучало громко, билось о ребра, словно хотело выскочить наружу.

Милюнэ достала бумагу, положила на стол, из стола же вынула чистый лист и взяла карандаш. Она устроилась поудобнее в кресле, в котором обычно сидел Громов, и внимательно посмотрела на лежащий перед ней листок.

Сразу было заметно, что писал пьяный. Буквы тоже были пьяные. Они валились друг на друга, к концу строки даже сходили с прямой линии, падали. Но разобрать написанное было легко. Видно, Громов понимал, что надо писать крупно, иначе его каракули никто не прочтает.

«Петропавловск Камчатский Червлянскому,— разобрала Милюнэ.— Сообщаем результате розысков большевистское подполье предположительно гнездится среди новоприбывших парухомом Томск подозреваются Безруков Хваан Булатов Волтер однако твердых доказательств не имеем просим вашего разрешения произвести превентивный арест указанных лиц целью окончательного выяснения начальник уезда Громов начальник разведки Струков 15 декабря 1919 года».

Милюнэ старалась писать аккуратно, ровно. Понемногу до нее доходил смысл телеграммы.

Арест... И здесь имя Булата... Надо быстрее писать! И она уже не старалась, торопилась. От сильного нажима карандаш сломался. Долго искала, чем отточить заново. Ножа в комнате не было. Тогда она зубами разгрызла конец карандаша, обнажила грифель и принялась списывать дальше.

Струков привел Громову в его дом. Евдокия Павловна была в легком халате: в комнате жарко натоплено. В глубине белела большая супружеская постель. Струков довел до постели повисшего на нем Громову и положил прямо в шинели на белые простыни. Павловна, сердито насупившись, смотрела на мужа. Халат немного распахнулся на ее пышном теле, и Струков невольно задержал взгляд на розовом колене... И в нем вдруг вспыхнуло такое желание, что он едва сдержал себя, чтобы не кинуться на жену Громову, не повалить ее сюда же, рядом с бесчувственным телом мужа. Торопливо попрощавшись, он выскочил на улицу и остановился на крыльце перевести дыхание.

На северной половине небо угасало. Струков поглядел. Он не понимал людей, которые восхищались северным сиянием. «Чертовщина какая-то,— подумал Струков, увидев впервые полыхающие огни на небосводе.— Не может быть, чтобы это было так запросто, безо всякого участия неведомых сил. А вдруг и впрямь чукотские боги балуются?..»

Хмель понемногу выходил из головы, и Струков с тоской думал, что ему сейчас идти в свой холодный дом, ложиться в стылую постель. Надо обзавестись постоянной сожительницей. Так и одичать можно. Струков искал, рыскал по Ново-Мариинску, но все немногочисленные бабы были давно разобраны. Неужто придется брать туземку? Правда, среди них есть вполне приличные на вид. Вон как Милюнэ...

И вдруг Струков вспомнил, что Милюнэ осталась мыть полы в канцелярии. Угасшее было желание вспыхнуло с новой силой. Что тут мешкать? Все равно завтра-послезавтра ее муженек будет арестован и посажен в тюрьму. Оттуда он вряд ли скоро выберется...

Струков решительно зашагал в сторону дома уездного правления. Еще издали он с затаенной радостью увидел в окошке свет: значит, Маша еще не ушла.

У северного угла дома стоял часовой Кожура и, задрвав голову, смотрел на сияние. Узнав Струкова, он вытянулся и отдал честь.

Застать врасплох и сразу схватить, не дать ей опомниться. Так будет лучше. Сопротивляться, однако, будет чертовка...

Крадучись, Струков поднялся на крыльцо, тихо открыл обитую оленьими шкурами наружную дверь и на цыпочках подошел к двери, ведущей в канцелярию. Он представлял себе, что баба на коленях ползает по полу, водит мокрой тряпкой. Накинуться на нее сразу, не дать опомниться.

Струков рывком распахнул дверь и остановился. Первое мгновение он никак не мог поверить собственным глазам: Маша сидела за столом Громова и, склонив голову набок, писала!

Он несколько раз моргнул, помогая головой — да, она писала!

Услышав стук открываемой двери, Милюнэ подняла голову и так и застыла, охваченная морозом ужаса. Широко открытыми глазами она смотрела на Струкова, чувствуя, как все холодеет внутри. Только под самым сердцем была горячая сладко-тревожная точка, от которой разливалась слабость.

— Ты что же это делаешь, сука!

Струков мигом забыл, зачем он пришел. И кто бы мог подумать? Дикарка! А может, она вовсе и не дикарка? Может, она тот самый Мандриков, которого они так тщетно ищут? Да нет, Мандриков вроде бы мужик, а это баба.

— Сволочуга! Грязная сука, ты что же это секреты списываешь?

Струков всегда казался Милюнэ человеком невысокого роста. А тут он с каждым выкриком увеличивался, вырастал, и ей казалось, что его голова где-то уже под потолком, рядом с висящей керосиновой лампой.

Он пытался расстегнуть кобуру дрожащими пальцами. Милюнэ знала, что там лежит маленькое ружьецо. Тангитаны делают такие, чтобы стрелять в людей. Зверя из такого ружья не добывают, с ним не ходят на охоту в тундру или на море. Только на людей.

— Встать, подлая тварь! — заорал над самым ухом Струков, наставив револьвер.

Но Милюнэ не могла двинуться, не было сил. Она даже не чувствовала своих ног. Она медленно закрыла глаза. Сейчас раздастся выстрел и она вознесется к зениту. Там, где живут «окровавленные», те, которых убили в бою. Теперь она будет там жить... Другой жизнью, оттуда на землю уже не возвращаются никогда.

— Встать, я тебе говорю!

Почувствовала, как сильная рука встряхнула ее за ворот, и она встала. Встала на ноги и не поверила. Они дрожали, едва держали ее, но она стояла.

— Кто тебя послал сюда? Говори скорее!

Почему он не стреляет? А, он спрашивает, кто ее послал сюда... Он будет спрашивать, допытываться. Значит, она еще будет жить. Милюнэ открыла глаза.

— Никто, — прошептала она.

Ей показалось, что голова ее оторвалась и покатила под распахнутый железный ящик. Но потом она снова ощутила ее на своих плечах и боль под левым глазом. Из носа закапала кровь.

— Говори, кто тебя послал? — продолжал орать Струков, тыча холодным револьвером в лицо, в зубы, в подбородок.

— Никто, я сама, — прошептала Милюнэ.

— Часовой! Кожура! — закричал Струков в раскрытую дверь.

Прибежал милиционер и стал в дверях.

— Ты что же, олух эдакий, на небо поглядываешь, а тут у тебя под носом большевики секретные бумаги списывают! — набросился на него Струков.

Милиционер смотрел на распухшее окровавленное лицо Милюнэ и ничего не понимал.

— Беги к Громову, разбуди его!

Кожура, топоча валенками в резиновых калошах, выбежал из дома. Милюнэ почему-то отчетливо слышала его удаляющиеся шаги.

— Не хочешь говорить? Ну, это мы еще посмотрим,— зловеще произнес Струков.

Он схватил Милюнэ за рукав, вытащил из-за стола, поставил с другой стороны и сам занял место за столом в кресле.

— Ты постой и подумай... Ведь все равно скажешь — некуда тебе деваться.

Струков тяжело дышал. Он некоторое время молчал, разглядывая издали Милюнэ. Чертовщина какая-то. И зачем он только согласился сюда приехать? То это северное сияние, то дикарка, пишущая за столом. С ума сойдешь на этой Чукотке!

Тем временем Павловна и милиционер безуспешно пытались разбудить Громова. Но он в ответ только мычал и мотал головой.

— Да не проснется он все равно, не старайтесь,— устало сказала жена Громова.— Я его хорошо знаю. Пусть спит.

— Дык большевика пымали,— растерянно говорил Кожура.— Его благородие Струков держут ее.

— Скажите Струкову, что Громов спит,— ответила Павловна, выпроваживая милиционера.

Кожура побежал обратно в уездное правление.

Навстречу ему шли кладовщик продовольственного склада Безруков и охранник радиостанции Хваан.

— Чего бежишь, служивый? — спросил Безруков.

— Большевика пымали! — возбужденно сообщил милиционер.— Струков самолично схватил. Баба оказалась!

И он побежал дальше.

Безруков резко повернулся:

— Хваан! Милюнэ схватили! Оповести всю группу. Немедленно! Беги к Волтеру, пусть передаст по цепочке.

Струков понимал, что если он и дальше будет бить Милюнэ, он только ожесточит ее и она все равно ничего не скажет. Почему-то он вспомнил «конфиденциальный» разговор Громова с Треневым.

— Вот слушай, гадина! — Струков каждый раз прибавлял тангитанские ругательства, в которых перечислялись разные части тела. Милюнэ знала, что так они ругаются, но не понимала, какой в этом смысл. Это все равно как если бы ее назвали рукой, локтем, лбом, плечом... — Если ты добром не заговоришь, то тебя будут мучить... Понимаешь? Раскалят в печке шомпол и к заднице твоей поганой. Понимаешь? Дым пойдет, и ты будешь корчиться, молить, чтобы пощадил. Но я сам своими руками буду прижигать, пока не скажешь, кто тебя послал... А то начнем тебе пальцы ломать да вгонять под ногти иголки... Чего глаза закрываешь? Открой, сука тундровая!

Только бы не упасть. Нехорошо будет, если упадешь... Наверное, и впрямь очень больно то, что он сулит.

Она чувствовала, что качается, но старалась держаться, не падать.

Кто-то затопал по коридору, вошел в комнату.

— Ваше благородие! — Кожура тяжело дышал.— Господин Громов почивают и никак не могут прийти. Павловна говорит, все равно не добудить его.

— Ах черт! — Струков длинно выругался. — Ну я тебя не выпущу отсюда, пока не расколешься, в тюрьме сгною! А то на холод выставлю и водой буду обливать, пока в ледяной столб не превратишься.

Струков вышел из-за стола, приблизился к Милюнэ и ткнул стволом револьвера в зубы. Она почувствовала, как два передних зуба сломались и рот наполнился горячей соленой кровью.

Вернувшись на свое место, Струков уселся.

— Ишшо большее будет! — строго произнес он. — Последний раз спрашиваю — кто тебя сюда послал? Говори!

А ведь никто не посылал. Это чистая правда. Она сама догадалась, что надо делать.

— Говори, грязная сука!

Почему он все время ее сукой называет? Что в этом плохого? Вон сколько чукотских женщин носят это имя, и никто не думает, что это так плохо. Разные понятия о словах у чукчей и тангитанов!

— Да заговоришь ты?!

Надо сказать ему, что никто не посылал. Но рот полон крови. Милюнэ сплюнула на пол, подумав, что потом трудно ей будет отмыть это кровавое пятно.

— Никто не посылал, — ответила она громко, уверенно.

В коридоре снова послышался топот. На этот раз множество людей приближалось к двери. Это они идут, те, которые будут жечь ее.

Распахнулась дверь, холодом окатило со спины — наружную дверь оставили открытой.

— Руки вверх!

Милюнэ вдруг увидела, как переменялось лицо Струкова, как-то скривилось.

— Оружие на стол!

Руки Струкова поползли вверх, и на стол с громким стуком упал револьвер с каплями крови на мушке.

Кто-то сзади обхватил Милюнэ, и она услышала родной, полный сострадания голос, который не чаяла больше никогда услышать:

— Машенька, милая, родная, да что он с тобой сделал, сволочь!

Безруков и Хваан постучались в дверь дома Громова.

Долго не открывали. Наконец появилась заспанная жена Громова и проворчала:

— Ну что это за жизнь, господи! Даже ночью покоя нет. Ну кто там еще?

Хваан проскользнул в комнату, за ним прошел Безруков. Оба держали в руках револьверы.

— Пройдите сюда! — строго произнес Хваан и показал на кухню.

Павловна испуганно повиновалась. Но отчетливо слышала все, что происходит в спальне.

— Спит гад, — спокойно произнес Хваан. — Ну, мы сейчас его поднимем.

Хваан потер сначала уши Громову, пока они не загорелись огнем, потом начал хлопать по щекам.

Громов открыл глаза.

— Встать! — негромко приказал Безруков.

Сознание медленно возвращалось в затуманенную вином голову. Что это? Кто это смеет ему приказывать? В гневе Громов сел на кровати.

— Встать, я говорю! — повторил приказ Безруков. — Именем Советской республики, именем революционного комитета Чукотки вы арестованы!

Громов сполз с кровати и встал перед Безруковым и Хвааном.

— Сергей Евстафьевич? — спросил он растерянно.

— С вами говорит председатель ревкома Чукотки Михаил Мандриков!

Громов вмиг протрезвел. Опоздали! Всего на один день опоздали. Вот он оказывается, Мандриков, рядышком был, вместе плыли на пароходе «Томск». И этот плыл, с чудной фамилией — Хваан. Тоже, поди, никакой не Хваан.

— Одевайтесь, — приказал Мандриков.

Дрожащими руками Громов начал натягивать одежду. Он все путал, рубашку надел на левую сторону, долго не мог попасть ногами в штаны. То обе ноги в одну штанину попадали, то вовсе мимо.

— Как же, значит? — бормотал он. — Вы, господа, это зря... Приговаривают к расстрелу вас. Мятаж... господа.

— Пошевеливайтесь, господин Громов! — поторопил Мандриков. — У нас нет времени выслушивать вас и ждать. Давайте быстрее.

Громов глянул на него, на второго и только теперь понял всю серьезность положения. Вот они — большевики. Это они взяли власть в центре России и продвигаются на Дальний Восток.

К наступлению ранних сумерек все было закончено. Арестованных препроводили в тюрьму, рассадили в две камеры и поставили надежную охрану.

Михаил Мандриков и Август Берзин (по паспорту Дмитрий Хваан) вернулись в бывшую колчаковскую канцелярию.

— Ну вот, Август, — с усталой улыбкой проговорил Мандриков. — Революционная власть пришла на Чукотку! Поздравляю!

— Тебя тоже! — Август крепко обнял друга и товарища.

— Я чертовски рад, что обошлось без кровопролития, — с облегчением вздохнул Мандриков.

— Слабовата оказалась колчаковская власть, хлипковата, — заметил Берзин.

— Сегодня нам спать не придется, — деловито сказал Мандриков. — Надо составить воззвание, телеграммы, утром собрать первое легальное заседание ревкома.

— Ну что же, товарищ председатель, начнем работать!

Булатов нес на руках Милюнэ.

Она очнулась на свежем воздухе и испуганно спросила:

— Это ты, Булат?

— Я, я, Машенька, я...

— Как было больно и страшно!

— Милая, милая...

Милюнэ чувствовала, как на ее побитое лицо падают горячие слезы. Слезы попадали на распухшие губы, в рот. Соленые, как вкус крови...

— Милый Булатик, как хорошо, что ты пришел!

— Машенька, наша взяла! Наша, советская власть теперь на Чукотке! Ревком вышел из подполья, и власть принадлежит нам. Всех колчаковцев арестовали, посадили в тюрьму...

— В сумеречный дом? Струков грозил меня посадить туда...

— Теперь он сам там сидит...

Они вошли в дом, и Булатов осторожно положил Милюнэ на кровать. Она хотела сесть, но он придержал ее ласково, поцеловал в разбитые губы и всхлипнул.

— Булат, как я рада, что ты успел... Ты очень хороший!

Поутру Тымнэро запряг собак и поехал на лед Анадырского лимана. Сегодня надо было перевезти шесть мешков угля с копей на радиостанцию.

Сначала поехал за пустыми мешками. Тымнэро направил упряжку вдоль берега, мимо торосов и мимо здания уездного правления, по реке Казачке поднялся вверх. Скользя глазами по длинному приземистому дому, задержал взгляд на крыше. Над ней на шесте развевался на легком морозном ветру большой лоскут красной материи. Раньше такого не было.

Возле бани Тренева из проруби брал воду Ермачков.

— Чего они лоскут на крышу повесили? — спросил его Тымнэро.

— Оннак ты ничего не знаешь? Власть ночью взяли большевики! — ответил Ермачков. — Советская власть нынче у нас!

— Кто взял власть? — переспросил Тымнэро.

— Большевики.

Тымнэро посмотрел на красный флаг и вдруг сказал изумленному Ермачкову:

— Так вот кого искали в моей яранге! — И повернул упряжку обратно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

Товарищи далекого Севера, люди голода и холода, к вам обращаемся мы с призывом присоединить свой голос и разум к общему голосу трудящихся России и всего мира. Да здравствует коммунистическое равенство! Долой капиталистов, спекулянтов!

Из воззвания Анадырского ревкома.

«Первый Ревком Чукотки (1919—1920 гг.)».

Сборник документов и материалов. Магадан. 1957.

Подлинник — ЦГА РСФСР Дальнего Востока.

Бледный рассвет пробился сквозь подернутое льдом окно.

Мандриков поднял голову от стола и посмотрел на Берзина. Тот сидел на стуле, крепко привалившись к спинке, и спал.

Глядя на него, Мандриков испытывал что-то похожее, наверное, на отцовское чувство, хотя Август был ненамного моложе его.

Берзин, словно почувствовав его взгляд, пошевелился.

— Август! — окликнул его Мандриков.

Берзин мотнул головой и с трудом открыл глаза.

— Извини, совсем отвык от своего имени, — улыбнулся виновато.

— Вот уже новый день пришел... — Мандриков подошел к окну. — А знаешь, Август, именно с сегодняшнего дня и будут считать начало новой жизни на Чукотке — с шестнадцатого декабря тысяча девятьсот девятнадцатого года!

Несмотря на трудную ночь, Мандриков был возбужден. Он мысленно видел огромные пространства тундры: на север — до мыса

Дежнева, на юг — до Камчатки, на запад — до Якутска, на восток — до Америки... На этом пространстве вполне может уместиться Европа... И вот сегодня они решили судьбу этой земли...

Большинство населения — неграмотные, кочевые, оленные чукчи, охотники на морского зверя, эскимосы, ламуты, чуванцы, коряки... Как донести до них смысл происшедшего, найти в их гуще людей, способных понять и рассказать своим сородичам о великой перемене в веками устоявшейся жизни?

— Будем составлять воззвание! — сказал Мандриков, возвращаясь к столу. — Надо найти такие слова, чтобы они дошли до каждого сердца.

— Мне казалось, что самое трудное — взять власть, — сказал Берзин. — И вот мы ее взяли!

— Удержат и укрепить власть — вот что будет посложнее. Подвигайся к столу!..

Когда вошел Кулиновский и громко стукнул об пол прикладом, они почти закончили воззвание.

— На радиостанции ждут. Все приготовили, вызвали Петропавловск, Охотск, Якутск... Предупредили...

— Воззвание будем передавать после утверждения ревкомом, — отозвался Мандриков.

В комнату уже собирались члены ревкома: в эту морозную ночь никто не ложился спать.

— Пока народ собирается, надо привести Громова — пусть передаст денежные средства, — решил Мандриков. — Под расписку, как полагается.

Берзин с Булатовым отправились в тюрьму, по льду перешли Казачку.

Анадырская тюрьма была огорожена высокой стеной из дерновых пластов. Часовой узнал своих и пропустил во двор. Гринчук тащил из сторожки большую кастрюлю с кашей.

— Кормить собираюсь, — сказал он. — Оголодали, требуют еды и представителей власти.

Спертый воздух ударил в нос, и Берзин даже поначалу отшатнулся.

При скудном свете керосиновой лампы он разглядел лица арестованных, и тотчас на него обрушилась лавина голосов:

— Где справедливость? Гуманность?

— Почему нас до сих пор не накормили?

— Пусть пришлют адвоката! Адвоката прошу!

— В чем нас обвиняют? Пусть предъявят обвинение!

— За незаконный захват власти вы еще заплатите!

— Тихо! — крикнул Берзин. — Кто тут еще толкует о законности? Вы все арестованы законно, на основании постановлений Советской республики, именем революции! Будет создана следственная комиссия широкого представительства. Вина каждого в расстрелах, в преследовании трудящихся, в эксплуатации будет тщательно рассмотрена.

Только Громов молчал. Он жестоко страдал с похмелья и жадно пил холодную, натаянную из речного льда воду.

— Вот лакает с утра, — тихо сообщил Гринчук. — Как бы не лопнул.

— Господин Громов — сюда! — подозвал его Берзин.

Бывший начальник Чукотского уезда сделал шаг вперед и остановился перед Берзиным.

— Пойдемте с нами, — кивнул Берзин на выход.

Громов узнал Булатова и, увидев в его руках револьвер, вдруг упал на колени и завопил:

— Смилуйтесь, господа! Граждане! Не убивайте, не губите душу христианскую! Заклинаю вас именем господа бога, не оставьте сиротами малых детей... Они у меня во Владивостоке дожидаются своего батюшку... Не убивайте!

Булатов почувствовал, как Громов обхватил его ноги. Он беспомощно оглянулся на Берзина.

— Иннокентий Михайлович! — Голос у Берзина звенел. — Никто вас не собирается убивать без суда и следствия. Вам надлежит сдать ревкому денежные суммы под расписку. Так полагается. Идемте, у нас нет времени смотреть эту комедию!

Громов с облегчением поднялся и, стыдясь своих слез, покорно двинулся к выходу...

Мандриков сладко спал, положив голову на стол. Но он сразу же проснулся, как только в комнату вошли с Громовым.

— Сергей Евстафьевич! — воскликнул Громов.

— Если хотите обратиться ко мне по имени и отчеству, то называйте меня по-настоящему — Михаил Сергеевич, — сказал Мандриков. — Теперь откройте денежный ящик, пересчитайте суммы. Я вот тут уже заготовил документ, вам только надо проставить цифры.

Подсчет казны не занял много времени.

«Расписка.

По требованию Анадырского Совета рабочих депутатов мною сего 16 декабря 1919 года сданы казенные деньги всего в сумме двухсот семидесяти тысяч семисот тридцати двух рублей 57 коп. (270 732 р. 57 к.) российской монетой и четыре доллара восемьдесят центов (4 д. 80 ц.) американскою монетою.

Управляющий Анадырским уездом Громов».

Громов едва видел пляшущие перед собой буквы, но документ аккуратно подписал привычной размашистой подписью.

— Михаил Сергеевич, — заныл Громов, — мне бы свиданьице с Евдокией Павловной...

— Обращайтесь в администрацию тюрьмы, — ответил Мандриков и сказал Булатову: — Отведи его обратно.

Громов двинулся к выходу, но тут его остановил голос Мандрикова:

— Господин Громов! Я ставлю вас в известность, что мы произведем тщательный обыск в вашем доме. Такая скудность валюты в государственной казне заставляет думать, что вы скрыли и присвоили значительную сумму.

Громов ничего не ответил, он лишь втянул голову в плечи, будто ожидал удара.

Булатов, придя домой, застал у Милюнэ Тымнэро. Чукча растерянно посмотрел на него, потом на Милюнэ, которая уже всю хлопотала, несмотря на опухшее лицо и огромный синяк под глазом.

— Я же сказал тебе — лежать, — укоризненно произнес Булатов.

— Как же тут лежать, когда такое случилось! — возбужденно ответила Милюнэ. — Вон даже Тымнэро пришел, спрашивает, что это за новая власть с красным флагом на крыше.

— Наша власть, Тымнэро, власть бедных и угнетенных, — сказал Булатов.

— Пролетариев, — добавила Милюнэ, ставя на стол вскипевший чайник.

— А что будет теперь? — с любопытством спросил Тымнэро.

— Сегодня проведем заседание ревкома, — ответил через Милюнэ Булатов. — Сделаем план, что дальше. Отберем все богатства, награбленные торговцами...

— Ограбьте их, — уточнил Тымнэро.

— Не ограбим, а отберем то, что по праву принадлежит трудящимся... Кто ловит рыбу в пугину? Сам Грушецкий или сам Соонесан? Они даже не каждый-то день спускаются на берег лимана. А рыбу кто берет? Они! Малость платят рыбакам — и все.

— Так сети, снасти ихние...

— Сети, все орудия производства тоже принадлежат по праву трудовому народу.

Тымнэро выпил чашку чая и заторопился.

— Конечно, власть переменялась, но уголь-то нужен. Поеду в копи. Для радиостанции надо топливо привезти...

В дверях он остановился и повернулся к Булатову.

— Милюнэ, а ну спроси-ка своего тангитана: новые власти будут платить за перевоз угля?

— Будут платить, — твердо обещал Булатов. — Может, даже больше, чем раньше платили.

— Откуда деньги возьмут — они же бедные? — с сомнением сказал Тымнэро.

— Деньги есть, — деловито объяснил Булатов. — Сегодня у Громова приняли казенную кассу.

Тымнэро ушел, и через некоторое время Милюнэ увидела в окошко уходящую в белую даль Анадырского лимана собачью упряжку.

— Я лежала-лежала, а заснуть не могу, — рассказывала Милюнэ. — Все вспоминаю ту большую песню. Те слова...

— Какую песню? — удивился Булатов.

— Главную революционную песню, которую сочинил Карл Маркс.

— Кто тебе сказал, что «Интернационал» Карл Маркс сочинил?

— А кто же еще? — удивилась в свою очередь Милюнэ. — Может, Ленин?

— У Мандрикова надо будет спросить, — сказал Булатов.

— Так вот слушай: там есть такие слова — кто был ничем, тот станет всем! Сегодня мы стали всем!

— А что — верно! — согласился Булатов. — Теперь мы — всё! Вечером первое заседание ревкома Чукотки. Открытое, таиться не будем нынче! Вытащи из сундучка мой морской бушлат и красную повязку на рукав сделай, — попросил он жену.

— Сегодня вечером? — переспросила Милюнэ. — Надо успеть! Бушлат я тебе потом достану и пришью на рукав красный лоскут. А сейчас мне надо идти.

— Куда?

— В уездное правление, — ответила Милюнэ. — Убрать, помыть... Там же грязно. Я там плюнула кровью, когда Струков ударил меня.

Она показала мужу — два нижних передних зуба были выбиты.

— Револьвером ткнул, и зубы мои там, наверное, валяются, — сказала Милюнэ. — Надо убрать. Ведь первое заседание!

— Маша!

— Нет, ты меня не уговаривай, не держи. Сам же говорил, что после установления советской власти женщина становится равней мужчине! А сам за рукав меня хватаешь.

— Не в этом дело... Ты посмотри на себя в зеркало. Я не хочу, чтобы мою красавицу видели такой...

— Пусть видят! — твердо сказала Милюнэ. — Пусть видят, что я чуть не вознеслась в зенит, в царство «окровавленных»...

— Что ты говоришь! — изумился Булатов.

— Знаешь, если бы Струков застрелил мужа, — объяснила Милюнэ, — то сейчас я уже была бы в зените, на самом верху северного сияния. Там живут те, кто погиб в боях, тот, кто окровавился в сражении.

Разговаривая с мужем, Милюнэ торопливо одевалась, натянула на себя камлейку с пушисто отороченным капюшоном.

Мех почти прикрыл ее побитое лицо, и она, улыбнувшись, сказала:

— Вот так не очень видно будет, верно?

— Ладно уж, — махнул рукой Булатов и вместе с Милюнэ поплелся в здание ревкома.

По дороге Милюнэ несколько раз останавливалась и любовалась трепещущим на легком ветру красным флагом.

— Очень красиво.

— Ты что сюда явилась? — удивился Мандриков. — Тебе надо дома лежать.

— Не хочет она, — развел руками Булатов. — Говорит: убрать надо — первое заседание первого ревкома, чтобы чисто было!

— Мне очень хорошо, я совсем не больная, — уверила Милюнэ, беря все еще стоявшее здесь ведро с водой и тряпкой.

— Сильно-то не уставай, Маша! — сказал Мандриков. — Все равно вечером все затопчут.

— Ну и что! — возразила Милюнэ. — Пусть! Зато когда войдут — пусть видят: чисто, тепло! Я еще возьму кумача и покрою стол. Правда будет хорошо?

— Ну что за золото твоя жена, Булат! — засмеялся Мандриков. — Повезло тебе, парень, прямо завидую.

Он отомкнул денежный ящик, достал деньги и, подавая Милюнэ, сказал:

— Вот на эти деньги купишь кумача на стол... А тут запишем первый расход ревкома. — Он достал приходно-расходную книгу и открыл новую страницу. — Четыре аршина кумача...

В бывшем уездном правлении в этот вечер было особенно чисто, и покрытый красной тканью стол, за которым сидел Мандриков, придавал нарядную торжественность помещению.

Из соседних комнат Милюнэ принесла стулья, табуреты и скамьи.

Члены ревкома — осталась лишь охрана у тюрьмы и радиостанции — шумно рассаживались, поздравляли друг друга, улыбались. Лишь Мандриков среди всеобщего ликования был строг и бледен. Он начал тихим, но твердым голосом:

— Товарищи! Разрешите открыть первое заседание ревкома Чукотки, представляющего на крайнем Северо-Востоке Советскую республику, власть рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Кончилось время долгой ночи для этой далекой окраины России! Народ, задавленный нуждой и самой хищной эксплуатацией со стороны разного рода коммерсантов, полицейских чинов и прочих сволочей, освободился для строительства новой жизни. Прежде чем продолжать заседание, нам надо избрать секретаря и его помощника, чтобы все, что здесь мы говорим, записывать, а потом оповещать широкие народные массы. Власть наша народная, и мы не собираемся ничего утаивать! Какие есть соображения?

Берзин вышел вперед.

— Такие у меня соображения,—сказал он.— Михаил Куркутский является в нашем ревкоме представителем местного коренного населения. Человек он грамотный, учитель. Пусть он и будет секретарем, а помощником к нему, думаю, можно определить товарища Александра Булатова. Он способный, хорошо и чисто пишет, и нам надо будет многие наши воззвания и решения писать на больших листах и вывешивать для всеобщего сведения и обозрения.

— Пусть они будут секретарями! — крикнул моторист Фесенко.

— Возражающих нет? — спросил Мандриков.

Таковых не оказалось.

Куркутский и Булатов уселись с боков стола председателя. Там уже лежали приготовленные чистые листы бумаги и карандаши.

— Товарищи,— продолжал Мандриков,— нам надо принять воззвание Анадырского ревкома к трудящимся Анадыря и Анадырского уезда с разъяснением политики советской власти и призывом поддержать трудящихся Анадыря, свергнувших колчаковских ставленников... Вот это воззвание:

«Товарищи далекого Севера, люди голода и холода, к вам обращаемся мы с призывом присоединить свой голос и разум к общему голосу трудящихся России и всего мира.

Да здравствует коммунистическое равенство!

Долой капиталистов, спекулянтов!

Третий год рабочие и крестьяне России и Сибири ведут колоссальную борьбу с наемниками богатых людей Америки, Японии, Англии и Франции, которые хотят затопить в крови трудящийся народ России. Русское бывшее офицерство, сынки купцов-спекулянтов объединились вокруг господина Колчака и, получая от бывших союзников оружие и деньги, приступили к удушению рабочего и крестьянина. Япония выслала в Приамурье двести тысяч солдат, которые заняли все деревни, безжалостно убивая детей и стариков. Они думали этим кровавым террором убить русскую революцию, лишить свободы трудящихся, но ошиблись. Советские войска, одухотворенные жаждой равенства и свободы всех, кто трудится, разбили армию Колчака и сейчас подступают к Иркутску, где не замедлят уничтожить последние остатки бывших тиранов, а последние уцелевшие остатки поняли обман своих правительств и требуют ухода из русских территорий. Вот почему долг каждого рабочего-камчадала в последний час прийти на помощь своим братьям по труду, свергнуть ставленников Колчака, купцов и мародеров, которые так безжалостны к вашему труду, к вашим жизням. Каждый человек имеет право на равный кусок всей ценности в мире, созданной трудом, и каждый должен трудиться. Только тогда не будет бедных и богатых и на земле воцарится равенство и братство. С отчаянием и желанием рабочие ведут борьбу со всей буржуазией.

16 декабря рабочие Анадыря свергли в Анадырском крае ставленников Колчака и объявили власть Совета рабочих депутатов. Цель переворота — оказать моральную поддержку в борьбе товарищам России и Сибири и уничтожение частной торговли, замена общественным натуральным обменом...»

Воззвание заканчивалось призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует Советская республика!»

— Ранее этого воззвания,— сообщил Мандриков,— мы отправили на все радиотелеграфные станции, которые имеют связь с анадырской, обращение к телеграфистам, а также сообщение об установлении советской власти на Чукотке. Наша ближайшая задача — распространить наше влияние на весь обширный край. Это будет нелегко: единственный транспорт — собачья упряжка. Но в ближайшее

время мы должны отправить две группы — одну в верховье реки Анадырь, в Марково и Усть-Белую и в оленеводческие стойбища, вторую — на север, на мыс Дежнева, где засилье американских торговцев особенно велико...

После принятия воззвания ревком распределил обязанности.

Берзин остался комиссаром охраны с широкими полномочиями, Василий Титов был назначен комиссаром радиостанции.

— Товарищи! — Голос Мандрикова охрип. — Есть еще одно безотлагательное дело: утвердить состав следственной комиссии. Поскольку дело серьезное, я сам решил возглавить эту комиссию. Какие будут предложения по составу?

— Товарища Титова, — сказал механик Фесенко.

— Хорошо, — кивнул Мандриков и сделал знак Куркутскому внести в список Титова.

— Товарищи! Товарищи! — Волтер торопливо поднялся. — У меня такое соображение: ввести в состав следственной комиссии коммерсанта Тренева.

— Зачем эту лису в следственную комиссию? — выкрикнул ингуш Мальсагов.

— Пусть какой есть! — убежденно настаивал Волтер. — Победившие не должны терять голову! Мы пришли установить братство людей...

— Трудящихся! — поправил Мандриков.

— Да-да, и трудящихся! — быстро согласился Волтер. — Надо и представителей имущих классов привлекать. Тех, которые осознали справедливость нашего дела и перешли на нашу сторону. Особенно образованных и грамотных. Тренин — человек демократически настроенный. Он терпел оскорбления от Громова. Если мы привлечем Тренина в следственную комиссию, никто не обвинит нас в диктаторстве и узурпаторстве...

При голосовании Мандриков и Титов прошли единогласно, а против Тренина голосовали трое — Мальсагов, Фесенко и Булатов.

— Товарищи, — обратился Мандриков к членам ревкома. — Нам предстоит большая и тяжелая работа. Экспроприация, то есть изъятие товаров и ценностей из рук торговцев в народное пользование. Укрепление нашего влияния на всем пространстве Чукотки... Пусть нас мало сегодня, но завтра будет больше. Мы выступили немного раньше назначенного срока ввиду чрезвычайных обстоятельств: Громову стало известно о существовании подпольной группы и он уже запрашивал Петропавловск о нашем аресте. Но в скором времени трудящиеся Камчатки установят и на своем полуострове советскую власть. А до той поры нам надо держаться!

Тренин воспрял. Куда делся его бледный, чахоточный вид? Он важно шествовал по анадырским улицам, улыбался всем, говорил ласково и даже несколько нравоучительно.

Обеспокоенная этим Агриппина Зиновьевна пыталась его утихомирить:

— Ну что может быть общего у тебя с этими голодранцами? Погляди на них! Вот увидишь — завтра они в этот ревком введут нашу бывшую служанку!

— А что? — подняв брови, ответил Тренин. — Вполне может и такое случиться. Говорят, она оказывала революционерам большие услуги и устроилась-то работать в канцелярию, чтобы переписывать секретные документы.

— Да ты что, господь с тобой! — воскликнула Агриппина Зиновьевна. — Чтобы Маша писала!

— Да, вот именно так, дорогая,— усмехнулся Тренев.— Писала. Не забывай, что она из королевского стойбища. Мы еще ничегошеньки не знаем о здешних жителях. Может быть, у них какая-нибудь тайная гимназия в стойбище? Сказывали же, что в тамошнем стойбище живет человек, который изобрел чукотскую письменность. И, насколько мне помнится, он близкий родственник нашей Маши.

— О боже! — простонала Агриппина Зиновьевна.— Голова кругом идет. А притворялась! Ничего не понимай, ничего не знай... Ну, змея!

— Не надо так говорить, милая,— попросил Тренев.— Помни, что она очень близко стоит к власти нынешней.

— Но тебе-то какая корысть лезть в эту следственную комиссию? — допытывалась Агриппина Зиновьевна.

— Дальний прицел,— загадочно ответил Тренев.— Очень дальний. Думаю, что на этот раз я не промахнусь.

Кто-то тихо скребся в дверь.

Агриппина Зиновьевна вышла в сени, прислушалась и спросила с дрожью в голосе:

— Кто там?

— Это я,— ответил приглушенный женский голос.— Евдокия Павловна...

— Господи,— прошептала Агриппина Зиновьевна, обернувшись к мужу.— Зачем она пришла?

— Впусти ее.

Женщина сразу горячо зашептала:

— Вы не беспокойтесь — никто не видел, как я к вам вошла. Не бойтесь! — Евдокия Павловна тяжело опустилась на стул в комнате.— Иван Архипыч, дорогой, я знаю, что вы не очень хорошо относитесь к Иннокентию Михайловичу, но все знают вас как глубоко порядочного человека... Мой Кеша...— Евдокия Павловна достала кружевной платочек и промокнула глаза.— Мой Кеша столько страдал... Он так любит Россию... Он и пошел служить к Колчаку, чтобы вернуть в России порядок... Вот я вам принесла.

Женщина долго копалась в своих многочисленных юбках, пока не извлекла довольно объемистый сверток.

— Вот я вам принесла...

— Что это? — испуганно спросил Тренев.

— Тут золото, валюта...

— Да за кого вы меня принимаете, Евдокия Павловна! — с возмущением воскликнул Тренев.

— На сохранение, на сохранение,— торопливо произнесла Евдокия Павловна.— Со дня на день у меня могут обыск сделать... А у вас это будет в сохранности. Я прошу вас, дорогой Иван Архипыч.

Тренев переглянулся с женой, и Агриппина Зиновьевна незаметно кивнула.

— Хорошо, Евдокия Павловна,— после некоторого раздумья сказал Тренев.— Я возьму этот сверток даже не разворачивая. Можно даже сказать, что я не знаю, что в этом свертке...

— Вот-вот, Иван Архипыч! Пусть будет так...— Евдокия Павловна еще раз промокнула глаза и высморкалась.— Я знаю, что новые власти назначили вас в следственную комиссию.

— Но я только член комиссии,— возразил Тренев.— Со мной консультируются только по правовым вопросам, имеющим специфически процессуальное значение!

Тренев говорил важно, растягивая слова. Сверток был довольно увесистый: видно, там было немало драгоценного металла.

— Да-да,— торопливо согласилась Громова.— Но все-таки, как человек добросердечный, сострадательный, вы уж моего Кешу-то... Ведь служил он бескорыстно, исполнял приказы...

— Куда бы мне это спрятать? — в задумчивости произнес Тренев.— Боюсь, заховаю так, что потом сам не найду...

— И пусть, пусть,— замахала руками Евдокия Павловна.— Лишь бы это не досталось большевикам! Хоть в прорубь бросьте, что у вашей бани!

— А ведь это дельно! — обрадованно произнес Тренев.— Вот уж куда никто не сунется!.. Что же касается вашего мужа,— уже другим тоном произнес Тренев, взвешивая на руке сверток,— я твердо обещать не могу, дело сложное, но все же...

— Да-да,— снова заторопилась Евдокия Павловна.— Что можно, хоть самую малость... Жизнь бы ему сохранили...— Жена Громова еще раз утерла глаза.— Ну, я пойду,— сказала она.— Обнадежили вы меня, Иван Архипыч! Спаси вас бог и награди всяческими милостями!

Громова вышла в сени. За ней последовал Тренев. Отстранив женщину, он сначала выглянул из двери. На стене, обращенной к улице, белел большой лист бумаги.

— Погодите! — сказал он Евдокии Павловне и вышел.

«Воззвание,— прочитал он,— Анадырского ревкома к трудящимся Анадыря и Анадырского уезда!»

Оглядевшись, он выпустил Громову из дома.

— Идите быстрее! — успел шепнуть.

Вернувшись в комнату, заметил, что у него дрожат руки.

Сверток лежал на кровати.

Агриппина Зиновьевна зачарованно смотрела на него.

— Поглядим? — спросила она.

— Погоди, запрудь дверь,— ответил Тренев.

Расположившись на супружеской постели, занавесив окно, Треневы нетерпеливо развернули сверток. На лоскутное одеяло выкатились золотые монеты, туго свернутые пачки денежных знаков. Тут были американские и сингапурские доллары, франки, китайские юани и японские иены...

— А ведь тут и мои денежки лежат,— пробормотал Тренев, собирая в кучу золотые монеты.— Так что можно сказать — вернули мы свое...

— И с немалыми процентами! — зло произнесла Агриппина Зиновьевна.

— Знаешь, для виду можно эту китайскую макулатуру завернуть и впрямь бросить в прорубь,— задумчиво сказал Тренев.

— Зачем? — испуганно отозвалась Агриппина Зиновьевна.— Мало ли что будет. Что они — мешают тебе?

Общая сумма была довольно внушительна. Здесь лежал весь сбор, учиненный Громовым от имени колчаковского правительства якобы для нужд новой администрации.

«Вот что можно делать, когда власть в твоих руках»,— с невольной завистью подумал Тренев.

У них был тайничок, о котором не догадалась даже Маша. Он находился на кухне под железным листом, защищающим деревянный пол от горячих углей. Это было углубление под половицей. Тренев спрятал в него сверток, приладил обратно железный лист и сказал жене:

— А на нашей стене воззвание ревкома прилепили.

— Боже, зачем это?

— Наш дом так стоит,— объяснил Тренев,— да и ту стену снегом не заносит.

— Теперь люди будут толпиться,— недовольно заметила Агриппина Зиновьевна.— Нет, ты скажи этим... Пусть нашу стену не трогают. Пусть лепят на стену уездного правления.

— Там тоже висит,— ответил Тренев.

— А ты скажи,— настаивала Агриппина Зиновьевна.— Потребуй!

— Ну что ты, Груня, как я могу требовать? — виновато и слабо улыбнулся Тренев.— Может быть, так лучше...

— А что же дальше будет, Ваня? — простонала Агриппина Зиновьевна.

— Летом уедем отсюда! — решительно заявил Тренев.— Хватит с меня Чукотки. Вот она у меня где, вот! — Он постучал себя кулаком по тощому затылку.

Бессекерский сам открыл склад. Он долго не мог попасть ключом в отверстие замка, злился и ругался про себя.

— Да вы не волнуйтесь, господин Бессекерский,— насмешливо заметил Берзин.— Спокойнее.

Тяжело отошла дверь, и комиссия по экспроприации вошла в стылый, насквозь замороженный склад.

— Показывайте все! — приказал Берзин.

Считали ящики, мешки, пушнину, развешанную под самыми стропилами довольно крутой крыши.

— А где оружие? — спросил Берзин.

— Вон ящики лежат,— показал Бессекерский в угол.

— А говорили, что у вас целый арсенал,— проговорил Берзин, увидев только два ящика, в каждом было два винчестера.

— Было у меня оружие,— с готовностью сообщил Бессекерский,— думал: погорел с этим товаром. Но вот понемногу разошлось.

Члены комиссии все сосчитали и записали в специальный акт, который подписал дрожащей рукой Бессекерский.

Когда вышли на улицу, Берзин протянул ключи торговцу.

— Вы что?.. Как это понимать?.. — растерянно спросил Бессекерский.

— Возьмите ключи. Завтра зайдете в ревком и ознакомитесь с новыми правилами торговли, налогообложением и ценами на товары и пушнину.

— Значит, я остаюсь владельцем склада? — хрипло спросил Бессекерский.— А говорили...

— Вы временно, в силу необходимости, считаетесь служащим ревкома,— объяснил Берзин.— Будете получать жалованье, как всякий трудящийся.

— Да, да, понимаю,— торопливо сказал Бессекерский и вдруг против своей воли низко поклонился Берзину.

Грушецкий отдал ключи и, не желая разговаривать, ушел к себе.

Экспроприацию произвели без него. Главным богатством у него, конечно, были огромные прекрасные ставные невода, которыми можно было перегородить реку Анадырь во всю ширь.

— В будущую путину рыбу будет ловить артель,— сказал Берзин.— Все это теперь — народное достояние.

Ваня Куркутский, входивший в группу экспроприации, посоветовал:

— Эти малые сети, оннак, можно раздать людям, особливо каюрам. Оне, мольч, ловют для своих собацек, а сетей-то нет.

— Что же, это можно сделать,— согласился Берзин.— Пусть дадут список желающих взять малые сети.

Сооне-сан тоже был заранее предупрежден, как и все коммерсанты и промышленники, однако к своему складу не явился.

Куркутский пошел за ним, но быстро вернулся, слегка смущенный.

— Заболел апонец,— сказал он виновато.— Лежит на кровати, стонет, как пес, и сожительница его голосит над ним, будто он уже мертвый.

— А ну пошли к нему,— решительно сказал Берзин.— Притворяется, гад. Ведь только вчера улыбался, кланялся, зубы показывал.

Еще из сеней было слышно завывание сожительницы.

И когда вся комиссия вошла в небольшую комнатку, застонал и сам Сооне-сан.

— Что у вас болит, Сооне-сан? — спросил Берзин.

— Горова, живот, нога, спина! О-о-о-о! — ответил японец.— Со всем нет здоровья, совсем нет сира!

— А вот я вижу, что вы притворяетесь, Сооне-сан,— громко сказал Берзин.— И это называется — саботаж! Понимаете, Сооне-сан,— са-бо-таж! За это по революционным законам полагается расстрел!

— А, что? — Сооне-сан сразу перестал стонать.— Почему растер? Я иностранный подданный, моя охраняет его веричество иньпиратор Запони, микада... Моя охраняет генерар Отани...

— Ну хватит! — тихо, но строго сказал Берзин.— Твой Отани уже собирает вещи и грузится на пароход, чтобы уплыть к своему микаде. Красная Армия наступает. В ноябре был взят Омск.. Понимаешь, где Омск? Вполне возможно, что и Иркутск взят Красной Армией. Так что, Сооне-сан, хватит болеть, пошли на склад.

— Хоросё,— как-то покорно произнес Сооне-сан и спустил ноги в толстых шерстяных чулках на пол, на травяную циновку.

Женщина подала одежду, и все направились к складу.

Склад битком был набит разными товарами. Да, последний пароход из Японии хорошо снабдил своего земляка.

До позднего вечера пробыли члены комиссии на складе Сооне-сана, переписывая мешки с мукой, сахаром, сколоченные из тонких дощечек ящики, где хранился ароматный китайский чай в японской упаковке, рулоны тканей. На отдельной полке стояли металлические десятилитровые банки.

— А это что такое? — спросил Берзин.

— Сипирта,— ответил Сооне-сан, кланяясь в пояс,— очень хороший товара. Сукса любит, эскимоса тозе.

— Весь этот сипирта,— сердито сказал Берзин,— сейчас же вылить!

Ваня Куркутский непонимающе посмотрел на комиссара охраны.

— Да, да,— повторил Берзин,— все это вылить.

— Это, мольч, такое богатство,— пробормотал Куркутский.— Кто узнает, оннак, смеяться будут...

— Знаешь такую русскую поговорку: смеется тот, кто смеется последним? — сказал Берзин.

Куркутский подумал и возразил:

— Первый тоже смеется.

Первую банку вылили прямо у склада, но здесь еще мало было снега, и на поверхности образовалась лужица. Пришлось искать большой сугроб.

Весть о том, что ревкомовцы выливают спирт, мгновенно разнеслась по Анадырю. Со всех сторон к берегу лимана устремились люди. Многие шли с банками, пустыми бутылками, некоторые даже с ведрами.

Куркутскому было так жаль спирт, что он лил осторожно, будто это могло спасти драгоценную жидкость.

Кто-то бежал с ведром, издали еще крича:

— Ваня, да ты что? Доспел? Мольч, погодь-ко в снег лить, в ведро мое наструй!

Это был Ермачков. Он уже было совсем близко подбежал к Куркутскому, но громкий окрик остановил его:

— Стой! Стрелять буду!

И впрямь раздался выстрел, и где-то над головой Ермачкова в сторону лимана просвистела пуля.

Ермачков вместе с загремевшим ведром упал прямо в снег.

Кто-то ахнул и крикнул:

— Убил!

Но Ермачков, смешно елозя задом, проворно отполз в сторону, поднялся и напустился на Берзина:

— Пошто стрелишь в меня? Пошто? Я бедный рыбак, опора новой власти, а стрелишь, мольч?

— Товарищ Ермачков, спирт выливается по постановлению ревкома,— объяснил Берзин.— Отныне никто не может спаивать местное население в целях грабежа и обмана.

— Так и сказал бы,— обиженно пробормотал Ермачков, уходя с пустым ведром домой.

Однако толпа не расходилась, и когда в снег были вылиты последние капли спирта и комиссия ушла, все бросились собирать снег и вмиг уничтожили довольно большой сугроб.

Куркутский пошел к Тымнэро, чтобы объяснить ему о его праве на сети.

В чоттагине жарко пылал костер, обитатели яранги пили чай за низким столиком у бревна-изголовья. Здесь же была и Милюнэ.

Ваня Куркутский поглядел на ее лицо и с удовлетворением заметил:

— Оннак, мольч, зажило, доспело как на собаке.

— Уже синяк проходит,— отозвалась Милюнэ.— Вот только зубы жаль.

— Железные поставят,— уверенно ответил Ваня Куркутский,— а еще лучше из денежного металла. Я видал, у иных тангитанов весь рот полон денежного металла. Улыбнется — так луч по глазам бьет, будто сияние.

Куркутский принял чашку чая, попробовал и похвалил:

— Скусный!

— Хорошо стали платить за уголь! — обрадованно сообщил Тымнэро.— Вдвое против прежнего. Вон какая новая власть. Столько менялись, ссаживали один другого — но еще никто столько не платил.

— Потому что это наша власть — советская, власть народа! — сказала Милюнэ.

— Так толкуют,— спокойно сказал Куркутский.— Нонче мы с комиссией отобрали все товары у торговцев. Все дочиста. А дурную веселящую воду в снег вылили. Всю, до последней капли.

— Зачем это? — испуганно спросил Тымнэро.

— Чтобы торговцы и всяческие там коммерсанты больше не обманывали местное население. Чтобы не дурманили голову для обману,— объяснил Ваня Куркутский.— Все снасти, все невода и сети Грущецкого и Соона переходят во всенародное пользование. И ихние рыбалки тоже... Совместно будем ловить рыбку, мольч.

— Уже однажды ловили,— заметил Тымнэро.— Сами едва уцелели.

— Ну, тогда не то! — возразил Ваня Куркутский.— Нонче, мольч, на настоящей рыбалке будем ловить, с кунгаса да на ставных неводах! А малые сети решено постановлением раздать беднякам. Тебе тоже две сетки полагается. Вот завтра пойдешь и возьмешь...

— Никуда я не пойду,— решительно ответил Тымнэро.

— Почему?

— Мне чужого не надо.

— Так это теперь не чужое, а наше — общественное достояние,— принялся объяснять Ваня Куркутский.

— Все равно не возьму,— мотнул головой Тымнэро.— Люди хорошо помнят, чье это было добро, а я буду брать... Я чужого никогда не брал и никогда не возьму.

— Зря такое говоришь,— увещевающе сказала Милюнэ.— Люди с добром, с открытым сердцем к тебе, они хотят помочь, сделать твою жизнь лучше, чтобы ты настоящим человеком себя чувствовал, а ты...

— Послушай, Милюнэ.— Тымнэро старался говорить спокойно, хотя сердился на нее.— Я и живу, как настоящий человек, как лыгьоравэтльан, и мне не надо другой жизни... Может, она тебе нужна, потому что ты стала женой тангитана, или вот Ване Куркутскому, потому что он происходит от древних тангитанов, но мне нет нужды. Я хочу жить сам по себе и хочу, чтобы меня никто не трогал. Пусть будет эта власть, я чувую, что она добрая, но пусть меня не трогают, пусть оставят в покое. Я все сказал.

Он взял заскорюзлыми, темными пальцами блюдце и шумно втянул в себя остывший чай.

Следственная комиссия ввиду обилия текущих дел заседала поздно вечером.

Булатов вел протокол.

Войдя в комнату, Тренев поздоровался со всеми за руку и снял шубу. Он был в черном суконном сюртуке, в белой рубашке, весь чистенький, аккуратный.

Мандриков посмотрел на него и подумал, что и ему бы следовало привести свою одежду в порядок: негоже председателю ревкома являться сюда в грязной рубашке и в мятом пиджаке.

— Товарищи,— начал Мандриков,— мы допросили главарей колчаковской банды...

— Извините, товарищи,— вдруг перебил Тренев.

Мандриков вопросительно посмотрел на него.

— Вы слышали когда-нибудь такое выражение — презумпция невиновности?

Мандриков пожал плечами. Остальные тоже явно не слышали такого.

— Это элементарный юридический термин, означающий, что ни

один человек, даже застигнутый на месте преступления с окровавленным топором, не считается виновным до тех пор, пока суд не вынесет свое решение, пока не будет оглашен приговор...

— Вот это да! — воскликнул Титов.

— Тем не менее это так, — продолжал Тренев. — Презумпция невиновности при всей своей парадоксальности имеет глубокий гуманистический смысл. Советская власть, насколько я понимаю, коренным образом отличается от всякой другой власти именно своей гуманностью, ибо она направлена непосредственно на благо человека. Достоинство, честь человека — для нее самое главное. И я перебиваю вас, товарищ Мандриков, только для того, чтобы выразить свое желание как члена следственной комиссии, чтобы эти... э-э-э... господа не назывались бандой или еще какими уничижительными словами, пока суд не докажет их виновность...

Мандриков посмотрел на Булатова.

Тот сосредоточенно писал, стараясь ничего не пропустить.

— Надо думать еще и о том, что скажет история! Как оценят ваши действия будущие потомки.

Поколебавшись, Мандриков сказал:

— Лучшая оценка потомков — это если мы сохраним для них советскую власть... Ну а что касается этих, будем называть их ставленниками Колчака.

— Ну что же, — согласился Тренев. — Так будет лучше.

— Так вот, — продолжал Мандриков, — мы допросили ставленников Колчака и выяснили их полную виновность...

— Виновность должен доказать суд, — улыбнулся Тренев.

— Участие в незаконных расстрелах шахтеров, обысках и поборах... Громов, конечно, отъявленная сволочь...

— Михаил Сергеевич! — укоризненно произнес Тренев.

— Сволочь! — повторил Мандриков. — Все здесь производилось по его приказу. Струков, который плясал под его дудку, утверждает нагло, что согласился идти в колчаковскую милицию, чтобы не быть мобилизованным в армию. Ревком на своем заседании рекомендовал вынести доклад следственной комиссии на рассмотрение общего собрания жителей Ново-Мариинского поста, или по-новому Анадыря. Таково решение ревкома, хотя, господин Тренев, мы согласно законам военного времени имеем право именем ревкома расстреливать явных контрреволюционеров.

Мандриков говорил и чувствовал, как сопротивляется его словам Тренев. Юридическая терминология коммерсанта чуть было не сбила с толку председателя ревкома. Еще во время кооперативной работы на Амуре Мандриков понял силу юрисдикции, силу писаного закона. В самой деятельности ревкома Чукотки ему тоже хотелось бы обойтись без излишней жестокости, раз уж так случилось, что переворот был бескровный, если не считать побоев, нанесенных Струковым Милюнэ.

— Пусть решает народ! — сказал он в заключение.

Тренев, Мандриков и Булатов шли вместе по улице. С лимана задувал секущий лицо морозный ветер. Мела поземка, и небо было затянуто облаками.

— Гуманизм, — журчал в ухо Тренев, — всегда привлекателен для широких народных масс. Он склоняет на сторону добрых и просвещенных правителей даже бывших врагов...

Но Мандриков не слушал его. Он опять думал о том, что взять власть — это только начало. И самое сложное, самое трудное только

начинается: удержать советскую власть, распространить на обширные пространства Чукотки, а главное — довести до сознания широких масс местного населения.

Где-то в Якутии Петр Каширин. Как его не хватает здесь с его знанием языков и обычаев чукчей и эскимосов!

На первый большой сход собралось почти все население Ново-Мариинска. Пришел даже Сооне-сан. Заметив его, Берзин подошел и вежливо сказал:

— Вам, Сооне-сан, придется покинуть собрание.

— Посиму?

— Потому что вы иностранец, подданный императора Японии, микадо.

— Хоросё,— кивнул Сооне-сан и вытянул указательный палец вперед.— Это кто?

Берзин оглянулся. Японец показывал на Аренса Волтера.

— А это член ревкома Аренс Волтер,— секунду помедлив, ответил Берзин.— Вы тоже хотите стать членом ревкома, Сооне-сан?

— Нет, спасибо! — сухо ответил японец и, низко кланяясь, стал пятиться к дверям, держа за руку свою сожительницу.

Мандрикову пришлось встать на табуретку, чтобы его было слышно.

— Граждане и товарищи! Жители Анадыря! От имени революционного комитета разрешите вас поздравить с установлением советской власти на самом дальнем краю Советской республики! Товарищи! Час освобождения всего Дальнего Востока приближается. И каждый из нас должен приложить все усилия для того, чтобы солнце свободы воссияло над холодными, заснеженными просторами Чукотки и Камчатки. Красная Армия подступает к Иркутску. У нас еще нет достоверных сведений, но, думаем, что Иркутск уже взят. А это означает, что вскоре красный флаг революции будет развеваться на всем протяжении большой нашей страны от Балтики, от Петрограда до Анадыря! Наша ближайшая задача здесь, на просторах вечной мерзлоты, распространить нашу советскую власть на все побережье ледяных морей и в глубь тундры.

Тренев, сидящий недалеко от оратора, чувствовал нарастающее волнение и думал: «А хорошо, черт возьми, говорит! Красиво!»

Милюнэ, прижавшись к мужу, смотрела зачарованно на Мандрикова, и перед ней проносилась вся ее жизнь от дымной яранги на берегу Танюрера до сегодняшнего дня. По годам вроде бы прожито немного — а какая длинная дорога оказалась к новой жизни! Разве она думала, что так будет, что ей судьба подарит такое счастье, которое иногда кажется сном — и боишься проснуться!

— Мы произвели изъятие ценностей и товаров у коммерсантов. Товарищи, это необходимое условие существования советской власти. Но мы приветствуем сотрудничество всех слоев населения с ревкомом. Вот почему мы почти всех торговцев как бы взяли на службу. Они будут продавать по утвержденным ценам, и вообще вся торговля будет вестись по новым, советским правилам, исключая обман и надувательство...

Мандриков, справившись с первыми минутами волнения, обрел уверенность. Он всматривался в лица собравшихся и с горечью видел: большинство — мелкие торговцы, хозяйчики. Совершенно отсутствовали немногочисленные чукчи — он не увидел Тымнэро. Вои только Маша...

— Также ликвидируются все долги местного населения в любой сумме,— продолжал Мандриков.— В дальнейшем будут созданы кооперативные объединения для ловли рыбы.— Мандриков откашлялся.— Теперь хочу вам сказать о работе следственной комиссии. Не все из вас знают преступления ставленников Колчака — Громова, Струкова, Суздалева и всей их компании. Это они расстреляли шахтеров с угольных копей, истязали многих жителей, проводили незаконные обыски. Ревком Чукотки уверен в их виновности... Ревком их приговаривает единогласно к смертной казни.

Он скосил глаза на Тренева, но тот сидел тихо, напряженно.

— Поскольку наша власть народная и революционный суд опирается на мнение широких слоев населения, хотим вас спросить — согласны ли вы с этим?

Мандриков соскочил с табуретки и занял место за столом.

— Расстрелять гадов! — крикнул кто-то с места.

— Казнить революционной казнью!

— Нет им пощады!

— Товарищи! — Бессекерский поднял руку.— Мы не можем приветствовать самосуд... Конечно, эта троица крепко виновата перед народом. Но поскольку у нас нет настоящего суда, у меня есть предложение — содержать арестованных в тюрьме до парохода из Владивостока. До лета еще далеко, и, как заверил нас товарищ председатель, к тому времени Красная Армия уже возьмет Владивосток. Значит, к нам придет советский пароход.

Тут вскочил Тренев.

— Как один из членов следственной комиссии, я поддерживаю предложение, э-э-э, гражданина Бессекерского. По-моему, оно разумно. Честно говоря, зачем ревкому, встреченному населением провозвестником лучшей, справедливой жизни, марать себя кровью в первые же дни существования советской власти?

Он с улыбкой посмотрел на Мандрикова.

— Есть еще другие предложения? — спросил Мандриков.

— Они-то не стеснялись марать себя кровью,— зло сказал кто-то из шахтеров.

— В том-то и дело! — горячо произнес Тренев.— Зачем новой власти, так сказать, становиться на одну доску с этими...

— Общий приговор, смертная казнь, остается в силе,— твердо сказал Мандриков.— Однако приведение приговора в исполнение мы оставим до лета и с первым же пароходом отправим арестованных во Владивосток.

Расходились, шумно обсуждая последние слова Мандрикова.

Тренев подошел к Мандрикову. В комнате уже почти никого не оставалось из пришедших на сход, лишь члены ревкома.

— Михаил Сергеевич! Откуда взялся приговор — смертная казнь? — вежливо спросил Тренев.— Как члена следственной комиссии вы меня не спрашивали, одобряю ли я этот приговор.

— Господин Тренев! — холодно ответил Мандриков.— Следственная комиссия только расследует преступления, но приговор выносит революционный комитет, членом которого вы, Иван Архипыч, не являетесь.

— Так-так-так,— быстро согласился Тренев и заторопился к выходу.— Конечно, разумеется, я понимаю...

Он почти бежал домой и слышал за собой на усиливающемся ветру хлопки красного флага на крыше ревкома.

Глава вторая

31 декабря отправлен отряд на нартах вверх по реке Анадырь в Белую и Марково для ликвидации ставленников Колчака. Две крупные монопольные фирмы национализированы согласно постановлению Революционного комитета. 15 января отправляем отряд на мыс Дежнева для ликвидации колчаковщины, конфискации имущества купца Караева — поставщика оружия для белых. Ждите указания о ликвидации частной торговли и замены ее натуральным обменом. Председатель Совета Мандриков. Комиссар охраны Берзин.

Сообщение Анадырского ревкома в Охотск о революционном перевороте в Анадыре и национализации торговых фирм. ЦГА РСФСР. Телеграфный бланк.

Милюнэ шила кухлянку для Берзина. Вторую — для Мефодия Галицкого — взялась шить Тынатваль.

Милюнэ торопилась.

Булатов лежал на кровати и смотрел на жену.

Она пристроилась под самой лампой и быстро сновала иглой по оленьим шкурам. Нитки сама сучила из оленьих жил, они выходили такие ровные и прочные, будто их делали на лучшей прядильной фабрике. И стежки тоже были ровные, чистые, словно машина шила.

— Ты у меня мастерица! — хвалил ее муж. — Вот уж не знал, какое сокровище я отхватил!

Милюнэ в ответ тихо улыбалась.

В этот вечер она была особенно сосредоточенна, но часто поднимала глаза на мужа. Около полуночи отложила шитье и, раздевшись, улеглась рядом.

Она взяла руку Булатова и положила себе на живот.

— Он еще совсем крохотный, — тихо сказала она. — Еще ни разу ногой не ударил, но я его уже чувствую...

— Кого? — тихо спросил Булатов.

— Нашего ребенка, — вздохнула Милюнэ. — Он уже пришел ко мне и растет.

Булатов от неожиданности сел на кровати.

— Это правда?

— Я думаю, что это правда, — со свойственной ей обстоятельностью ответила Милюнэ.

Булатов нежно обнял ее и поцеловал.

— А кто: он или она?

— Булат, если мальчик, а девочка — Тынэна... Потому что она придет на рассвете новой жизни. Тынэна — значит зорька...

Помолчав, Булатов сказал:

— Наш ребенок будет жить при новой жизни... А ту, которую мы прожили до революции, он будет знать как старую жестокую сказку.

— А какая она будет, новая жизнь? — прильнув к мужу, спросила Милюнэ. — Что сказали о будущем Ленин и Карл Маркс?

— Коммунизм будем строить!

— А говорил — социализм! — напомнила Милюнэ.

— Да-да, — торопливо ответил Булатов. — Сначала социализм. Кто не работает — тот не ест. Знаешь, Милюнэ, я тебе по секрету скажу что-то...

— Говори! — прошептала Милюнэ. — Ты же знаешь, я секреты хорошо держу.

— Завтра мы национализируем имущество компании «Свенсон». Это будет наш акт международного значения!

— Бумагу будете писать?

— Какую бумагу?

— Ты сказал — акт.

— Акт не только бумага, но и важное дело,— ответил Булатов.

Новые слова обрушивались лавиной на Милюнэ. Она в них часто путалась, но все же они прочно застревают в голове, и через некоторое время она с удивлением обнаруживала их в собственной речи.

— Знаешь, Булат, я знаю, что у вас в ревком много важных дел, но все же хотела тебе напомнить...

— Ну, говори!

— У нас нет революционной женитьбеной бумаги. Колчаковские сволочи нас только записали себе в книгу...

— Ты, Машенька, слово «сволочь», пожалуйста, не говори,— попросил Булатов.

— Почему? Все их так называют... Мандриков.

— Женщина не должна говорить грубые слова,— объяснил Булатов.

— А-а! — догадалась Милюнэ.— Разве у тангитанов, как у чукчей, есть отдельно женский и мужской язык?

— Нет, Машенька, особого женского языка у нас нет, но нехорошо, когда женщина говорит грубые слова.

— Тогда я очень виновата,— вздохнула Милюнэ.

— Почему?

— Я вчера была у Тынатваль, относилась шкуры для кухлянки Галицкого. А сука ихняя, которая недавно оценилась, не узнала и зарычала на меня. Ну тогда я на нее и заругалась. Теми словами, которыми меня ругал Струков, когда бил.

Она близко придвинулась к мужу и прямо в ухо произнесла ругательство. Булатов вздрогнул и даже отодвинулся от жены.

— Но я теперь никогда больше эти слова говорить не буду! — торжественно поклялась Милюнэ.— Я же многого не знаю. Ты вот меня перестал учить, и мне трудно...

— Укрепим революцию, откроем новую школу, может, даже будущей осенью,— твердо сказал Булатов.— А про бумагу о нашей женитьбе ты хорошо вспомнила. Сделаем настоящую, советскую бумагу. У нас теперь хорошая японская тушь есть, я ею воззвания и плакаты пишу, и тонкие кисти — у Сооне национализировали.

Булатов и Милюнэ некоторое время лежали молча. Каждый думал о своем.

Значит, у них будет дитя! Как она хорошо сказала—на заре новой жизни. А разве не так? Для них всех только проклевывается заря. Удивительный народ. Вот взять Тымнэро. Уж и так и этак к нему подъезжали, а сети не берет. Ревком постановил оказать материальную помощь всем беднейшим людям Анадыря к Новому году продовольственными подарками. А Тымнэро не взял. Деловито спросил, сколько стоит. Ваня Куркутский уж совал ему, а он — обратно заберите или скажите, сколько стоит. Лопнуло терпение у Вани Куркутского, и он возьми и назови — двадцать копеек. Смехотворная сумма. Но Тымнэро и глазом не повел. Он достал рубль керенской бумажкой и, подавая Ване Куркутскому, назидательно сказал: «Продукты стоят дороже, но рубль все же возьми, чтобы на душе у меня было спокойно...»

Большие дела только начинаются — национализация... Скоро отъезд группы Берзина в верховья Анадыря. Булатов было попросился с ним ехать, но Мандриков объяснил: должен ехать Михаил Куркутский. Он знает язык, знает эти места, людей. А секретарь ревкому нужен, потому что работы с каждым днем все больше.

Милюнэ тоже думала о будущей поездке Берзина и тревожилась: люди отправлялись в дальнюю дорогу в самое трудное время года, морозное и пуржистое. От Анадыря до Маркова очень редки села, почти тай, до Усть-Белой никого и нет. Обычно на этом пространстве кочевало стойбище Армагиргина, но сказывали, что старик увел оленей и людей в неизвестную даль. Где теперь Теневиль и Раулена? Когда еще дойдет до них весть о новой жизни, о революции?

Вспоминая свою жизнь в тундре, Милюнэ порой чувствовала незатихающую тоску. Хотелось увидеть все снова — и весеннюю тундру с новорожденными телятами, широкие речные долины, чистые и просторные. Иной раз казалось, что та жизнь так далеко позади, что она уже с трудом вспоминала некоторые мелочи. Она и сама чувствовала, что стала совсем другим человеком.

— Парфентьев согласился ехать! — сообщил Берзин, входя в комнату председателя ревкома.

— Небось запросил большую плату? — спросил Мандриков.

— Да нет, — ответил Берзин. — Даже удивил меня. Говорит: люди не жалеют себя, а что я буду собачек жалеть?

— Значит, окончательный состав такой: Берзин, Галицкий, Мальсагов, Михаил Куркутский и каюры — Ваня Куркутский и Анемподист Парфентьев.

— Так получается, — ответил Берзин. — Поэтому едем на трех упряжках — по двое на одной нарте. Тяжеловато, но другого выхода нет. Ваня Куркутский считает, что если не очень гнать собак, то ничего страшного. Говорят, что появилось какое-то оленье стадо на полдороге в Белую. Охотники за песцами видели следы. Если это действительно так, то нам большая подмога — можем у них запастись собачьим кормом.

— Ну что же, — выслушав Берзина, сказал Мандриков. — Сегодня соберем ревком. Решим неотложные дела, и можете отправляться.

Милюнэ считала своим долгом быть в ревкоме, когда там происходили заседания. Иногда надо было срочно кого-то позвать и даже отнести телеграмму на радиостанцию. Ей нравилось исполнять эти поручения, и каждый раз она чувствовала свою причастность к великим событиям, происходящим на ее родине.

И на этот раз, отложив недошитую кухлянку, она пришла задолго до начала заседания в ревком, положила угля в топившиеся печи, вытерла пыль, вычистила пепельницы и подмела пол.

У Мандрикова сидел Тренев.

Бывший хозяин Милюнэ выглядел как никогда хорошо. В его движениях была уверенность и значительность. И слова у него были какие-то круглые, словно обкатанные морской волной, гладкие, сами вылетающие изо рта, спрятанного в рыжей оторочке усов и бороды.

— Михаил Сергеевич! — Тренев сидел в своей излюбленной позе, закинув ногу на ногу. — Из тюрьмы все время несутся стоны и жалобы на плохое обращение, на недостаточное питание.

— Кто же там жалуется? — поинтересовался Мандриков. — Колчаковских милиционеров мы всех выпустили и обязали трудиться.

— Это, конечно, хорошо, но оставшиеся в тюрьме Громов, Струков и Суздаев, мне кажется, тоже должны быть привлечены к трудовой повинности. Пусть на своей шкуре испытают, как своим трудом, потом соленым добывать хлеб. По существу, содержание их в тюрьме, согласитесь, только прибавляет вам хлопот.

— Да, конечно, — согласился Мандриков.

— Ново-Мариинск, то есть Анадырь, самой природой огорожен

таким высоким забором, который даже отчаянный человек в эти зимние дни не отважится преодолеть!

— Что вы имеете в виду?

— Холод, пургу и вечную мерзлоту,— солидно ответил Тренев.— Посудите сами, куда пойдет разумный человек, если он вздумает бежать? В тундру? К утру он уже заоченеет. Если даже будет хорошо одет — заблудится в пургу, потеряет дорогу, и в конце концов та же участь — замерзнет.

— Куда вы клоните, Иван Архипыч? — спросил напрямик Мандриков.

— А никуда,— поспешно ответил Тренев.— Я просто хочу высказать свое соображение.

— Ну высказывайте.

— Чем кормить этих трех дармоедов, не лучше ли отправить их на трудовую повинность? На угольные шахты, куда вы направили колчаковских милиционеров. Пусть рубают уголек и на своем хребте познают, что такое пролетарский хлеб. Я знаю, что на шахте много ваших людей, так что досмотр за ними будет строгий, а с другой стороны — природный забор мороза и вечной мерзлоты.

— Надо подумать,— заинтересованно произнес Мандриков.— И вправду — трудовая повинность... Трудом надо лечить этих маньяков! Сегодня же поставим на ревкоме этот вопрос.

Тренев важно и солидно прошел мимо Милюнэ, едва кивнув ей в знак приветствия.

Милюнэ решительно вошла в комнату и прямо с порога сказала:

— Михаил Сергеевич! Архипыч очень плохой человек!

— Я это чувствую,— с улыбкой ответил Мандриков.— Но голова у него сообразительная.

— И голова тоже плохая! — настаивала Милюнэ.

— Кончишь шить кухлянку Берзину, сошьешь мне? — перевел разговор Мандриков.

— Сошью, конечно! — ответила Милюнэ.— Самую лучшую! С волчьим мехом!

Собирались члены ревкома.

Мороз был сильный, и все с удовольствием входили в теплую комнату, старались поближе сесть к печке, прикладывая озябшие руки к нагретому железу.

Когда все собрались и Булатов занял место секретаря, вооружившись пером и поставив перед собой баночку японской туши, Мандриков объявил очередное заседание ревкома открытым.

— Первый вопрос, который мы должны разобрать, это национализация иностранных фирм. Буржуазия, горя жадной наживы, пустила свои безжалостные щупальца по всему земному шару, даже далекий уголок Севера не оставался без ее внимания. Бывший морской пират Свенсон, ныне «Свенсон и К^о», пользуясь климатическими условиями, когда полярные морозы отрезают Анадырский край от всего мира, монополизировал всю торговлю и стал властелином над жизнью как инородцев, так и местных жителей... Никакая политическая свобода при данной капиталистической системе не спасает рабочего от его капиталистического рабства. Только полное уничтожение самой системы капиталистической эксплуатации обещает человечеству истинную свободу, равенство и братство! Кто за то, чтобы передать народу имущество американского торгового разбойника Свенсона, находящееся в Ново-Мариинске?

Подняли руки все.

Булатов едва поспевал писать.

— Второй вопрос: на территории советской власти должен неу-

коснительно выполняться главный лозунг трудового пролетариата, провозглашенный товарищем Карлом Марксом,— кто не работает, тот не ест. А мы кормим трех дармоедов. Предлагаю: по соображениям политического характера и согласно лозунгу трудового пролетариата немедленно удалить господ Громова, Струкова и Суздалева из Анадыря на народные угольные шахты, где труд будет оплачиваться. Требование это должно быть исполнено завтра к часу дня. Какие будут соображения?

— Есть же постановление — расстрелять,— напомнил моторист Игнат Фесенко.

— Да, есть такое постановление, и его никто не отменял,— ответил Мандриков.— Но мы не хотим омрачать начало нашей деятельности кровопролитием. Подождем наших товарищей из Владивостока. К тому же им все равно некуда бежать. Ну куда они денутся? На тысячи верст от Анадыря нет никого. Да они и десятка верст не пройдут по тундре, как околеют или заблудятся, что одно и то же. Почему мы должны их задарма кормить хлебом, политым трудовым потом? Пусть они этот хлеб сами кайлают во глубине угольной шахты.

Речь Мандрикова звучала убедительно, но все равно при голосовании Игнат Фесенко поднял руку против.

Мандриков выпил воды, загодя принесенной Милюэж.

— А теперь самое главное: выработка инструкции для отъезжающих в верховья Анадыря. Состав группы такой: Михаил Куркутский, Якуб Мальсагов, Мефодий Галицкий. Начальник отряда — комиссар народной охраны товарищ Август Мартынович Берзин. Ему выдается мандат.— Мандриков взял со стола лист бумаги и зачитал:—«Дано сие удостоверение революционным комитетом Анадырского Совета рабочих депутатов комиссару охраны А. М. Берзину в том, что он уполномочен конфисковать все имущество и ценности, принадлежащие коммерсанту Малкову, и подвергнуть его (Малкова) аресту за его контрреволюционную деятельность, а также ему, Берзину, предоставляется право и с другими спекулянтами, которые противятся советской власти, поступать как с контрреволюционерами, т. е. арестовывать, а имущество объявлять народным достоянием, присоединяя его к народной продовольственной организации, что и удостоверяется надлежащими подписями. Председатель Анадырского ревкома М. С. Мандриков. Секретарь М. Куркутский».— Мандриков вручил удостоверение Берзину.— Какие еще будут пожелания отъезжающим?

— У меня вопрос, — сказал Галицкий.— Говорят, что на полпути от Анадыря к Усть-Белой появилось стойбище оленных людей. Если они встретятся, что делать? Надо ли нам устанавливать органы советской власти среди кочующих чукчей?

— Товарищи! — Мандриков оглядел ревкомовцев и вдруг с тревогой подумал, что с отъездом четверых товарищей их останется и впрямь горстка.— Мы взяли власть навечно. Поэтому Советы должны стать единственной и повсеместной организацией трудящихся где бы то ни было — в городе, деревне или кочевом стойбище. Революция освобождает трудового человека везде, где бы он ни жил — в холодной тундре или в жаркой стране.

— Понятно,— сказал Галицкий и уселся на место.

— Вся инструкция изложена в удостоверении, выданном товарищу Августу Берзину,— сказал в заключение Мандриков.— Будем голосовать.

Мандат отъезжающим вверх по реке Анадырь был единогласно утвержден.

— Вы думаете, что он меня примет? — с дрожью в голосе спросила Евдокия Павловна.

— Человек он довольно отзывчивый,— немного подумав, сказал Тренев.— И совсем не такой кровожадный и страшный, как вы думаете.

— Но все же я жена его заклятого врага,— заметила Громова.

— Если вы так озабочены здоровьем вашего супруга, то должны решиться.

Евдокия Павловна умоляюще посмотрела на Агриппину Зиновьевну. Жене Тренева не нравилось, когда Громова приходила в их дом. Это всегда вызывало неприятные, тревожные воспоминания о золоте и валюте, лежащих в свертке под печным железом. Как-то Агриппина Зиновьевна как бы мимоходом рассказала ей, как Иван Архипыч под покровом ночи в пургу утопил сверток в проруби на реке Казачке.

— Только и булькнул...

— Ну и бог с ним,— вздохнула Евдокия Павловна, но Агриппине Зиновьевне показалось, что она не очень поверила этому.

И вот теперь зачастила, словно знает, что деньги все целехоньки. Не надо было их брать... Мало ей, что мужа освободили, так она теперь обнаглела до того, что просит Ивана Архипыча, чтобы Громову позволили погостить дома для поправления пошатнувшегося здоровья. И с такой настойчивостью просит, словно требует уже оплаченных услуг. Взять бы швырнуть ей в лицо сверток с деньгами и золотом, да уж нельзя: сказано было, что утоплен он...

— Мне бы хоть на праздники отпустили его,— всхлипнула Евдокия Павловна.— Напьется там на шахте, выйдет на мороз, упадет и замерзнет. Он ведь у меня такой...

— Идите, идите к Мандрикову,— настойчиво говорил Тренев.

Евдокия Павловна Громова, одевшись поскромнее, во все черное, направилась в ревком. Она редко выходила из дому, и Милюнэ, убивавшая в коридоре, удивилась, увидев ее.

-- Милая,— обратилась к ней Громова,— где тут Мандриков принимает?

— Вот здесь.— Милюнэ показала на дверь.

— Можно туда войти?

— Можно, можно,— закивала Милюнэ.

Она распахнула дверь и впустила посетительницу.

В комнате сидели Мандриков и Булатов.

— Здравствуйте, Евдокия Павловна,— сказал Мандриков.— Садитесь.

Громова уселась на стул, достала платок и первым делом вытерла глаза.

— Я вас слушаю.

Евдокия Павловна подняла на Мандрикова полные слез глаза, губы у нее задрожали.

— Ну полно, Евдокия Павловна!

Мандриков не переносил женских слез.

— Моего-то... Кешу-то... Христа ради отпустите его на один день... Ведь напьется он с горюшка да с радости на Новый год, замерзнет...

— Ничего с ним не случится,— сказал Мандриков, отвернувшись, чтобы не видеть плачущую женщину.— Там за ними хороший пригляд.

— Будьте так милосердны! — продолжала всхлипывать Евдокия Павловна.— Это только снаружи он вроде бы здоровый, а изнутри весь изболевший... Будьте так милосердны...

Женщина громко шмыгала носом, сморкалась.

Мандриков умоляюще посмотрел на Булатова, но тот в ответ только пожал плечами.

— Я не один принимаю решения.— Мандриков старался говорить жестко.— Я спрошу мнение членов ревкома. Что они скажут. Может быть, они войдут в ваше положение.

— Я так надеюсь на ваше доброе сердце,— со слезами сказала Евдокия Павловна, направляясь к дверям.— Я буду за вас молиться сегодня.

Она ушла, и Мандриков тяжело вздохнул.

— Молиться будет за меня,— усмехнулся он.— Пусть молится за своего мужа. Свечку за него поставит.

— Михаил Сергеевич,— Булатов подошел к столу,— я совсем забывал: письмо было утром с той стороны — Тымнэро привез вместе с мешками угля. Клецин пишет — слегли оба...

— Кто оба?

— Громов и Струков... Струков вроде бы кровью кашляет. Да вот письмо, почитайте сами.

Булатов подал листок бумаги.

«Громов и Струков уже на следующий день не вышли на работу и не спустились в шахту. Оба лежат в казарме и стонут. На вид вроде бы не притворяются — у обоих жар, а Струков выходил по малой нужде, закашлялся, плюнул на снег — вроде бы кровь... Ежели они тут помрут, хлопот не оберешься. Струков грозит: жестокое обращение с арестованными карается международным наказанием. Как бы беды не было. Может, лучше их обратно в тюрьму забрать?»

— Да-а,— задумчиво протянул Мандриков.— Слушай, Булатов, ты слышал о такой вещи — домашний арест?

— Не слышал.

— Это когда человек по всем законам считается арестованным, но сидит дома и без разрешения не смеет выходить. Может, применить к ним этот вид наказания?

— Что же это за наказание? — усмехнулся Булатов.

— Но вот пишет Клецин: занедужили, и, видать, всерьез... А у нас фельдшера нет. Помрут, и впрямь придется ответ держать за жестокое обращение с арестованными...

— А если бы они нас схватили? — прищурился желтые глаза, спросил Булатов.— Как ты думаешь — как бы они с нами обращались? Да чего тут думать? Вспомни, что сделал Струков с моей Машенькой?

— Да, конечно... — потер лоб Мандриков,— уж нас бы они щадить не стали... Но с другой стороны — у нас иные взгляды на человека. Мы, большевики, не можем брать пример с них, с их жестокости... Но в шахте толку от них нет, только одни хлопоты нашим товарищам. В тюрьму возвращать — надо кому-то ухаживать за ними, лечить. Знаешь, Булат, нехай их друзья и жены ухаживают за ними! Что у нас, дел нет поважнее, чем кормить с ложечки Громова да Струкова? Послезавтра отправляем первый отряд в верховье реки Анадырь! Советская власть идет к чукчам, к чуванцам, камчадалам да эскимосам! Вот это самое главное! Мы для этого брали власть, а не для того, чтобы сопли утирать громовым да струковым!

На следующий день две собачьи нарты поехали за больными колчаковцами.

Тренев пришел в ревком и, сделав очень удивленное лицо, спросил Мандрикова:

— Я не понимаю... Почему вы вдруг решили их выпустить?

— Никто не решил их никуда выпускать! — твердо ответил Мандриков.— Оба они заболели, ну а мы не звери, господин Тренев. У нас тоже есть человечность.

— Так-так-так,— застрекотал Тренев.— Я понимаю и восхищаюсь вашей гуманностью.

Многие в Анадыре выразили недоумение, узнав о распоряжении Мандрикова временно заменить трудовую повинность домашним арестом.

— Михаил Сергеевич,— задумчиво произнес Берзин,— как бы эта твоя гуманность тебе боком не вышла.

— Как только поправятся — посадим на нарты и обратно на шахту,— твердо обещал Мандриков.

Дальняя дорога... В те годы на Чукотке человек, пускавшийся в далекий зимний путь, совершал поистине героический поступок. Он с самого начала знал, что путь будет нелегок. Впереди — пурги, ураганные ветры, рыхлый снег, в котором можно утонуть, как в воде, ночевки в снежных сугробах в окружении собак, горные перевалы, снежные лавины, голод и стужа. Но все это перекрывается сознанием своей силы, покоренным пространством, встречами с новыми людьми. В каждой даже самой нищей одинокой яранге путника встречают как самого лучшего человека, которого ждали годами. Как только он, усталый, покрытый снегом, насквозь промороженный, входит в чоттагин, с этого мгновения все заботы — о собаках, об одежде, о самом путнике — переходят на гостеприимных хозяев.

Детишки кидаются к нему, чтобы очистить его одежду от снега, взрослые хлопчут вокруг нарты и собак.

Гостю отводится лучшее место в пологе, обычно у главного жирника, у задней стены мехового полога. Под него стелют самую лучшую, обычно новую, оленью шкуру.

Ни одного вопроса, ни одной просьбы, пока гость не насытится. Подается то, что сберегалось долгими зимними месяцами на неподвижной случай. Иной раз отрезают и от жертвенного куска вяленой оленины. Из вороха шкур, из недр священного кожаного мешка достают последнюю щепотку черного кирпичного чая и почерневший, замусоленный кусок сахара — все для гостя.

Но уже после первого глотка живительного напитка гость должен сказать свое первое слово. Пыныл. Весть. Он должен рассказать все о себе, о своей семье, о близких, о друзьях. О событиях в своем стойбище, селении, об услышанном, увиденном по дороге. Если пыныл сам по себе скуден, он может добавить сказания и легенды, неизвестные здешним жителям. И это повествование может длиться до утра... Гостя долго не отпускают. На этих огромных просторах встреча с новым человеком вселяет уверенность в многочисленности рода людей, ослабляет чувство отчуждения и одиночества.

Провожают гостя словно родного. Иной раз женщины плачут и причитают, словно гость уходит в вечность. Скорее всего это так и есть. Вероятность повторной встречи очень мала...

Казалось, весь Анадырь вышел на лиман провожать отъезжающих в верховья реки.

Каюры запрягли собак и наводили на полозья последний слой ледяной пленки. Собаки в нетерпении повизгивали, рвались из постромков.

Берзин, Мальсагов, Михаил Куркутский и Галицкий допивали последнюю кружку чая в домике Булатова. Здесь же был и Мандриков, озабоченный, возбужденный не менее отъезжающих.

— Малкова и Черепихина не жалеть,— говорил он, напутствуя.— Ищите среди местного населения людей активных, настроенных в пользу советской власти. Будет в том необходимость — разрешаю

всем, кроме Берзина, остаться на месте до прихода весны. Постарайтесь охватить как можно больший район.

Отъезжающие встали, направились было к двери, но вдруг Булатов сказал:

— Товарищи, минутку! Надо посидеть перед дорогой.

Все заулыбались, но повиновались и несколько секунд посидели на скамье.

Милюнэ, облаченная в кэркэр, тоже посидела вместе со всеми и вышла из дому.

Низкое серое небо висело над Анадырским лиманом, скрывая противоположный берег. Лишь черный мыс Обсервации выглядывал из серой пелены.

Берзин, размахивая небольшой кожаной сумкой, в которой лежал мандат и другие бумаги, шел рядом с Волтером.

— Ты, Аренс, тут остаешься за комиссара охраны... А твоя задумка, чтобы из автоматического ружья «ремингтон» сделать пулемет, — это настоящее изобретение. Значит, к весне у нас будет десять пулеметов...

— Так и есть, — ответил Волтер. — Я буду делать пулемет!

Ни Берзин, ни Мандриков не хотели растягивать прощание. Поцеловались молча, пожали руки.

Но провожающие не расходились пока нарты не скрылись за серым покрывалом.

Мандриков смотрел вслед и думал о Берзине.

Отчаянный парень! Преданный революции. На него можно положиться как на самого себя. С его отъездом многое осложняется в Анадыре. Сегодня Мандриков встал с головной болью и с одной мыслью: верно ли он поступил, заменив на домашний арест смертный приговор ревкома Громову, Струкову и Суздалеву? Но ведь это временная мера!

Дорогой Август! Едешь ты сейчас по белому безмолвию, по великой чукотской реке и не подозреваешь даже, как терзается твой товарищ!

Вчера он предлагал Берзину поехать вместо него. Уж очень больным выглядел Август. Трудные годы не прошли даром. Как-то еще во Владивостоке, сидя на чердаке дома Матвеева, Берзин рассказал о себе Мандрикову... Шестеро было детишек в бедной латышской крестьянской семье. Вечный голод. Белый хлеб впервые увидел в Цесисе, поступив в ученики парикмахера.

Когда началась первая мировая война и кайзеровские войска стали угрожать Прибалтике, романтически настроенный юноша «сбежал на войну». Его зачислили стрелком в первую роту Второго Рижского полка. В самом начале боевой жизни Август был ранен. Получив двухмесячный отпуск для окончательного восстановления здоровья, Август поехал на родной хутор неподалеку от Цесиса. Там и встретил весть о Февральской революции. «Еще во времена солдатской службы я познакомился с латышскими социал-демократами, а потом и с большевиками, — рассказывал Берзин Мандрикову. — Будто разошлись облака и я увидел настоящий свет. Тогда я и понял и решил для себя — всю свою жизнь я отдам за освобождение трудового народа, за самую высшую справедливость, которая только может быть на земле. Прибежал, помню, растерянный пристав в наш хутор, сказал, что царя свергли. Многие не верили, но я-то знал, что дело к этому идет. Собрал парней рабочих в Цесисе, и мы пошли освобождать политических заключенных из тюрьмы».

По заданию партии Берзин был направлен на Дальний Восток и до

белочешского мятежа и оккупации Дальнего Востока был комиссаром железнодорожной станции Хабаровск-1.

Нарты исчезли. Провожающие и просто любопытствующие расходились по домам, торопились к топящимся баням: наступал новый — 1920 год.

Вскоре на льду Анадырского лимана остались лишь Мандриков, Булатов и Милюнэ.

— Вы уж сегодня не ходите в ревком, — сказала Милюнэ, взглядевшись в осунувшееся, посеревшее лицо Мандрикова. — Отдохните. Смотреть на вас страшно — такой вы худой! Я приготовила ужин и баню натопила.

— Какую баню? — удивился Мандриков.

— Да у Тренева. Они уже утром помылись, а я все почистила и заново наносила воды. Веники приготовила.

— Где же ты взяла веники? — улыбнулся Мандриков.

— В тундре, за радиостанцией, — ответила Милюнэ. — У нас тоже береза растет. Только она по земле стелется. А там такое место есть, не успели даже листья пожелтеть, как ударил мороз. Пахнут в тепле хорошо... Идите!

— Ну что, Булат, попаримся сегодня всласть!

Они ушли уже в пурге. Усилившийся ветер поднял тучи снега, и в быстро темнеющей круговерти скрылись дома, лишь изредка проглядывало сквозь пургу освещенное окошко.

Громов лежал на кровати и так тяжело вздыхал, что каждый раз Евдокия Павловна вздрагивала.

— Кеша, ну скажи, что у тебя болит?

— Душа болит, Павловна, душа, — стонал Громов. — Вроде бы так ничего, а помереть охота.

— Да что ты, господь с тобой! — крестилась Евдокия Павловна. — Бог даст, еще все обойдется.

— А зря ты, Павловна, отдала этому сукину сыну деньги, — уже который раз попрекнул Громов жену.

— Боялась я, Кеша. Думала, придут с обыском, найдут — озятыя совсем на тебя и расстреляют. Два дня приходили, все перерыли... А я им спокойно говорила: нет денег и не было никогда.

— Тонка кишка у них расстреливать. Хуманисты они! Человеколюбь! В чистых перчатках хотят свою революцию делать!

Павловна все же приготовила нехитрое новогоднее угощение, накрыла стол, затеплила лампаду перед образами. Квартира была казенная, и иконы тоже были казенные. В лампаде горел вонючий перпичий жир, запаха которого ни сам Громов, ни его жена не переносили. Но в этот торжественный канун 1920 года они все решили терпеть. Когда блики от свечей заиграли на запотевшей бутылке, Громов скосил глаза, крикнул и опустил ноги с кровати.

— Кешенька, родной, — запричитала Павловна. — Лежи ты, я все подам тебе в постель.

— Не хорони ты меня раньше времени! — отмахнулся Громов, усаживаясь прямо в исподнем за стол.

Он налил большую толстостенную рюмку и с маху выпил. Пожевал кусок кетового балыка и спросил:

— Так и сказали, что в прорубь кинули?

— Зиновьевна говорит — только булькнул...

— Заставить бы его, гада, понырять в прорубь! — со злостью сказал Громов. — И его жену, суку червивую!

— Кеша! — простонала Евдокия Павловна. — Не будь таким неблагодарным. Стараниями Ивана Архипыча ты здесь... Отвел он расстрел от тебя, а потом научил, как сделать, чтобы вызволить тебя из шахты...

— За деньги такие как не постараться, — криво усмехнулся Громов.

Послышался стук в дверь. Павловна и глазом моргнуть не успела, как муж оказался в постели, натянул на голову простыню и застонал.

— Кто там? — с дрожью в голосе спросила Евдокия Павловна из сеней.

— Отворяй, Павловна, свои, — узнала она голос Бессекерского. Запорошенные снегом, в сени вошли Струков и Бессекерский.

— Никак запуржило? — всплеснула руками Павловна.

— Задуло! — обрадованно сказал Бессекерский. — Не хотел бы я сегодня быть на месте Берзина, или Хваана, черт его разбери!

Гости долго отряхивались от снега. Павловна помогла им. И когда все вошли в комнату, Громов уже снова сидел за столом, на этот раз в своем парадном халате с кистями на поясе.

— С наступающим, Иннокентий Михайлович! — почтительно произнес Бессекерский, кланяясь.

— Здравствуйте, господин Громов! — поздоровался Струков.

— Рассаживайтесь, господа, — сделал широкий жест Громов. — Угощайтесь, чем бог послал.

Евдокия Павловна поставила еще две рюмки.

Первую рюмку гости и хозяева выпили молча. Так же молча закусили балыком.

Когда налили по второй, Бессекерский сказал:

— За ваше здоровье, Иннокентий Михайлович!

Все чокнулись.

Бессекерский принялся рассказывать о новых правилах торговли, введенных ревкомом.

— Ежели так будем торговать до весны, разоримся вчистую, — мрачно сказал он. — Весь кредит пошел псу под хвост: старые долги отменены. Устроили даже торжественное сожжение долговых книг и расписок на льду лимана. Митинговали. Кровопийцами нас называли, слово такое выдумали, язык сломаешь, будто эскимосское, — эксплуататорами называли всех нас и напрямик пальцем показывали. Вона как теперь живем, служители ревкома.

Струков молчал. Он еще не верил, что снова в Анадыре. Надо же, не думал, что судьба так повернется. И из-за чего? Из-за сухой ююкы, которой их кормил на шахте Клещин, будто они собаки. Ободрал Струков десны, животом стал маяться, да жар появился. А как плюнул кровью на снег — Клещин испугался. Верно сказал Иннокентий Михайлович — тонка кишка...

А власть-то все равно держат. И самые бедные, те, у кого за душой ничегошеньки, горой за эту власть будут стоять.

Сквозь усиливающийся вой пурги послышался стук в дверь. Все трое быстро переглянулись. Громов, как был в халате, быстро юркнул в постель, сказав:

— Навестить меня пришли, болезного...

— А я-то как? — испуганно забормотал Струков, жалея, что, подавшись уговорам Бессекерского, встал с постели, в пургу потащился к Громову.

— Выкручивайся! — рывкнул из-под простыни Громов.

Павловна открыла. Это был отец Михаил.

Настоятель ново-мариинской православной церкви уже был в

своем обычном состоянии: легком подпитии, из которого, казалось, не выйдешь до скончания своей жизни.

Вылезая из кровати, Громов укоризненно сказал:

— И что вас черти носят по ночам, да еще в пургу!

— Поздравить пришел,— низко поклонился отец Михаил.— Вас, Иннокентий Михайлович, да вашу супругу Евдокию Павловну, храни вас господь и помилуй!

— Молился бы лучше в церкви,— заметил Громов.— Где был твой бог, когда нас схватили большевики? Устроил нам красное рождество!

— Так ведь отстранен я,— плаксиво сказал отец Михаил.

— От церкви отстранили, что ли? — спросил Струков.

— От государства отстранен,— продолжал причитать отец Михаил.— Ходил я к этому сатане, к Мандрикову, просил вспомоществования, чтобы уголь привезли в храм божий, а он, иноверец проклятый, и говорит мне: большевики церковь, мол, отделили от государства, мы вас не знаем и не ведаем, живите отдельно. А когда я уходил из этого богохульного места, остановил меня у дверей и пригрозил: будешь агитировать против большевиков — храм закроем, а самого пошлем в шахту рубать уголь...

— Ну и как теперь — молишься за них, за их здоровье? — спросил Громов.

— Ну что вы, господь с вами! — замахал руками отец Михаил.— Вслух-то остерегаюсь, а мысленно все кары господни призываю...

— Толку что-то мало,— заметил Бессекерский.

— Придет, придет кара с неба,— торжественно произнес отец Михаил.— Господь пошлет им наказание! Гром грянет с небес и поразит красный флаг.

— При чем тут флаг? — поморщился Бессекерский.— Их самих надо уничтожить, большевиков.

— И их тоже, их тоже! — торопливо сказал отец Михаил, протягивая дрожащую руку за рюмкой.

— На бога надейся, а сам не плошай! — вдруг встрял в разговор до этого молчавший Струков.

— Ну а что слышно оттуда, с материка? — спросил Громов.

— Ревкомовцы твердят, что Красная Армия движется к Иркутску,— сообщил Бессекерский.— Партизан красных развелось! Беспокоят японцев, американцев...

— А что — телеграммы были?

— Сам я не видел,— ответил Бессекерский.— Надо бы у Тренева спросить, он вхож в ревком, дружбу с ними водит.

— Ну лиса,— погрозил кулаком Громов.— Мы еще до него доберемся!.. Булькнули... Я его булькну!

Последние слова были понятны только Евдокии Павловне, и поэтому гости недоуменно переглянулись.

— Что верно, то верно, Иван Архипыч оказался куда хитрее и осмотрительнее всех нас,— заметил Струков.

— Мне кажется,— заговорил Бессекерский, которого вино не брало и которого никто не видел пьяным,— не надо так строго относиться к Тренину. Он еще нам пригодится. Кое-что для нас и для вас лично, Иннокентий Михайлович, он уже сделал: много приложил стараний, чтобы отменить расстрел, придумал трудовую повинность... Если бы не Иван Архипыч, разве вы, Евдокия Павловна, решились бы пойти к Мандрикову?

— Боялась я идти к этому узурпатору, ноги не шли,— всхлипнула женщина.

— Скажешь Тренину, пусть выберет время и зайдет ко мне,—

распорядился Громов, глядя на Бессекерского.— И пусть не вилает. Намекни ему — все знаем и все видим. Неизвестно еще, чей пароход первым придет весной — большевистский или наш. Владивосток-то в руках японцев и американцев. А эта Красная Армия — лапотники да голодранцы, нацепившие красные звезды. Регулярную армию им все равно не одолеть, как бы они ни храбрились.

Опьяневшего отца Михаила Струкову и Бессекерскому пришлось на руках нести. Хорошо хоть настоятель был легок, как пушинка, а так бы пришлось волочить по снегу в воющей уже январской пурге наступившего 1920 года.

Глава третья

...Выехали 31 декабря... 1—2 января были далеко от Анадыря... 3 января разыгралась пурга. Поставили палатку... 4—5—6—7 января. Пришлось выждать и снова в пути... 8 января. Выехали рано. Доехали до чукчей и там ночевали... 9 января. Опять ночевали у чукчей. Выехали ночью, чтобы утром рано приехать на Белую... 10-го. Сегодня утром приехали в 6 часов на Белую. Явились к вахтеру, он оказался знакомым Галицкому. Мы оставляем его на службе под присмотром местного населения...

Из дневника А. Берзина.

Берзин сидел спиной к движению на нарте Вани Куркутского и смотрел, как постепенно исчезал в молочно-белой пелене Анадырь. А потом стало как-то странно: такое ощущение, будто нарты плыли в воздухе между небом и землей. Горизонт исчез, исчезло представление, где земля и где небо.

Ваня Куркутский громко кричал на собак, щелкая бичом, и даже ударил двух собак. Остальные каюры тоже гнали собак, словно опасались погони.

— Ты чего так торопишься, Ваня? — спросил Берзин своего каюра.

— Пурга нас догоняет, мольч,— ответил Ваня Куркутский.— Доспееет она нас — худо будет. Пурговать придется.

— А разве можно от пурги убежать?

— Мольч, от этой можно,— уверенно сказал Куркутский.— Она морская. По берегу идет, в тундру не лезет.

Примерно через час показались берега, покрытые снегами. Там, где кончалась река, высились торосы, светящиеся изнутри жутким зеленоватым светом.

Но нарты все еще двигались по речному льду, изредка выбираясь на берег, спрямляя дорогу.

Август Берзин несколько раз вынимал карманные часы — время шло удивительно медленно, словно девятнадцатый год не хотел уступать место новому, двадцатому.

Незадолго до полуночи он велел остановить нарты и собраться вместе.

— Пошто? — спросил Куркутский.

— Новый год встретим,— ответил Берзин.— Двадцатый год наступает.

— И заодно полозья повойдаем,— деловито сказал каюр.

Собрались у нарты Вани Куркутского. Берзин достал флягу с вином, две жестяные кружки. Пили по очереди, и каждого Август поздравлял с наступлением Нового года. Торопливо выпив, каюры бежали к своим нартам и принимались войдать — наносить на полозья топкий слой льда.

И снова в путь.

Берзин подремывал на нарте, мысленно благодаря заботливую Милюнэ, которая ухитрилась не только сшить наружную кухлянку, но и меховую рубаху из пыжика, которая надевалась прямо на гимнастерку. Было так тепло, хоть ложись в снег.

На первой же ночевке Берзин в полной мере оценил всю практичность чукотской зимней дорожной одежды.

Он проснулся в палатке раньше всех. Конечно, не тепло было, но он не чувствовал себя замерзшим. В своем домике к утру бывало куда холоднее, чем в двойной кухлянке в снегу: палатка защищала только от ветра.

Берзин рукавицей сбил иней с оторочки. Хранить руки от холода научил Ваня Куркутский. Надо втянуть их вместе с рукавицами внутрь кухлянки, и теплота тела не только грела руки, но и сушила отсыревшие от снега рукавицы. Лишь поначалу было неприятно от соприкосновения со стужей, а потом ничего.

Волтер дал в дорогу особо надежный примус, над которым колдовал несколько дней. И впрямь примус оказался отличным, и пока он шумел, растаивая для чая снег, в палатке становилось совсем тепло и с потолка начинало капать.

После первой ночевки, несмотря на ветер и снег, решили ехать.

— Догнала-таки нас пурга,— сказал Берзин Ване Куркутскому.

— Догнала, дикоплешая,— выругался каюр.

Снег был рыхл и глубок. Каюры и пассажиры шли, держась за нарту, но собаки часто останавливались и ложились, их поднимали ударами бича. Часа через два изнурительного пути Ваня Куркутский сказал:

— Однако, мольч, станем... Все равно никакой езды! Мұка одна.

Поставили палатку, а собак расположили кругом, чтобы было теплее. Берзин заметил: при сильном ветре становилось ощутимо теплее. Но вместе с теплом приходила сырость. Больше всего мокли рукавицы.

Сидя у горящего примуса, при свете стеариновой свечки, Берзин записывал события прошедших дней в походный дневник.

За стенами палатки каюры кормили собак, и сквозь вой ветра до слуха сидящих в палатке иногда доносились обрывки речи, рычание дерущихся из-за юколы собак.

На ужин ели юколу, пили чай. Но изнуренный организм требовал еще пищи, и Берзин скрепя сердце разрешил сварить пельмени, налепленные в дорогу заботливой Милюнэ. И когда она только успевала — два увесистых мешка замороженных пельменей!

За пельменями, за чаепитием разговорились. Один из каюров, Анемподист Парфентьев, вдруг обратился к Берзину:

— Пошто на тебя Биссекер суп имеет?

— Какой суп? — не понял Берзин.

— Слость и гнев,— пояснил Парфентьев.— Прямо трясса, когда говорил, чтобы бросить вас в пургу. Так прямо и сказал — как пурга дунет, оставьте их в палатке подальше от Анадыря. Пусть дохнут мерзляками. И посулил, агды возвернемся без вас, щедро награждать...

— Ну а что же не уезжаете? — спокойно спросил Берзин.

— Как можно! — Парфентьев рассердился даже.— Вы же люди, хоть и большаки!

— Товарищ Парфентьев, нет у тебя еще классового сознания,— сказал ему Берзин.

— Нету,— согласился Парфентьев.

— Бессекерский и торговцы всегда будут иметь зуб на большевиков, потому что мы отобрали у них богатства и передали народу.

— Не усе,— перебил Парфентьев.

— Что не усе? — спросил Берзин.

— Усе в складах осталось, оннак... Думали, ожидали — раздача будет... Всем поровну, а ничего нету.

— Никакой раздачи не будет! — решительно ответил Берзин.— Все средства производства — сети, невода, рыбалки, катера, кунгасы — переходят в общественное пользование... И строго будет соблюдаться правило: кто не работает — тот не ест.

— Кака разница тогда? — любопытно спросил Парфентьев.— Что тогда робыли, что сейчас. Кака разница?

— А та разница,— терпеливо объяснял Берзин,— что раньше тебя обманывали, эксплуатировали, а теперь твой труд оплачивается сполна.

— Хорошо, значит, будете платить? — обрадованно заключил Парфентьев.

Берзин молчал. Платить особенно нечем было. Да и товаров на складах оказалось не так уж много. Перед Новым годом выдали полной мерой продукты, а после решено было урезать пайки, а то до паорохода не хватит.

Четыре ночи провели в палатке путники. Под конец все друг другу осточертели, особенно Парфентьев, притворявшийся дурачком, пока выведенный из терпения Галицкий не обругал его. Каюр обиделся и замолк. Его молчание тревожило Берзина, и он часто по ночам просыпался и зажигал спички, чтобы удостовериться, что все каюры на месте, в палатке.

Отворачивая лицо от ветра, Теневиль возвращался из стада в стойбище. Оленей подогнали как можно ближе к ярангам, чтобы в ненастье не так далеко было ходить. Здешние пастбища были хорошие. в защищенных от ветра ложбинах. Теневиль думал оставаться здесь до самой весны, а перед отелом перегнать стадо на правый берег и там дать важенкам отелиться.

Все жители стойбища почитали Теневиля хозяином, главой, и оставляли ему для яранги самое возвышенное переднее место. Но Раулена ставила жилище на привычном месте, а оставшиеся жены покойного Армагиргина по привычке занимали место «переднедомного».

Когда надо было принять важное решение, Теневиль собирал стариков, лучших пастухов и спрашивал у них совета. Сначала выжидали, отмалчивались, но потом привыкли, осмелели. Дела в стаде шли неплохо. Теперь бы не дать оленям разбрестись в ненастье, удержать их у корма да от волков уберечь.

Теневиль пришел в ярангу, и Раулена подала ему гнутый отрок оленьего рога — тивичгын, снеговывивалку.

Очищая кухлянку от налипшего снега, выбивая снежинки из торбасов, он рассказывал жене:

— Метет еще сильно, но проблески уже есть. Пурга тоже устает. Вон уже пятый день беснуется, надо и отдохнуть.

— Эль-Эль шаманил всю ночь.

— Это он хорошо делает. Вчера пали три оленя,— вздохнул Теневиль, подумав, что шаману не мешало бы чуть раньше взяться за свой бубен.

Пока Раулена готовила еду, Теневиль играл с сыном, а потом достал заветную тетрадку, купленную в Ново-Мариинске, и углубился в свои записи.

Раулена изредка посматривала на него и думала: «Стал эрмэчином, почти хозяином стада, пора бы бросить детскую забаву, а нет — продолжает чертить, выдумывает новые значки, да и меня не забывает учить».

Теневиль огрызком карандаша что-то начертил и спрятал тетрадку в укромное место.

Весь день Теневиль чинил нарту. Среди ночи проснулся от наступившей тишины. Пурга кончилась. Обрадованный этим, он крепко заснул.

— Нарты едут! — будила его Раулена.— Упряжки приближаются к стойбищу!

Страх шевельнулся в душе Теневиля.

Он быстро оделся и вышел.

Солнце еще пряталось за дальним хребтом, но небо уже было светлое, звезды погасли, и под алой зарей сколько хватал глаз лежали розовые снега.

С вершины ближайшего холма в сугробах наметенного снега спускались упряжки. Теневиль с некоторым облегчением заметил, что нарты идут с противоположной оленьему стаду стороны. Эти путники могли быть только с Ново-Мариинского поста. Только оттуда. Но зачем их так много? Похоже, что на каждой нарте по два человека. Видать, тангитаны едут...

Сердце сжалось у Теневиля от дурных предчувствий: может, старый Армагиргин был прав? Вот не успели здесь расположиться, а они уже тут как тут.

Лай становился громче: собаки чуяли оленье стадо и неслись по склону.

Когда первая нарта приблизилась, Теневиль узнал в каюре Ваню Куркутского. От сердца немного отлегло, когда тот как-то весело и громко крикнул:

— Какомэй, мольч, Теневиль!

— Етти, Ваняй!

— Ии,— ответил по-чукотски Куркутский.— Привез тебе новую власть. Власть бедных...

Еще одно знакомое лицо — со второй нарты поднялся родич Вани Куркутского Михаил Куркутский. Учитель, познавший тангитанскую грамоту. И несмотря на неутраченную тревогу, Теневиль подумал: хорошо бы с ним потолковать, показать ему свои значки, посоветоваться.

Тем временем с нарты Вани Куркутского поднялся незнакомый Теневилю тангитан, подошел и крепко пожал руку, сказав при этом:

— Здравствуйте, товарищ!

— А где старик-то? — спросил Ваня Куркутский.— Пошто не стретил гостей?

— Он в вечности,— ответил Теневиль.

— Какомэй! — горестно воскликнул Ваня Куркутский.— Доспелтаки?

Пока они разговаривали, учитель объяснял что-то тангитанам, и они внимательно слушали. Несколько раз мимо уха Теневиля проскользнуло имя Армагиргина.

— Помер-то старик! — обернулся к остальным Ваня Куркутский.— Ушел сквозь облака, по ейным понятиям. Теперь обитает при северном сиянии. Как он умер-то? — спросил по-чукотски.

Теневиль коротко рассказал все.

— Своею смертью от старости помер,— сообщил Ваня Куркутский остальным.— А кто теперь эрмэчин?

— Все сообща,— ответил Теневиль и предложил: — Давайте сна-

чала распряжем собак, посадим на цепь, чтобы к оленям не убежали. Поедим горячего.

— И то верно! — отозвался Ваня Куркутский. — Намерзлись мы, в палатке матерчатой ночевали пять дней в пургу.

Свободные молодые пастухи помогли каюрам распрячь и посадить на цепь собак, накормить их, а гостей Теневиль повел к себе. Уж так полагалось — глава стойбища должен был принимать гостей в своей яранге.

Берзин вошел в чоттагин кочевой яранги и почувствовал, что здесь совсем не так, как в жилище Тымнэро в Анадыре. Не было прочного устоявшегося запаха тюленьего жира и псины. Воздух был свежий, нагретый ярко пылающим костром. Женщина тихо произнесла:

— Еттык.

Маленький мальчишка высунулся из полога и с любопытством уставился острыми глазенками на приезжих.

До того как гости будут накормлены, не полагалось расспрашивать, и поэтому разговор шел какой-то несвязный, о том о сем. Учитель Михаил Куркутский расспрашивал Теневиля об обстоятельствах смерти Армагиргина и все ответы переводил тангитанам, которые слушали с нескрываемым интересом.

— Значит, вы говорите, что стадо теперь общее? — спросил через учителя Берзин.

Теневиль кивнул.

— Но есть кто-то главный в стойбище?

— Армагиргин передал мне, уходя сквозь облака, и стадо и судьбу людей, — ответил Теневиль. — И люди просили меня быть главой стойбища, но олени принадлежат всем.

— А сам много ли оленей имел?

— Четыре оленя...

— Родственником доводился умершему?

— Не был я ему родичем, — ответил Теневиль, — я пришлый в это стойбище с разоренных краев, с Танюрера. А у него детей не было.

— И он взял и так отдал все стадо вам?

— Такова была его воля, — вздохнул Теневиль. — Но я не до конца исполнил ее.

— Почему?

— Он хотел, чтобы я единолично владел стадом, был настоящим хозяином, каким он был... А мы сообща решили владеть стадом.

— Выходит, вы нас опередили, — усмехнулся Берзин. — А тут ничего удивительного нет. Идея общего владения богатством, стадами, заводами, землями живет в недрах человеческого сознания вечно, особенно у неимущих. В том и мудрость Ленина, что он извлек эту идею и создал из нее науку революции. Переведи это товарищу оленеводу, — попросил Берзин Михаила Куркутского.

Учитель замаялся.

— Трудно это переводить...

— Ну хотя бы в общих чертах.

Михаил Куркутский попытался, но Теневиль понял одно: приезжие одобряют его действия. На душе стало легче, а тут еще приспела с деревянным корытцем, наполненным свежим оленьим мясом, Раулена.

Гости принялись за еду.

Некоторое время в чоттагине слышалось только чавканье, хруст разгрызаемых костей. Подошли каюры, присоединились к трапезе. В чоттагине было холодно, но понемногу, по мере того как люди насыщались, становилось теплее. Раулена, подавая в чашках горячий олений бульон, с огорчением сказала:

— Чаем не можем угостить — нету его у нас уже с год. Сами соскучились по нему.

Ваня Куркутский быстро поднялся и, выходя из яранги, весело сказал хозяйке:

— Ставь большой чайник! Заварка у нас есть.

За чаепитием Михаил Куркутский рассказал о переменах в центре Чукотского уезда, о советской власти.

Теневиль слушал и не верил своим ушам. Неужели это и впрямь могло случиться?

— Милюнэ научилась писать и читать по-тангитански,— сообщил в заключение Михаил Куркутский.

— Какомэй! — только и могли произнести изумленные Раулена и Теневиль.

Большой сход стойбища Теневиля собрали в старой яранге Армагиргина, в которой жили две вдовы. Яранга была просторная, чистая. Пришли все — и стар и млад. Многие явились даже с грудными младенцами. Детишки смачно сосали материнские груди и таращили глазенки во все стороны. Прикладывались и довольно большие, шести-семи лет ребята.

— Товарищи! — начал Берзин и подождал, пока Михаил Куркутский произнес уже ставшее знакомым «тумгыгури». «Надо бы в следующий раз самому произнести это слово—тумгыгури»,— подумал Август и продолжал: — Заря новой жизни взошла над Чукоткой. Советская власть установилась в Анадыре. Власть перешла к тем, кто работает, кто пасет стада, добывает уголь, кто охотится. Именно эти люди стали хозяевами жизни, отобрав у торговцев награбленные богатства. Отныне все будет по справедливому закону: кто не работает — тот не ест... Что такое советская власть? Это власть народа. Она идет от мудрости всех людей. Советская власть сегодня — главная власть на всем протяжении от Петрограда до Дальнего Востока. Нас послал ревком, чтобы помочь вам избрать новую, справедливую форму правления... Товарищи, у кого какие будут предложения в состав нового Совета?

Все молчали. В тишине было слышно сопенье ребятишек.

Поднялся старый пастух Номо. Опершись на гнутый отросток оленьего рога, используемого как снеговывивалка, он начал медленно:

— Мы рады, что наступило время новой жизни на всей земле, где живут люди... Такое мы слышали только в древних сказаниях как несбыточное, невозможное. И вот оно случилось. Значит, не одни мы думали об этом! Когда нам сказал наш Теневиль, что стадо будет общее, мы сначала не поверили ему... Ты, Теневиль, не обижайся. Наверное, он чуял, что жизнь идет к этому... У нас нет другого человека, который мог бы быть во главе новой власти, кроме Теневиля...

— Кэйвэ! Кэйвэ! — раздались одобрительные голоса.

Куркутский объяснил процедуру голосования, и все с удовольствием подняли руки и долго не опускали.

Берзин повернулся к Теневилю и сильно сжал его правую руку в своем кулаке.

— Ну вот — ты теперь законно избранный председатель кочевого Совета!

Часть людей разместили в яранге Армагиргина, а Михаил Куркутский с Берзиным вернулись в ярангу Теневиля. Решили выезжать через день: надо было дать отдохнуть собакам, высушить и починить одежду.

Разглядывая кухлянку Берзина, Раулена сказала:

— Похоже, что Милюнэ шила.

Берзин подтвердил ее догадку, и она так обрадовалась, будто

письмо получила от подруги. Она разглядывала каждый шов и что-то бормотала с улыбкой.

После вечернего чаепития Михаил Куркутский обратился к Теневилю:

— Сказывают, что ты пишешь?

— Мое письмо отлично от тангитанского,— ответил Теневиль.— Не многие его понимают.

— А кого обучил?

— Вон Раулену, пастуха Тынанто, немного Тымнэро разумеет, но я ему давно вестей не посылал...

— Покажи нам, как ты пишешь,— попросил Михаил Куркутский.

— Отчего не показать,— с готовностью ответил Теневиль и полез в кладовку.

Он разложил перед гостями несколько отполированных дощечек, на поверхности которых чем-то острым были нацарапаны различные значки. Некоторые напоминали изображения людей и животных. Значки располагались рядом, как буквы в строке.

— А можешь нам прочесть, что здесь написано? — попросил Михаил Куркутский.

— Можно...— Теневиль взял доску.— «Приезжал Черепак... С нарты не мог слезть. Думали, замерзший, а оказался пьяный. Торговал у меня красную лисицу. Дал пол-плитки чая и горсть махорки. Уезжал утром злой, мало наторговал. Ночевал в яранге Армагиргина».

Теневиль «читал» легко, быстро, едва только взглянув на значки.

— Здорово! — пробормотал Берзин.— Надо же такое! Послушай, товарищ Теневиль, тумгытум,— произнес он наконец чукотское слово, сам удивившись этому.— Скоро откроем школы, много школ по всей Чукотке! Может, твою грамоту распространим на весь народ, а?

— Не знаю,— нерешительно ответил Теневиль.— Может, тангитанская лучше будет?

— Надо будет с учеными посоветоваться,— сказал Берзин.— Я чувую — у тебя то, что надо здешним людям!

Берзин впервые ночевал в чукотском пологе, теплом, хорошо выбитом Рауленой на чистом снегу тундры. От меховых стенок пахло зимним ветром и свежестью. Но это продолжалось недолго. Не прошло и получаса, как от единственного горящего жирника стало так жарко, что пришлось спешно разоблачаться. Пример подал хозяин. Он снял с себя все, кинув между ног лоскуток пыжиковой шкуры. Разделась и хозяйка, оставшись в набедренной повязке. Тугие, налитые молоком груди смущали Берзина. Привычный к этому Михаил Куркутский только ухмылялся.

Спали крепко и сладко. Можно было высунуть голову в чоттагин, что и сделал Берзин, последовав примеру Теневиля. Все тело было в мягком тепле — постелью служила оленья шкура, а одеялом несколько сшитых вместе пыжиковых шкурок,— а голова на холодке, на свежем воздухе.

На следующее утро после утренней трапезы Берзин поехал в оленье стадо на гоночной нарте Теневиля. Нарта казалась игрушечной, ребенок мог поднять ее одной рукой. Но она выдержала тяжесть двух людей, лишь как-то жалобно скрипнув ремнями. На другой поехал с пастухом Номо Михаил Куркутский.

Остановили упряжки поодаль и подошли к пасущимся оленям. Берзин, проваливаясь в мягком снегу, следовал за Теневилем. Стадо было огромное. Оно занимало всю лощину и поднималось на склон соседнего холма. Слышалось приглушенное хорканье, от стада шел какой-то незнакомый густой запах. Весь снег был истоптан оленьими

копытами, разрыхлен до самой земли. Лежали сухие травинки, веточки и олений помет.

— Что же они тут едят? — растерянно спросил Берзин, нагнувшись и разглядывая почти что пустую землю.

— Мох, — ответил Теневиль. — Тут хорошее пастбище.

На обратном пути Берзин спросил Теневиля:

— Скажи, товарищ, все оленные люди так живут, как вы?

— Нет, — решительно ответил Теневиль. — Будете ехать в Усть-Белую, там встретится стойбище Кымыта. Большинство оленеводов так и живут, как они.

Отдохнув, отлежавшись в теплом пологе, собрались в путь.

Берзин вырвал из своего дневника листок бумаги и выписал удостоверение Теневилю:

«Дано сие удостоверение от имени Совета рабочих депутатов Анадырского края товарищу Теневилю, не имеющему ни имени, ни отчества, в том, что он избран на законном основании, согласно Революции пролетариата России, Председателем Кочевого Совета стойбища Теневиль. Комиссар охраны Ревкома Август Берзин».

— Береги эту бумагу! — сказал на прощание Берзин.

Попрощались с обитателями стойбища, и цепочка нартов двинулась дальше, вверх по великой чукотской реке.

Все меньше становились яранги, потом виднелись лишь дымы над ними, а потом и они исчезли.

Глядя на удаляющееся стойбище, Берзин думал о великой способности человека приспосабливаться к любым условиям природы. Казалось, зачем жить человеку среди снегов и холода? А вот живет и, видать, считает эту жизнь самым высшим счастьем. Посели этого же Теневиля во дворце — он помрет от тоски и неудобств.

К концу дня достигли стойбища Кымыта. Три ветхие яранги стояли на возвышении почти у самого берега реки. Два пастуха вышли и безмолвно уставились на приезжих. Они выглядели крайне изнуренными: вяло отвечали на вопросы и не проявили никакого интереса к путникам.

Оживились лишь во время чаепития.

Старший, невероятно грязный, в рваной кухлянке, рассказал:

— С осени нас преследует беда. Сначала болели олени, а потом волки нагрянули. Охранять стадо некому — все болели в то время. Половину стада потеряли... Нам бы дожить до лета, до рыбного хода. Оленей горстка, мы их бережем. Если и их поедим, то нам останется только помереть... Дожить бы до лета...

Берзин в сопровождении Михаила Куркутского обошел все яранги. Люди нуждались в немедленной помощи.

Вернувшись в первую ярангу, Берзин спросил Ваню Куркутского:

— Сколько нам осталось ехать до Белой?

— Часов десять, мольч, не более... Погода доспелась, хорошая...

— Вот что: оставим здесь всю юколу и копальхен, который взяли. И пельменей второй мешок. Чаю, сахару...

— Так таких стойбищ по чукотской земле она сколько! — протянул Куркутский. — Ежели каждое кормить да одаривать — ницвяво не хватит.

— Надо помочь, — решительно сказал Берзин. — Отдать все что можем. Это мой приказ! А к ночи выедем дальше. Луна полная — все видать.

— А митинг? — спросил Михаил. — Советскую власть выбирать не будем?

— Да ты погляди на них! — осуждающе сказал Берзин. — Им не до митинга! Их накормить надо! Понимаешь — накормить!

10 января рано утром четыре упряжки пришли в Усть-Белую. Впервые Берзин видел большое чукотское селение. Яранги стояли кучно, и среди них выделялось несколько домиков, склады.

Нарты направили к домику вахтера продовольственного склада, знакомого Галицкого.

Щуплый молодой человек вышел на стук и удивился, увидев столько народу. Галицкий в двух словах объяснил, в чем дело. Вахтер молча провел людей в жарко натопленную комнату, где убирала кровать молодая чукчанка. Она довольно хорошо говорила по-русски.

А перед глазами Берзина все еще стояла удручающая картина стойбища Кымыта.

— Дела откладывать не будем! — сказал он после завтрака. — Идем к Малкову. К вечеру надо послать минимум две упряжки с продовольствием в стойбище к голодающим. Вы что же, не знаете, что там люди голодают? — обратился Берзин к вахтеру.

— Да они все время голодают, — равнодушно ответил вахтер. Его должность была чем-то средним между приказчиком и сторожем. — Привыкли...

— Привыкли? — громко спросил Берзин, и женщина, вздрогнув, обернулась на разгневанного тангитана. — А тебя годы заставить голодать — привыкнешь?

— Так это же чукчи, — слабо усмехнулся вахтер, слегка напуганный гневом нового начальника. — Они всегда так живут.

— А вот теперь они так жить не будут! Идем к Малкову! Галицкий, возьми оружие.

Малков жил в хорошем доме, срубленном из анадырской лиственницы.

Малков уже знал о приезде ревкомовцев, но, видно, не ожидал, что они так быстро придут к нему. Руки у него тряслись, глаза часто моргали.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! — встретил он, кланяясь. — Почему вы не остановились у меня? Есть отдельная гостевая комната. Проходите, проходите! Никитишна! Ставь на стол угощение!

— Мы уже позавтракали, гражданин Малков! — строго сказал Берзин и добавил: — Именем Революционного комитета Анадырского края приступаем к обыску! Давайте, товарищ Галицкий.

Крайне растерянный Малков так и застыл возле двери. Когда Галицкий приступил к обыску, направившись прямо к ящику, обитому блестящей белой жестью, он вдруг всхлипнул:

— Товарищи! Да что же это такое!

— Вы знаете стойбище Кымыта? — гневно спросил его Берзин.

Малков молча кивнул.

— У вас есть с ними торговые связи?

— Помаленьку...

— Почему вы не помогли им? Почему не дали кредит?

— Так ведь нечем потом им оплатить-то этот кредит, — дрожащим голосом ответил Малков. — Уж очень бедные они...

В железном ящике оказались деньги.

Галицкий вывалил всю грудку на стол перед Берзиным.

Долго пришлось считать. Оказалось всего двадцать три тысячи русскими деньгами и тысяча двести долларов.

Малков смотрел на деньги и облизывал пересохшие губы.

— Вон сколько нажил, паук! — бормотал Берзин, выписывая расписку. — Ставьте здесь свою подпись.

Малков вывел какие-то неразборчивые каракули — руки его не слушались.

Берзин поглядел на подпись и сказал:

— Распишитесь еще раз, да поразборчивее! А теперь — пошли на склад!

Весть о приезде представителей ревкома уже обошла все селение. И когда Берзин с Галицким и арестованным Малковым вышли из его дома, то оказались в густой толпе жителей Усть-Белой. Они что-то кричали по-своему, и Берзин чувствовал, что одобряют его действия.

— Товарищи! — крикнул он. — После конфискации имущества вашего эксплуататора и контрреволюционера Малкова мы соберем сход. Я сделаю доклад о текущем моменте, а потом изберем Совет, новую власть трудового народа и бедняков.

Многие в Белой понимали сказанное светловолосым худым тангитаном.

Большие богатства лежали на складе у Малкова. Оглядев штабеля мешков с мукой и сахаром, ящики с табаком и плиточным чаем, свертки тканей, Берзин сказал Галицкому:

— Ежели нам все это считать — застрянем надолго. Сделаем так: заберем ключи, а вы тут останетесь с Мальсаговым и доведете дело до конца.

Недалеко от продовольственного склада располагался другой — керосиновый. Малкова пока посадили туда, снабдив теплой одеждой и оленьими шкурами.

Сход собрался в малковском доме. Не все желающие поместились, но другого подходящего помещения не было.

Берзин рассказал о революционном перевороте в Анадыре.

— Громов, Струков и их приспешники хотели остановить революцию, но это им не удалось. Чем сильна революция? Она сильна тем, что на ее стороне беднейшие, самые многочисленные трудовые люди... Товарищи жители Белой, я призываю вас бороться с эксплуататором Малковым беспощадно. Пусть все услышат, что чукчи, коряки и камчадалы восстали и проснулись и свергли власть буржуазии, а также арестовали всех тех купцов, которые поддерживали власть капитализма... Товарищи, на Дальнем Востоке нет теперь места купцам, которые давили сотни лет. Здесь так же сияет равенство, братство и свобода, как ваше северное сияние... Да здравствует социализм!

Жители села с большим удивлением и напряжением слушали посланца новой власти.

— Вы должны крепко подумать и поставить во главе селения людей, которые могут защитить ваши интересы, людей, которые понимают нужды бедного, трудящегося человека. Через три дня мы снова соберемся, а пока — подумайте!

На другой день описали продовольственный склад Малкова и направили нарты в стойбище Кымыта. Когда вернулись, Михаил Куркутский рассказал, как жители стойбища сначала не могли поверить, что продукты им дают без всякой оплаты и даже не записывают в долговую книгу.

— Шибко теперча рады оленные люди! — рассказывал Ваня Куркутский. — Доспели!

Через три дня на сходе жители Усть-Белой избрали Совет. 15 января ранним морозным утром Август Берзин и Михаил Куркутский выехали в Марково, оставив Галицкого и Мальсагова довести до конца национализацию рыбалок, сетей, неводов и других орудий производства.

Берзин не верил своим глазам. После утомительной однообразной плоской белизны, нарушаемой лишь на горизонте далекими горными хребтами, увидеть настоящую березовую рощу и зеленый соснячок, присыпанный снегом!

Селение Марково располагалось в широкой долине, защищенной со всех сторон довольно высокими горами. Леса уходили вдаль, и, казалось, им нет конца.

— Послушай, Миша, а не сбились мы с пути? — пошутил Берзин, оборотившись к товарищу. — А вдруг неведомые силы чукотских шаманов перенесли нас в Россию?

— Это и есть Россия, — с улыбкой ответил Михаил Куркутский. — Те, что называют себя чуванцами, — это потомки первых русских землепроходцев, поселившихся здесь лет двести, а то и больше назад. Говорят, сам Семен Дежнев после своего путешествия зимовал здесь, прежде чем пуститься в дальний путь в Якутск. Казаки, построившие невдалеке от этого места крепость, постепенно перемешались с местным населением, юкагирами, ламутами. От этого смешения и язык такой — вроде бы русский, можно понять, но в то же время какой-то чудной на новое ухо...

Избы были добротные, хорошо срубленные, просторные. Прозрачные дымки поднимались в небо и растворялись в воздухе: сразу было видно, что здесь топили не каменным углем, а хорошо просушенными жаркими дровами. И запах жилья был привычным и навевал щемящие сердце воспоминания о родном хуторе возле Цесиса.

С берега реки, где в сугробах хоронились многочисленные лодки, упряжки поднялись в село, просторной широкой улицей проехали до дома, возле которого стоял крепко сбитый молодой человек в кухлянке с широким воротом, за которым виднелась сильно выцветшая тельняшка.

Берзин первым сошел с нарты и подошел к нему:

— Комиссар охраны Чукотского революционного комитета партии большевиков Август Берзин! А это секретарь — Михаил Куркутский.

— Шутите, братцы, — прищурился человек. — В Ново-Мариинске сидит Громов.

— Сидит — это верно, — улыбнулся Берзин. — Но в тюрьме.

— Вы что, правду говорите? — Человек пристально всматривался в лица приезжих.

— Вот мой мандат!

— Мандриков? Владивостокский? Который в Учредилку ездил, а потом большевиком стал?

— Он самый! — подтвердил Берзин. Ему матрос чем-то нравился.

— Ну, в таком случае прошу вас к себе! Ну, братишки! Как же вы ухитрились?

Он еще что-то бормотал, а потом, уже в комнате, спохватился и, явно волнуясь, сказал:

— Я ведь тоже большевик, ребята! Вы не поверите, но большевик! Как я ждал вас! Чекмарев моя фамилия, Василий, на Балтике служил...

Жена Чекмарева, по виду местная жительница, сдержанно поздоровалась с гостями.

— Ты знаешь, кто они? Наши! Товарищи из Анадыря! Погодь, сейчас в подпол слажу.

Он дернул за железное кольцо люк возле печки, запалил свечу и нырнул в подпол. Появившись довольно быстро, открыл крышку железной коробочки из-под американского трубчатого табака «Принц Альберт» и вытянул оттуда двумя пальцами бумагу.

— Вот мой мандат.

Берзин взял листок и прочитал не без волнения:

«Мандат выдан товарищу Чекмареву Василию Михайловичу в том, что он действительно является чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Тургайской области. Всем Советам, ревкомам и исполкомам предлагается оказывать всяческое содействие в выполнении возложенных на него обязанностей по доставке хлеба фронту и Петрограду.

Что подписью и приложением печати удостоверяется.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов-Ленин.

Управляющий делами В. Бонч-Бруевич».

— Но как вы здесь оказались? — удивленно спросил Берзин. — И почему мы ничего не знали о вас?

— Это длинная история, — усмехнулся Чекмарев. — Матрена Ивановна, поставь самовар и вообще ставь все на стол! Сегодня у нас большая праздник!.. В Тургай я, братишки, поехал сразу после победы Октября. Добрались до Южного Урала не скоро: на железных дорогах черт знает что творилось, а дальше, в оренбургских степях, хозяйничал атаман Дутов. Повернули в Кустанай, а там такая неразбериха! Сразу три власти существовало! Совет рабочих и солдатских депутатов, городская дума и пехотный полк! Пошли к солдатам. Получили от них полную поддержку. К концу года отправили два эшелона хлеба. А тут меньшевики да недобитые царские офицеры путаются под ногами. Агитацию ведут против Советов. Решили — надо брать власть в свои руки. И вот в ночь на двадцать шестое декабря семнадцатого года наш отряд и распропагандированные солдаты пехотного полка захватили телефонную станцию, телеграф и другие учреждения. Избрали ревком — меня председателем, а моего друга матроса Иосифа Родзевича — комиссаром связи. Ох, трудно нам пришлось, братишки! Недобитки слухи распространяют, будто мы хлеб в Германию отправляем! Население косятся стало. Да вот еще — по приказу Ленина наш отряд должен был возвратиться в Петроград. Отправили третий эшелон, а тут зашевелилось контрреволюционное подполье. Перестрелку устроили, ранило меня. Но рабочий класс поднялся. Создали новый Совет... А мы — в Петроград. Сажу в казарме, лечусь, а тут посыльный из Смольного. К Ленину вызывают... Пошел. Расспросил Ильич о делах в Кустанае, расспросил, откуда я родом, я ведь пензенский... Говорю Ильичу: рана затянется — готов выполнять любое задание революции... Весной восемнадцатого года мы вместе с дружкой моим Иосифом Родзевичем были направлены на Дальний Восток. Связались с тамошними большевиками и получили задание выехать сюда. Родзевич на Сахалине застрял, а меня понесло аж сюда... Вот так, братишки, — закончил Чекмарев свой рассказ. — Сколотил я тут приличную группу, можно было хоть завтра брать власть в свои руки, но решили дожидаться вестей с Ново-Мариинского поста... А вы, значит, опередили меня. Молодцы, братишки!

В тот же день Берзин, Чекмарев и Михаил Куркутский отправились к фельдшеру Черепахину.

По дороге к ним присоединились еще несколько человек, предугрежденных Чекмаревым.

Черепахин открыл свой склад, набитый товарами, казалось, собранными со всего света. Под стропилами крыши висели гирляндами белые песцовые шкуры, красные лисы, горностаи...

— Подлец! — только и мог сказать Берзин. — Где твои лекарства? Где они?

Несколько бутылочек темного стекла с неразборчивыми надписями на бумажках — вот и все хозяйство «лекаря».

— Да дикий шаман в сравнении с тобой — благородный человек! — с возмущением говорил Берзин.

Он объявил оглушенному и растерянному Черепахину о конфискации товаров и приказал сдать все специальной комиссии.

Вечером на общем собрании жителей села Маркова Берзин сделал доклад о текущем моменте, рассказал о делах Анадырского ревкома.

По совету Василия Чекмарева жители Маркова приняли резолюцию. В ней говорилось:

«Заслушав доклад товарища комиссара охраны Берзина о перевороте в Сибири, все с великой радостью встретили свержение всем ненавистного кровопийцы Колчака. За его безжалостные расстрелы и вообще за уничтожение трудовой массы как Колчаку, купцам, так и его прислужникам шлем позор и презрение, а передовым бойцам за святую свободу и товарищам, находящимся у нас, на холодном Севере, как то товарищу Мандрикову, Берзину, М. Куркутскому и другим их сотрудникам, освободившим нас от уз Колчака и его прихвостников, шлем свой привет и от всего сердца желаем им успеха в их трудовой работе. В свою очередь, мы, изнуренные холодом и голодом, протягиваем вам свою мозолистую руку и все марковцы от мала до велика заявляем во всеуслышание всему народу, что мы стоим за власть Советов, за власть своих рабочих и всеми силами будем поддерживать ту власть, которая нам показала путь к спасению, хотя бы от нас потребовалось для всеобщего освобождения отдать наши жизни.

Да здравствует власть Советов на земном шаре!

Да здравствует Анадырский революционный комитет!

Да здравствуют передовые работники!»

Глава четвертая

28 января 1920 года Анадырский уездный Ревком объявил о подготовке к выборам в уездный Совет, которые намечалось провести по возвращении ревкомовцев из Маркова.

Однако позиции свои Ревком укрепить не сумел. Не было создано революционного отряда для защиты завоеваний социалистической революции...

«Очерк истории Чукотки с древнейших времен до наших дней», «Наука». Сибирское отделение. Новосибирск. 1974.

— Павловна, мы пойдем! — сказал Громов, прислушиваясь к вою ветра.

— Кешенька, ну куда ты в такую погоду? А если увидят?

— Такая погода в самый раз для нас, Павловна, — ответил Громов. — Мандриков сидит у себя в домишке, с Волтером в шахматы играет, а его верные дружки захоронились!

Евдокию Павловну еще беспокоило и то, что все трое — и муж, и Струков, и Бессекерский — порядочно выпили.

Громов напялил волчью доху, а на голову водрузил огромную шапку. И впрямь, чтобы узнать его, надо было подойти вплотную: густой мех хорошо скрывал лицо.

Ветром подхватило всех троих и понесло в сторону лимана. Упали на снег, зацепились за сугробы. Между порывами ветра, задыхаясь, откашливаясь от попавшего в горло снега, от дома к дому медленно

двигались, пока не оказались у полузанесенной снегом двери в дом Тренева.

Ногами разгребли снег, и Струков кулаком забарабанил в дверь.

Через некоторое время испуганный голос Тренева спросил из-за запертой двери:

— Кто там?

— Отворяй, свои! — стараясь перекричать ветер, ответил Бессекерский.

— Кто свои? — переспросил Тренив.

— Бессекерский! — рявкнул торговец.

Дверь со скрипом отворилась, и ветер задул свечу в руках Тренева. В крошечной тьме он узнал голоса Громова и Струкова.

— Проходите в дом,— испуганно пригласил неожиданных гостей.— Я сейчас дверь запру.

— Хорошенько запри! — громко прошептал над ухом Струков, обдав Тренева густым запахом сивухи.

Загремела в темноте щеколда, и все вошли в кухню, освещенную керосиновой лампой. У печки спиной к ней стояла бледная, испуганная Агриппина Зиновьевна в своем неизменном халате с драконами.

— Здравствуйте, Зиновьевна! — чинно поздоровался Громов.— Не пугайтесь, мы не большевики!

— Проходите, господа, в комнату,— стараясь не выказать охватившего его ужаса, произнес Тренив.— Груша, принеси что есть у нас. Дорогие гости, наверное, согреться хотят.

— Это уж точно,— крикнул Громов, усаживаясь за недостатком стульев прямо на кровать.

Он оставил в кухне волчью доху. Остальные тоже разделись. И Тренив понял, что они пришли надолго.

Гости расположились словно у себя дома, говорили громко, смеялись.

Агриппина Зиновьевна с каменным лицом подавала на стол обычное анадырское угощение: малосольные лососевые пупки, красную икру, японские рыбные консервы. После первой рюмки, которую выпили все, и Иван Архипович и Агриппина Зиновьевна, Громов, вытерев рот, обратился к хозяину:

— Ну, как случится у большевиков, Иван Архипыч?

— Да вы что, господин Громов! — Тренив выразил на своем лице крайнее оскорбление.— Какая служба?

— А в следственной комиссии? — напомнил Струков.

— Господа,— с дрожью в голосе заявил Тренив,— я согласился войти в следственную комиссию только ради вас, ради вас!

Тут подала голос молчавшая до этого Агриппина Зиновьевна:

— Вместо того чтобы сказать спасибо... Нехорошо, господа, неблагородно. Знали бы вы, сколько претерпел Иван Архипыч, чтобы вызвать вас сначала из тюрьмы, а потом с угольных копеек. Он ведь рисковал не только имуществом, но и своей жизнью!

— Однако его не приговорили к расстрелу! — напомнил Струков.

— Ну и что? — с вызовом ответила Агриппина Зиновьевна.— Еще успеют, если дознаются, как он помогал вам выбираться из неволи!

— Господа, пререкаться не след нам сегодня,— миролюбиво сказал Громов.— Мы пришли к тебе, Иван Архипыч, как к человеку ясного ума и благородства. Твое бескорыстие нам тоже хорошо известно...

Тренив поднял голову и встретился с глазами Громова: не верит, что деньги утоплены в проруби, точно не верит.

— Ты вот лучше нам расскажи, как дальше думают жить большевики?

Тренев налил всем по рюмке. Все выпили, но свою он только пригубил, откашлялся и заговорил:

— Видите, какое дело, господа... В Петропавловске тоже установилась советская власть.

— Что ты говоришь! — Громов был сражен. — Когда это случилось?

— Вроде числа десятого января, — продолжал Тренев. — Теперь Мандриков каждый день обменивается телеграммами с тамошним председателем ревкома. Готовят съезд Советов, так это у них называется. Соберут рабочих с угольных копей, инородцев с дальних окраин, с Дежнева, Узлена. Таким образом, будет создано управление, как бы имеющее законную силу как избранное народом.

— Ну, этого им не видать! — зло произнес Громов. — Тоже мне — народная власть! Голодранцы, лодыри, дикари, охочие до чужого добра! Разве будет порядок в государстве при такой власти? Да они тут все растащат в три дня! Каждый будет брать все, что плохо лежит! Советы!.. Я им покажу Советы!

Громов кричал все громче, и Тренев с беспокойством прислушивался к вою ветра.

— Ишь их развелось, так и норвят в чужой карман залезть! — продолжал, брызгая слюной, Громов.

— Кстати, — Тренев вымученно улыбался, — в первые дни вашего ареста, когда я упорно занимался облегчением вашей участи, ко мне приходила ваша супруга, Иннокентий Михайлович. Она принесла валюту и золото с просьбой запрятать все... Но, господа, я сам ждал ареста, обыска, всего что угодно. Честно говоря, я было наотрез отказался взять сверток, но Евдокия Павловна настаивала... Она сама и подала мысль утопить сверток в проруби возле моей бани...

— Утопил? — с явным недоверием в голосе спросил Струков.

— А что было делать? — развел руками Тренев. Он собрал всю свою волю и старался говорить спокойно и ровно.

— Своими руками? — продолжал допытываться Струков.

— Не мог же я доверить это кому-нибудь другому, — криво и печально усмехнулся Тренев.

— Никогда не поверю! — пьяным голосом продолжал бывший начальник колчаковской милиции.

— Да ты что! — прикрикнул на него Громов. — Подозреваешь этого честнейшего человека? Да если бы не он, ты, господин Струков, сейчас гнил бы на шахте или глодал сухую юколу!

Струков втянул голову в плечи. Черт знает что такое! Никогда не угадаешь, куда поведет этого сумасброда...

— Иван Архипыч, не слушайте этого дурака, — обратился Громов к испуганному Треневу. — Болтает пустое. Это у него бывает, находит на него... Не в деньгах счастье, как говорится. Вот вы лучше скажите, Иван Архипыч, как вы думаете, долго продержатся большевики?

— Ну как вам сказать... — пожал плечами Тренев. — Это все зависит...

— Верно, Иван Архипыч, это зависит! — поднял палец Громов. — Да вы не думайте о деньгах! Нет их и нет! Лежат на дне реки Казачки! А может, их уже унесло далеко течением... Ведь верно, Иван Архипыч?

— Течение, оно, конечно, так-так-так.

Тренев был в полном замешательстве. Поверил Громов или играет с ним? Смирился с потерей денег? Нет, такой человек так просто не выпустит из своих рук деньги. Черт дернул взять этот сверток! Леший попутал. А теперь вот изволь выкручиваться.

— Нынче у нас другая забота, — приглушенно заговорил Громов, глядя прямо в глаза Треневу. — Вернуть себе власть!

Тренив внутренне вздрогнул.

— Другого выхода у нас нет,— продолжал Громов.— Весной будет пароход или не будет — нас все равно расстреляют. Долго они с нами нянчиться не будут. Не такие они дураки, чтобы терпеть у себя за спиной врага.

Громов смотрел в бегающие глаза Тренива и все больше и больше убеждался, что его деньги лежат в укромном местечке в этом доме. «Ничего,— со злорадством думал он,— ты у меня на таком крючке! Раза три нырнешь в прорубь — сам принесешь в зубах сверток. А пока ты у меня в руках и чуешь это».

— Нужно запастись оружием и действовать, пока не вернулся этот латыш со своими друзьями,— продолжал Громов.

— Оружие есть,— громким шепотом сообщил Бессекерский.— Мне удалось припрятать семь винчестеров. Наберем еще столько у друзей.

— Иван Архипыч,— Громов смотрел на Тренива почти с умилением,— уж извини нас, но будем собираться у тебя... Местоположение твоего дома удобное, в окошко в хорошую погоду виден ревком с красной тряпкой на крыше, да и листовки клеют на стену твоего дома... Платят они тебе хоть за это?

— Ну что вы, Иннокентий Михайлович!

— Сволочи! — выругался Громов.— Скоро они доберутся и до твоей задницы — заставят носить на ней свои большевистские лозунги!

Гости уходили поздней ночью, в пургу.

Тренив запер за ними дверь и в изнеможении повалился на измятую Громовым постель. Вошла Агриппина Зиновьевна и молча положила ему на лоб полотенце, смоченное в уксусе.

Пойти в ревком и рассказать все Мандрикову? Поверит он? А самому как потом жить? Ну хорошо, с деньгами останешься, а дальше? Большевики не выпустят с Чукотки в Америку. А если Громов и Струков возьмут верх? Тогда летом можно будет на свенсоновской шхуне уплыть подальше от этой России!.. А они сейчас могут взять власть, если решатся на кровопролитие. По всему Анадырю нынче озлобление против ревкома среди торговцев, а их тут немало... Чью сторону взять?

Тренив стонал и метался в постели, и Агриппина Зиновьевна, принимая его состояние, ни о чем не расспрашивала.

Булатов, Милюнэ и Мандриков пришли в ярангу Тымнэро.

Пурга то ненадолго стихала, то занималась с новой силой. Намело высокие сугробы, скрыв почти по крыши все дома Анадыря.

Мандрикова удивило, что круглые жилища чукчей ветер как бы обходил стороной.

Обитатели яранги сидели в чоттагине. По заведенному обычаю Тынатваль тут же занялась приготовлением чая, а Милюнэ стала переводить завязавшийся разговор. Сначала шли обычные вопросы о жизни, о дороге на угольные копи.

— Как тебе нравятся новые цены на перевоз угля и на товары? — спросил Мандриков.

— Очень хорошие! — живо ответил Тымнэро.— Справедливые! Теперь не так обидно...

Мандрикову был симпатичен этот чукча, обстоятельный, казалось, всегда углубленный в свои мысли. Среди нескольких человек, намечаемых ревкомом в будущий Совет, был и он, Тымнэро. Об этом и пришли поговорить с ним Мандриков, Булатов и Милюнэ.

— А сети так и не взял,— с упреком заметил Мандриков.

— Не могу чужое брать,— упрямо заявил Тымнэро.

Тынатваль подала чай, сахар и толстые американские морские галеты, которые тут же Тымнэро раскрыл большим охотничьим ножом.

— В скором времени в Анадыре избрана будет новая власть,— начал Мандриков.

Когда Милюнэ перевела это, Тымнэро с испугом спросил:

— Опять?

— Да не пугайся,— улыбнулся Мандриков.— Ревком — это переходный период, как бы мостик к настоящей советской власти, власти народа. Эту власть избирают сами жители, выдвигая из своей среды лучших людей, людей, которым можно доверять. Так будет в скором времени и в Анадыре. Сегодня такая власть на большей части России. И вот мы пришли к тебе, чтобы сказать — хорошо бы, Тымнэро, и тебе быть среди тех, кто будет избран... Люди, беднейшие жители Анадыря, знают тебя, твою честность, трудолюбие, твою трудную жизнь — они, я уверен, выберут тебя.

Тымнэро внимательно слушал через Милюнэ то, что говорил Мандриков, и страх поднимался у него в душе. Ну зачем они хотят его втянуть в свои дела? Кому он мешает?

— Я не буду! — твердо и решительно заявил Тымнэро и, прежде чем Милюнэ открыла рот, добавил: — Не хочу ввязываться в их дела.

— Разве это не твое дело? — не выдержала Милюнэ.— Смотри: середина зимы, а у тебя будто осенний достаток — и чай есть и сахар!

— Все это я заработал,— упрямо ответил Тымнэро.— Не брал даром, как некоторые. Это справедливо: кто не работает — тот не ест. Я живу согласно этому правилу, и больше мне ничего не надо. Пусть другие сидят с властью, а мне она не нужна.

— Если все так будут рассуждать,— грустно сказала Милюнэ,— вернется Громов, а то и Солнечный владыка. И снова нас не будут считать за людей...

— Ну и пусть не считают! — вспыхнул Тымнэро.— Я тоже не очень-то считаю их за людей! Разве настоящие люди будут из-за власти убивать друг друга? Разве настоящий человек обманывает другого? Разве настоящий человек врывается в чужой дом и переворачивает все вверх дном? Разве настоящий человек из-за денег готов другому горло перегрызть?

Булатов и Мандриков внимательно прислушивались к разговору Милюнэ и Тымнэро.

Тынатваль с большим закопченным чайником так и застыла у кофемашины и с беспокойством смотрела на мужа.

— Не хочет он,— вздохнула Милюнэ и взяла чашку..

На обратном пути Милюнэ передала содержание перепалки с родичем.

— Еще не созрел политически,— грустно произнес Булатов,— или, как бы сказал Ваня Куркутский, не доспел...

— Как-то они там?

— Пора бы им возвращаться...

Мандриков некоторое время шел молча, а потом вдруг остановился и громко сказал:

— А все-таки он мне нравится, этот Тымнэро! Придет время — и он поймет нас, будет с нами! Я верю в это!

Дома Булатов зажег лампу, и Милюнэ принялась готовить ужин.

Мандриков присел к столу. Он достал список предполагаемых членов Совета, снова перечитал его и, дойдя до имени Тымнэро, остановился. Подумал, но вместо того чтобы вычеркнуть, подчеркнул это имя.

— Михаил Сергеевич,— как-то смущенно обратилась к Мандрикову Милюнэ.

— Что, Маша?

— Я тут говорила Булату... У нас будет ребенок...

— Что ты говоришь! Вот это здорово! — Мандриков искренне был обрадован.— Поздравляю вас!

— Рановато еще поздравлять, Михаил Сергеевич,— усмехнулся Булатов.

— Ну все-таки!

— Михаил Сергеевич, помните нашу свадьбу? — спросила Милюнэ.

— Ну как же! Очень хорошо помню. Вот тут сидел Громов и накачивался водкой!

— «Горько» кричал,— напомнила Милюнэ.

— Маша просила меня сказать тебе... — Булатов замялся.— Свидетельство бы надо нам...

— Сделаем! — сказал Мандриков.— Завтра же выпишем — от имени ревкома.

— Спасибо! — с сияющим лицом поблагодарила Милюнэ.— Конечно, вам не до этого, но так хочется, чтобы была настоящая, крепкая бумага, как мандат.

Снаружи раздался стук в дверь. Милюнэ выглянула в сени и сказала:

— Волтер пришел.

У Аренса на правой щеке темнел большой кровоподтек.

— Кто это тебя, Аренс? — встревоженно спросил Мандриков.

— «Ремингтон»,— коротко ответил Волтер.

— Кто? — не поняв, переспросил Мандриков.

— Пулемет... Я делал пулемет. Он меня ударил в голову,— ответил Волтер.

Последние дни Аренс возился с автоматическим ружьем «ремингтон», пытаясь сделать из него пулемет. Сам испытывал за Второй бухтой: иногда оттуда слышался треск выстрелов.

— Аренс,— укоризненно произнес Мандриков,— надо поосторожнее, а то так можно и голову потерять.

Милюнэ усадила Волтера и приложила к кровоподтеку лоскуток ткани, намоченный в ледяной воде.

— Бессекерский много ходит! — возбужденно рассказывал Волтер.— К Треневу ходит, к Громову ходит, к Струкову ходит. Нехорошо это! Я видел Громова...

— Он же хворый, больной,— заметил Мандриков.

— Я думал так,— нерешительно произнес Волтер.— Большая шуба, большая шапка — трудно узнать.

Булатов встревоженно посмотрел на Мандрикова. Тот встал и сказал:

— Пойдем проведем арестанта. Кто-нибудь бывал у него, проверял, как он соблюдает условия домашнего ареста?

Булатов растерянно развел руками:

— Ну больные и больные, как-то в голову не приходило...

Они шли, держась друг за друга, в пурге.

Порой Мандрикову мерещились какие-то тени, но когда подходили — оказывалась стена дома или сарая.

Булатов громко постучал в дверь.

Пришлось ждать порядочно.

Наконец послышался испуганный голос хозяйки:

— Кто там?

— Отворяй, это Мандриков.

Евдокия Павловна долго возилась с засовами, никак не могла отворить дверь, но когда увидела перед собой троих, испуганно вскрикнула.

— Не бойтесь,— успокоил ее Мандриков.— Проведать пришли вашего мужа.

— Хворает, бедняга, так стонет,— запричитала Евдокия Павловна.— Боюсь, к весне совсем ослабеет...

В комнате, кроме хозяев, находился отец Михаил. Он уже порядочно клюкнул, но старался высоко держать голову. Громов лежал в кровати, весь до самого подбородка укрытый одеялом, с полотенцем на голове, и стонал.

— Здравствуйте, Иннокентий Михайлович! — поздоровался Мандриков.— Как здоровье?

— Какое у него здоровье? — снова запричитала Евдокия Павловна.— Не ест ничего..

И впрямь на лице у Громова явно замечалась бледность, а голос был слаб и дрожал:

— Худо мне... Худо.

— А вы, отец Михаил, уходите отсюда,— обратился к священнику Мандриков.— Господин Громов находится под арестом, и для посещения его требуется специальное разрешение.

Испуганный священник заторопился:

— Хорошо, хорошо! Иду! Простите, ради бога!

Он засеменил к выходу. Следом вышли и ревкомовцы.

Как только за ними закрылась дверь, из кладовой появились Струков и Бессекерский.

Струков быстро вошел в комнату. За столом уже сидел Громов и дрожащими руками пытался наполнить стакан. Горлышко бутылки звякало о стекло.

— Давайте!

Струков сначала сам хлебнул прямо из горлышка, а потом налил Громову.

— По ночам шарить стали! — сказал Струков.— Поторапливаться надо, Иннокентий Михайлович, иначе они нас опередят, как в прошлый раз.

— Оружие я раздал,— сообщил Бессекерский.— А вдруг грянут с обыском? Может, и не арестуют, а вот ружья отберут..

— Да, господа, решаться надо...

— У нас уже все продумано и готово,— продолжал Струков.— Засады будут устроены в домах вокруг ревкома. Главный наблюдательный пост — дом Тренева. Таким образом ревком оказывается под перекрестным огнем.

— Лучшее время для выступления — тридцатое января,— сказал Бессекерский.— Трениев говорит, что на этот день назначено заседание ревкома. Вся головка соберется там. Ходят они обычно без оружия, редко кто берет с собой револьвер. Но даже если займут оборону и будут отстреливаться, сколько они могут продержаться? Ну день, два, три... По существу, они сами попадут в капкан. В этот день нам надо пробраться в дом Тренева и оттуда направлять удар.

— Покажи, что ты сочинил? — с улыбкой попросил Мандриков, протягивая руку к листку бумаги.

«Удостоверение.

Дано Чукотским ревкомом в том, что Мария Милюнэ из стойбища Армагиргина и Александр Терентьевич Булатов из села Заходы Смоленской губернии являются мужем и женой, что и удостоверяется.

Председатель Чукотского ревкома Михаил Мандриков».

— Ну, Булат,— разочарованно произнес Мандриков.— Ну что ты написал? Это же первое брачное свидетельство, выданное именем революции! Надо поторжественнее! Поройся-ка там в ящиках, посмотри, нет ли бумаги покрасивее. Сейчас сам напишу вам мандат о революционной женитьбе.

Булатов вырвал из какой-то конторской книги довольно плотный лист и подал Мандрикову.

Михаил Сергеевич придвинул низкую широкую бутылочку с японской тушью и принялся писать. Писал он быстро, размашисто, но каждую букву выводил аккуратно. Закончив, прочитал, улыбнулся и подписался.

— Ты как лицо заинтересованное не можешь подписывать эту бумагу, вернется Михаил Куркутский — распишется за секретаря. А пока на, держи!

Булатов быстро пробежал глазами написанное, аккуратно сложил листок и спрятал во внутренний нагрудный карман.

— Вечером покажу Милюнэ.

— Так вот, Волтер предлагает ввести комендантский час, объявить Анадырь на военном положении и в домах Струкова и Громова поставить вооруженную круглосуточную охрану,— сказал Мандриков.— Сегодня и этот вопрос нам надо обсудить на заседании ревкома. Но главное — это кандидаты в Совет. Сход можно назначить на второе февраля, сегодня тридцатое — время на подготовку есть... Как ты думаешь, включим Тымнэро в члены Совета?

Булатов с сомнением покачал головой:

— А если откажется всенародно? В неудобном положении окажемся.

— Слушай! Да что мы с тобой голову ломаем! От имени местного населения в Совет выставим кандидатуру твоей Маши! Грамотна, политически правильно ориентируется... Да у нас просто нет лучшей кандидатуры!

Булатов подумал и сказал:

— Это невозможно.

— Почему?

— Она моя жена.

— Ну и что? Жена большевика — такой же политически ответственный человек, как и ее муж! — заявил Мандриков.

— А потом будут говорить — ревкомовцы своих проталкивают в Совет,— угрюмо произнес Булатов.

— А мы и будем проталкивать своих! — убежденно сказал Мандриков.— Мы таиться не будем: кого считаем нужным, полезным для истинно народной власти — того и будем поддерживать. Давай садись и пиши воззвание к жителям Анадыря — второго февраля сход всех жителей для избрания Совета. И припиши еще — пусть каждый подумает, кого включить в Совет. Совет — это орган трудящихся, тех, кто работает, кто представляет бедную часть населения...

После обеда, ближе к ранним сумеркам, стали приходить ревкомовцы.

Вошел механик Фесенко и с удивлением сказал:

— Или мне померещилось, или и впрямь так, будто Громов попался мне навстречу.

— Не может быть,— спокойно ответил Мандриков.— Мы вчера его навещали: похоже, скоро концы отдаст, не встает с постели.

Обычно на заседание ревкома приходила Милюнэ: мало ли какое поручение могли дать или послать за кем.

Она и на этот раз шла по улице Анадыря. Стояли сильные морозы, и она облачилась в меховой кэркэр. Под кэркэром была надета красная шерстяная кофта, купленная в лавке Сооне-сана.

Каждый раз, проходя улицей, она останавливалась и любовалась красным флагом. Сегодня он был особенно красив: Волтер сменил обтрепанный пургой и даже кое-где порванный первый флаг ревкома и повесил новый. Он трепетал на легком ветру, как бы перекликаясь цветом с нарядной кофточкой Милюнэ. Погода установилась, наступило полнолуние. По времени уже скоро должны были вернуться Берзин и его товарищи. Как хорошо и свободно дышать! И чувствовать будущее, видеть его и ощущать внутри себя.

Милюнэ вошла в ревком и заглянула в комнату. Заседание еще не начиналось, и она поздоровалась со всеми. Булатов сидел у стола и писал очередное воззвание. Он трудился старательно, выводил каждую букву.

Милюнэ обтерла пыль в комнате, вытряхнула консервные банки-пепельницы и занялась в коридоре печами.

Один за другим сходились ревкомовцы, и каждый ласково здоровался с Милюнэ.

Последним пришел Волтер. Кровоподтек превратился в синяк, но опухоль спала. Он улыбнулся Милюнэ и быстро прошел в комнату.

Наблюдавший из дома Тренева Струков оглянулся и сказал:

— Ну вот. Все в мышеловке.

Он вошел в комнату, оставив наблюдать Бессекерского.

За богато накрытым столом сидели сам хозяин Иван Архипович Трениев, одетый строго и торжественно, его супруга Агриппина Зиновьевна в черном кружевном платье и Иннокентий Михайлович Громов, возбужденный, краснолицый, с лихорадочно бегающими глазами.

— Минут через десять начнем, — спокойно заявил Струков.

Он налил водки, выпил и закусил безвкусным китайским огурцом из запасов Сооне.

— Огонь по сигналу откроют Петрушенко, Сукрышев и Учватов. Пощекочем немного, а потом предъявим ультиматум — полная капитуляция. Надеяться им не на что.

Трениевы сидели молча, печально, словно на поминках.

Захмелевший Громов посмотрел на Трениева и вдруг сказал:

— А понырять придется, Иван Архипыч...

Трениев не понял, но когда смысл дошел до него, он побледнел.

— Лежу я у себя на кровати, болею, — продолжал Громов медленно, размеренно, — и размышляю. В Казачке зимой течение слабое, а сверток тяжеленный. Не может унести. Смекаю — лежит он там и дожидается, пока кто-нибудь нырнет за ним... Глубина там небольшая, но водичка холоднющая! Бр-р-р! — Громов передернул плечами. — Но вы, Иван Архипыч, человек привычный к холодной воде. Слышал я, после баньки любите поплескаться в студеной воде... Верно это?

В ответ Трениев только вздохнул.

Агриппина Зиновьевна с нескрываемой ненавистью посмотрела на Громова, но тот выдержал, не отвел своего улыбочивого, издевательского взгляда.

В комнату вбежал Бессекерский. Лицо у него было перекошено от испуга.

— Один вышел! — крикнул он. — Сюда идет!

— Ах черт! — выругался Струков, выхватил револьвер и выбежал из комнаты.

Со стороны ревкома к дому Трениева приближался Булатов. Он держал в руках большой лист бумаги на отлете: видно, с одной сто-

роны он уже был намазан клеем. Он чему-то улыбался и, похоже, даже что-то напевал про себя.

Струков перекрестился и чуть-чуть отворил дверь.

Булатов подошел к стене дома и принялся наклеивать лист, вода оленьей рукавицей по бумаге. Он стоял боком к Струкову, который целился в него из полуотворенной двери. Сначала Струков прицелился в голову — там тяжелый меховой малахай. Руки парня были высоко подняты. Под левую, как раз в сердце.

Раздался выстрел. Он был негромкий.

Булатов как-то удивленно оглянулся и рухнул. Но слабый выстрел услышали в других домах. Пули защелкали по крыльцу ревкома. Струков и Бессекерский выскочили из дома Тренева и за ноги оттащили убитого Булатова за сарай. Уходя, Струков невольно глянул в широко открытые удивленные желтые глаза убитого и почувал, как по спинной ложбинке у него потек холодный пот.

Бегом вернулся в дом, разбил маленькое окошко в сенях и оттуда принялся стрелять по крыльцу ревкома.

В комнате слушали выстрелы.

Побледневшая еще больше Агриппина Зиновьевна крестилась и шептала молитвы. Иван Архипович нервно хрустел пальцами, а Громов, усмехаясь, ел красную икру и иронически поглядывал на хозяев.

Отворилась дверь ревкома, и кто-то попытался выйти на крыльцо, но тут со всех сторон по двери ударили выстрелы, вышибая маленькие щепочки.

Милюнэ с удивлением смотрела, как то в одном месте двери, то в другом как бы сами по себе возникают маленькие круглые дырочки. До нее еще не дошло, что идет обстрел ревкома. Мандриков схватил ее и потащил в комнату:

— Да ты что! Под пули встала! Убьют!

Все члены ревкома вскочили и так, стоя, молча слушали выстрелы.

— Спокойно, товарищи! — сказал Мандриков. — Это явно провокация, попытка контрреволюционного переворота. У кого есть оружие?

— Я имею, — сказал Волтер.

— У меня есть. — Фесенко поднял над головой револьвер.

— Больше нет?

Ни у кого больше не было оружия.

И вдруг, прислушиваясь к выстрелам, Милюнэ поняла, что происходит.

— Там Булат! — закричала она. — Там Булат! Они его убивают!

Она рванулась к двери, но тут ее догнал Мандриков, схватил за плечи.

— Машенька, не ходи! Они же застрелят тебя! Подожди... Булат не даст себя так просто убить... Будь благоразумна, Машенька...

— Булат! Мой Булатик! — всхлипывала Милюнэ. — Они его убьют из маленького ружья! Пустите меня! Пустите. Я не хочу, чтобы он был там один! — Она обессиленно опустилась на стул.

— Маша! Они нас только пугают... С Булатом ничего не случилось, я тебя уверяю... Не надо плакать. Надо думать, что делать дальше. Товарищи, — обратился к собравшимся Мандриков. — Всем, у кого есть оружие, занять места у окон и дверей. Следите за домами Тренева и Бессекерского.

Выстрелы не прекращались ни на минуту. Порой казалось, что стреляют из пулемета — так частили колчаковцы.

— Если попытаемся выйти отсюда, — заговорил Василий Бучек, — то они нас, как кур, перестреляют прямо на крыльце.

— У нас всего шестнадцать патронов — отстреливаться нечем,— сказал Фесенко.

— Надо было делать охрану! — крикнул Волтер.

— Спокойно, товарищи! — Мандриков строго посмотрел на Волтера.— Будем держать оборону. Они не знают, сколько у нас оружия, сколько патронов.

Милюнэ, казалось, успокоилась. Она лишь часто всхлипывала.

Никто не заметил, как это случилось. Милюнэ как ветер промчалась мимо Волтера, Фесенко, толкнула дверь на улицу и оказалась между ревкомом и домом Тренева.

— Маша! Маша! — закричал, бросившись вслед, Мандриков, но его остановил Волтер.

Милюнэ бежала, не отрывая глаз от темного пятна под приклеенным воззванием. Это была кровь. Кровь Булата. Милюнэ упала на снег, хватая пальцами пропитанный кровью снег...

В доме Тренева слышали страшный, раздирающий душу вой. Трудно было поверить, что так безысходно, по-волчьи может вить человек. Это было горе, ставшее криком.

Агриппина Зиновьевна встала и обратилась к иконе. Она истово крестилась и шептала молитвы.

Струков наблюдал из окошка за Милюнэ, потом хладнокровно сказал Бессекерскому:

— Надо ее втащить сюда...

Они вышли, подняли Милюнэ и, обессилевшую от горя, почти в беспамятстве, втащили в комнату. Она не усидела на стуле, повалилась на пол и заскулила, как собака.

— Приведите ее в чувство! — приказал хозяйке Громов.

Агриппина Зиновьевна хватала то одно, то другое со стола, наконец взяла свою недопитую рюмку, подошла к Милюнэ, приподняла ее голову и, увидев обезумевшие глаза, тоже чуть не лишилась чувств.

— На, выпей, Машенька!

Она силой разжала ей рот и влила водку.

Милюнэ закашлялась, повернулась и узнала Агриппину Зиновьевну.

— Что с моим Булатиком? Что с ним сделали? Зачем его убили?

— Успокойся, Маша, успокойся,— уговаривала ее Агриппина Зиновьевна.

— Где мой Булат?

Милюнэ поднялась.

— Ты сначала помоги нам, а потом мы покажем тебе твоего Булата,— сказал Струков.— Иди обратно и скажи — пусть сдаются!

— Почему вы стреляете? — с плачем спросила Милюнэ.

— Пусть сдадутся! — повторил Струков.— Без всяких условий! Полная капитуляция!

— Ты попроще выражайся,— посоветовал Громов.— А то она все перепутает.

— Не перепутает! — ухмыльнулся Струков.— Она баба грамотная, королевских кровей.

— А не лучше ли им написать? — предложил Бессекерский.— С письмом и отошлем бабу...

— Ну, сука большевистская! — Струков погрозил кулаком Милюнэ.

— Господа! — вдруг дрожащим голосом заговорил Трнев.— В моем доме прошу вести себя прилично.

— И вправду, господа, не надо терять самообладания,— примиряюще произнес Громов.— Давайте, Бессекерский, будем составлять

ультиматум. И вы, Иван Архипыч, помогите... На юридическом все же учились.

— Прежде всего без ругани и угроз,— сказал Тренев.— В таком духе приблизительно: предлагаем незамедлительно сдаться. Вы окружены, и сопротивление бесполезно. Будучи противниками напрасного кровопролития, предлагаем капитулировать, сдать оружие и выйти из здания ревкома... Гарантируем жизнь...

— Во! Видели, как надо? — Громов умиленно посмотрел на Тренева.— Сохранение жизни! Они должны клянуться на это.

Бессекерский написал ультиматум, сложил вчетверо бумажку, и Струков сказал Милюнэ:

— Иди обратно! Если будешь хорошо себя вести, получишь своего Булата...

— Не пойду! — мотнула головой Милюнэ.

— Пойдешь! — сердито отрезал Струков и соврал: — Твой Булат чуточку ранен, но жив. Хочешь его видеть — чеши живо обратно к своим и отдай эту бумагу непременно в руки самого Мандрикова.

— Не пойду! — повторила Милюнэ.— С Булатом пойду... Живым или мертвым — только с ним...

— Ах ты! — Струков грязно выругался и ударил Милюнэ по голове.

— Умоляю вас! — заломил руки Тренев.— В моем доме! Прошу вас!

Струков схватил Милюнэ за меховой воротник кэркэра, протасил через сени и вытолкнул на улицу. Прикрывая дверь, он крикнул в сторону ревкома:

— Эй вы! Если не сдадитесь — пристрелим женщину! Слышите, вы!

В морозной тишине слова разносились по всему Ново-Мариинску. Милюнэ повалилась в снег. Она поняла слова Струкова. Собрав остатки сил, она приподнялась на колени и закричала:

— Мандриков! Пусть стреляют! Пусть убивают!

Струков поднял револьвер.

— Прошу вас! Умоляю! — Тренев вцепился в его руку.— В женщину!

— Ну и что? — огрызнулся Струков.— Дикая сволочь она, а не женщина!

— Подождите! — послышался со стороны ревкома голос Мандрикова.

Мандриков повернулся к товарищам.

— Милюнэ беременна! У нее будет ребенок!

— Это что же — сдаваться будем? — спросил Фесенко.

— Да, придется выбросить белый флаг,— кивнул Мандриков.— Это не пустые угрозы — они убьют Милюнэ... И потом — у нас же нечем защищаться! — Он помолчал, всматриваясь в напряженные лица товарищей.— Только так мы можем спасти Милюнэ и ее будущего ребенка. Что же, посадят нас в тюрьму — будем продолжать борьбу и в тюрьме. И еще — Берзин на свободе. Он скоро должен вернуться... Кто за то, чтобы сдаться?

Никто не спешил поднимать руки.

Тогда Мандриков поднял первым. За ним Василий Титов, потом Аренс Волтер. Один за другим поднимали руки члены ревкома.

Фесенко сидел напряженно, словно приготовившись к прыжку.

— Ну что, Игнат? — обратился к нему Мандриков.

— А я против! — с каким-то судорожным всхлипом крикнул Фе-

сенко, и не успел Мандриков ответить ему, как раздался выстрел и на пол с глухим стуком упал револьвер. Тело Фесенко медленно сползло со скамьи на пол.

Мандриков подошел к мертвому Фесенко, постоял над ним и тихо сказал:

— Что же, Игнат, прощай!

— Выходят! — вбежал в комнату Струков. — Наша взяла!

Он на ходу опрокинул в рот рюмку и опять выбежал в сени.

Теперь можно было пошире открыть дверь. Отсюда, из сеней тревневского дома, голос Струкова был хорошо слышен.

— Становитесь в пяти шагах друг от друга! — командовал Струков. — Руки держать на голове! У кого есть оружие — бросайте в эту сторону!

Он считал про себя... Вот вышла Милюнэ. Она тоже держала руки над головой. Должен быть еще один.

Но больше никто не выходил.

Кажется, нет моториста Фесенко. Чего же он там, заснул, что ли?

— Где Фесенко? — крикнул Струков. — Пусть тоже выйдет!

— Фесенко застрелился, — ответил Мандриков.

— Не врешь? — Струков чуть высунулся из двери, опасаясь, что из глубины ревкима Фесенко может выстрелить. Но выстрела не последовало.

Из домов, откуда шла стрельба, уже выходили вооруженные люди и окружали ревкимовцев, выстроившихся в ряд с поднятыми руками.

— Обыскать их! — крикнул Струков. — Руки не опускать!

Оружия ни у кого не оказалось.

— Все идите с поднятыми руками к дому Бирича!

Новый, недавно построенный дом купца Бирича находился несколько на отшибе и хорошо просматривался со всех сторон. Еще заранее было решено на первое время посадить сюда арестованных.

По улице Анадыря шла удивительная процессия. Последней еле двигалась Милюнэ в кэкрэре. Прежде чем войти в дом Бирича, уже окруженный вооруженной охраной, среди которой она узнала старого своего знакомого колчаковского милиционера Кожуру, она оглянулась на красный флаг, все еще трепещущий на высоком флагштоке над зданием ревкима.

Струков проследил за ее взглядом и гневно приказал Сукрышеву:

— А ну влезь на крышу и сорви эту большевистскую тряпку!

Сукрышев полез, но никто из ревкимовцев не видел, как он сорвал флаг, бросил на землю, как подбежал Струков и стал с остервенением топтать его...

— Дело сделано, — доложил он Громову, войдя в дом Тренева.

Громов долго не отвечал. Потом вдруг обратился к Трениву:

— Ну как — нырять будем?

Тренив вскинул голову, но Громов тут же принялся его успокаивать:

— Ну хорошо, хорошо! Я пошутил. — Он встал и торжественно произнес: — Господа! Прошу всем налить по полной и выпить за победу! Недолго тешились большевики! Агриппина Зиновьевна! Иван Архипыч! Поздравляю вас с возвращением законной власти! Отныне в этом крае действуют законы военного времени, введенные его превосходительством адмиралом Колчаком на всей контролируемой его доблестными войсками территории. Ура, господа!

— Ура! — прохрипел неожиданно для себя Тренив.

— Ну а теперь можно и отдохнуть,— устало произнес Громов.— Павловна, однако, ждалась меня. Будьте здоровы, господа, всего хорошего!

У двери он остановился, посмотрел на растерянного, как-то сразу сникшего Тренева и поманил к себе Струкова. В сенях он ему сказал на ухо:

— Тренева держать дома! Следите, чтобы в сторону своей бани не ходил.

— Слушаюсь, ваше благородие!

В здание бывшего ревкома прибежал милиционер Кожура и сообщил:

— Баба беснуется! Просит выпустить или доставить туда же раненого Булата, ейного мужика.

— Где тело? — спросил Громов.

— В угольном сарае у Тренева,— ответил Струков.

— Оттащите на Казачку, на лед. А ей скажите, что пытался бежать и тут его застрелили.

— Иннокентий Михайлович! Почему только его одного? Всех надо при попытке к бегству, всех до единого! — горячо, брызгая слюной, заговорил Струков.— На кой хрен нам держать их живыми? Да при первом же удобном случае они всех нас вот! — Струков сделал движение ногтем на столе, словно давил вошь.

— Не будь таким жестоким, Струков! Ну зачем так? — почти плачущим голосом ответил Громов.— Женщину хоть пожалей.

Струков удивленно посмотрел на Громова, пошмыгал носом.

— Ну, бабу-то можно оставить, уж ладно,— согласился он и добавил: — Звери мы, что ли? Тоже ведь жалость имеем.

— Теперь я слышу голос разумного человека! — похвалил Громов Струкова.— Действуй!

Шаги часового хорошо были слышны: иссушенный морозом снег скрипел громко. Время от времени Мандриков принимался стучать в окошко, потом, следуя за шагами часового, переходил к двери.

— Прекратить! — кричал милиционер Кожура.

— Позовите кого-нибудь! — требовал Мандриков.— Мы хотим вести переговоры!

Миллионэ совсем обезумела. Ее держали товарищи, но стоило им чуть ослабить усилия, как она вырывалась, подбегала к двери и начинала биться о дверь, крича при этом:

— Где мой Булат? Отдайте мне моего Булата! — Рыдания сгибали ее, она падала, снова цеплялась, билась о дверь...

— Послушайте! — крикнул наконец выведенный из себя Мандриков.— Если вы не позовете кого-нибудь из вашего начальства, мы разобьем окна!

— Приказано стрелять в таком случае! — невозмутимо ответил милиционер Кожура.— И вообще не мешайте мне сполнять мои служебные обязанности!

То ли угроза подействовала, то ли самому начальству и впрямь понадобилось прийти сюда, но на переломе дня, когда снова начало темнеть, в дом пришел Струков.

Не дав ему открыть рта, Мандриков потребовал:

— Где ваши обещания о гуманном обращении? Среди нас большая женщина. У нее законное право знать о судьбе своего мужа! Почему вы ее мучаете? Где наш товарищ Булатов?

Струков слушал, и насмешливая улыбка кривила его потрескавшиеся губы.

— Вас сегодня переведут в тюрьму,— медленно ответил он.— Женщину велено помиловать в смысле того, что она останется в доме...

— А где Булатов?

— Вы скоро с ним воссоединитесь,— загадочно ответил Струков и поспешил к выходу, заметив, что из рук Волтера рвется Милюнэ, не спуская с него безумных глаз.

Мандриков подошел к Милюнэ, опустился перед ней на колени:

— Машенька, дорогая, возьми себя в руки. По всему видать, что Булат в тюрьме... Не надо показывать врагам свою слабость. Успокойся, Маша. Пусть Булат гордится тем, что ты не склонилась перед этими зверями, не молила их... Успокойся...

Милюнэ всхлипнула, и Волтер, почувствовав, как обмякло ее тело, усадил ее на лавку...

В окошко лился лунный свет, такой яркий, что хорошо освещал внутренность комнаты.

Послышались шаги. Отворилась наружная дверь. Несколько человек вошли в сени. Распахнулась дверь в комнату, впуская облако морозного воздуха. Все жадно стали дышать — в тесной запертой комнате было душно.

Вошли четверо колчаковских милиционеров.

— Выходить по одному! — послышался приказ.— Идти с поднятыми руками! Расстояние друг от друга — пять шагов! Не скопляться! Баба остается здесь!

Все по очереди подходили к Милюнэ и прощались с ней. Милюнэ успокоилась, держалась бодро. Она обняла Мандрикова и сказала:

— Увидишь Булата, скажи: я его жду! Пусть за меня не волнуется, пусть бережет себя. Помогите ему — он ведь ранен.

— Обязательно поможем! — обещал Мандриков.— Ему с нами будет легче.

Первым вышел Мандриков.

Яркая луна висела в чистом небе Анадыря, высвечивая дома, высокие берега лимана, ажурные мачты радиостанции. Захрустел снег под ногами. Мороз был крепкий.

Растянутая цепь миновала церковь и ступила на лед реки Казачки. Позади на довольно приличном расстоянии шли конвойные. Стояла такая тишина, что хруст снега под ногами казался громовым.

Послышалась какая-то неясная команда, и Мандриков оглянулся. Конвойные разбежались. И в ту же минуту он вместе со звуком выстрела ощутил горячий удар и упал. Он успел заметить, что и остальные товарищи повалились на лед. Казалось, стреляли отовсюду. Это была засада.

Мандриков нашел в себе силы встать на колени и крикнул:

— Труссы вы! Расстреливаете, а показаться боитесь!

На белом снегу при лунном свете он был хорошей мишенью.

Он упал опять и больше не поднялся.

Все это заняло несколько минут. Уже никто не шевелился из расстрелянных, но некоторое время еще слышалась частая стрельба.

Из ближайшего дома вышел Струков. Разбежавшиеся было конвойные стянулись к нему. Начальник колчаковской милиции медленно, с некоторой опаской подошел к лежащим телам ревкомовцев и носком торбаса тронул каждое тело.

— Вон там,— кивнул он,— чуть выше, лежит их товарищ. Оттащите трупы и сложите их вместе.

Повернулся и тяжелой походкой направился к дому Тренева.

Он распахнул ногой дверь.

Играл граммофон. В табачном дыму виднелись неясные лица, бледные, с лихорадочно блестящими глазами.

— Господа! — крикнул с порога. — Все! Конец ревкому!

Захмелевшая, какая-то отчаянно веселая Агриппина Зиновьевна поднесла ему большую рюмку, поцеловала и, взмахнув рукой, закричала:

— Ура нашему герою! Ура избавителю!

Через пять дней с верховий показались нарты — это возвращались Берзин, Мальсагов и Галицкий.

Дозорный прибежал в уездное правление и сообщил об этом.

Всех троих схватили, как только нарты достигли берега, и в тот же вечер расстреляли.

Милиционер Кожура, стороживший Милюнэ, доложил начальству:

— Кажись, баба рехнулась!..

— Откуда ты знаешь?

— Пишшу не берет, воеет диким голосом, — объяснил Кожура.

— Плачет? — спросил Струков.

— Не, воеет по-волчьи.

Струков посмотрел на Громова.

Тот устало махнул рукой:

— Да выпусти ее. Пусть идет куда хочет...

Милюнэ поначалу не поняла, что ее выпускают. А когда вышла, от слабости повалилась прямо на крыльцо. Милиционер Кожура помог ей встать и легонько толкнул в спину:

— Топай домой! Топай!

Сквозь затуманенное сознание пронзительно светилась одна мысль: где Булат? что с ним?

Она дошла до дома Тренева. На стене под ключьями изодранного воззвания по-прежнему темнело на снегу кровавое пятно. Что вело Милюнэ? Какие силы подсказали дорогу? Но она шла прямо туда, где на льду тундровой реки Казачки лежали расстрелянные.

Дойдя до Булата, она упала перед ним на колени, шепча:

— Булат! Милый, хороший! Мое недолгое счастье! Ты вознесся в зенит и все твои товарищи. В мир героев, в царство «окровавленных». Теперь вы там... И вместо сердца у меня кусок льда...

Булат лежал с широко открытыми, удивленными глазами. Снежинки падали на глаза и не таяли. Милюнэ сметала их меховой оторочкой рукава кэркэра и смотрела, смотрела в эти желтоватые глаза, из которых уже давно ушла жизнь.

На второй день милиционер Кожура доложил:

— Околеет баба. Сидит. Совсем помутилась. Увидела меня и давай лаять по-собачьи, отпугивала, значит.

— Пусть похоронят, — распорядился Громов.

И снова Тымнэро долбил мерзлую землю.

Он работал с остервенением. Ему помогал Ермачков. Они работали весь день и к середине наступившей ночи вырыли большую глубокую яму.

— Кажись, мы в сплошной лед попали, — тихо сказал Ермачков.

— Это хорошо, — отозвался Тымнэро. — В мерзлоте они будут вечно лежать.

Тела на нартах перевезли на кладбище.

Последним опускали Булатова.

Милюнэ не отходила от него, осунувшаяся, страшно похудевшая, с безумно горящими глазами.

— Подождите,— попросила она, когда Тымнэро и Ермачков взяли за него. Она сняла оленью рукавицу и положила на лицо своего мужа, своего любимого.

Несколько дней и ночей на окраине древнего анадырского кладбища на холмике свеженасыпанной земли можно было видеть женщину в кэркэре.

Она безмолвно сидела, обратив лицо к зениту, туда, где живут после гибели герои.

Э П И Л О Г

Год 1969, 21 сентября. Накануне 50-летия первого Ревкома Чукотки, накануне векового юбилея со дня рождения вождя революции Владимира Ильича Ленина со всеми почестями благодарные потомки хоронили останки героев... Север отдавал последние почести тем, кто 50 лет назад поднял красный флаг над тундрой, кто первым принес в далекий край ленинское слово правды.

*Газета «Советская Чукотка»
от 23 сентября 1969 года.*

Полвека прошло с тех пор.

Уже скоро год как Милюнэ жила в столице Чукотского национального округа, в городе Анадыре, в многоэтажном красивом доме на проспекте имени Отке.

Она жила у сына Булата Александровича Милюта, старшего геолога Анадырской комплексной геологоразведочной экспедиции, окруженная заботой и лаской его жены Натальи Николаевны и двух внуков-студентов, которые на зиму уезжали во Владивосток в университет. Милюнэ все никак не могла привыкнуть к новому облику старинного чукотского поселения, к огромным домам в несколько этажей, к шумным улицам, по которым проносились автомашины, к телевизору, телефону, ванной — многим вещам, о которых она только знала понаслышке в тундре.

Она помнила Анадырь совсем другим, когда он еще назывался Ново-Мариинским постом и был небольшим поселком в несколько десятков домовишек, с церковью и длинным приземистым зданием уездного правления.

Воспоминания всплыли, всколыхнулись, едва она только вышла из вертолета.

...В тот год великого несчастья, когда был расстрелян первый ревком Чукотки, летом пришел пароход с большим отрядом большевиков. Арестовали всех участников контрреволюционного переворота и увезли во Владивосток. Избрали уездный Совет во главе с Георгием Шошиным и Василием Чекмаревым.

На могиле расстрелянных ревкомовцев поставили памятник — деревянный обелиск с жестяной пятиконечной звездой. На восточной стороне обелиска было выжжено раскаленным гвоздем:

СПИТЕ СПОКОЙНО

Спите спокойно, борцы за свободу,
Вечным, безмолвным, таинственным сном.
В тундрах далекого дикого края
Смерть вас сразила кровавым серпом.
Пали вы жертвой от рук капитала,
Пали в кровавой борьбе.
В душах друзей по идее создали

Вечную славу себе.
 Спите ж, забывши тревоги земные,
 Спите как братья народной семьи.
 С родины дальней приветы, родные,
 Вас не пробудят от мертвой тиши.

Были надписи и на других сторонах обелиска, но в памяти Милюнэ остались именно эти строчки. Все это время — первое лето — Милюнэ помнила смутно, и многим она казалась действительно душевнобольной. В конце лета из тундры приехал Теневиль и стал упрашивать Милюнэ переехать в стойбище. Она долго упиралась, отказывалась, не желая покидать дорогую могилу.

— Новому человеку надо расти крепким и сильным,— настаивал Теневиль, видя, в каком плачевном состоянии находится Милюнэ.

Наконец она согласилась, почувствовав в словах Теневиля правоту и заботу о будущем ребенке.

В тундре успокоилась, пришла в себя. Она была в привычном с детства окружении, на вольном просторе, и со временем она окончательно поверила, что жизнь, прожитая в Ново-Мариинском посту,— причудливый, странный сон. Родился сын. В тундру пришли новые люди — учителя, врачи. Стойбище Теневиля, бывшее Армагиргина, влилось во вновь организованный первый чукотский оленеводческий совхоз «Снежное». Учили грамоте не только детишек, но и взрослых, и Милюнэ удивляла молодого русского учителя сообразительностью и успехами. Теневиль тоже учился читать и писать по-новому, с горечью убеждаясь, что его «грамота» куда как сложнее русской. С помощью русских букв легко обозначились звуки чукотской речи. В начале тридцатых годов появился первый чукотский букварь, и Теневиль окончательно перешел на буквенную грамоту, спрятав подальше свои записи на дощечках и чайных обертках.

Милюнэ назвала сына Булатом.

В отделе регистрации в Анадыре, куда Милюнэ ненадолго приехала, она высказала пожелание, чтобы сын был записан как Булат Александрович Булатов. Но сотрудник, рыжеволосый и скучный человек, криво усмехнулся и назидательно сказал:

— Каждому хочется породниться с героем... Давайте запишем так — Булат Александрович Милюнэ.

— Милюнэ не годится,— терпеливо объясняла ему Милюнэ.— Это женское имя. Тогда уж лучше пусть будет Милют.

— Пусть будет Милют,— согласился рыжеволосый.

Это была последняя поездка Милюнэ в Анадырь. Она пришла на могилу, поглядела на покосившийся, побелевший от дождей и снегов обелиск и снова прочитала выцветшие слова, которые всегда помнила:

Спите спокойно, борцы за свободу,
 Вечным, безмолвным, таинственным сном...

Окончив среднюю школу, Булат уехал в далекий Ленинград, казавшийся Милюнэ расположенным дальше луны. Уезжал мальчиком, а приехал через пять лет молодым человеком, до боли в сердце похожим на Александра Булатова. Милюнэ смотрела на него и вспоминала, как Булат-старший спрашивал ее: «Почему, когда я смотрю на тебя, мне плакать хочется?» И теперь ей тоже хотелось плакать, глядя на знакомые, чуть желтоватые теплые глаза, на угадывающиеся знакомые черты... Булат работал в тундре — искал драгоценный денежный металл. Упрашивал мать переселиться в Анадырь. Однажды приехал не один — у молоденькой жены были такие светлые и пышные волосы, что, будь ветер посильнее, ее унесло бы в тунд-

ру... Милюнэ ласково смотрела на Наташу и думала: как переменился мир! Когда она выходила замуж за тангитана Сашу Булатова, многим ее родичам это казалось невероятным. А теперь вот сын женится на тангитанской женщине и никто не видит в этом ничего необычного. Потом стали приезжать внуки. Они носились по тундре вместе с оленеводами, ночевали у стада, ходили вместе с бабушкой за грибами и ягодами и тоже звали ее в Анадырь. Но ей хорошо было в тундре, спокойно.

Здесь, в тундре, она получила весть о смерти Тымнэро. Он уже был глубоким стариком и жил в одном из первых каменных домов Анадыря. Дочка его после окончания института работала в Анадырском краеведческом музее, приезжала к Милюнэ, выспрашивала про ревком...

А потом пришел черед уйти сквозь облака и Раулэне с Теневи-лем. Они умерли в один месяц, вознесясь к северному сиянию глубокой, тихой зимой.

После их смерти как-то пусто стало в тундре.

И тогда она согласилась переехать к сыну.

Дом стоял на высоком месте, и из окон большой квартиры виднелся и Анадырский лиман и лежащий чуть поодаль, у старого ново-мариинского кладбища, колхозный поселок Тавайваам.

В день приезда Милюнэ пошла посмотреть памятник первому ревкому, о котором она много слышала. Памятник ей не понравился, и она тихо сказала сыну:

— Они были другие...

Милюнэ с сыном спустились вниз, прошли мимо морского порта. Мать часто оглядывалась. За мостом она остановилась и долго смотрела на вывеску хозяйственного магазина.

— А где церковь? — спросила она.

— Какая церковь? — удивился сын. — Сколько здесь живу — никакой церкви не помню...

Еще раз оглянувшись, Милюнэ спросила:

— А большие железные мачты?

— Вот мачты помню, — ответил Булат. — Несколько лет назад их свалили: проржавели они, могли упасть. Рядом уже новые дома построили.

На зеленом холмике не было деревянного обелиска.

Милюнэ села на крепкий дерн, смахнула с ресниц две прозрачные слезинки и сказала:

— Здесь лежит твой отец...

— Я знаю, — тихо ответил Булат.

Каждый погожий день бабушка Милюнэ уходила на этот зеленый холмик. Она шла мимо нового красивого Дома культуры, школы, мимо телецентра, возле которого возвышалась высокая железная мачта, похожая на те, что стояли у домика радиостанции. Слева оставалось бывшее здание уездного правления, справа — хозяйственный магазин на месте церкви, где служил отец Михаил... Воспоминания мешались, обгоняли друг друга. Нижняя часть Анадыря тоже сильно переменялась, но вдруг попадался уголок той далекой поры, и Милюнэ казалось, что время повернуло вспять и перенесло ее в годы молодости.

Но мимо проносились большие машины, впереди гремел морской порт, Анадырский лиман был полон кораблей.

Кончилось время вечной мерзлоты для чукотского народа, ушло в далекое прошлое...

Удивительно ясная осень стояла в Анадыре. Было тепло и безветренно.

Милюнэ садилась на зеленый холмик и смотрела на большие кра-

сивые корабли на рейде, на остров Алюмку, на дальние зеленые берега.

Однажды, когда она сидела на пожухлой уже траве, со стороны нового Анадыря подъехало несколько автомашин. Один из приехавших подошел к Милюнэ и сказал:

— Бабушка, вам придется уйти отсюда.

Милюнэ испуганно посмотрела на него, на людей с лопатами, деловито примеривавшихся к зеленому холму, и испуганно спросила:

— Что вы тут собираетесь делать?

— Решено перезахоронить героев,— коротко объяснил человек.— В братской могиле у памятника, на мысу... Отойди, бабушка, не мешай.

Милюнэ послушно отошла и присела чуть поодаль. Но зачем тревожить прах умерших? Она почувствовала неожиданную боль в сердце и несколько раз глубоко вздохнула.

Когда добрались до мерзлоты, зазвенели ломы и лопаты. Куски льда, смешанного с землей, летели в разные стороны и таяли на ярком осеннем солнце.

Людей было много, и работа продвигалась споро.

Вдруг все разом остановилось.

Милюнэ встала с бугорка и подошла к краю разрытой большой ямы.

Те двое, что стояли в яме, низко наклонились. Милюнэ видела, как один из них осторожно снял с лица Булата меховую рукавицу, которой она тогда накрыла его лицо.. Она увидела его глаза. Точно такие, какими видела в последний раз в феврале двадцатого года... Ее Булат, пролежавший пятьдесят лет в вечной мерзлоте, был такой же молодой, как тогда... Он был моложе своего сына!

Пораженные увиденным, люди молча обнажили головы.

Милюнэ не отрывала глаз от широко раскрытых, смотревших в голубое осеннее небо новой Чукотки глаз Булата.

Она слабо вскрикнула и потеряла сознание.

Очнулась Милюнэ в незнакомом месте. Все кругом было белое, и даже сам Булат, ее сын, и его жена Наташа тоже были в белом, будто собрались в снежную тундру на песцовую охоту.

— Где я? — тихо спросила Милюнэ.

— Лежи, лежи,— ласково произнес Булат.— Ты в больнице... Сейчас тебе уже хорошо, не волнуйся...

— А что с ними?

— На новом месте похоронили,— ответил Булат.— У памятника...

— А ты не видел его?

— Не успел,— вздохнул Булат.— Когда я прибежал, они уже были в закрытых гробах... Говорят, они были такие, как пятьдесят лет назад... В ледяной линзе лежали...

— Я видела,— прошептала Милюнэ.— Булат был точно такой, каким я его похоронила. На его лице не было страдания. Только удивление. Он всегда был такой.

— Говорят,— сообщила Наташа,— у него под свитером нашли какую-то бумагу. Трудно разобрать написанное, но будто бы ваше имя там написано...

Милюнэ вздохнула и закрыла глаза.

Много еще лет недалеко от гранитной плиты можно было увидеть глубокую старуху в старинном чукотском меховом одеянии —

кэркэре, молча часами сидящую на корточках над Анадырским лиманом.

Иногда она подходила к плите и, беззвучно шевеля губами, читала золотом начертанные слова:

**«ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕНЫ ЧЛЕНЫ ПЕРВОГО РЕВКОМА ЧУКОТКИ,
РАССТРЕЛЯННЫЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ 2 И 8 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА**

МАНДРИКОВ М.
БЕРЗИН А.
БУЛАТ А.
БУЧЕК В.
ВОЛТЕР А.
ГАЛИЦКИЙ М.

ГРИНЧУК С.
КУЛИНОВСКИЙ Н.
МАЛЬСАГОВ Я.
ТИТОВ Б.
ФЕСЕНКО И.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ВАМ, ГЕРОИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ!»

В МИРЕ НАУКИ

П. ФЕДОСЕЕВ,
академик

НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

1. ЖИВОЕ, ТВОРЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Идет шестидесятый Октябрь по восходящим ступеням истории. И вот уже шесть десятилетий бушуют идейные страсти, не утихает ожесточенный спор вокруг завоеваний нашей революции. Всякого рода «марксоведы», «советологи», «кремлеведы» и прочие разносчики антикоммунизма вновь и вновь лезут из кожи вон, силясь доказать, будто Октябрьская революция не более чем «досадная оплошность», «казус», случайный «зигзаг» истории и якобы стоит в стороне от ее столбовой дороги. У этого спора есть свой арбитр, единственный и непререкаемый,— сама история. И поэтому нет сейчас нужды в том, чтобы раскрывать объективные факторы, определившие непреходящее международное значение исторических уроков первой в мире социалистической революции и достижений первой в мире страны социализма. По случаю лишь одно замечание.

Упрямо и монотонно твердят наши противники о том, что «поезд революции» пошел, дескать, не по тому маршруту и расписанию, которые намечали ему Маркс и Энгельс. А что касается России, то они ее, мол, и «в уме не держали». Замшелые эти тезисы давно опровергнуты. Марксизм никогда не составлял и не составляет ни географических маршрутов, ни хронологических таблиц мирового революционного процесса. Марксисты не диспетчеры социалистической революции. И вообще занятие это не для науки о коммунизме, творцами которой были Маркс и Энгельс. Держали ли они в уме Россию? Да, они страстно ожидали революционного потрясения в России. По словам Ленина, Маркс и Энгельс «были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение»¹. Они изучали русский язык и русскую литературу, русскую историю и русский социально-политический строй. Общеизвестно, что Маркс с громадным интересом читал и перечитывал произведения Чернышевского, называя его «великим ученым и критиком». Маркс тщательно исследовал русские источники по социально-экономической жизни, внимательно следил за взрывами крестьянских восстаний в России, отмечая, что «между крестьянами и помещиками шла партизанская война»².

Самый живой интерес проявлял Маркс к русской литературе. Произведения Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Салтыкова-Щедрина доставляли ему истинное наслаждение и вместе с тем представляли для него значительную познавательную ценность. Маркс был советчиком и другом русских революционеров, поддерживал с ними живую связь и постоянную переписку. Он выражал глубокое убеждение, что революционное движение в России «в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны»³.

---

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 247.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 429.

³ Там же, стр. 252.

Таким же было и отношение Энгельса к русскому общественному движению, к русской литературе и передовой общественной мысли. Энгельс, например, читал в оригинале «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Горе от ума». Сохранились записи, свидетельствующие об интересе его к колыбели русской цивилизации — Киевской Руси, а также к русской литературе XVIII и XIX веков. Энгельс был знаком со «Словом о полку Игореве», собирал сведения о жизни и творчестве Ломоносова и других русских писателей и поэтов: Сумарокова, Хераскова, Богдановича, Капниста, Державина, Крылова, Карамзина, Жуковского. Когда с 1857 года в Лондоне начал выходить герценовский «Колокол», Энгельс стал одним из первых западноевропейских читателей этого журнала. По книге Герцена «Тюрьма и ссылка» (часть «Былого и дум») он совершенствовал свое знание русского языка. Особенно высоко ценил Энгельс произведения Чернышевского и Добролюбова, считал, что своим творчеством они внесли крупнейший вклад в развитие общественной мысли, и называл их «двумя социалистическими Лессингами». Хорошо знал Энгельс и другие произведения русской революционной литературы, работы Н. А. Серно-Соловьевича, В. В. Берви (Флеровского), Н. И. Утина, прогрессивные русские периодические издания — «Отечественные записки», «Вперед», «Слово».

Энгельс ясно видел и восторженно приветствовал назревание в России революционной бури. На основе тщательного анализа социальных процессов в России он пришел к выводу, что русская революция не только совершит коренной переворот в экономическом и политическом устройстве страны, в положении народных масс, но и «даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата»⁴.

Передовая общественная мысль России, глубоко и ярко отразившаяся в революционно-демократической публицистике, в литературе и искусстве, впервые обрела подлинно научную основу только в результате усвоения и распространения марксистской теории. Вспомним и о том, что первым переводом «Капитала» на иностранные языки стал русский перевод. С чувством большого удовлетворения Маркс отмечал, что в России «Капитал» читают и ценят больше, чем где бы то ни было.

Развитие Лениным учения Маркса подняло общественную теоретическую мысль на новую ступень. Ленинизм — это марксизм современной эпохи. Это не какое-то сугубо специфическое, узконациональное учение, отображающее исключительно русскую историческую ситуацию. Ленинизм — это подлинно интернациональное учение. Нет и не может быть никакой другой теории, которая была бы в состоянии раскрыть целостную научную картину общественного развития, вооружить международный рабочий класс, всех трудящихся глубоким знанием современного мирового революционного процесса, путей и средств борьбы за мир, демократию и социализм.

Марксизм-ленинизм несовместим с застоём мысли. Он никогда не претендует на полное и завершённое знание всех сторон социальной реальности, не является готовым набором истин, которые осталось только повторять и применять. Это, к слову сказать, относится и ко всем остальным отраслям научного знания. Разве современная физика, химия или биология уже «решили» все проблемы живой и неживой природы?! Однако нельзя же «обогащать» физику и химию магией и алхимией, а биологию — телеологией. В равной мере несостоятельны все попытки «обогащать» марксистско-ленинское обществоведение всевозможными идеологическими построениями буржуазно-либерального и ревизионистского толка.

Марксизм-ленинизм не может быть уподоблен ни открытому, ни закрытому хранилищу вечных истин. Скорее всего его можно сравнить с непрестанно растущим могучим деревом, у которого постоянно появляются новые ветви и которое с каждым годом становится выше и выше, открывая все новые и новые горизонты.

Великий Октябрь положил начало эпохе социализма в мировой истории. Величие нашей революции не только в том, что она пробудила к новой жизни «дремлющую Русь», народы, у которых «самодержавный русский гнет сжимал все лучшее за горло»

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 453.

(Есенин). Она действительно до основания потрясла мир, открыла эпоху его революционного обновления, дала мощный импульс всем отрядам международного рабочего движения, борьбе народов за социальный прогресс и национальное освобождение. С Октября 1917 года, самого крупного события XX столетия, ведется новое летоисчисление мировой цивилизации. История человечества вышла на магистральный путь перехода к социализму и коммунизму. Великий Октябрь и победа социалистической ориентации в ряде стран на разных континентах земного шара — это всемирно-историческое подтверждение правоты марксистско-ленинского учения.

Многие годы правые и «левые» ревизионисты извращают основные принципы марксизма-ленинизма, подменяя их то проповедью реформизма и буржуазного либерализма, то крикливыми лозунгами мелкобуржуазного авантюризма. Но мировое коммунистическое движение, верное знамени пролетарского интернационализма, решительно отбрасывает все ревизионистские измышления, твердо и последовательно руководствуется марксистско-ленинским учением, творчески развивая и конкретно применяя его в разнообразных условиях современной действительности. И в этом неиссякаемый источник неуязвимой жизнеспособности и великой действенной силы марксистско-ленинского учения при всех быстро изменяющихся обстоятельствах современного мира.

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» подчеркивается: «Исторический опыт мирового социализма обогатил сокровищницу марксизма-ленинизма новыми выводами и положениями, раздвинул горизонты революционной теории и практики. Он неопровержимо доказал всеобщую значимость основных законов социалистической революции и строительства нового общества, открытых марксистско-ленинской наукой и впервые воплотившихся в практике Октября, подтвердил необходимость творческого применения этих законов с учетом конкретных условий и особенностей отдельных стран».

Трудящиеся Советского Союза, претворяя в жизнь марксистско-ленинское учение, под руководством Коммунистической партии построили развитое социалистическое общество. Развитой социализм — высшее достижение социального прогресса в современную эпоху.

2. РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ — В ЦЕНТРЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВОВЕДОВ

В наше время, когда историческая инициатива в мировом развитии принадлежит социализму, неизмеримо возрастает взаимодействие между наукой об обществе и прогрессом общества. КПСС — партия творческого марксизма. Вся ее история — марксизм-ленинизм в действии. Это незыблемая верность его основным принципам и их постоянное новаторское развитие. Это возведение опыта исторического творчества народных масс на уровень высокой науки. Вехами в практической и теоретической работе нашей партии являются съезды КПСС, в документах которых коллективный опыт получает наиболее полное, глубокое, концентрированное выражение.

Событием поистине всемирно-исторического значения стал XXV съезд КПСС. Его материалы, прежде всего Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, имеют принципиальное значение для дальнейшего развития теории и практики нашей партии, мирового коммунистического движения, для понимания закономерностей и задач строительства коммунизма, сложнейших процессов мирового развития. Съезд отметил, что в последние годы немало сделано для разработки актуальных проблем марксизма-ленинизма. Нас, обществоведов, не могли не вдохновить слова Л. И. Брежнева о том, что серьезные достижения имеются в философской, экономической, исторической науках, в изучении социальных и политических проблем. Однако достигнутые успехи не дают ученым, работающим в области обществензнания, ни малейших оснований для самоуспокоенности. Съезд поставил перед нами огромные и ответственные задачи, остро и принципиально сориентировал ученых на повышение эффективности научного поиска, качества исследований.

Материалы съезда, исключительно емкие в теоретическом отношении,—убедительнейшая отповедь клеветническим измышлениям, будто марксистско-ленинская теоретическая мысль пребывает в состоянии стагнации, склероза и т. п.

XXV съезд КПСС включил в «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» специальный раздел о науке, где определены главные задачи в области общественных, естественных и технических наук,—задачи, от решения которых в наибольшей степени зависит успешное развитие экономики, культуры и самой науки. Перечень основных направлений научных исследований начинается с общественных наук. Из этого, конечно, не следует, что естественные и технические науки имеют меньшее значение. Но в век коренных революционных преобразований и строительства нового общества прежде всего встает вопрос: во имя чего и как наилучшим образом использовать достижения науки и техники, какие социальные цели могут и должны быть решены на основе соединения научно-технической революции с преимуществами социализма? Именно общественное знание призвано давать ответы на эти вопросы.

Перед общественными науками стоит важнейшая задача — развернуть исследование проблем, связанных в первую очередь со всесторонним развитием производства и управления им, разработать рекомендации, которые позволили бы существенно повысить его эффективность. Эти и другие направления в развитии общественных наук, непосредственно отвечающие интересам экономического прогресса страны, настоятельно требуют фундаментальных разработок в области теории научного коммунизма. И главные усилия общественников направлены сегодня на исследование закономерностей перехода от капитализма к социализму и коммунизму, теоретической проблематики развитого социалистического общества, формирования коммунистического мировоззрения, на изучение проблем мировой социалистической системы, социально-экономических, политических и идеологических процессов в капиталистическом мире и развивающихся странах.

Ныне к числу наиболее актуальных проблем марксизма-ленинизма относится фундаментальная разработка концепции развитого социализма. XXV съезд КПСС, во-первых, дал комплексную характеристику развитого социалистического общества в СССР, сформулировал задачи его совершенствования в экономической, социально-политической, духовной сферах общественной жизни; во-вторых, разработал экономическую стратегию развитого социализма, определив задачи на текущую пятилетку и на более долговременную перспективу. Наше общество ныне находится на такой стадии развития, когда общие, принципиальные соображения об этапах становления коммунистической формации необходимо наполнить конкретным содержанием, определить практические способы непосредственного перехода к высшей фазе. Среди этих вопросов первостепенное значение имеет выяснение путей создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественно-экономических отношений, развития общенародного государства, социалистического образа жизни. Словом, предстоит громадная научно-исследовательская работа.

Она тем более необходима, что в погоне за «новыми моделями» социализма порой объявляются устаревшими важнейшие положения марксизма-ленинизма о закономерностях социалистической революции и социалистического строительства. Исторической практикой уже испытаны различные подходы к проблемам социализма. Сама жизнь развенчала буржуазно-реформистские концепции «демократического», «гуманного», «рыночного» и прочих «социализмов». На протяжении многих лет лидеры социал-демократии поносили теорию социалистической революции, диктатуры пролетариата, обещая эволюционным путем превратить капитализм в социализм. Со времен печально знаменитого «казуса Мильерана» (1899) реформистские партии не раз получали в руки рычаги власти либо в той или иной форме были причастны к ней. Так, германские социал-демократы в XX веке 12 раз входили в состав правительства и 6 раз возглавляли их. В Англии лейбористы становились министрами 7 раз, а возглавляли кабинеты — 5. Во Франции социалисты участвовали в 17 правительствах и 6 раз были премьер-министрами. В Швеции они непрерывно находились у власти в течение сорока четырех лет... Но ни в одной стране, где реформисты стояли или сейчас находятся у власти, дело социализма не продвинулось ни на шаг. Всюду социал-демократы

оставляли в неприкосновенности устой капитализма. Бернард Шоу как-то остроумно заметил, что от лейбористов можно ждать социализма с тем же успехом, как яичницу от швейной машины.

Историей отвергнута и маоистская модель «казарменного коммунизма», нашедшая наиболее уродливое выражение в отрицании экономических законов социализма, в насаждении мелкобуржуазной уравниловки и военно-бюрократического режима, в разгуле шовинизма и гегемонизма во внешней политике.

Победа развитого социалистического общества в нашей стране и строительство его в братских странах — это результат творческого развития и последовательного претворения в жизнь марксистско-ленинских принципов социализма. Социализм не только необычайно ускоряет развитие производительных сил, но и творит новые, более высокие и передовые общественные отношения между людьми⁶ во всех сферах жизни.

Создание социалистической системы хозяйства в СССР коренным образом преобразило характер взаимоотношений людей в процессе общественного производства, навсегда покончило с антагонизмом классов, присущим эксплуататорскому строю, обеспечило формирование социально-классовой общности тружеников, общества творцов и созидателей, авангардной социальной силой которого был и остается рабочий класс.

С победой социализма сформировалась исторически новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ, общность, которой еще не знала мировая история.

Советский народ олицетворяет не только нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, но и теснейшее интернациональное единство всех социалистических наций и народностей, воплощает то общезначимое, общесоветское, что выработалось в их развитии на путях строительства социализма и коммунизма. На основе социального единства и движения общества к социальной однородности развивается тесное и плодотворное сотрудничество между всеми советскими нациями и народностями. Это отнюдь не приводит к стиранию национальной специфики и обезличиванию национальных характеров, а предполагает сближение наций именно через их расцвет и формирование общих черт социалистического образа жизни.

На современном этапе развитого социализма и коммунистического строительства поднялось на новую ступень социальное и интернациональное единство, монолитность советского народа как новой исторической общности, еще полнее раскрываются творческие возможности созидательной энергии народных масс, самое широкое развитие получило всенародное социалистическое соревнование за досрочное и качественное выполнение заданий десятой пятилетки, за достойную встречу юбилея Великого Октября.

Становление и укрепление экономической базы развитого социализма, совершенствование его социальной структуры и государственности послужили основой формирования и утверждения социалистического образа жизни. Теоретическая проблематика образа жизни сегодня выдвинулась на авансцену науки. Не утихают дискуссии, в которых участвуют представители чуть ли не всех отраслей гуманитарного знания. И это не случайно. Образ жизни, пожалуй, один из самых сложных социальных феноменов. Сегодня насчитывается около полусотни его определений. Но дело, разумеется, не в самой дефиниции, а в выработке плодотворного научного подхода. Некоторые авторы практически отождествляют образ жизни с экономическими, политическими, социальными условиями. Но при таком понимании снимается сама проблема формирования социалистического образа жизни. Другие определяют образ жизни как форму поведения, как систему жизнедеятельности людей, рассматривая объективные условия как внешнюю среду. Но в этом случае забывают, что сознание, поведение людей определяются условиями их жизни, а сами условия изменяются, преобразуются людьми. Учитывая эту диалектику, большинство ученых справедливо сходится на том, что образ жизни — совокупность форм жизнедеятельности людей в неразрывном единстве с условиями социальной действительности. Именно в этом направлении активизируется исследовательская работа.

Позволю себе в этой связи высказать некоторые суждения. Социалистический образ жизни возникает и формируется не по субъективному желанию людей, а на основе определенного общественного строя, а именно — победившего социализма. Не случайно проблема развития и упрочения советского образа жизни встала перед нами в полный рост тогда, когда страна вступила в историческую полосу зрелого социализма. Разумеется, элементы нового образа жизни начинают складываться со дня взятия пролетариатом государственной власти, утверждаясь в нелегкой борьбе с вековыми традициями буржуазного уклада. Формирование социалистического образа жизни предполагает два необходимых и взаимосвязанных условия. С одной стороны, создание социалистического способа производства и адекватного ему общественного уклада, с другой — воспитание нового человека, человека с высокими коммунистическими идеалами и соответствующими им коммунистическими делами.

Социалистический образ жизни открывает полный простор расцвету личности, гармоническому развитию всех сторон сознания, поведения, деятельности людей. Однако было бы наивно полагать, что в реальной действительности такая гармония сразу же полностью пронизывает все стороны жизни индивидов, коллективов, всего общества. Мы знаем, что в сознании, в поведении людей имеет место и неравномерность, возникают несоответствия и противоречия. Разве редки случаи, когда явно не стыкуются такие, скажем, вещи, как трудовая активность и высокие моральные качества, признание коммунистических идеалов и фактическое поведение и т. п.? XXV съезд КПСС потребовал комплексно ставить и решать задачи воспитания. Глубоко диалектическая идея комплексного подхода к воспитательной работе как раз и направлена своим острием на преодоление отмеченной неравномерности в развитии личности, в созревании различных сторон ее сознания и поведения. Единство идейного, нравственного и трудового воспитания есть стержневая линия формирования нового человека и дальнейшего утверждения социалистического образа жизни.

Достижение такого единства, бесспорно, предполагает и усиление борьбы против пережитков прошлого, против традиций и нравов, унаследованных от капитализма. Знаю, что не всем нравятся ссылки на «пережитки прошлого» или «пережитки капитализма». Нередко приходится слышать: «Как можно на шестидесятом году советской власти все еще говорить о пережитках капитализма!» Право же, мы не столь прямолинейны в анализе процессов духовной жизни. Те явления, которые мы называем пережитками прошлого, в нашей стране несут в себе черты не только старого, а лучше сказать — не столько старого. Они реальность нынешнего буржуазного общества. Да, капитализм исторически обречен. Да, капитализм — это мир прошлого, общества без будущего. Но будем же постоянно помнить и о том, что сегодня это живой, сильный и коварный враг растущего социалистического организма. Так что борьба с пережитками и рецидивами прошлого есть борьба против тех основных мировоззренческих, моральных, бытовых устоев, на которых зиждется современная буржуазная цивилизация.

А теперь по поводу содержания и конкретных проявлений пережитков. Где же все-таки их главный источник? Для нас не подлежит сомнению, что наиболее общим источником оказываются в конечном счете частнособственнические традиции. Воспитанные и укоренившиеся веками чувства и привычки частного собственника дают себя знать и при социализме — и после того, как частная собственность заменена общественной. Во всяком случае, хищения и взяточничество, спекуляция и воровство явно связаны с частнособственнической психологией и моралью. Очевидно и то, что различные проявления стяжательства, накопительства восходят к тому же первоисточнику. Быть может, не столь очевидна, но столь же несомненна связь с этими традициями такого буржуазного пережитка, каким является индивидуализм. Индивидуализм культивировался господствующими классами и в докапиталистических формациях, «заслуга» же капитализма состоит в том, что он довел этот культ хищнического эгоизма до предела. Индивидуализм противопоставляет отдельного человека обществу, подрывает принцип коллективности, разъедает сознание общественного долга. Индивидуализм тем самым калечит человека, сужает круг его мыслей и интересов, ограничивает жизнедеятельность рамками обособленного существования, превращает его в самолюбивую и самоизолирующуюся особь.

Не могу, кстати говоря, не обратить внимание читателя на то обстоятельство, что черты индивидуализма сравнительно чаще проявляются у людей, труд которых носит по преимуществу обособленный характер. Это видно на отдельных примерах деятельности в области науки, литературы и искусства, где порой могут проявляться и укореняться индивидуалистические качества и привычки. Я, разумеется, далек от мысли, что сама по себе творческая деятельность литераторов или, скажем, ученых фатально ведет к развитию таких черт, что это некое общее правило. Напротив, понимание бесконечно высокой общественной значимости и ответственности художественного и научного творчества неразрывно связывает деятеля культуры, ученого с народом, с жизнью, и именно такая связь дает мастерам литературы и искусства, ученым творческие силы и вдохновение. В условиях социализма именно эта особенность труда творческой интеллигенции проявляется с исключительной яркостью и носит всеобщий характер. Но и у нас в этой сфере (а чаще около нее) подвизаются отдельные субъекты, ставящие себя вне общества и хуже того — над ним. Непомерная, даже болезненная амбициозность и, я бы сказал, патологическое самомнение этих людей есть не что иное, как крайнее проявление индивидуализма. Те, кто одержим манией величия, возомнили себя новоявленными гениями и претендуют на особое положение в обществе, но, не получая ни привилегий, ни какого-либо удовлетворения своих притязаний, неизбежно вступают в конфликт с самим обществом, скрытый или открытый, молчаливый или крикливый. А в последний его превращает буржуазная пропаганда. Вот где сходятся дорожки «своих инакомыслящих» и «чужих инакоживущих», но тех и других одинаково действующих. Вот так зоологический индивидуализм смыкается с бешеным антисоветизмом и антикоммунизмом. Грязная возня с так называемыми диссидентами возводится предводителями буржуазии, и прежде всего в США, на уровень государственной политики. А эти «выходцы с того света», эти «отцы русской демократии», как бы спорхнувшие со страниц «Двенадцати стульев» и подхваченные мутными волнами буржуазной пропаганды, жаждут такой рекламы, как наркоманы — допинга. Развенчание заскорузлого индивидуализма, барского эгоизма — один из важных участков нашей идеологической работы.

Ясно для нас и то, что в психологии и традициях частного собственника, в его вековых привычках коренится и источник шумно рекламируемого на Западе плюрализма. Показательна прежде всего логическая цепочка этих рассуждений. Буржуазными идеологами поется гимн во славу «множественности» политических идеологий, политических партий и течений, «разделения властей». А отсюда откровенная защита разделения, плюрализма собственности. Как же тут не ополчиться против принципа коллективной собственности, против обобществления средств производства, если частная собственность без обиняков провозглашается основой плюралистического мировоззрения?!

Мы знаем, что многопартийность в буржуазном обществе является естественным выражением его раскола на различные, в том числе враждующие, классы и социальные группы. Этому соответствует и плюрализм в идеологии. Марксизм-ленинизм — идеология определенного класса, а именно рабочего класса, самого революционного, самого организованного, самого передового класса. И она есть единая идеология, которая не может быть разделена по географическому, расовому или национальному признаку.

Индивидуализм и по своему происхождению и по своему существу — враг интернационализма. А в итоге — и национальных интересов. 5 января 1918 года Александр Блок записал в дневнике: «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чувствовать силы национальной».

Веками частная собственность раскалывала общество на антагонистические классы, на господствующие и угнетенные нации, порождала и питала расизм, шовинизм, национальную ненависть и вражду. Империализм обострил до предела классовые и международные противоречия капиталистической системы, обрушил на человечество бедствия двух мировых войн и бесчисленного множества локальных войн. Социализм, основанный на общественной собственности, покончил с этими недостойными человека социальными пороками, утвердил новые отношения между людьми и между нациями. В этом великое значение социализма в историческом прогрессе человечества.

В теории социализма, в идеологии пролетарского интернационализма заложено понимание единства, братской дружбы, сотрудничества народов, живущих как в пределах одного государства, так и международной солидарности трудящихся, мирных отношений между нациями разных государств. Замечательно глубокое обоснование этого единства дал Владимир Ильич Ленин. «Наш опыт,— говорил он,— создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасность каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на различных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»⁵.

Мир и дружба между народами относятся к самым справедливым и высоконравственным принципам прогрессивного человечества. И это не обособленные, а органически взаимосвязанные, взаимообуславливающие принципы. Согласно марксистско-ленинскому учению, подтвержденному практикой реального социализма, дружба народов — это в то же время мир и сотрудничество между народами. Исторической практикой доказано, что именно социальное единство, дружба народов Советской страны придают огромный вес, высокий авторитет и могучую силу нашей миролюбивой внешней политике.

Интернационализм осуществляется у нас в повседневной действительности, в сознательном труде и быте советских людей. Дружба народов стала важнейшим принципом социалистического образа жизни, утвердившегося в нашем обществе.

Осуществление принципов интернационализма в нашей стране стало прообразом международных социалистических отношений. Важнейшей чертой современного мирового развития является неуклонное укрепление могущества и единства стран социалистического содружества, постоянный рост их политического авторитета на мировой арене. Между этими миролюбивыми государствами установились новые, невиданные ранее в истории экономические и политические отношения, основанные на социально-экономической и политической общности, единстве классовых целей. Эта неразрывная связь, базирующаяся на принципах интернационализма, на идеях мира и дружбы, предусматривает полное равноправие, взаимное уважение, независимость и суверенитет, братскую взаимопомощь и всестороннее сотрудничество. За короткий срок большинство стран социалистического содружества, находившихся в прошлом на невысоком экономическом уровне, создало современную развитую индустрию и добилось значительного повышения жизненного уровня народа. Вместе с расцветом каждого социалистического государства, укреплением его суверенитета все теснее становится взаимосвязь их политики, экономики, социальной жизни, происходит постепенное сближение уровней их развития. Этот процесс стал ныне объективной закономерностью.

Суверенитет социалистических государств и нерушимое единство их — такова диалектическая постановка вопроса о соотношении национального и интернационального в мировой системе социализма. Формы интернациональных связей могут быть различны, они изменяются в зависимости от конкретных условий, места и времени, но сохраняется их суть — действенная международная солидарность в борьбе против империализма, в защиту мира и реального социализма.

КПСС на основе ленинских идей впервые осуществила на практике подлинно справедливые отношения между людьми и социалистическими нациями — отношения равноправия, сотрудничества и взаимопомощи. Выравнивание уровней экономического и культурного развития отсталых ранее национальных окраин, достижение фактического равенства наций на протяжении жизни одного поколения, утверждение нового типа международных отношений — это яркое выражение исторически прогрессивной сущности социализма, замечательное проявление социалистического демократизма и гуманизма.

---

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 240.

И естественно, что принятие новой Конституции на внеочередной сессии Верховного Совета СССР было с глубоким удовлетворением и горячим одобрением воспринято советскими людьми и вызвало широкий отклик во всем мире. Л. И. Брежнев назвал принятие новой Конституции СССР «еще одним историческим вкладом нашей ленинской партии, всего советского народа в великое дело строительства коммунизма и вместе с тем — в интернациональное дело борьбы трудящихся всего мира за свободу, за прогресс человечества, за прочный мир на земле».

3. СТРАТЕГИЯ НАУЧНОГО ПОИСКА

В свете решений XXV съезда КПСС вся организация научных исследований должна быть поднята на качественно новый уровень. Реальный научный потенциал общества в наши дни определяется не только субъективными предпосылками научного творчества, наличием соответствующих кадров научных работников, степенью их подготовленности, талантливости и т. д., но и объективной структурой организации и управления научным поиском. Именно поэтому партия уделяет такое огромное внимание проблемам организации и координации научных исследований. Именно поэтому она дала столь высокую оценку, прозвучавшую в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, в его речи на торжественном заседании, посвященном двухсотпятидесятилетию Академии наук СССР, главному штабу нашей науки, которым по праву является академия. Признанием заслуг Академии наук СССР, выражением тех высоких требований, которые современный уровень развития нашего общества предъявляет к организации научно-исследовательского процесса, стало указание съезда на необходимость поднять ее роль как центра теоретических исследований, координатора всей научной работы в стране.

Требование номер один, которое съезд поставил перед общественными науками, — это укрепление их связи с жизнью, с практикой, преодоление схоластического теоретизирования. Нам не нужны всякого рода абстрактные и бесплодные дискуссии. Нас не может удовлетворить псевдонаучная гимнастика ума. Наука призвана решать жизненно важные вопросы. Только связь с практикой, доведение исследований до практических результатов и столь же компетентных, сколь и конкретных рекомендаций могут возвысить авторитет и, что самое существенное, поднять эффективность науки. Успешное развитие марксистско-ленинского общественнознания может идти лишь по этой дороге. Почему вопрос поставлен так круто? Не потому только, что умозрительные декламации уносят впустую деньги, силы, время. А потому прежде всего, что сама разработка важнейших общетеоретических проблем в противном случае топчется на месте. И проигрывает в конечном счете сама наука, не получающая реального прироста знаний.

У некоторых наших обществоведов еще встречается неверное понимание того, как соотносятся между собой критерии практической и теоретической весомости научных проблем. Иногда «практичность» проблемы сводится лишь к ее сугубо прикладным целям. Отсюда возникают две крайности, две в равной степени ошибочные позиции. Первая — когда настаивают, чтобы развивались лишь прикладные исследования, поскольку те только они обладают практической значимостью, а вторая — когда им противопоставляют фундаментальные исследования, критерием которых выставляется их научная полезность, «несмотря на» отсутствие практической значимости.

На деле соотношение этих критериев намного сложнее, диалектичнее. Я бы даже сказал — гармоничнее. Фундаментальные исследования — это, как известно, разработка крупных научных проблем, связанных с познанием закономерностей развития природы и общества. И они не противостоят, а способствуют решению практических задач. Результаты таких исследований содействуют решению назревших проблем строительства материально-технической базы коммунизма, ускорению научно-технического прогресса и росту эффективности производства, повышению благосостояния и культуры народа, формированию коммунистического мировоззрения. Я хотел бы особо оттенить ту мысль, что между критериями теоретической и практической значимости научных проблем нет сколько-нибудь серьезных расхождений, а тем более противоречий. Л. И. Брежнев с высокой трибуны партийного съезда напомнил нам принципиальной значимости истину:

«Нет ничего более практичного, чем хорошая теория». Но как добывается эта хорошая теория? На каких путях? Для общественной теории непременным условием ее плодотворного развития является осознание жизненной необходимости поднимаемых ею проблем. Это значит, что полученные или ожидаемые результаты призваны существенно обогатить методологическую, мировоззренческую основу повседневной реальной материальной и духовной деятельности людей.

От фундаментальных исследований, от, так сказать, «верхних этажей» науки мы ждем новых всеобъемлющих идей и выводов не только сиюминутного, злободневного, но и главным образом перспективного звучания. Я убежден, что пока мы, ученые, не видим жизненной, практической отдачи наших теоретических рассуждений, мы остаемся слепцами в самой теории, не видим путей ее продвижения вперед, а потому рискуем встать на путь словесной эквилибристики. Встречаются и такого рода изыскания, где к реальности обращаются лишь в иллюстративных целях. Это, прямо скажем, научные пустоцветы. Реальность не иллюстративный орнамент науки, а ее движущая сила, та пружина, которая только и может подтолкнуть исследовательскую мысль к постановке и решению новых проблем. Если ученый хочет, как паук, вытянуть нить теоретического рассуждения из самого себя, он неизбежно терпит неудачу. Партия, требуя неразрывной связи теории с практикой, ставит заслон именно «паукообразному» обращению с наукой.

До сих пор мы нередко сталкиваемся с теми или иными попытками свернуть на путь схоластических дискуссий — например, по таким вопросам, что такое бытие, что такое сознание, что такое товар, что такое стоимость и прочее. По подобным вопросам можно дискутировать, как говорится, до второго пришествия. Кому же не ясно, что дискуссии названного образца стимулируются не потребностями жизни, не интересами практики, а тем, что отдельным авторам просто нечего конкретно сказать о жизненных делах. Вот они и пробавляются абстрактной рефлексией. Ленин любил повторять слова Гёте: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни». Было бы крайней нелепостью отрицать или хотя бы на йоту принижать важность для науки абстрактных формулировок и выводов, фиксирующих наиболее общие стороны реальности. Но при этом не следует забывать и о том, что такие формулы обладают теоретической значимостью лишь постольку, поскольку они произрастают на зеленом дереве жизни. Таким образом, ныне перед нами во весь рост встала практическая задача эффективной организации теоретических исследований. Это ключевая задача всего неохватного фронта обществоведческой работы.

Составной частью проводимых мероприятий по повышению эффективности и качества научных исследований становится совершенствование их планирования, в частности широкое внедрение в практику программно-целевого метода. Усилия научных учреждений направляются на разработку и организацию крупных исследовательских программ, базирующихся на фундаментальных исследованиях и имеющих важное практическое значение. В качестве первоочередных намечены следующие восемь программ:

исследование основных экономических и социальных проблем развитого социалистического общества и закономерностей его перерастания в коммунистическое общество;

разработка теории и методов планирования и управления экономикой и условиях развитого социализма;

региональная экономика и перспективы регионального социально-экономического развития СССР на период до 2000 года; формирование и развитие крупных народнохозяйственных комплексов;

социально-экономические проблемы демографии и воспроизводства населения и трудовых ресурсов;

развитие культуры и проблемы воспитания в зрелом социалистическом обществе; закономерности развития мирового социалистического хозяйства, проблемы социалистической экономической интеграции, расширения и углубления долгосрочных экономических связей с социалистическими странами;

исследование экономики основных капиталистических и развивающихся стран; проблемы внешнеэкономических связей СССР с капиталистическими и развивающимися

странами; новые явления в международных отношениях и анализ внешней политики основных капиталистических государств;

развитие международного рабочего движения и мирового революционного процесса.

Обществоведы принимают активное участие в разработке социально-экономических сторон общегосударственных комплексных программ. Идет ли речь об энергетике или о сельском хозяйстве, машиностроении или химизации — во всех этих комплексных программах громадное значение имеют экономические, социальные, идеологические аспекты, то есть те аспекты, которые «приписаны» к нашему «ведомству». Объем работы обществоведческих институтов в этом направлении в дальнейшем значительно возрастет. А главное, изменится ее характер, которому нужно придать большую основательность, фундаментальность. Будет, как известно, продолжена разработка перспективы развития народного хозяйства до 1990 года, в частности Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий, которой совместно с другими организациями занималась Академия наук СССР (в том числе и наши обществоведы, прежде всего экономисты).

Особо следует остановиться на некоторых совсем слабо освоенных проблемах. О них говорилось на XXV съезде, и они требуют самого пристального внимания, концентрации всех наших усилий. Это, во-первых, проблема демографии и трудовых ресурсов. Неравномерный рост народонаселения и трудовых ресурсов в мире, а также в нашей стране создает далеко не простые социальные коллизии, выдвигает сложные научные и практические задачи. За последние десятилетия в странах Азии, Африки и Латинской Америки в результате сокращения эпидемических заболеваний и увеличения средней продолжительности жизни при сохранении высокой рождаемости среднегодовые темпы роста населения поднялись с 1 до 2,3 процента, то есть более чем удвоились. За двадцать лет, с 1950 по 1970 год, численность населения в этих странах выросла примерно на 900 миллионов жителей (80 процентов мирового прироста). По прогнозу ООН, в последующие тридцать лет, с 1970 по 2000 год, численность населения здесь увеличится почти вдвое, с 2,5 миллиарда до 4,9 миллиарда человек. А уровень развития экономики в этих бывших колониях и зависимых странах остается низким. Поскольку в промышленно развитых странах темпы роста населения сейчас стабильны (примерно 0,9 процента в год), доля жителей менее развитых регионов во всем населении Земли повысится с 60 процентов в 1950 году и 70 процентов в 1970 году до 80 процентов к концу века. В связи с этим резко усложняется решение продовольственной проблемы, которая и в настоящее время стала весьма острой в этой части мира. Все более угрожающие размеры там приобретает безработица. По данным Международной организации труда, ее уровень составляет около 25 процентов, а к 1980 году поднимется до 30 процентов.

В бедственном состоянии в таких регионах оказывается и народное образование. Количеств неграмотных в мире растет и достигает уже миллиарда человек.

На этой почве активизируются проповедники мальтузианских теорий, а также всякого рода буржуазные организации, навязывающие развивающимся странам свои рецепты и свою «помощь» в решении демографических проблем. Острые социально-экономические проблемы, вызванные быстрым ростом населения, используются маоистами и прочими мелкобуржуазными авантюристами для проповеди тезиса о разделении мира на «богатые» и «бедные» страны. Все это требует глубокого и конкретного анализа демографической ситуации в различных регионах мира, последовательного разоблачения антинаучных концепций народонаселения и выработки научно обоснованной демографической политики.

Во-вторых, это многоаспектная проблематика окружающей среды. Социалистическая революция впервые победила в России, экономика которой сильно отставала от уровня, достигнутого развитыми капиталистическими странами. И поэтому необходимо было срочно наверстывать упущенное, ускоренными темпами развивать экономику, и прежде всего тяжелую промышленность — основу индустриализации и технического прогресса. В этих условиях, конечно, проблемы охраны природы еще не могли стоять на первом плане и промышленность во многом развивалась без учета этой детерминанты. Но как только социалистическое общество укрепилось и прочно встало на ноги, пробле-

мы упорядочения отношений между обществом и природой стали одним из ведущих направлений государственной политики и общественной деятельности. Здесь проявилась истинная природа социализма — строя, который живет не только потребностями сегодняшнего дня, а реализует далекойдущие социальные цели, заботится о будущем народа. Забота эта выражается и в политике охраны природной среды и рационального использования ее ресурсов, которую последовательно проводит наше государство. Достаточно сказать, что в десятой пятилетке на цели сохранения окружающей среды в государственном бюджете ассигновано 11 миллиардов рублей. Социализм как общественный строй утверждает в качестве одной из своих важнейших социальных ценностей гармонию между обществом и природой, преобразованной в интересах человека.

Конечно, советские обществоведы и раньше затрагивали гуманитарные аспекты проблемы окружающей среды, социально-философские, экономические, правовые и иные стороны современной экологической ситуации. И все же в этом направлении исследований нам следует признать свое отставание и объединенными усилиями ученых различного профиля (и не только обществоведов) существенно продвинуть разработку экологических вопросов.

Заметьте, что названные проблемы по сути своей являются комплексными. Вообще комплексность — один из ведущих методологических и организационных принципов развития современных научных исследований. И вызван он к жизни не нашими благими субъективными пожеланиями и добрыми порывами, а объективным характером решаемых наукой проблем. Вот почему постоянное совершенствование форм, методов, путей проведения комплексных изысканий — наша первейшая забота, одно из решающих слабых мест всей стратегии научного поиска.

Хочу подчеркнуть, что проблема комплексности не есть нечто однажды возникшее и застывшее в своей первоначальной форме. Развитие научных знаний открывает и выдвигает на передний план все новые и новые ее грани. Эффективность научных исследований ныне в значительной степени зависит от тесного взаимодействия естественных, технических и социальных наук. Единство этих трех главных ветвей современного научного знания обусловлено комплексным характером тех проблем, решение которых ставится в порядок дня потребностями общественного развития. Так что нужно добиваться еще более прочного союза «физиков» и «лириков» в науке. Иначе невозможно комплексно решать задачи научно-технического прогресса, развития и рационального размещения производительных сил, благоустройства городов и строительства больших промышленных комплексов, создания оптимальных условий для труда и быта советских людей.

Научно-техническая революция необычайно способствует интенсивному сближению естественных и социальных наук, развитию междисциплинарных связей между ними. Можно сказать, что и в данном случае именно на стыках наук следует ожидать существенных открытий, которые могут быть получены в ближайшие годы на путях синтеза естественнонаучного и гуманитарного познания.

Сейчас координация научных исследований осуществляется в основном внутри отдельных отраслей знания. Необходимо также перейти к координации между науками. Координационные функции Академии наук заключаются не в регистрации бесчисленного множества тем, которыми занято свыше миллиона ученых, а прежде всего в разработке крупных исследовательских программ силами научных учреждений различного профиля.

4. НТР И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

У меня сохранилась давнишняя выписка из «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова: «Техника в руках капитализма — это нож в руках сумасшедшего». Слова эти с полным правом можно было бы поставить эпиграфом ко многим современным научным исследованиям проблем НТР. И еще одно литературное отступление. Когда знакомишься с многочисленными западными «антиутопиями», вновь и вновь описывающими те опасности, которые несет человечеству грядущая машинная цивилизация, невольно вспоминается, что еще свыше семидесяти лет назад канадский писатель-юморист Стивен Ликок в рассказе «Человек в одежде из асбеста» нарисовал, пожалуй, наиболее

выразительную картину саморазрушения цивилизации и вырождения человеческих начал в «усовершенствованном» мире будущего. Рассказ имеет подзаголовок «Аллегория будущего». Свои футурологические видения автор облек в пародийную форму. Просыпающийся в далеком будущем герой его рассказа обнаруживает, что он сидит в большой, запущенной и мрачной комнате рядом с человеком, одежда которого «напоминает серый пепел бумаги, которая сгорела, но сохранила свою форму». Незнакомец объясняет Ликоку, что его одежда из асбеста и что одного такого костюма хватает на несколько столетий.

Выйдя на Бродвей, путешественник в будущее поражается переменам, происшедшим с этой некогда оживленной магистралью, которая теперь заброшена и поросла мхом; на улице ни одного автомобиля, ни одного провода над головой, ни одного звука, напоминающего о жизни и движении, лишь изредка мимо медленно прохаживаются однообразные человеческие фигуры в той же одежде из асбеста и с теми же признаками неопределенного возраста.

Когда изумленный пришелец спрашивает у своего нового знакомого, чем же объяснить эту картину запустения, он узнает, что, оказывается, люди перестали работать («Машины убили весь труд»), давно уже отменили сами машины («Какой шум от них»). После изобретения химической пищи, позволяющей человеку обходиться одной таблеткой в течение года, отпала необходимость в изготовлении продуктов питания. Вслед за этим люди уничтожили всякие перемены погоды, повсюду уравнили климат, таким образом, исчез вопрос о топливе, жилище. Поэтому стало ненужным всякое передвижение. Во избежание несчастных случаев были запрещены трамваи, аэропланы и прочие средства транспорта. Ради спокойствия отказались от телефона («Как ужасно, любой человек мог позвонить вам в любое время»). Образование заменили простым вскрытием черепа и помещением туда заранее приготовленного мозга. Чтобы избавиться от бесконечного плача маленьких детей, «асбестосы» предпочли отказаться и от деторождения. В итоге наступило «однообразие безопасности и ужас нескончаемого упадка».

Рассказ примечателен критикой философии прагматизма, утилитаристского рационализма и узкого практицизма буржуа. Нарисованная юмористом картина «унылого существования, лишённого труда и забот», во многом превосходит нынешние «пророчества» о неизбежной якобы в будущем стандартизации духовной жизни, атрофии человеческой активности, деперсонализации личности и т. п.

Научно-технический прогресс, ныне ставший мощным рычагом повышения эффективности общественного производства, развития производительных сил социалистического общества, представляет собой сложнейший многоплановый процесс, затрагивающий самые различные стороны общественного организма. Поэтому разработка марксистской концепции научно-технической революции требует совместных усилий представителей многих отраслей обществоведения. Особую роль здесь должны сыграть исследования, развивающие и углубляющие диалектико-материалистическую философскую интерпретацию взаимосвязи и взаимодействия научно-технического и социального прогресса.

Научно-техническая революция, интегрируя различные начала, аспекты и факторы исторического процесса, стала своеобразным полем пересечения и активного взаимодействия философского, естественнонаучного, социального и гуманитарного знания.

Современная наука и техника дали в руки человека могущественнейшие силы. Не случайно теперь все чаще говорят о том, что масштабы воздействия человека на природу можно с полным основанием сопоставлять с геологическими силами. Небывало возросшие возможности созидания и, к сожалению, разрушения, таящиеся в достигнутом уровне научно-технического прогресса и его перспективах, заставляют не только писателей, ученых, политиков, но и массы простых людей размышлять и волноваться: кому и в каких целях служит и должна служить эта мощь? на благо людям или во зло? Поэтому ныне в числе важнейших социальных и одновременно гуманистических задач следует назвать, во-первых, задачу предвидения социальных, экономических и экологических последствий человеческой деятельности и, во-вторых, задачу овладения процессом научно-технического развития и сознательного контроля и управления этим процессом со стороны общества.

Опыт Советского Союза и других стран социалистического содружества свидетельствует о том, что управление процессами развития науки и техники возможно лишь на основе, с одной стороны, познания внутренних законов развития науки и техники, с другой — глубокого понимания связи научно-технического и социального прогресса. Только при условии комплексного, подлинно синтетического подхода к оценке научно-технической революции в неразрывной связи с коренными социальными процессами можно верно определить ее сущность и историческое значение.

Главная особенность марксистско-ленинского понимания НТР состоит в признании закономерности, что революции в духовном и материальном производстве соответствует социальная революция. Маркс и Энгельс, анализируя промышленную революцию XVIII—XIX веков, показали ее связи с социальными революциями, серия которых завершила становление капиталистического способа производства. Диалектика современной эпохи проявилась в том, что социалистическая революция в ряде стран предшествовала научно-технической революции, обеспечив тем самым необходимые социальные условия ее осуществления. В свою очередь, научно-техническая революция здесь служит средством развития и умножения достижений социальной революции. В других же странах, напротив, НТР предвещает социальную революцию, подготавливая ее материальные предпосылки и углубляя основное противоречие капитализма. Различия в порядке следования научно-технической и социальной революций представляют собой одно из конкретных выражений основного противоречия нашей эпохи, в этом проявляется многообразие исторического процесса в современную эпоху. Однако и в том и в другом случае научно-техническая революция выступает как неотъемлемая составная часть создания материальных предпосылок коммунистического общества. Революция производительных сил непосредственно подготавливает новую материально-техническую базу, адекватную коммунистическому способу производства. В этом проявляется неразрывное единство исторического процесса нашего времени. Марксистско-ленинская трактовка этого единства нашла конкретное выражение в известной формуле развития социалистического общества, поставившей задачу органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

Существо марксистской философской интерпретации НТР состоит в раскрытии не только ее воздействия на общество и человека, но и определяющего воздействия общества и человека на развитие НТР. Общество, человек при этом рассматриваются не только как объекты НТР, но и как ее субъекты, как ее творцы и движущая сила; процессы НТР характеризуются не только с точки зрения того, что претерпевает общество в результате протекания НТР, но и в плане того, что делает общество, человек для целенаправленного развития НТР. Более того, марксистский подход к процессам НТР заключается не в упоре на то, какие задачи ставит НТР перед обществом (такой акцент, по сути дела, отрывает НТР от общества, ставит ее над обществом как некую потустороннюю силу, собственно, к обществу не принадлежащую), а на то, какие задачи общество, его насущные потребности дальнейшего экономического, социального и духовного роста выдвигают перед наукой и техникой, обуславливая революционный характер их развития.

Само собой разумеется, что, раскрывая воздействие общества на развитие науки и техники, мы не можем исходить из представлений о некоем обществе вообще, взятом вне его конкретных социально-классовых характеристик. Социальная обусловленность научно-технического прогресса обнаруживается прежде всего в том, что формы этого прогресса, конкретные механизмы его стимулирования и последствия для человека определяются интересами господствующих в данном обществе классов, степенью совпадения этих интересов с интересами остальных слоев общества, с объективными потребностями общественного развития. Социализм впервые снимает те социальные ограничения, которые обуславливают противоречивый (с точки зрения последствий для человека) характер научно-технического прогресса, ставит достижения науки и техники на службу всему обществу. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, «только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество».

Многие зарубежные ученые старшего поколения по-прежнему считают, что наука является автономным институтом как в национальном, так и в международном масштабе, своего рода государством в государстве. Кое-кто на Западе даже ратует за полное размежевание науки и правительств во всех странах, за отделение науки от государства в том смысле, в каком церковь отделена от государства. Конечно, под влиянием реальной действительности такая точка зрения становится все более архаичной. Вместе с тем для многих современных буржуазных исследователей характерно упрощенное, метафизическое истолкование проблемы социальной обусловленности развития науки, при котором игнорируется сложная диалектика взаимодействия общества и науки. Эта позиция нашла свое отражение, в частности, в докладах некоторых представителей капиталистических стран на конференции ЮНЕСКО «Научно-техническая революция и общественные науки» (Прага, 1976). Например, из того факта, что уровень развития науки в СССР и США, по сути дела, одинаков, они делали неправомерный вывод о том, что направленность и формы проявления социальной детерминированности научного прогресса, роль государства в развитии науки в этих странах идентичны.

Но комплексный анализ проблем НТР показывает, что наука является продуктом социального развития не только в плане организационных форм своего существования, но и в плане своего содержания и в конечном счете даже теоретико-познавательных форм своего развития. В общем и целом та зависимость, та объективная закономерность, в соответствии с которой человечество переходит от уже решенных проблем научного познания к новым по своему содержанию (и в конечном счете по своим формам) проблемам, носит двойной характер. С одной стороны, она бывает внутренней, вызревающей в самом «организме» науки, а с другой — определяется и стимулируется процессами общественной практики. Развитие науки, таким образом, обуславливается не только уже имеющимся запасом научных знаний, но и теми целями, которые встают перед обществом.

Буржуазные концепции научно-технической революции при всех их различиях покоятся на ложном методологическом основании. И для «оптимистических» (представляющих прогресс науки и техники как универсальное средство для преодоления всех противоречий и излечения всех язв буржуазного общества) и для «пессимистических» (предвещающих неминуемую гибель человечества на пути технической цивилизации) разновидностей буржуазного осмысления научно-технической революции характерно принижение роли народных масс в историческом процессе вообще, роли трудящихся, «человеческого элемента» в производстве в частности. Общей чертой всех этих концепций стали преувеличение, абсолютизация значения науки и техники в общественном развитии, которые выступают в них как совершенно самостоятельный и притом решающий фактор современной истории, носящий «внечеловеческий» характер, стоящий над обществом.

Метафизический отрыв научно-технического прогресса от конкретно-исторических условий его осуществления приводит западных авторов к мнимой альтернативе: либо «прогресс науки и техники», либо «прогресс человека». Взгляды и «оптимистов» и «пессимистов» одинаково выражают беспомощность в решении новых социальных проблем, порождаемых и обостряемых научно-техническим бумом.

Научно-техническая революция невиданно поднимает меру социальной и моральной ответственности людей. Новые сложные проблемы НТР ставит, в частности, в понимании и развитии демократии. Использование новейших достижений науки и техники в управлении требует высокой специальной подготовки, растущей профессионализации. Активное участие трудящихся в управлении производством и всеми общественными делами, контроль партийных организаций над всеми сторонами деятельности управления, последовательное осуществление ленинского принципа демократического централизма — лучшее противоядие против бюрократизма и формализма, а также против имеющего порой место влияния чуждых нам технократических иллюзий. Что касается последних, то читатели не могли не заметить достаточно явные следы такого влияния в ходе полемики вокруг художественных произведений, обращенных к проблемам НТР. Я имею в виду прежде всего пьесу И. Дворецкого «Человек со стороны», да и не только ее одну.

Как я уже отмечал, НТР по-новому ставит сложнейшую задачу оптимального сочетания научно-технической и производственной деятельности общества с процессами, протекающими в биосфере. Это одна из причин того, что ныне в число наиболее значимых в теоретическом и практическом плане выдвинулась проблема взаимоотношения социального и биологического. Став в последнее время объектом многочисленных спекуляций социально-политического свойства, она оказалась в фокусе острой идейной борьбы. На Западе эта проблема обсуждается очень шумно, рекламно, сенсационно. Почему, спрашивается? Тут есть свои мотивы. По мере дальнейшего углубления общего кризиса капитализма резко усиливаются экономические потрясения, обостряются классовые антагонизмы и расовые конфликты, становятся неизбежными национальные столкновения в ряде государств, в огромных масштабах растут преступность и моральная деградация. И поэтому распространяются различного рода теории, которые призваны хоть как-то объяснить и оправдать эти кризисные ситуации. Этим целям и служат сенсационные биологизаторские концепции человека.

Справедливости ради должен сказать, что не избежали в свое время, к сожалению, изрядной толики такой сенсационности и некоторые наши издания. Читателям «Нового мира», вероятно, памятен спор о влиянии биологических факторов на моральное развитие человека и общества. Отдельные авторы утверждали, что высокие моральные принципы свойственны, собственно, и многим животным и, значит, как благородное, так и зловерное биологически предрешено. Конечно, логика такого рода выступлений могла бы повести к биологизации социальных явлений.

Прежде всего замечу, что попытки биологической интерпретации социальных явлений имеют более чем столетнюю историю. И за это время полностью выявилась их бесплодность в научном отношении, а тем более реакционность тех социально-политических выводов, которые из них делались. Марксисты всегда выражали к подобным попыткам резко отрицательное отношение.

Сейчас, в условиях обострения идеологической борьбы на мировой арене, «биологическое» истолкование социальных явлений все чаще применяется именно для подкрепления ложных социально-политических выводов, среди которых следует выделить тезис о якобы угрожающем росте противоречия между биологическим и социальным в человеке. Сторонники этого тезиса делают упор на то, что человеческий род переживает период бурного социального развития, в то время как биологическое начало остается более или менее неизменным. Социальный прогресс, рассуждают они, намного обгоняет биологическое развитие, и человек, все еще движимый животными инстинктами, не укладывается в современную социальную организацию. В век космических полетов, телевидения и голографии человек по своей биологической сущности остается-де столь же агрессивным, как и его далекий предок. Отсюда сторонники этой концепции делают вывод о неизбежности войн и всевозможных социальных потрясений.

В методологическом плане этот фатальный крен в сторону негативных прогнозов связан с преувеличением значения момента расщепления социального и биологического, в то время как важнейшая грань их связи и единства игнорируется. Между тем весь ход исторического развития показывает, что нарастание внутреннего единства между биологическим и социальным в действительности является более глубоким и определяющим, нежели момент их расхождения. Исторический прогресс на основе социалистической организации общества позволяет не только целиком гуманизировать общественные связи, но и оптимизировать взаимоотношения между обществом и природой, человеком и окружающей средой, учитывать и в возможных пределах сознательно регулировать взаимосвязь социального и биологического. Этот новейший этап развития человечества порождает реальную основу для более полного и глубокого опосредования биологического социальным.

Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что биологические свойства человека могут служить неодолимым препятствием для социального прогресса. Более того, социальный прогресс по мере своего развития оказывает преобразующее воздействие и на биологическое. Однако в западной литературе и сегодня продолжают в изобилии появляться различные теории примата биологического над социальным. При этом во многих случаях предлагаются слегка подновленные варианты уже

обанкротившихся, изживших себя концепций — социал-дарвинизма, евгеники, фрейдизма и прочих.

В 1972 году в Лондоне была опубликована книга А. Р. Дженсена «Генетика и воспитание», в которой возрождаются попытки доказать биологически (наследственно) предопределенную социально-классовую дифференциацию между людьми, а также генетически обусловленное различие интеллекта у белых и черных. Дженсен, в частности, пишет: «Нельзя считать неразумной гипотезу о том, что генетические факторы играют весьма важную роль в различиях между средними показателями интеллекта у белых и черных». Утверждая на основании научно не доказанных данных, что интеллектуальный уровень представителей классов, находящихся в «неблагоприятном социально-экономическом положении», ниже интеллектуального уровня привилегированных классов, Дженсен заявляет, что никакая система воспитания и педагогики не сможет исправить этого положения.

Вульгарно-биологизаторские идеи развивает и небезызвестный Г. Маркузе. В своей пансексуалистской теории он идет даже дальше З. Фрейда, считая, что все беды современной цивилизации происходят от «десексуализации» человеческого тела. На таком биологическом базисе он пытается разработать свой вариант так называемого гуманистического социализма. Маркузе обрел популярность среди левацких и анархистских кругов, которые выразили его воззрения в политическом лозунге, намалеванном в 1968 году на стенах Сорбонны: «Чем больше я занимаюсь любовью, тем больше я бунтую и тем еще больше хочу заниматься любовью». Это, конечно, крайний случай биологизаторства и политического анархизма, порождаемого попытками соединить марксизм с разного рода неофрейдистскими учениями.

Сейчас стало модным говорить о конвергенции биологических и социальных исследований, которая выступает прежде всего под названием «социальная биология», «социобиология» и т. д.

Под флагом конвергенции нередко, по существу, происходит подмена социологии биологией. Попытки такой подмены не имеют под собой научной основы и расходятся с коренными принципами научного метода, требующими конкретного исследования каждой специфической области явлений. Биологизаторство в общественных науках методологически глубоко ошибочно прежде всего потому, что не учитывает развивающуюся структуру материального мира и ее историческую дифференциацию. Проблема биологического и социального упирается в общефилософскую трактовку единства бытия и качественного своеобразия различных уровней, проявлений, сфер единого, целостного материального мира. Различные уровни, сферы бытия подчиняются всеобщим закономерностям, выражающим единство мира, и вместе с тем на каждом таком качественно своеобразном уровне бытия начинают действовать специфические закономерности. Таким образом, между разными сферами, уровнями действительности существуют сходство, преемственность, связь и в то же время качественное своеобразие, различие. Это всеобщее философское положение дает возможность понять, например, что роль физико-химических закономерностей исключительно велика в детерминации биологических явлений, хотя сама жизнь — принципиально новое явление, несводимое к физико-химическим процессам. Физика и химия необходимы, но недостаточны для познания жизни. Точно так же можно сказать, что физиологические, вообще биологические закономерности совершенно необходимо знать и учитывать для познания психических процессов. Однако психика, сознание, мышление — это качественно новые явления, детерминированные более сложными, специфическими закономерностями, несводимыми к физиологическим.

Биологическое и социальное при всей их взаимозависимости представляют собой разные сферы бытия, и в каждой из них действуют специфические закономерности. Отрицание качественного своеобразия явлений, уровней, сфер бытия столь же несостоятельно и столь же опасно, как и непонимание единства мира, взаимосвязей всех явлений, преемственности и взаимопереходов разных форм движения материи. Вне такой преемственности развитие мира в его единстве вообще невозможно.

Если же говорить о проблеме биологического и социального, то это означает, что необходимо в самой действительности найти тот реальный, конкретный способ взаимо-

действия биологического и социального, при котором они, во-первых, не отождествлялись бы друг с другом, а во-вторых, не отрывались бы друг от друга. Иначе говоря, надо раскрыть специфичность каждой из этих сфер бытия и вместе с тем преемственность, взаимосвязь, взаимопереход между ними.

Марксизм категорически отвергает биологизацию общественных явлений, потому что именно социальные закономерности в полной мере определяют «поведение» классов, наций и всех вообще социальных групп людей. Однако это не исключает необходимости исследовать соотношение биологического и социального в человеке как индивиду. И в данном вопросе не может быть возврата к каким-либо формам социал-дарвинизма и вообще всякого рода биологизма. Для нас стало азбучной истиной, что человек создается обществом, что он существо общественное, что социальные условия являются определяющими в его развитии, поведении и т. п. Но мы также и против упрощенных представлений о том, что нет никаких природных детерминаций существования человека. Человек есть общественное существо, но он вместе с тем и часть природы, он и биологическое существо.

Перед современной наукой стоит сложнейшая задача — учитывая все эти многообразные аспекты проблемы, раскрыть тот конкретный способ, или «механизм», взаимодействия биологического и социального, который обеспечивает, во-первых, специфичность, нетождественность и вместе с тем, во-вторых, преемственность, взаимосвязь обеих этих сфер бытия в развитии и поведении человека.

Марксистский тезис о том, что природа человека есть продукт истории, представляет собой единственно возможную философскую основу для преодоления обеих ошибочных крайностей в изучении проблемы биологического и социального. С одной стороны, не выдерживает критики «ультрасоциологическое», «социологизаторское» утверждение, будто человек есть лишь сгусток экономики или социума, начисто лишенный всего биологического, органического, вообще природного. С другой стороны, мы решительно отвергаем прямо противоположное, «биологизаторское» утверждение Фрейда, Лоренца и других о том, что в основе поведения человека (в частности, в основе его агрессивности) лежат животные влечения и инстинкты. На деле, по работам Маркса и данным современной науки, природное в человеке конечно есть и оно в какой-то мере определяет поведение человека, которое зависит, в частности, от его темперамента, природных способностей и возможностей. Это природное в человеке отнюдь не исчезает в ходе истории, однако оно существенно видоизменяется и развивается, принимает качественно иную форму в процессе антропогенеза и всего последующего социального прогресса человечества. И, следовательно, исторически формирующиеся человеческие потребности нельзя сводить к потребностям животных.

Против таких ненаучных и антигуманных воззрений мы решительно возражаем. Но было бы ошибкой, если бы, видя определяющее значение социальных условий, мы игнорировали биологические свойства человека и закрыли себе путь к исследованию биологии и генетики человека. Так, например, при анализе поведения личности нужен дифференцированный подход, учитывающий и социальные и биологические (вообще природные) условия, которые в неразрывном взаимодействии друг с другом определяют это поведение. В частности, при этом надо учитывать и природные задатки человека, так или иначе влияющие на развитие его способностей в процессе трудовой деятельности. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не утверждали, будто все люди равны по своим способностям. Марксизм понимает под равенством равенство социальное, а не биологическое, не равенство способностей.

Итак, в любом обществе ведущую роль в формировании взглядов, обычаев, нравов играют прежде всего социальные условия. Но если рассматривать отдельных индивидов одного и того же общества, одного и того же класса, одной и той же группы, то нельзя игнорировать и определенные биологические, психофизиологические и другие различия между людьми. Например, было бы просто нелепо искать корни преступности в биологических качествах, однако следует учитывать, что ряд факторов свидетельствует о необходимости принимать во внимание и некоторые из индивидуальных различий между людьми. Таким образом, если «поведение» классов, наций, общественных групп социально детерминировано, то в поведении отдельного человеческого индивида нужно учитывать сложнейшее взаимодействие социального и биологического.

По мере дальнейшего развития биологии (генетики, физиологии и т. д.), психологии, социологии и других смежных наук будут проводиться все более глубокие исследования самого механизма взаимодействия биологического и социального в человеке. В настоящее время все большее число наук и все более успешно включается в исследование проблемы человека — самой сложной, но вместе с тем и самой волнующей из всех научных проблем. Изучение ведется как средствами естествознания, так и методами общественных наук. Однако, признавая продуктивность такого сотрудничества, необходимо в методологическом плане со всей определенностью подчеркнуть ведущую роль социального в изучении человека. Об этом свидетельствует, в частности, и то обстоятельство, что дальнейшее развитие исследований в области биологии вообще и генетики в особенности в значительной степени зависит от решения ряда этических и юридических проблем. Здесь исключительно важны такие проблемы, как определение границы вмешательства в генетические структуры людей, характеристика социально-этических моментов при пересадке органов, при направленном воздействии на психические структуры человека и т. п.

Некоторые ученые выступают с предложением выделить особую комплексную науку о человеке. Но из попыток создания такой единой науки о человеке вряд ли может что-то получиться. Человек — сложнейшая проблема, и он изучается не какой-либо одной наукой, а целым комплексом наук (антропологией, генетикой, физиологией, психологией, социологией, этикой, эстетикой, этнографией и т. д.).

Конечно, сейчас очень сильно выражены тенденции к интеграции и дифференциации наук (в частности, наук, изучающих разные аспекты проблемы человека). Но любая интеграция знания — не слияние, не взаимное растворение наук, а их взаимодействие, взаимообогащение в интересах совместного решения комплексных проблем, каждая из которых рассматривается отдельной наукой в каком-то одном аспекте.

Именно такая кооперация разных «суверенных» наук в целях совместного исследования комплексной проблемы человека может дать плодотворные результаты.

5. ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА

Художественная литература всегда была могучим средством познания жизни и человеческих характеров, сферой активного поиска истины и действенным, по словам Горького, средством «воспитания правдой». Маркс и Энгельс, как известно, высоко ценили реалистический метод Шекспира и Бальзака за глубоко и всесторонне выраженную правду жизни, за умение создавать типические характеры в типических обстоятельствах. Энгельс потому и мог назвать Бальзака «доктором социальных наук», что даже в области познания экономики и социальных отношений буржуазного общества гениальный французский романист сумел дать значительно больше, чем буржуазные экономисты, социологи и историки его времени.

Опираясь на творчество корифеев мировой литературы, основоположники марксизма, совершившие подлинный переворот в развитии общественных наук, выработали также целостную эстетическую концепцию, которая дала ответы на многие коренные вопросы развития литературы в ее теснейшей связи с историей общественной мысли, социальной структурой и идеологией современного им общества.

Новый этап в осмыслении общественной роли литературы, ее взаимодействия с идеологией своего времени, с философией, социологией, другими гуманитарными науками открыли труды Ленина, который не только развил многие положения Маркса и Энгельса, но и создал стройную и последовательную систему воззрений на развитие литературы применительно к новой исторической эпохе.

Задача формирования всесторонне развитой личности, гармонического человека, о котором писал Карл Маркс, мечтавший о преобразовании мира «по законам красоты», ныне становится главной целью социалистической культуры, в том числе и художественной литературы. Решение этой важнейшей задачи возможно только при комплексном подходе, когда объединяются усилия всех общественстведов, а перед творцами художественных ценностей — писателями открываются широкие возможности плодотворного сотрудничества с философами, социологами, психологами, историками, представителями других гуманитарных наук. В настоящее время человек все больше становится центром

взаимодействия науки и искусства, науки и литературы, той ключевой проблемой общественного познания, от успешного решения которой зависит дальнейший прогресс в развитии социалистической культуры. Поэтому вполне закономерно усиление интереса писателей к вопросам философии, истории, социологии, этнографии, а у философов, историков, социологов, этнографов — к художественной литературе, к психологии творчества. Усиление этого взаимного притяжения объясняется, с одной стороны, возрастанием влияния мировоззренческих и методологических функций общественных наук в отношении искусства, а с другой — расширением обратного воздействия искусства на общественное сознание.

У нас есть все основания говорить о единстве научного и художественного познаний, которые не противостоят друг другу, а развиваются в общем направлении. Как в деятельности ученого-обществоведа, будь то философ, историк или психолог, так и в деятельности писателя объединяются две неразрывно связанные друг с другом стороны — познание и творчество. Литература — не замкнутая в себе имманентная структура, как это пытаются доказать некоторые буржуазные теоретики искусства, а теснейшим образом связана с общественной жизнью своей эпохи и отражает окружающий мир специфическими для этой формы познания средствами.

В новых условиях общественного развития зарождаются глубинные и прочные социальные связи между искусством и наукой, между творчеством писателя и общественными науками, с большой отчетливостью и полнотой вырисовываются их конечные задачи и цели, связанные с повышением ответственности за воспитание нового человека, его мировоззрения, нравственного облика. Процесс этого сближения, обусловленный новой системой социальных отношений, социалистической природой нашего государства, лишней раз опровергает доводы тех вульгаризаторов марксизма, которые обвиняют его в узости интересов, якобы ограниченных только социально-экономическими моментами.

Но особенно остро вопрос о плодотворном сотрудничестве, взаимодействии искусства и общественных наук стоит в наше время, когда первоочередной задачей становится умножение духовного и культурного богатства развитого социалистического общества, всестороннее воспитание творческой личности, о чем со всей определенностью сказано в решениях XXV съезда КПСС.

На путях последовательного сближения наций усиливается взаимное влияние и взаимопроникновение национальных культур, возрастают и укрепляются интернациональные черты в них, развивается общесоветская культура как общая культура всех социалистических наций.

Известно, что культура — важнейший элемент национального развития, своего рода форма самовыражения наций и народностей. Существует глубокая диалектика общего и особенного в развитии культуры. Развивающаяся общесоветская культура выступает как синтез национальных культур. Такой творческий синтез возможен в силу общности идейной основы национальных культур, базирующихся на социалистической идеологии — марксистско-ленинском учении.

Формированию и развитию новой исторической общности людей и общесоветской культуры способствует распространение языка межнационального общения, каким стал русский язык. Но подобно тому как общесоветская культура не поглощает и не умаляет национальных культур, а благоприятствует их расцвету, язык межнационального общения не снижает, а повышает роль национальных языков, расширяет их общественные функции.

Развитие общей социалистической культуры многонационального советского народа — качественно новый этап в культурном развитии человечества, крупный шаг к общечеловеческой культуре коммунизма.

Взаимное влияние наций в социалистическом обществе охватывает и формы быта, нормы повседневного поведения людей. Советский народ интегрирует, обогащает все лучшее, передовое, что вырабатывается всеми нациями и народностями, и в то же время распространяет эти достижения среди всего многонационального населения страны. В социалистическом обществе в целом происходит интернационализация образа жизни различных наций.

Естественно, что эти процессы привлекают пристальное внимание как обществоведов, так и писателей. Обществоведческие аспекты советской литературы постоянно раздвигаются, и, соответственно, все более широкими и универсальными становятся ее связи с другими формами общественного сознания и смежными научными дисциплинами. В этом отношении искусство социалистического реализма наследует и продолжает лучшие традиции великих русских классиков и выдающихся теоретиков реализма — революционных демократов, которые считали, что чем значительнее художественное произведение, тем вернее и глубже в нем выражен взгляд на социальные стороны бытия и тем больше оно помогает общественному сознанию освещать пути движения народной жизни, провидеть, по выражению Салтыкова-Щедрина, образ «будущего человека».

Идейные противники марксизма всячески стремятся ослабить действительную направленность творческого метода социалистического реализма и марксистской эстетики, утверждающей неотразимое воздействие правдивого искусства на умы и души людей. Они выступают против эстетической активности искусства, опирающегося на передовое мировоззрение, на марксистско-ленинскую философскую мысль. Отсюда их требования изолировать литературу от идеологии, выдвигание на место конкретных общественно-исторических задач вневременных, асоциальных, абстрактных тем и мифов, возведение непроходимой преграды между личностью и обществом.

Рассматривая распад человеческих связей как неустранимое зло в отношениях между людьми, буржуазные идеологи обрекают культуру и искусство на деградацию, что не в состоянии завуалировать ни экзистенциалистские, ни фрейдистские, ни неотомистские претензии на «величайшую силу ухода от действительности» и создание «универсальной» концепции личности.

В этой связи мне кажутся уместными некоторые соображения по поводу теории социалистического реализма. Теория социалистического реализма имеет довольно солидную историю — свыше сорока лет. Но огорчительно то, что до сих пор различные ее аспекты разработаны с недостаточной глубиной и основательностью, что часто порождает ненужные споры, полемику. Бывает, что иногда отвергают само понятие социалистического реализма или же крайне узко, впору сказать — убого, догматически толкуют его метод. И тогда он предстает пугающе строгим регламентатором процесса художественного творчества, требующим неукоснительного соблюдения неких нормативных эстетических предписаний. Создается впечатление, что подобные интерпретаторы метода социалистического реализма имеют дело не с живым, постоянно развивающимся и обогащающимся явлением социалистической культуры, а с сочиненной схемой.

Метод социалистического реализма отнюдь не искусственный набор жестких регламентаций, как порой пишут его противники. Это глубоко осмысленная система жизненных оценок, та идейная, нравственная позиция, с которой писатель рассматривает диалектику жизни, ее движение, ее настоящее, рожденное прошедшим, и грядущее, возникающее из настоящего. Метод социалистического реализма — метод революционного познания и освоения действительности в ее многогранных, неисчислимых состояниях и проявлениях.

Ограничивает ли, сковывает ли эта важная функция метода социалистического реализма эстетические границы искусства, противостоит ли метод социалистического реализма смелому новаторству, дерзким поискам, условным, аллегорическим, фантастическим формам? Разумеется, нет. Социалистический реализм как творческая эстетическая система предоставляет писателю широчайший простор для выбора средств художественного изображения, а не закрывает его кругозор непроницаемой изгородью, за которой нет пространства, свободы, движения. Верно, что главное в социалистическом реализме — это идейность, выражение революционного идеала, социалистических представлений о жизни, но он отнюдь не сводится только к этому. Метод социалистического реализма требует нерасторжимого единства двух начал — идейного, социального и эстетического, образительного. Социалистический реализм, творчески используя существовавшие дотоле художественные формы и традиции, критически переосмысливая и преобразуя их, создает новые эстетические формы, открывает невиданные в истории мировой литературы возможности познания и изменения жизни.

Литература социалистического реализма — литература новаторская как по своему социальному смыслу, так и по своим художественным достоинствам. Важно подчерк-

нуть и такой существенный момент: истинное произведение социалистического реализма — произведение талантливое, яркое в художественном отношении. Бесталанные, схематичные, умозрительно-иллюстративные поделки, сколько бы ни усердствовали их авторы в словесном отстаивании социалистического реализма, не могут быть причастными к его творческому духу. Талантливость, многогранность, масштабность, большая художественная ценность — один из решающих критериев и компонентов социалистического искусства. Если взглянуть на социалистический реализм с широких, непредубежденных позиций, если брать за основу суть явления и не цепляться за терминологические дефиниции, то мы вправе сказать: социалистический реализм — наиболее прогрессивное, революционное, новаторское, перспективное искусство современности, утверждающее великое духовное и нравственное значение революционной борьбы за социализм, человеческую привлекательность, красоту, непреходящую гуманистическую ценность социалистического общества. А это означает, что социалистический реализм несовместим с отступлениями от принципов социализма, с антиреалистическими тенденциями в искусстве. Нельзя забывать о том, что ревизионистские рассуждения о «реализме без берегов» направлены против идейных устоев социалистического искусства, против связи художественного творчества с теорией и практикой социализма. В этой связи нельзя не заметить, что безбрежное расширение и размывание критериев социалистического реализма отнюдь не в интересах реалистического искусства и познания живой действительности.

Одной из важных областей приложения усилий литературы и общественных наук является всестороннее и глубокое осмысление «дел и дней» нашего современника, внутреннего мира человека, диалектики его души. Социалистическое искусство вместе с другими видами общественного сознания участвует в грандиозном процессе рождения нового человека. Оно оказывает неизгладимое воздействие на внутренний мир личности, на духовный климат общества. Метод социалистического реализма ориентирует художников на глубокое и всестороннее познание и воспитание советских людей. И поэтому литература призвана решать свои ответственные задачи комплексными средствами, в неразрывном единстве ее идейных, социальных, нравственных и эстетических начал.

Плодотворные контакты и содружество общественных наук и литературы социалистического реализма основываются на обобщающей, синтезирующей природе художественности и материалистического мировоззрения. Искусство, как и материалистическая философия, обращается к реальной жизни, ко всей действительности, к человеку в целом, оно раскрывает историческое, социально-экономическое, политическое, нравственное содержание жизни общества, создает рельефный образ новой исторической общности людей — советского народа.

Процессы современной жизни, мир человека, его дела нельзя постичь без всестороннего учета самых разных сторон действительности, без широких обобщений и освоения духовных ценностей, накопленных нашим народом, без вовлечения в творческий арсенал писателя всего достигнутого в других областях знания, и прежде всего в области марксистско-ленинской философии.

Процесс дифференциации научных дисциплин, профессий и специальностей в условиях научно-технической революции — объективно существующая тенденция. Однако именно в силу этого закономерным и плодотворным оказывается и процесс интеграции знаний, объединения познавательных усилий, направленных на постижение объективных закономерностей жизни. И особенно значителен и плодотворен здесь союз творчества и науки, искусства социалистического реализма, марксистско-ленинской эстетики и марксистско-ленинской философии.

Теперь уже шестидесятилетний опыт развития советской литературы подтверждает ту несомненную истину, что глубокое знание писателем основных закономерностей общественного развития, социальной психологии общества — необходимое условие для полноценного и многогранного художественного отражения современной ему действительности. Вот почему писатель сегодня как никогда раньше не может в определенном смысле слова не быть философом, социологом, историком; с другой стороны, возрастающая роль «человеческого фактора» в области экономики, управления ставит перед общественными науками задачу всемерного учета социально-психологических, нравствен-

ных, эстетических, бытовых явлений, тенденций и потребностей людей. Как ученые-обществоведы, так и мастера художественного слова находят для себя ничем не заменимый материал в постоянно изменяющейся социальной действительности, в формировании нового типа материальной и духовной культуры общества. Определяющим здесь стал тот факт, что на арене всемирной истории в авангарде борьбы за мир и прогресс активно действует новый, советский человек. Его свершения, мировоззренческий и нравственно-психологический облик золотыми буквами вписаны в историю. И они по праву занимают достойное место в искусстве социалистического реализма.

Всемирно-исторический масштаб наших дел не может не диктовать советским писателям нового видения и осмысления жизни, не может не предъявлять новых требований к философской, исторической, социальной и эстетической функциям художественного слова. Когда писатель обращается, скажем, к производственной теме, он старается найти и раскрыть в современной действительности ту взаимосвязь экономических, политических, исторических, нравственных и психологических ее сторон и факторов, которая реально проявляется в сфере социалистического производства. Именно такое тесное переплетение сложных социальных тенденций и линий развития, единоплавленных в целом, но способных вступать в те или иные временные противоречия, отражаясь в столкновении человеческих интересов, стремлений, взглядов, и создает атмосферу особой взволнованности, ответственности за интересы производства, за порученное дело, которая характерна для действующих лиц таких пьес, как «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Сталеваары» Г. Бокарева или «Протокол одного заседания» А. Гельмана. Естественно, что зрители не остаются равнодушными к острой социальной проблематике этих произведений, они как бы сами участвуют в столкновениях и спорах на производственные темы, оживленно обсуждают затронутые авторами вопросы.

Очевидно и то, что в советской литературе сегодняшнего дня изображение рабочего класса, ведущей силы нашего общества, не может быть замкнуто рамками только собственно рабочей темы, ибо в нем, носителе самого передового мировоззрения, как в фокусе сходятся главные, магистральные линии современного общественного развития. За последние годы существенно изменился социальный и духовный облик советского рабочего. Ныне мы свидетели рождения нового типа трудящегося человека, которого не знала история и появление которого стало одним из высших достижений социализма, социалистического образа жизни. Будучи рабочим по профессии, он по уровню своего развития и образования, благодаря широте кругозора и культуре мало чем отличается от инженерно-технического персонала. Научно-технический прогресс приводит ко все возрастающей интеллектуализации труда рабочих, заметно сближает рабочий класс и интеллигенцию. Современная художественная литература, посвященная рабочей теме, поднимает важные вопросы, в равной степени интересные как для прозаиков, очеркистов, драматургов, так и для социологов, психологов, философов. Она предоставляет богатейший материал как обществоведам, так и художникам для изучения социалистического образа жизни, структуры рабочего класса, повышения его культурно-технического уровня, формирования нового типа руководителя и его взаимоотношений с коллективом и т. п.

Ярким свидетельством расширения сферы социального воздействия художественной литературы, укрепления ее творческих связей и контактов с производством, рабочим классом и трудовым крестьянством стал тот факт, что литературно-художественные журналы расширяют шефство над заводами, колхозами и стройками. Характеризуя это примечательное явление, Л. И. Брежнев с трибуны XXV съезда КПСС отмечал: «Идет живительный процесс обогащения искусства знанием жизни и, с другой стороны, дальнейшего приобщения многомиллионных масс трудящихся к ценностям культуры».

Поэтому широкий отклик ныне получают прежде всего такие произведения, читатели и зрители которых средствами искусства вовлекаются в духовную сопричастность историческому созиданию нового общества, новых социальных отношений. Это происходит, конечно, не только в тех случаях, когда интересы писателя сосредоточены на злободневных общественных проблемах, какие возникают и решаются в сфере социалистической экономики, непосредственно в области материального производства, но и вообще всегда, когда предметом глубокого художественного познания выступает человек в его связях с миром, с другими людьми. Понятно, что современный уровень образования

и культуры читателя, широта его интересов, знаний, умственного кругозора, высокая интенсивность его духовной жизни предъявляют искусству особые, повышенные требования и в тех случаях, когда оно обращается к нашей современности, и тогда, когда с достигнутых исторических высот оно стремится осмыслить наше прошлое, весь героический путь советского народа. Здесь в особенности сказывается потребность в углубленном историческом знании, каким должен быть вооружен писатель, стремящийся внести свой вклад в формирование и развитие самосознания общества.

Совместная задача обществоведов и художников слова состоит в том, чтобы содействовать утверждению в общественном мнении всего мира, в том числе и капиталистических стран, великого прогрессивного значения борьбы за социальный прогресс, за мирное сосуществование и упрочение разрядки, за взаимовыгодное международное сотрудничество в современную эпоху.

Наша программная цель — коммунистическое обновление мира. К этой цели мы шли в условиях осложнения международного положения и продолжаем идти в условиях разрядки. При этом мы, естественно, добиваемся того, чтобы проблемы социального прогресса решались в более благоприятной международной обстановке, ибо это в интересах коммунистического строительства, в интересах большинства человечества.

Мы знаем, что враги коммунистического обновления мира — агрессивные империалистические силы отнюдь не собираются добровольно уходить с исторической сцены. Поэтому шла и идет непримиримая идеологическая борьба между двумя лагерями, двумя враждебными силами — силами социального прогресса, обновления, с одной стороны, и силами реакции, с другой. В этой борьбе марксистско-ленинское обществоведение и реалистическое художественное творчество выполняют высокую и благородную миссию в качестве духовного оружия коммунизма.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

АНДРЕ РЕМАКЛЬ

★

ЛЕГЕНДА О КАМАЗЕ

Главы из книги

Книга французского писателя Андре Ремакля о КамАЗе подказана логикой всей его литературной жизни. Она началась в Марселе, где Ремакль, следуя по стопам отца, стал журналистом в буржуазной газете «Солей» («Солнце»).

Перелом в его сознании наступил в годы войны, когда, участвуя в движении Сопротивления, он вступил в Коммунистическую партию Франции. Тогда Ремакль и его товарищи — соратники в борьбе с фашизмом основали газету «Руж миди» («Красный юг», орган компартии Франции), которая после войны слилась с «Марсельезой», где он на долгие годы стал главным редактором.

Начинается серьезная литературная работа. Из-под пера Ремакля выходят романы «Летайте на «Каравеле» и «Улица Трех солнц», выдвигавшийся на Гонкуровскую премию. Оба они издаются в издательстве «Прогресс» под общим заголовком «Марсельские повести».

Особенно известен его роман «Время жить» (премия Полюист) — один из немногих в современной французской литературе романов о рабочем человеке. «Пишу о рабочих Франции», — гордо заявил писатель в своем интервью, которое дал, когда после перевода этого романа на русский язык впервые посетил нашу страну. «Сбылась моя давняя мечта», — признался он тогда. Москва. Ленинград и Одесса — город-побратим родного Марселя были этапами его первого путешествия по нашей стране, впечатления о котором Ремакль описал в пяти репортажах, опубликованных все в той же «Марсельезе».

А два года спустя, в 1976-м, писатель вновь приехал в Советский Союз собирать материал для книги — первой из серии «Свидетельства об СССР», задуманной издательством «Прогресс» для читателей за рубежом. Ее тема — КамАЗ, завод большегрузных автомобилей. Два с половиной месяца продолжался сбор материалов для предстоящей книги — постижение феномена КамАЗа, а через него постижение советской действительности, советского образа жизни.

Теперь книга написана. Она посвящена людям КамАЗа. Они и подказали писателю заглавие — «Легенда о КамАЗе». Издательство «Прогресс» приурочило ее выпуск на французском языке к празднику газеты «Юманите».

ЗАВОД ИЛИ ЗАВОДЫ?

И просто не знаешь, как правильнее говорить — завод или заводы, поскольку все 50 тысяч единиц технологического оборудования и станков от литейного цеха до сборочного служат одному: изготовлению грузовиков двух цветов — гранатового и голубого. И все же это заводы, поскольку у каждого своя особая роль, свои особые функции и своя дирекция.

Декорация меняется от завода к заводу, но все они в равной мере полностью оборудованы новейшей техникой на уровне мировых стандартов, поступившей с советских заводов, а также из двадцати разных стран.

* * *

Царство огня и пламени, пурпурных искр, расплавленной стали. Литейный завод состоит из 6 корпусов, 4 из которых главные — тут плавят чугун, сталь, цветной металл.

Литейный завод будет поставлять 550 тысяч тонн литья в год. 395 тысяч тонн чугунного литья будет вырабатываться ежегодно в 9 печах, выдающих плавку каждые пять минут; около 100 тысяч тонн стали будут плавить в соседнем корпусе.

Я присутствовал при начале процесса. Огромная пасть печи раскрывается, и рабочие лопатами на длинных ручках загружают ее минеральными добавками. В дальнейшем загрузка будет осуществляться автоматически. Дверца закрывается под треск искр, снопами поднимающихся над жерлом печи, образуя причудливые коралловые цветы или рубиновые листья, все новые, новые и разные.

Плавильная печь с электродугой, где температура достигает на выходе 1500 градусов, огромные резервуары вместимостью в 53 тонны, конвейеры, каждые две минуты транспортирующие 25 тонн металла, подвесной конвейер длиной в 28 километров, принимающий все горячие отливки и охлаждающий их для отправки на склад...

Вселенная пламени и дыма, плавки, литья, литейных форм с огромными трубами вдоль арматур — завод ничем не напоминает традиционную картину: обнаженные по пояс мужчины борются с огнем и металлом. Стены облицованы светлой керамической плиткой. Вентиляторы поддерживают температуру 20 градусов. Каждое рабочее место получает кондиционированный воздух. Свет горит одинаково ярко днем и ночью — литейное дело таит опасность.

Широко используется промышленная эстетика — разноцветная окраска способствует охране труда и борьбе с усталостью: голубой цвет успокаивает зрение, желтый указывает на опасные машины или проходы, серый означает электрифицированные механизмы, серебро смягчает жар печей. Кабины подъемных кранов оборудованы кондиционерами.

Здесь предусмотрена максимальная механизация — ни одна трудоемкая операция не выполняется и не будет выполняться вручную.

* * *

Здесь обрабатывают металлы. Но до чего изменились времена. Классическую картину — кузнец бьет молотом по раскаленному железу на наковальне — надо сдать в архив. Кузнец превратился в оператора агрегата, задача которого — наблюдать за технологическим процессом.

Металл поступает сюда со многих заводов Донбасса, Урала и на основе принципа замкнутого технологического процесса при предельной автоматизации и механизации труда превращается в формованную продукцию. И хотя производство тут не может быть полностью автоматизировано, а труд еще на 15—20 процентов ручной, тяжесть его значительно сокращена.

Между двумя тяжелыми зубчатыми колесами торчит острое раскаленной стальной болванки, подталкиваемой другими стальными болванками, тоже раскаленными докрасна. Конец ее утончается, чтобы стать штангой или прутком. Одна металлическая плоть непрерывно углубляется в другую металлическую плоть, разрезается, чтобы железным водопадом обрушиваться в корзину, собирающую изделия, которые после термообработки при температуре 1250 градусов поступают почти холодными.

Зрелище производит ошеломляющее впечатление. По всей длине 10 автоматических линий горячей штамповки металла автоматы бьют, куют, формируют. Производительность достигает 300 тысяч изделий горячей штамповки — примерно тысяча различных форм. Следует подчеркнуть: на заводе нет ни одного парового молота — исключительно механические прессы.

Удивляешься количеству и качеству оборудования, которое там и тут еще продолжают размещать и налаживать, как и на всех других заводах КамАЗа. Удивительна также практика взаимоотношений между социалистическими странами, какой не существует больше нигде. Так, штамповочные кузнечные прессы с установками электроковочного нагрева закуплены в Чехословакии еще до их испытания. Печи термической обработки изготовлены чехами по проектам советских специалистов. Станок, о котором я говорил выше, сделан в содружестве не-

мецкой, чешской и советской техники. Неавтоматизированная техника, введенная в автоматическую линию, например пресс-ножницы для разрезания металла, поступила от итальянского завода.

Кузнечный завод КамАЗа и его 5 корпусов площадью 4500 квадратных метров каждый — самая большая кузница в Европе, где слились воедино новейшие технологические приемы, механизация и автоматизация. Одно из следствий такой модернизации — значительное сокращение затрат в человеко-часах на тонну продукции, которые несравнимо ниже, чем где бы то ни было, — в пропорции один к трем.

В летние месяцы 1976 года кузнечный завод становился на рельсы своими самыми крупными в Европе автоматическими линиями, гигантским прессом в 12 тысяч тонн, поставленным ФРГ, подвесными конвейерами высочайшей точности, а также своими впечатляющими вентиляционными трубами — летом они очищают и увлажняют воздух, а зимой согревают. Я видел эту технику в действии, например небольшую счетную машину для учета изделий, поступающих на электрогрузчиках. Достаточно молодой женщине, сидящей в застекленной кабине, нажать кнопку, чтобы на контрольном экране возникла сумма. Одной рукой она нажимает кнопку ультрасовременного счетного устройства, другой отщелкивает косточки на деревянных счетах, этом счетном инструменте прошлого века.

Я задаю вопрос: зачем ей счеты? Она отвечает:

— Для подсчета тележек...

* * *

Голубая дорога подвесного конвейера кружит, кружит по всему корпусу прессово-рамного завода. Конвейер берет начало там, куда поступают готовые изделия, и кружит вместе с ними — с крупными и мелкими разрозненными деталями, причем некоторые напоминают форму будущего грузовика. Они кружат, чтобы остановиться у сваривающих прессов. И, продолжая исполнять воздушный балет, прибывают в цех покраски.

Шасси, мосты, кабины, рамы, станины, дно грузовика и другое — все необходимые части кузова и еще 130 наименований проходят по заводу, где их сплющивают, штампуют, просверливают, изгибают, разрезают, сваривают, красят... Прессы-гиганты из железа и стали, которые сплющивают, прессуют, вальцуют, изгибают, скручивают, закругляют, удлиняют, штампуют, производят огромное впечатление. Советские прессы-титаны мощностью в 4 тысячи тонн, японские прессы мощностью в 2 тысячи тонн и самые крупные, в 6 тысяч тонн, для штамповки рам, бельгийские прессы для штамповки деталей шасси, прессы ФРГ, прессы французские... Чтобы заставить эти гиганты работать, казалось бы, нужны Полифем и его циклопы, Гефест и его кузнецы, Кронос и его титаны. Но нет — ими управляет обыкновенный мужчина, а иногда молодая женщина, спрятавшая волосы под косынку.

Прессово-рамный завод связан со сборочным заводом надземными переходами, оборудованными конвейерами.

* * *

500 тысяч квадратных метров — такова площадь завода двигателей, состоящего из двух корпусов, важнейший из которых занимает 450 тысяч квадратных метров, тогда как второй корпус предназначен для гальванической и термической обработки. С достижением проектной мощности завод будет выпускать 250 тысяч двигателей в год, тысячу двигателей в сутки: 150 тысяч двигателей для грузовиков КамАЗа и 100 тысяч для новых трехосных машин Московского автомобильного завода, уральских грузовиков и городских автобусов. Километр двести метров — такова длина завода, где вытянулись в линии более двух тысяч станков, свыше 100 автоматических линий, конвейеры, доставляющие тяжелые детали, поточные линии, где происходит сборка.

На заводе, где летом 1976 года трудились тысячи рабочих, цехи производят впечатление почти безлюдных, поскольку большинство поточных линий автоматизировано и механизировано и процент ручного труда очень низок. Еще несколь-

ко лет — и на одном этом заводе будут выпускать больше дизельных моторов, чем, скажем, во всей Италии, моторов, соответствующих европейским стандартам, моторов, которые сэкономят советскому хозяйству 6 миллионов тонн горючего.

Строительство завода двигателей началось в 1971 году и заканчивается в предусмотренные сроки.

* * *

Все завершается на сборочном заводе. Все завершается в воздухе, на земле, в подземельях этого колоссального магазина одежды. На этом двухэтажном заводе моторы, мосты, кабины, рамы, колеса и прочее — это рубашки, брюки, ботинки, пиджаки, в которые обряжают грузовики. Машина сходит с конвейера, одетая с иголочки.

На крюке с тремя зубьями спускаются шестерни. Куда ни глянь, повсюду скачками движутся кабины, мосты, шасси. На своего рода рельсах едет все вперед и вперед перевернутое дно грузовика. За ним скользят моторы. Позади моста сверкают искры сварки.

По мере того как конвейер продвигается, рабочий или работница добавляют какую-нибудь деталь. В будущем некоторые слишком сложные или неприятные операции будут выполняться роботами.

Все цехи расположены вдоль конвейера, и каждый дает нужную деталь, чтобы поставить ее на желаемое место в желаемое время.

В зале счетно-вычислительных машин за пультом управления сидит специалист. Поразительные устройства сопрягают жест человека и жест автомата.

Скорость конвейера рассчитана таким образом, чтобы, насколько позволяет дело, быть по мерке человека. В Соединенных Штатах у Форда, в Швеции у Вольво конвейеры движутся в полтора раза быстрее. Автоматизация, говорили мне, нужна в разумных пределах. Это нравственная проблема. Трудящийся все больше ценит то, что делает сам. Это дает ему моральное удовлетворение.

В 1971 году на месте сборочного завода была голая земля. В феврале 1976 года выпущен первый грузовик. 16 июля 1976 года с конвейера сошел тысячный грузовик. В 1977-м началось серийное промышленное производство.

Когда будут функционировать две поточные линии длиной по 650 метров, когда производство достигнет проектной мощности, с помощью вспомогательных конвейеров длиной в 300 километров и 390 автоматических линий каждые три минуты с них будет сходить по грузовику, одетому во все новенькое.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА

Рим, Афины, Париж, Марсель, Лондон, Москва, Нью-Йорк поначалу были просто деревнями, которые росли век от века, долгое время оставаясь небольшими поселениями в тесных пределах укрепленных стен.

Итак, Набережные Челны.

В 1971 году на этой татарской равнине не было ничего. Ныне в городе Набережные Челны 250 тысяч человек занимают 2 500 тысяч квадратных метров жилой площади, а в дальнейшем, после слияния Старого города с Новым городом и застройки по берегу Камы, его население достигнет 500 тысяч человек. Связь между двумя городами, а в сущности, это один город, больше осуществляется по шоссе для грузового транспорта, нежели по прямой — проспекту имени Мусы Джалиля, еще плохо замощенному.

Выезд и въезд в Старый город осуществляется по дороге на двух уровнях. Совершив объезд километров в пятнадцать, въезжаешь в Новый город.

Движение повсюду сквозное, без светофоров, поскольку перекрестков нет. Для удобства пешеходов в Новом городе созданы подземные переходы — их число возрастает. Те, которые уже есть (сейчас движение транспорта более чем спойное), кажутся ненужными. Людей приходится обязывать пользоваться ими, приучая на будущее.

Новый город — город в перспективе, город-стройка, незавершенный и требующий завершения. Повсюду грязь — со строек и заносимая с еще не заасфальтированных дорог, грязь на еще не выложенных тротуарах и будущих площадях, особенно после дождя. Жителей это, похоже, не очень смущает, они словно в своей стихии — молодые женщины в выходных туфельках, работники, возвращающиеся с заводов или строительства домов, дети, излюбленная игра которых — жечь костры из деревянных и картонных ящиков, подобранных на стройках.

Татарский обычай снимать обувь у порога сочетает традиционную вежливость с пользой.

Город состоит из ряда маленьких кварталов — микрорайонов. Каждый образует обширный четырехугольник со своим центром, школой, яслями и детским садом. Он может существовать, так сказать, автономно благодаря различным службам быта, необходимым в повседневной жизни. На первом этаже некоторых домов расположены временные магазинчики для продажи хлеба, молочных продуктов, бакалеи и колбас.

Хотя жилые дома в целом похожи друг на друга, они имеют и свои особенности: дома, выдвинувшиеся вперед, чтобы разрезать ветер; очень длинные дома, прозванные «Китайская стена», или вдруг квадратная башня в шестнадцать этажей. Повсюду оставлены незастроенные площадки, пустыри, где со временем появятся зеленые насаждения.

У каждого микрорайона свой цвет — зеленый или красный — широких вертикальных полос на фасадах. Своеобразный вид придает ему и архитектурное разнообразие. Пяти- и девятиэтажные дома начала строительства города соседствуют со зданиями в десять, двенадцать, шестнадцать этажей. В самом большом из жилых домов свыше 800 квартир. Сейчас строится другой — на 967 квартир, при 27 подъездах. Улицы еще не имеют названий, и дома обозначены дробью: номер квартала дробь номер дома. Дом 7/18, 3/09...

Город находится еще в становлении. Дома отвечают требованиям первой необходимости. Отделка коридоров, лестниц далека от совершенства. Асфальт проложенных тротуаров уже повсюду растрескался и раскрошился. Суровая зима Татарии способствует таким разрушениям. Перед каждым домом оборудованы резервуары с водой, позволяющей смыть нашлапки грязи, прилепившиеся к подошвам. Повсюду стоят урны для бумаги, окурков, спичек — их не бросают куда попало.

Квартиры уютны, хотя плитуса зачастую плохо подогнаны, а в углах обоев местами отстают. Комнаты просторнее, чем в большинстве наших современных домов, с двойными рамами без жалюзи. В каждой квартире просторная кухня и ванная комната с душем и раковиной, балкон, очень часто треугольные лоджии длиной в три—шесть метров.

Отделка домов, строительство которых еще только завершается, лучше, приятнее, чем домов первой очереди. Подъезды украшены мелкой разноцветной мозаикой. Тенденция возводить фасады из кирпича уступает место другой — фасадам из стандартных железобетонных плит с облицовкой под строительный камень или из плиток с рельефом. Прогресс техники и прогресс строительного дела, создание двух домостроительных заводов (первый изготавливает блоки для пятиэтажных домов, второй для всех других) позволили достигнуть большой рационализации строительного дела.

Между заводом и городом пролегла санитарная оздоровительная полоса, минимальная ширина которой километр. Так, кузнечный завод находится от города в пяти километрах. Промышленная зона, расширяясь, не приближается к городу, а удаляется от него.

При взгляде с крыши одного из самых высоких домов, куда нас заставил взобраться молодой главный архитектор Ринат Насыров, лучший гид, о каком только можно было мечтать, просматривается будущий пейзаж города с переливами Камы и красным пятном факела у Нижнекамска, лесами, бегущими вдоль реки, и заводами на другом ее берегу.

Особое внимание уделяется превентивным мерам борьбы с загрязнением среды. Архитекторы ежемесячно докладывают о состоянии этой проблемы. Тщательно изучается микроклимат каждого района. Теплоцентральный удовлетворяет потребности города в горячей воде. Станции очистки воды и водозаборные сооружения оборудованы по последнему слову техники. Все промышленные отходы и различный мусор систематически убираются.

Город в становлении. Набережные Челны обретут свою душу, перестав быть непрерывной стройкой. Центр уже сейчас приоткрывает завесу над его дальнейшей судьбой: большие магазины типа универсальных с таким же ассортиментом товаров, как по всему Советскому Союзу, разные учреждения бытового обслуживания, рестораны, сгруппировавшиеся на большой улице, застройка которой близится к завершению.

Пустыри оживляются в тех местах, где располагается колхозный рынок. Вокруг крестьянок образуется толпа, она вытягивается в очередь, если продают фрукты, помидоры, зелень.

Каким будет этот город? К 1980 году, когда река потечет через плотину и Кама станет морем, Набережные Челны превратятся в полуостров. Старый и Новый города, слившись воедино на одном ее берегу, станут эдаким водорезом на том месте, которое медленно обживалось в течение трех с половиной веков. Эта часть с перекрестком в форме звезды будет параллельной проспекту имени Мусы Джалиля, пересекающему город из конца в конец. Двадцатипятиэтажная гостиница вырастет рядом с улицей, убегающей к пристаням и морю. Дом пожарной охраны, старая водонапорная башня, несколько домов — образцов старинной архитектуры будут сохранены и реставрированы, как и, чуть дальше, мусульманская мечеть. Эта часть города станет звеном, связующим настоящее и прошлое с его парком и историческим музеем, который разместится в одном из самых старинных домов.

Набережные Челны, город на берегу реки, предстанет глазам гостей, прибывающих с аэродрома Бегишево, который также будет модернизирован, широкой перспективой зданий, построенных амфитеатром, с учетом рельефа местности, где будут чередоваться ряды пяти-, девяти-, двенадцати- и шестнадцатиэтажных домов, рассекаемые бульваром для пешеходов.

Проспект имени Мусы Джалиля пройдет от Старого города к Новому. На самом высоком месте, видном со всех сторон, возникнет центр с Дворцом культуры, театром, цирком, кинотеатрами, катком. Набережные Челны украсят кинотеатр на 1200 мест, летний кинотеатр на тысячу мест, четыре Дворца культуры, детский парк, стадион на 40 тысяч мест. Родится медицинский городок — строительство поликлиники и больницы уже началось.

Центр станет перекрестком, но все дороги пройдут под ним. Движение грузового транспорта будет осуществляться по окружной автомагистрали, и ни один грузовик не попадет в город. Спокойствие жителей обеспечит то обстоятельство, что шоссе пройдут только по касательной к микрорайонам.

Лесная полоса в нескольких километрах от города, уже теперь излюбленное место отдыха трудящихся, станет заповедной зоной охраняемой природы, рассчитанной на 350 тысяч отдыхающих. Близится к завершению оборудование лыжной трассы для бега на дистанции в пять километров, освещаемой в вечернее время, а летом обеспечиваемой искусственным снегом.

Можно размечтаться перед макетами Набережных Челнов в будущем: водная гладь, где парусники расправят белые крылья, большие бульвары шириной в сто двадцать метров, геометрия дорог на двух уровнях, большие парки с пышными кронами, огромная центральная площадь, над которой будет выситься круглая башня, множество садов... Невольно вспоминаются стихи Маяковского о стройках Кузнецка, написанные в 1929 году:

Через четыре года
здесь будет
город-сад...

Но я забыл сказать еще об одном. Квартиры состоят тут из одной, двух, трех, четырех и более комнат для многодетных семей. Квартплата от девяти до восемнадцати рублей в месяц. Вместе с платой за газ, электричество, отопление это составляет не более 10 процентов средней зарплаты.

Летом 1976 года Набережные Челны были еще далеки от наметок будущего города. Главный инженер сборочного завода сказал мне:

— Приезжайте через пять лет, посмотрите...

О МАШИНАХ И ЛЮДЯХ

Неоновые трубки под множеством перекрещивающихся балок образуют нескончаемые ленты света, отражающиеся повсюду — на бетонных колоннах, поддерживающих крышу, на больших оконных проемах, опоясывающих прямоугольное здание.

Кафельные плитки — облицовка стен — блестят не хуже стекла, за которыми проглядывают кусочки неба. Ремонтно-инструментальный завод — иначе говоря, РИЗ — закончен в комплексе КамАЗа. Он самый маленький, хотя его масштабы внушительны — 500 метров длиной на 200 шириной. Завод этот единственный в своем роде. Он поставляет оснастку и оборудование, необходимое всем остальным заводам, — режущий инструмент, измерительные приборы, вспомогательную аппаратуру, нестандартное оборудование — и, кроме того, он обязан производить ремонт электронного и режущего оборудования.

Этот завод — техническая база всего комплекса. 6 тысяч рабочих обеспечивают бесперебойную работу 2500 наиболее совершенных станков. Здесь осуществлены интересные сочетания — интернациональные браки машин. Например, сверлильный станок, изготовленный московским заводом «Красный пролетарий», оборудован французской системой программирования. Он позволяет добиться точной калибровки за минуту. Пол, выложенный светлыми плитками в сочетании с мелкой темной щебенкой, выглядит огромным ковром, на котором рядами установлены станки. Перед каждым станком на рабочем месте деревянная шашка, она скрадывает шум и уменьшает усталость. Низенькие загородки в красную и белую полоску отгораживают проход в коридорах, где бегают электропары, снабжающие рабочих необходимыми материалами. Справа и слева в серых застекленных кабинетах размещается инженерно-технический персонал, сотрудники научно-исследовательских бюро — все те, для кого работа завода предстает в виде схем, диаграмм и графиков.

На одних стендах вывешиваются разные объявления, инструкции по охране труда. Другие представляют собой щиты, какие встречаешь на всех советских заводах, с фотографиями передовиков производства. На некоторых станках красные флажки с золотыми буквами. Так отмечают передовиков труда и лучшие бригады.

Завод РИЗ особенно интересен тем, что за исключением некоторых деталей он закончен и работает на полную мощность.

В 1972 году (дата установки первого станка) рабочие, восхищенные качеством оборудования, выдвинули предложение, чтобы каждая бригада взяла станки на социалистическую сохранность, работала на определенных режимах, без перегрузки и обеспечивала профилактический ремонт. Благодаря этому служба ремонта тратит на смазку, смену масла и прочее минимальное время. В каждой бригаде механик проверяет станок до и после смены.

Здесь 60 процентов рабочих высокой квалификации. Каждый специалист передает знания и опыт ученику. Многие молодые рабочие за несколько месяцев приобретают хорошую квалификацию.

Забота о качестве, стремление хорошо выполнить работу, забота о сохранении станков, творящих чудеса. Некоторые из них полностью автоматизированы: стоит нажать кнопку — и через несколько минут увидишь, как изготавливается деталь с предельной степенью точности.

Завод работает с семи тридцати до двадцати трех тридцати — в две смены: первая с семи тридцати до пятнадцати тридцати, вторая с пятнадцати тридцати до двадцати трех, с двумя перерывами — первый на обед, второй на ужин. Продолжительность шестидневной рабочей недели сорок один час.

В Советском Союзе обеденный перерыв соблюдается неукоснительно.

В одиннадцать тридцать заводская жизнь замирает на час — пятнадцать минут отводится на еду и сорок пять на отдых. Столовая заполняется за несколько минут. Это большой зал с длинным рядом окон, выходящих на спортплощадку, примыкающую к заводу. Все тут рассаживаются на трубчатые стулья, за столики, покрытые пластиком. Подавальщицы в белом развозят тележки, заставленные мисками с круглыми крышками. Меню состоит из салата, супа, второго блюда, компота и обходится в шестьдесят копеек. В сторонке два ряда столов, предназначенных для соблюдающих диету. Все протекает в полном спокойствии. Мужчина или женщина в белом халате проходит между столами. Это общественный контролер проверяет качество пищи и записывает жалобы. Обязанности таких контролеров рабочие выполняют по очереди. За несколько минут столовая обслуживает 2800 человек.

Но своеобразие не в этом. Во время перерыва одни рабочие играют в домино или шахматы, другие читают. Например, эта молодая женщина, сидящая у своего станка с книгой в руке. Что она читает? Знаменитую повесть Максима Горького «Мои университеты». Один фрезеровщик рассказал нам, что дома у него библиотека — двести названий, что он обожает научно-фантастические книги русских, а также иностранных авторов, и упомянул имена Роберта Шекли, Артура Кларка, Льюиса...

Уже с месяц как открылась заводская библиотека. На ее полках 30 тысяч книг по технике и 4 тысячи произведений художественной литературы — скоро тут будет тесно, так как этот раздел расширится и догонит технический.

Здесь поют... Несколько рабочих, мужчин и женщин, репетируют в концертном зале. У девушки в синем халате голос соловья. Парень вторит ей красивым басом. Она работает в ремонтном цехе. Он — в цехе осевого инструмента. Им аккомпанирует на аккордеоне парень. Другие парни и девушки присоединяют к ним свои голоса. Хор запекает старинную русскую народную песню. Руководитель поправляет хористов. Он работает в Доме культуры и часть свободного времени отдает заводскому хору, который насчитывает 65—70 человек и вот уже три года занимает первое место в конкурсах Татарской автономной республики.

Другие используют перерыв для занятий спортом: баскетболом, волейболом, бегом на площадках, оборудованных перед заводом.

Завод предоставляет в распоряжение трудящихся также свои конференц-залы. Здесь организуются дискуссии на избранные темы в обеденный перерыв или после работы.

* * *

На всех советских заводах имеются профсоюзные организации. Какова их роль?

Профсоюз занимается социально-бытовыми проблемами, его функция — дать рабочим все необходимое на заводе и в жизни. Он помогает администрации в реализации ежемесячных и годовых планов, например, с помощью социалистического соревнования. Для детей он организует пионерские лагеря, отдых, путешествия, праздники. Он занимается отпусками взрослых, их турпоездками, вечерами отдыха, путевками в санатории и дома отдыха. Он контролирует деятельность администрации, следит за соблюдением законов, правил охраны труда, оплатой трудящихся в соответствии с квалификацией. Иногда вопросы оплаты труда молодых работников или женщин не совсем ясны и вызывают разногласия. Тогда обращаются в профсоюз. Профсоюз обеспечивает хорошую работу детских садов и яслей. Он следит за претворением в жизнь прав материнства.

Выборные лица, ответственные за тот или иной сектор, образуют профбюро цеха и местком завода. Председателю месткома и его помощнику, которые

освобождены от другой работы и занимаются только профсоюзной деятельностью, помогает тысячный коллектив. Их труд оплачивает профсоюз, и зарплата составляет 210 и 168 рублей — это ставка рабочего четвертого и третьего рядов.

Что происходит в случае конфликта рабочего с администрацией? Если у рабочего есть определенные претензии, он обращается в арбитраж. Если ответ его не удовлетворяет, он может обратиться в местком — более высокую инстанцию. В этом случае и в рамках коллективного договора администрация обязана подчиниться решению профсоюза. Администрация не имеет права уволить рабочего без согласия профсоюза. Если работник не справляется с порученным ему делом, администрация обязана перевести его на другую работу.

Подавляющее количество работающих — члены профсоюза.

— Если не все рабочие завода в профсоюзе, — сказал мне член месткома, — это наша вина. У нас еще не было времени охватить всех.

ПАРУСНИК НА КАМЕ

Выемка в берегу, куда вклинилась река, домишко среди сорных трав, куч земли и песка. Тропинка ведет к мосткам, которые, едва ступишь на них, как будто начинают испытывать бортовую качку. Здесь помещается секция парусного спорта Спортивного клуба на Каме.

Я вычитал в книге Василия Пескова «СССР — лица и пейзажи» следующее определение: «Кама впадает в Волгу». Однако для живущих по берегам Камы такое определение далеко от истины. Скорее Волга впадает в Каму, утверждает автор. Гидрологи подтверждают это полшутя-полусерьезно. В самом деле, когда Кама встречается с Волгой, ее дебит намного больше волжского. Встретившись, обе реки километров десять гордо текут рядом. В конце концов авторитет Волги берет верх и, слившись воедино, сестры образуют большую Волгу.

Волга, протянувшаяся на 3690 километров от своих истоков на Валдайской возвышенности северо-западнее Москвы до впадения в Каспийское море, — крупнейшая река Европы из впадающих в море. Кама же крупнейшая из рек, не впадающих в море. До впадения в Волгу она уже пробежала 2023 километров. В Европе длиннее Камы только Волга, Дунай, Днепр и Урал. Забавно, что ее не знают или в лучшем случае считают младшей сестрой крупных рек, таких, как Рейн, Луара, Висла, Эльба или Рона, которым далеко до ее длины. Правда, долгое время ее длину точно не знали. Перед моими глазами словарь, ему нет и пятидесяти лет, но в нем говорится, что длина Камы всего 1280 километров.

Она пересекает районы, которые относят к восточным, не очень-то вникая, где начинается и где кончается этот восток, такой же таинственный, каким для подданных Карла VI были русские Дмитрия Донского, воевавшие с татарами, жившими по берегам Камы. Она прокладывает себе русло через края, представляющиеся нам дальними, неизвестными, непроницаемыми, — Удмуртию, Башкирию, Татарию. Кама, которая начинается на востоке и катит свои воды на запад, растекается здесь во всю ширь, словно желая задержаться между пологим и крутым берегами, среди островов и полуостровов после долгого и интересного пробега.

Она родилась в холмах Удмуртии, высшая точка которых 330 метров, в нескольких сотнях километров к северу от Набережных Челнов. Она добиралась сюда неспешно и текла, прихотливо извиваясь. Она «поднялась» на север, вдруг повернула на восток, словно желая взобраться на отроги Уральских гор, отклонилась прямо на юг, принимая различные притоки, и там, где сливается с Белой, резко повернула на запад. С правого берега она приняла воды Вятки, чтобы затем спуститься прямо на юг и встретиться с Волгой в конце своего пути.

Перед Набережными Челнами Кама открывает великолепный водный простор для любителей парусов, этого вида спорта, который у нас все еще сравнительно не дорог.

Спортивный клуб на Каме, созданный в 1975 году, насчитывает 15 тысяч членов в двадцати четырех секциях. В секции парусного спорта 275 членов, располагающих 35 парусниками, — все они олимпийского класса. Членский взнос составляет 30 копеек в год — равным счетом пустяк. Такой взнос платят члены всех спортивных обществ Советского Союза. Любители пользуются парусниками по расписанию, составленному с общего согласия.

Мы летим по Каме на борту «Пилигрима» — красивого парусного катера, занявшего второе место на недавней регате клубов Волги. От встречного ветра на воде образуется рябь. Несмотря на солнце, погода не очень теплая. Мы вылезаем из кабины на палубу, где двое рабочих КамАЗа искусно управляют парусами и, стараясь лучше использовать ветер, лавируют от берега к берегу. При каждом галсе наш катер идет то вдоль берега, где неутомимо тянут свои лески рыбаки, то вдоль берега, где лес спускается до самой воды, потом мимо строящегося порта, плотины, перегруженной скреперами, бульдозерами, землечерпалками, дюн, застроенных летними садовыми домиками с двускатной крышей. Посреди реки мы обгоняем рыбацкие лодки, встречаем пассажирские теплоходы; мимо проплывают груженые баржи, поднимаясь или спускаясь по Каме, этому извечно-му средству сообщения.

В Советском Союзе парус стал очень популярным видом спорта. Он всем по карману. Только в этом и заключается загадка тайны успехов советских спортсменов на международных соревнованиях. Наши друзья посвящают парусу все свободное время, а один из них вдобавок является детским инструктором парусного спорта.

Мы отправляемся вместе обедать, и, не припомню уже почему, мне взбрело в голову рассказать хорошо известную историю поездки Александра Дюма в Англию. В одном лондонском ресторане автор «Трех мушкетеров» хотел заказать грибы, но его никто не понимал. Взяв листок бумаги, он нарисовал, как полагал, криптограмму. Официант, поклонившись, ушел и несколько минут спустя вернулся с... зонтиком.

Слово за слово, и один из наших «яхтсменов», рабочий КамАЗа, спрашивает, а знаю ли я, что произошло с Дюма-отцом во время путешествия в Тифлис, ныне Тбилиси, столицу Грузии. Когда он туда приехал, чиновник спросил его данные, необходимые для заполнения карточки. «Род занятий?» — «Я живу пером». — «Как?» — «Я живу своим пером... Я работаю пером». — «Пером... очень хорошо... Ах! Понимаю». После слова «профессия» чиновник написал: «Торговец пером»... Общась с советскими людьми, всегда получаешь приятные сюрпризы. Разговорившись, наш друг вспомнил еще один ответ Дюма-отца кому-то, кто его спросил: «Какое свое произведение вы считаете лучшим?» «Дюма-сына».

Разговор переходит от Набережных Челнов к Марселю по следам Эдмона Дантеса, Мерседес, аббата Фариа и далее — к замку Иф.

ПОЧЕМУ ТАТАРИЯ?

Пора задать этот уже давно назревший вопрос, тем более что он на устах у всякого, кто, высадившись на аэродроме Бегешево, прибывает по шоссе в Старый город и перед кем с одной стороны раскинулся молодой город, а с другой — молодые заводы. Итак, почему местом строительства этого комплекса выбрали Татарию? Уместнее всего задать его Льву Васильеву, генеральному директору КамАЗа, заместителю министра автомобильной промышленности.

КамАЗ можно было построить и в другом месте. Возможность для этого имела в каждой республике Советского Союза. Предлагались многочисленные проекты и разные географические пункты. В конечном счете выбор пал на Татарию. Почему?

Татария находится примерно в центре европейской части страны, что позволяет отправлять грузовики в различные районы простейшим образом. У природного пути сообщения — Камы — все преимущества: он практичен и дешев для

отправки грузовиков и доставки оборудования. Набережные Челны находятся не очень далеко от заводов грузовиков и автомобилей, которые вначале помогали КамАЗу, — Ярославля, Горького, Тольятти, Димитровграда. Город расположен достаточно близко от металлургической базы Урала. Таким образом, доля транспортных расходов сокращалась. В дальнейшем, с расширением и развитием железнодорожной сети и шоссейных дорог, они сократятся еще значительно. Для этого достаточно построить одну железную дорогу между Набережными Челнами и Агрызом на севере, чтобы связать этот район внутреннего бассейна Камы с Ижевском, столицей Удмуртии, и, главное, с Куйбышевым на Волге, с Сургутом в Сибири и с магистралью Ульяновск — Уфа — Челябинск — Свердловск. Дорожные связи будут расширены благодаря большому окружному кольцу Казань — Набережные Челны — Альметьевск — Казань, которое соединится с автострадой Казань — Горький — Москва, и тем самым она продолжится до Уфы и Челябинска. Плотина, строительство которой завершается, добавит к речному пути шоссейный и железнодорожный. Таким образом, этот северо-восточный район Татарии приобретет широкие связи по воде, железной дороге и шоссе с западом и востоком и перестанет быть тупиком.

Другие доводы также говорили в пользу выбора такого места: наличие по соседству опытных коллективов строителей действующей тепловой электростанции и крупной, вновь строящейся гидроэлектростанции, значительные водные ресурсы.

Так благодаря КамАЗу рождается и строится городской треугольник, по углам которого разместились Набережные Челны, Нижнекамск и Заинск, — будущий ансамбль в миллион жителей. Этот треугольник станет центром, специализирующимся на энергетике, машиностроении, нефтяной, химической промышленности благодаря плотине, КамАЗу и новым предприятиям, возникшим на их базе, благодаря значительным ресурсам нефти: «второму Баку» на площади 3500 квадратных километров с центром в Башкирии на востоке, Сызрани и Куйбышеве на западе и в Альметьевске (примерно в восьмидесяти километрах от Набережных Челнов, где ведется добыча нефти с 1948 года) в центре. Не говоря уж о запасах попутного газа.

Наконец, к этому надо добавить еще один довод, которым нельзя пренебрегать, — резервы рабочей силы. Людские резервы были значительны в этом районе Татарии, продолжавшем оставаться сельскохозяйственным. К началу работ он дал 30 тысяч работников, которые серьезно относились к делу и желали приобрести специальность.

Другой назревший вопрос: почему такой крупный завод? Не выгоднее ли было создать их несколько, в разных углах страны?

Строительство заводов в разных местах повлекло бы за собой намного большие расходы. Например, одна станция для водоснабжения, одна теплоэлектроцентраль обошлись дешевле, чем если бы создавать их несколько. То же самое в отношении канализационных систем. Достигнутая экономия составляет процентов 30. Примерно такой же будет экономия и от эксплуатации этого хозяйства.

Согласно подсчетам специалистов, если бы пришлось привозить со стороны 300 тысяч тонн поковок, которые будет поставлять кузнечный завод, дополнительный расход составил бы 50 миллионов рублей в год.

Третий вопрос, вернее проблема: Советский Союз выпускает сотни тысяч грузовиков, но дорожная сеть страны развита относительно слабо. Ответ сводится к следующему: мощные грузовики в силу необходимости повлекут за собой строительство новых дорог. Посмотрите только вокруг Челнов — и вы увидите, что это уже началось...

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ НЕ СИДИТСЯ НА МЕСТЕ

Советские люди любят переезжать с места на место, любят перемены, и это началось не сегодня. Может быть, причина кроется в том, что их привлекают необъятные просторы страны? Поезда, суда речных флотилий, самолеты всегда до

отказа заполнены пассажирами. Москва ежедневно принимает миллион, а то и больше, транзитных пассажиров.

Десятки лет многочисленные крупные стройки, разбросанные по стране, вызвали массовое перемещение населения. КамАЗ, пожалуй, одно из самых впечатляющих явлений такого рода.

Если 30 тысяч татар, приехавших из соседних сельскохозяйственных районов, составили ядро строителей завода и города, то очень скоро к ним присоединились люди, приехавшие сюда буквально отовсюду. Девиз «КамАЗ строит вся страна» подтверждается не только материальным вкладом сотен предприятий, работающих для завода, но и в человеческом плане. За пять лет число жителей города выросло с 30 тысяч до 250 тысяч.

Набережные Челны по национальному составу населения — Советский Союз в миниатюре. Население города составляют мужчины и женщины семидесяти национальностей, представители сотен городов, районов и республик. Они приехали из Киева, Горького, Алма-Аты, Ташкента, Новосибирска, Уфы, Челябинска, Москвы, Перми, Одессы и т. д. Нескончаем список городов соседней Башкирии и Сибири.

За пять лет комитеты партии, комсомола, администрация завода получили со всех концов страны свыше 200 тысяч писем с просьбой рассказать о стройке, условиях работы и возможности получить место. Только за 1975 год 37 500 семей отпраздновали новоселье.

Что же заставляет советских людей устремляться на КамАЗ?

Чем объяснить, что молодой художник Аврик Ниязов бросил в своем родном городе Иванове квартиру, работу, спокойную жизнь, чтобы попытаться камазовское счастье? Чем объяснить, что бригадир ударной бригады Алексей Новолодский, Герой Труда, бросил дом, положение, высокую зарплату, чтобы в 1971 году приехать и организовать новую бригаду на новостройке? Чем объяснить, что они, 100 тысяч человек, приехали сюда в самом начале, когда тут не было еще ничего — ни домов, ни магазинов, ни кинотеатров, ни больниц, ни дорог?

Зарботки? На заводе нет особенно повышенных ставок, если не считать доплаты в расчете на зону, к которой относятся Набережные Челны, поскольку продовольственные продукты тут стоят дороже, чем в других зонах, например сахар на двенадцать копеек. Система оплаты здесь такая же, как на заводе в Тольятти. Она сочетает применение некоторых принципов из опыта Щекина, предприятия, долгое время считавшегося передовиком в сфере материального стимулирования (совмещение профессий, освоение новых, работа бригадным методом), с некоторыми принципами, почерпнутыми из опыта миланского завода «Фиат». На КамАЗе принята система прогрессивной оплаты, основанная на четырех элементах: выполнение обычной работы, премия за качество продукции, премия за условия работы, премия за повышение производительности труда. К этому прибавляются различные премии в конце месяца и года. Так, основной оклад в 200 рублей может вырасти до 312—315 рублей.

— На КамАЗе, — уточнили мне, — не падает манна небесная.

Жилье? Важный момент, но не такой уж определяющий. В Набережных Челнах строят, мы видели это, в таком быстром темпе, как нигде в Советском Союзе. Семейная чета может надеяться через год-полтора иметь вполне приличные жилищные условия. Но это не объясняет массовое нашествие тех, кто уже где-то имел жилье, тем более если учесть, что условия жизни были еще очень тяжелы в городе-стройке даже в 1976 году, когда многое уже было позади.

Массовую миграцию на американский Дальний Запад оправдывало открытие богатых россыпей золота, соблазн, зачастую утопический, быстро разбогатеть. Но Кама не Клондайк, а в Доусон-сити число жителей никогда не превышало 200 тысяч.

Что говорят те, кто тут живет — строители, фрезеровщики, токари, наладчики, мастера, кузнецы, бригадиры, инженеры, директора? Что говорят они и что выясняется из их откровенных признаний?

— Я приехал посмотреть и принять участие.

- Хочу строить новый город.
- Здесь интересная жизнь.
- Приятно жить, когда кругом молодежь.
- Мне нравится жить в молодом городе.
- Мне хотелось работать на крупном заводе.
- Я хотел строить город... Это один из красивейших городов нашей страны. Именно здесь применяют на практике новейшие методы градостроительства.
- Не хлебом единым жив человек. Ему надо расти.
- Впервые в жизни я вижу нечто подобное.

— Почему не Москва, скажете вы? Я жил в одном из переулков старого Арбата. Я знаю, что теряю и что выигрываю. Я несколько не жалею, что пошел на этот опыт, который меня обогатил. Ни моя жена, ни мои дети не жалеют о чем бы то ни было, и я уверен, что точно так же думают и мои коллеги по работе.

— Остаюсь я в своем министерском кабинете, мне бы этого никогда не узнать. Я прожил в Москве сорок пять лет. Я приехал сюда на голое место, когда тут еще ничего не началось. Самое трудное позади. Мы все, кто тут работает, пережили трудности психологического плана: пуско-наладочный период, изучение мощностей, которые предстояло использовать. Да, есть вещь, о которой я сожалею: о том, что дни и недели бегут слишком быстро. Скоро наступит пенсионный возраст. Здесь все, кому доверены ответственные посты, гордятся таким доверием. Пионеры КамАЗа войдут в историю строительства коммунизма. Для инженера это самое большое удовлетворение в жизни.

— Приехав из Казани, я оказался в грязи. За четыре года, прожитых тут, я не снимал резиновых сапог, и я был здесь счастлив, как все камазовцы.

Замечу мимоходом, что никто не говорил мне о «звонкой монете», об этой злосчастной звонкой монете, за которой гоняется столько французов. Не то чтобы тут пренебрегали материальными выгодами. После экономической реформы 1965-го и распространения в 1970 году так называемого опыта химкомбината Щекино материальное стимулирование преследует двойную цель: развитие производства и повышение уровня жизни трудящихся.

Устремлению массы трудящихся, в особенности молодежи, на КамАЗ содействовала широкая гласность, которой была предана новая стройка, атмосфера национального подъема вокруг решения Советского правительства построить в Татарии «крупнейший в мире завод грузовых автомобилей». Оно не имеет ничего общего с текучкой или утечкой рабочей силы, столь часто изобличаемой в советской печати и вызываемой главным образом неудовлетворенностью некоторых рабочих своим трудом, своим предприятием или просто-напросто своей жизнью там, где они находятся. У камазовцев счастливый и гордый вид — они горды своим заводом, горды своим городом, горды тем, что к ним приковано внимание всей страны.

Кто они, эти строители, эти люди, приехавшие строить свой завод, свой дом, свой город, свой жилой поселок?

Их можно разделить на четыре категории.

1. Молодежь, и в частности комсомольцы, — члены массовой организации передовой советской молодежи. Они приехали, в большинстве своем привлеченные романтикой стройки и потребностью приносить пользу.

2. Строители, или, если хотите, специалисты крупных строек — Братска, Волгограда, Тольятти, Москвы, привлеченные грандиозными масштабами строительства.

3. Семьи, приехавшие с востока, запада, севера и юга, потому что один или несколько родственников были приняты на работу, что давало им средства на переезд, гарантию получить жилье и перспективу найти место по специальности.

4. Жители деревни, желающие работать в городе (большая часть этой группы — татары).

Они приехали. Они остались тут и если в некоторых случаях уезжали, то обычно по той причине, что после школы КамАЗа их пригласили в другие места.

— Знаете (я повторяю то, что мне сказали), в районе Ростова строится завод

реакторов для атомных электростанций. Его директор и руководители других отраслей строительства — камазовцы. Начальник строительства Волгодонска — камазовец. КамАЗ — школа мужества и открытый, так как тут проверяются организационные формы и методы.

Те, кто приехал, когда слово «КамАЗ» начинало трубить сбор, не выбирали легкую жизнь. Реальная действительность сразу оказалась окрашенной далеко не в романтические тона. Предоставляю им слово, даже если некоторые из них повторяют сказанное другими.

— Самым трудным был фактор времени. Приходилось работать очень быстрым темпом, чтобы одновременно строить завод, город, пригороды, которым предстояло кормить город. Вновь прибывших расселяли в вагоны или деревни. Прием, оказываемый крестьянами, не сразу был таким хорошим, каким ему надлежало быть. Булочные не успевали обеспечивать хлебом из-за слабой базы хлебопекарен. Приходилось кормить, стирать, расселять, обеспечивать работой в невероятно трудных условиях. Нам помогала вся страна. Хлеб поступал из Нижнекамска. Несмотря на необходимость решать свои собственные задачи, нам помогали жить города Елабуга, Альметьевск, Лениногорск...

— Молодежь выдержала испытание, хотя она и самая мобильная часть нашего общества. Молодые люди создали свои коллективы вокруг опытных строителей, специалистов строек...

— Слабые, любители легкой жизни, те, кто приехал, не представляя себе предстоящих трудностей, уехали. Тем самым коллектив осуществил свой естественный отбор...

— В конце семьдесят первого осуществленное строительство позволило расселить в Новом городе значительное число людей, и они обрели так называемые удобства. Весной и осенью они по колено увязали в грязи. Магазины, театры отсутствовали. Были перебои в снабжении горячей и холодной водой.

— К трудностям быта прибавлялись трудности на стройках: отсутствие дороги, плохое снабжение необходимыми материалами, временные столовые, ненадежный транспорт — первый трамвай пошел лишь в семьдесят третьем. То были трудности роста. Знаете ли вы, что строители Братска жили только в палатках? А вот КамАЗ строили параллельно со строительством жилых домов...

— Стройка велась на голом месте, но приспособление к новой жизни труднее строительства. Приходилось устранять противоречия жизни, а многие из них зависят от умения организовать работу, от руководства. А главное, приходилось спланировать коллективы, думая об их жизни и работе...

— Весной семьдесят первого здесь не было ничего. Приезжали люди, полные энтузиазма, но друг другу чужие. Они не были знакомы с работой, которую должны были выполнять. У нас было немало осечек. Те, кто прошел эту самую трудную часть пути, составляют золотой фонд нашей организации. С тех пор были знамена и победы, но трудности учат жизни больше, нежели победы.

— Работа, конечно, важный момент, но существует не она одна. Есть жизнь и помимо работы, и она была нелегкой. Люди квартировали в деревнях. Между рабочими и хозяевами возникали трения. Совсем рядом с кузнечным заводом две тысячи человек жили в вагончиках и бараках. Жизнь брала верх. В одном вагончике сыграли свадьбу. В другом женщина родила. И временный поселок наконец получил магазины, бани, столовую и... гинекологический кабинет. Теперь камазовцы размещены в домах, и лучше, чем где бы то ни было. Если вы разделите все квадратные метры, которые построили в семьдесят шестом году в Советском Союзе, на его население, вы получите полметра на человека. В Набережных Челнах эта цифра в четыре раза больше...

— Когда в семьдесят первом я приехал из Калуги, там, где сейчас Новый город, было поле. Здесь (речь идет о РИЗе) были котлованы для закладки фундамента. Нам предоставили временку для строителей и поручили оборудовать первый цех, а также устанавливать заводское оборудование. Строительство первого корпуса проходило на наших глазах. Затем наступил пуско-наладочный период, когда приходилось отлеживать станки, и маленькие крючки на тросах заменяли

конвейеры, которые еще не были установлены. Нашему заводу приходилось оперативно выполнять все заказы КамАЗа. Теперь мы этого достигли...

— Вся моя семья приехала из Перми в семидесятом году. Мой отец строитель-десятник. Мама работает бухгалтером в дирекции завода. Мне восемнадцать лет. По окончании десятилетки я собиралась поступать в Ленинградский институт киноинженеров. Одна из моих подружек хотела поступить в техникум при Челябинском институте геологии. Я поехала за ней. Там у меня ничего не получилось, и я вернулась домой. Решила поступить на кузнечный завод. Два месяца изучала на курсах специальную физику и четыре месяца проходила практику. Я успешно сдала экзамены на лаборантку спектрального анализа второго разряда. Меня приняли на работу. Но лаборатория еще не функционирует. Пока что там работают одни инженеры. Завод направил меня в гостиницу в качестве горничной. Со следующей недели я приступаю к работе в лаборатории. Когда у меня будет двухгодичный стаж работы на заводе, я буду поступать в Куйбышевский институт телекоммуникации или, если успешно сдам экзамены, в Институт физики и спектрального анализа.

Так почему же, в самом деле, советским людям не сидится на месте? Судите сами.

В 1969 году в Набережных Челнах праздничная первомайская демонстрация длилась полчаса, в 1972-м — час, в 1975-м — три часа...

Перевела с французского Л. ЗАВЬЯЛОВА.

(Окончание следует)

ДНЕВНИКИ ВОСПОМИНАНИЯ

ИВАН ГРОНСКИЙ

★

1917 ГОД*

Записки солдата

15

Чerez несколько дней в корпусном комитете было создано какое-то совещание. Я приехал на него с запозданием, как говорится, к шапочному разбору. Поэтому никакого участия в нем не принимал. После закрытия совещания председатель комитета, кратко рассказав мне о том, какие вопросы на нем обсуждались, спросил:

— Почему вы перестали навещать нас? Будберг несколько раз спрашивал о вас. Очень советую посетить его.

— Да ведь он, наверное, занят?

— Думаю, что время для беседы с вами у него найдется. К вам он почему-то относится особенно хорошо.

Он тут же позвонил по телефону командиру корпуса и, положив трубку, улыбаясь, проговорил:

— Вот видите, генерал вас ждет.

Будберг расспросил меня о положении в дивизии, в частности в Лохвицком и Кромском полках. Я рассказал командиру корпуса, что за последние дни дважды был в этих частях, долго беседовал с их командирами и членами полковых комитетов. Никаких жалоб они не высказывали. Настроение командования, комитетов и солдат бодрое. Командиры полков сетовали на плохое продовольственное и вещевое довольствие, но это, к сожалению, беда всей страны и всей армии.

— Говорят, что эти части хотели уйти с фронта. Верно это, или это чья-то досужая выдумка? Вы что-нибудь знаете об этом?

— Да, это выдумка, и не кого-нибудь, а командира Семидесятой пехотной дивизии генерал-майора Беляева. От него, вероятно, вы и узнали версию о возможности оставления фронта этими двумя полками.

— Не скрою, мне об этом докладывали. Скажите, в дни корниловского выступления вы не были арестованы?

— Нет, я не был арестован. А вот о намерении арестовать весь состав дивизионного и полковых комитетов Лохвицкого и Кромского полков командир дивизии мне говорил. К счастью, с осуществлением этого безумного плана он опоздал, а то бы в дивизии произошло черт знает что.

— А что именно?

— Арестованные были бы освобождены силой, а виновники ареста были бы наказаны.

— Как?

— Не знаю. Возможно, что кое-кто из отдавших приказ об аресте был бы физически уничтожен.

---

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 10 с. г.

— Кем? Ведь все комитеты были бы уже арестованы. В том числе и дивизионный.

— Позвольте мне не отвечать на ваш вопрос.

— Военная тайна?

— Если хотите, да. Мы находимся в состоянии классовой войны. У нас в дивизии на одной стороне Беляев и его соратники, на другой — комитеты и вся масса солдат. Впрочем, расстановку классовых сил в стране и в армии вы знаете лучше меня. Убежден и в другом: вы понимаете куда лучше меня, в какую сторону развиваются события.

Генерал встал. Прошелся по кабинету. Остановился у карты. Посмотрел на нее. Подошел к столу. Потрогал лежавшие на нем бумаги, сел и тихо, как бы рассуждая сам с собой, проговорил:

— Если бы знать, что большевики не погубят Россию.

— Почему бы обвиняете большевиков в стремлении или желании погубить Россию?

— Нет, вы ошибаетесь. Я не обвиняю. Другое меня занимает. Месяца через два, от силы через три власть будет в руках Ленина. Хозяйственная разруха уже ввергла страну в пропасть. К зиме в России воцарится хаос, анархия. Ликвидировать ее и выгнать страну из пропасти может только сильная диктатура орская власть — либо буржуазная, либо пролетарская. Промежуточные силы, представляемые, как вы их называете, соглашательскими партиями, на это не способны. Это партии слов, а не дела.

— Буржуазия уже сделала попытку установить свою диктатуру. Вы, генерал, знаете, что из этого получилось.

— Мы с вами стоим на разных позициях. Вы рассуждаете просто: мы — враги. И точка. Так думаете вы и все ваши друзья и единомышленники. Не буду разуверять вас, да и ни к чему, все равно не поверите. Я по убеждениям кадет. Не скрою, к предприятию Керенского — Корнилова я относился с сочувствием и очень сожалею, что оно было подготовлено и проведено так невероятно глупо. Вы спросите, почему, сочувствуя замыслу Керенского, я не участвовал в его осуществлении. Поскольку я привык говорить с вами откровенно, как ни с кем другим, хотя и знаю, что мы люди разных возрастов, разных положений и разных убеждений, буду и на этот раз откровенен. В успех авантюры Керенского и Корнилова я не верил. По-моему, повернуть революцию вспять уже невозможно.

Будберг взял какую-то книгу, перелистал ее. Положил на место. Проговорил:

— Меня, видите ли, занимает отношение к происходящим событиям не только тех людей, которых я считаю своими единомышленниками, но и людей другого лагеря, таких вот, как вы, выходцев из народа, которые, возможно, завтра будут вершить судьбы родины.

Генерал поднялся с кресла, подошел к окну, побарабанил по стеклу, а затем, резко повернувшись, проговорил:

— Если рассказать кому-нибудь, что убеленный сединами генерал-лейтенант, командир корпуса, аристократ, занимается откровенными разговорами с каким-то мальчишкой-солдатом, скажут: какая чушь! И, конечно, не поверят. Вам сколько лет, уважаемый председатель комитета?

— Двадцать три, господин генерал.

— Где учились — в гимназии, в реальном?

— Кроме трех зим дерковноприходской школы, больше нигде.

— Странно! А я думал, что вы исключенный из университета студент. Так-так! До армии жили в городе?

— Да, в Петербурге, работал на заводах. По профессии слесарь...

— Поскольку мы с вами ведем разговор откровенный, который, надеюсь, останется между нами, расскажу вам об одном секрете. Я собрал сведения о партийном составе всех комитетов корпуса, начиная от самых низовых и кончая комитетом корпуса. Сведения меня поразили. Оказалось, что членов большевистской партии в них совсем мало. Пожалуй, даже меньше, чем меньшевиков.

А партия эсеров представлена в комитетах весьма внушительно. Почему же комитеты идут за большевиками? Не могли бы вы объяснить мне это странное явление?

— Сведения, которыми вы располагаете, явно устарели. До июльского наступления на нашем фронте в комитетах действительно преобладали эсеры и меньшевики. С тех пор положение изменилось. Многие члены комитетов, причислявшие себя к партиям эсеров и меньшевиков, порвали с ними и перешли одни к большевикам, другие к левым эсерам.

— Выходит, положение за последние месяц-два радикально изменилось. Так я вас понял?

— Да, генерал, вы поняли правильно. Соотношение сил и в войсках и в комитетах теперь совсем другое, чем было раньше.

— Куда же, по-вашему, плывет корабль революции?

— Мне думается, что теперь все определилось. Социалистическая революция неизбежна, и она не за горами.

— Но корабль без капитана едва ли сможет проложить правильный курс в таком разбушевавшемся море, как Россия, и прийти в намеченный порт. А капитана я не вижу.

— А Ленин? Почему вы отказываете ему в должности капитана?

— За Лениным идут массы. Это я знаю. Знаю и другое. Завтра за ним пойдет вся грудовая Россия. Но он и большевики, овладев властью, попытаются осуществить социализм. Это в лапотной-то и безграмотной России! Вы представляете, что получится?!

— Думаю, что получится. Гарантия: во-первых, твердая власть, опирающаяся на всю массу трудящихся, во-вторых, выход России из войны, в-третьих, удовлетворение требований рабочих и крестьян.

— Если бы это было так... Боюсь, что будет другое — анархия... Вот об этом-то я с вами и хотел поговорить... А теперь о другом. Мне известно, что у вас в дивизионном комитете обсуждался вопрос об убийстве командира дивизии. Вы представляете, что получилось бы, если бы вы осуществили этот безумный план?

— Почему безумный? Беляев намеревался арестовать все полковые комитеты и даже дивизионный комитет, о чем, между прочим, он проговорился в беседе со мной. А что значит арестовать комитеты? Это расстрелять их членов. Как видите, не комитеты объявили войну Беляеву, а Беляев объявил войну комитетам. Да заодно и всей массе солдат дивизии. А раз объявлена война, то, согласитесь, надо и действовать по-военному — быстро, смело и решительно, не останавливаясь перед применением всех средств, какие находятся в распоряжении воюющих сторон. К счастью, до кровопролития не дошло.

— Но могло и пойти?

— Да, могло. Беляев вел дело к прямому вооруженному столкновению. И если бы оно началось, то остановить его было бы трудно. Беляев, информируя вас, надо полагать, скрыл, что во время моего разговора с ним в кабинете появились два офицера. Не надо обладать большим умом, чтобы догадаться для чего. Разумеется, я подготовился к встрече с ними, и если бы они двинулись от двери ко мне, то не задумываясь я уложил бы их на месте.

— Вот видите, до чего дошло дело.

— Но ведь довели-то до этого не мы, а ставленник Корнилова и Данилова, тупой и трусливый монархист генерал Беляев.

— Могу сообщить вам, что Корнилов и Данилов смещены. Положим, вы, вероятно, уже знаете об этом. Разведка у вас поставлена хорошо. Но это между прочим. Я хотел говорить с вами о возможности эксцессов. Разумеется, не сейчас, не сегодня, а в будущем. На эту тему мы с вами как-то раз уже беседовали. Тогда опасность кровавых эксцессов была велика, сейчас она возросла в десятки раз. Если в столице произойдет вооруженное восстание, оно немедленно охватит всю страну. В него будет втянута и армия. В тылу и особенно у нас, на фронте, это может превратиться во всеобщую резню. Я очень хотел бы пред-

отвратить ее, по крайней мере в нашем корпусе. До сих пор у нас в корпусе эксцессов не было. Не подумайте, что это моя заслуга или заслуга командования. Нет. Это прежде всего заслуга комитетов и, главное, солдат. Не скрою, я очень боялся, что во время корниловского выступления вы сорветесь и наломаете немало дров. И не только в Семидесятой дивизии. О ваших обширных связях я кое-что знаю. Но вели вы себя в эти опасные дни на редкость сдержанно. Впрочем, это прошлое. А что вы думаете и что думают ваши товарищи о ближайшем будущем? Я убежден, что дело идет к взрыву. А вот в какие формы он выльется в армии, мне не ясно. Боюсь, что нас ожидает резня. Как по-вашему, существует такая опасность?

— В одном вы правы. Взрыв нарастает. Он неизбежен. Положение сейчас напоминает начало семнадцатого года. В феврале на революцию поднялся весь народ. В стране не было силы, которая могла бы остановить этот прорвавшийся могучий народный поток. Ни правительственный аппарат, ни полицейские силы, ни командование армии не могли задержать его. Такое же положение складывается и сейчас. Весь трудящийся народ — рабочие, крестьяне и солдаты готовятся к штурму. Временное правительство не пользуется поддержкой народа. Ему не верят, скажу больше — его ненавидят. Командный состав армии за эти шесть месяцев умудрился размотать последние остатки бывшего авторитета. Возьмите, к примеру, нашу Семидесятую дивизию. Ее командиру генералу Беляеву не верит никто — ни солдаты, ни офицеры. Его ненавидят или презирают. Я беседовал с командованием всех частей дивизии и не слышал о нем ни одного доброго слова или выражения хотя бы малейшего уважения. А ведь я простой рядовой солдат. Так что же говорят о нем офицеры, когда толкуют между собой, без посторонних? Очень жаль, что вас не было на командном пункте во время июльского наступления. Интересно, как бы вы оценили его поведение...

— Не хотел бы я быть на месте Беляева. В случае взрыва он будет уничтожен одним из первых.

— Думаю, что вы заблуждаетесь. В случае революции мы примем все зависящие от нас меры к тому, чтобы вообще предотвратить всякие эксцессы, если нас не вызовет на это противная сторона.

— Что касается меня,— сказал генерал,— я сделаю все, чтобы этого не случилось.

— К тому же будут направлены и наши усилия. А что произойдет в действительности, покажет развитие событий.

По дороге из корпуса в дивизию я много думал о беседе с генералом Будбергом. И, откровенно говоря, сожалел, что этот умный человек не с нами и, пожалуй, нет даже надежды привлечь его на нашу сторону. Имеется, правда, одна ниточка — это его любовь к родине, к России. Но она слишком тонка. Будберг — барон, помещик и хотя причисляет себя к кадетам, но, думалось мне, занимает место не на левом крыле этой партии, а на самом правом, откровенно монархическом. А это значит, что в час решительной схватки, когда на карту будет поставлено все, он будет не с нами, а, вероятнее всего, против нас. Однако тогда не только я, но, пожалуй, и никто другой не предвидел, как практически развернутся события, и едва ли кто-нибудь предполагал, что генерал Будберг в октябрьские дни будет назначен командующим 5-й армией¹, а через год или немногим больше займет пост военного министра в правительстве Колчака.

16

После ликвидации корниловской авантюры дышать в армии стало легче, но ненадолго. Многие организаторы контрреволюционного мятежа по-прежнему

¹ В своих воспоминаниях, опубликованных в гессеновском «Белом архиве», генерал Будберг, правда, отрицает это назначение, но последний раз я, уже будучи комиссаром РВК 70-й пехотной дивизии, беседовал с ним в начале ноября 1917 года в штабе 5-й армии как с ее командующим, сменившим на этом посту арестованного генерала Болдырева.

находились на воле и благоденствовали. Опасность повторения корниловщины, разумеется с новыми исполнителями главных ролей, сохранялась.

Устранив Корнилова, в диктаторы, расталкивая всех локтями, лез Керенский. Его подпирали эсер Савинков, кадет Миллюков, монархист генерал Алексеев — люди куда умнее Корнилова да и значительно опытнее его. На рожон, подобно Корнилову, они не лезли. Сдачей немцам ключевых позиций на фронте не грозили. Работали скрытно, в глубокой тишине министерских кабинетов и штабов фронтов и армий, под руководством многоопытных политиков и убежденных сединами полководцев, умевших хранить политические и военные тайны.

А на поверхности разливался елей речей черновых и церетели. Даже отъявленный монархист и изворотливый карьерист командир 70-й пехотной дивизии генерал Беляев и тот вдруг сделался «революционером» и «другом солдат». Он даже меня, простого солдата, которого еще вчера третировал, стал называть по имени и отчеству. В беседах со мной он нет-нет да и говорил заискивающе: «Хотел с вами посоветоваться» — или и того определеннее: «Хочу доложить вам». Мне было жаль перепуганного старика, но я знал, что он, этот старик, не задумываясь прикажет расстрелять «уважаемого председателя дивизионного комитета», да заодно и всех его товарищей — «почтенных представителей наших доблестных солдат». Поэтому я был с ним предельно вежлив и одновременно предельно осторожен. Мы знали, что Беляев внимательно следит за каждым нашим шагом и ждет только случая, чтобы к чему-нибудь придрататься и упрятать нас за решетку. Мы, разумеется, в долгу не оставались. О связях и действиях Беляева мы были осведомлены не хуже, а пожалуй, даже лучше, чем он о наших связях и работе наших законспирированных групп.

Что поделаешь! В «свободной» России керенских и чхеидзе нам приходилось работать в массах так же, как и в России романовых и распутиных. Однако разница все же была, и огромная: возможностей больше стало да и поприще нашей деятельности намного расширилось. Несмотря на репрессии, удалось сохранить все легальные партийные ячейки, правда довольно слабые, и все многочисленные солдатские комитеты. Конечно, мы понимали, что легальность наших организаций может быть ликвидирована властями буквально в любую минуту. Поэтому мы полагались не столько на них, сколько на нелегальные и полунелегальные группы, существовавшие во всех частях и командах дивизии. По своему составу они были весьма пестрые, объединяли порой совершенно разнородные в идеологическом отношении элементы. Как-то раз я проводил беседу в землянке одной из рот 280-го пехотного Сурского полка. Настроение солдат было определено революционное. В защиту Временного правительства и соглашательских партий не раздалось ни одного голоса. Я спросил:

— За кого вы?

Ответ был единодушный:

— Мы все большевики. Мы все за Ленина.

Ответ меня порадовал. Я даже подумал: вот каких блестящих результатов добилась местная большевистская партийная организация за столь короткий срок своей деятельности.

Желая узнать, как в их части ведется работа, я спросил, часто ли у них в ротах бывают члены полкового комитета, какие газеты читают им агитаторы. Оказалось, что за последние два месяца в их роту лишь раз заходил член полкового комитета, да и то не большевик, а эсер, а газет они давно не видали. Вот тебе, думаю, и блестящая работа большевиков! В дальнейшей беседе как бы невзначай я спросил:

— Вот вы называете себя большевиками, и это хорошо. А скажите, чем отличаются большевики от меньшевиков и эсеров?

— Как чем? — ответили вопросом мои собеседники. — Большевики за рабочих и крестьян. Они покончат войну и дадут крестьянам землю, а меньшевики стоят за войну, за буржуев и помещиков. Они вместе с генералами за царя.

Подобного рода суждения, конечно не всегда в такой наивно-упрощенной форме, мне приходилось слышать десятки, если не сотни раз. Массы солдат не

разбирался в тонкостях программ борющихся партий. Они твердо усвоили одно: большевики отстаивают их интересы, потому их надо поддерживать.

Огромная солдатская масса, на добрую половину неграмотная, чутьем поняла правоту Ленина и большевиков и пошла за ними. Перед партией в ту пору встала задача величайшей исторической важности: организовать многомиллионные массы трудящихся и солдат, удержать их от преждевременного выступления, вооружить и подготовить их к штурму твердынь буржуазного государства. Такой сложности задача еще ни разу не стояла ни перед одной партией мира. И ни одной партии, даже самой политически зрелой и массовой, не приходилось решать подобной гигантской важности исторической задачи. Едва ли надо говорить о том, что партия большевиков справилась с ней успешно и решила ее как нельзя лучше. Теперь это знает всякий школьник, а тогда, в августе и сентябре, она занимала умы всех без исключения активных участников назревающей решительной схватки.

17

Председатели полковых комитетов не раз просили меня «прощупать» армейский комитет, настроения его руководства, узнать, как оно оценивает положение в стране и на фронте после ликвидации корниловского мятежа. Обычно я отмахивался от этих просьб: знал, что делами комитета заправляют эсеры и меньшевики. Наконец, уступая требованиям товарищей, скрепя сердце отправился в Двинск, чтобы посетить армейский комитет 5-й армии. Для поездки в город у меня были и другие причины. В частности, мне нужно было встретиться с двинскими большевиками.

В Двинске, прежде чем идти в армейский комитет, я решил повидаться кое с кем из знакомых мне солдат. И не напрасно. К тому, что я знал, они добавили новые факты участия в подготовке корниловщины не только командующего 5-й армией генерала Данилова и его ближайшего окружения, но и руководителей армейского комитета, особенно его председателя народного социалиста Виленкина.

— В разговоре с ним будь осторожен,— предупредили меня товарищи.— Он усиленно старается раскрыть наше подполье. Смотри не проговорись.

Особенно ценную информацию о «маневрах» армейских эсеров дала мне Геня Йоффе, только что порвавшая с этой партией.

Армейский комитет меня поразил. Всюду толпились офицеры. Были вкраплены в их среду и одиночные фигуры солдат, но явно тыловых, хорошо одетых, чистеньких, прилизанных. Меня эта публика сторонилась. Ее смущали мое потрешанное обмундирование и весь мой неприглядный вид окопного жителя.

Сверх всякого ожидания, председатель комитета прапорщик Виленкин принял меня сразу же, как только ему доложили о моем приходе. Встретил меня тепло. И сразу же забросал вопросами, не преминув при этом упрекнуть: почему я, находясь под боком у армейского комитета, ни разу не удосужился его навестить?

— Не доверяете нам? Считаете нас если не врагами, то своими политическими противниками? Не так ли?

— Пожалуй, вы правы. В июле и августе меня несколько раз пытались арестовать, причем, насколько мне известно, с ведома армейского комитета и, кажется, лично вашего, товарищ Виленкин.

Такой неучтивый ответ явно смутил председателя. Но ненадолго. Он быстро оправился. Отпустил какую-то шутку. А потом, и уже серьезно, сказал:

— Вы должны благодарить меня и армейский комитет за то, что мы вас спасли. У нас были сведения о том, что вы замыслили сорвать наступление Семидесятой пехотной дивизии и других соединений Пятой армии. Более того, намеревались увести дивизию с фронта. Ездили вы и в другие дивизии, вели переговоры о совместных действиях и т. д.

— Вы, товарищ Виленкин, прекрасно знаете, что я был и остался противником империалистической войны и всяких бессмысленных наступлений, особен-

но на нашем фронте. Об этом, насколько мне известно, вам и генералу Данилову докладывал командир Семидесятой пехотной дивизии генерал-майор Беляев, кстати, замечу, ярый монархист и корниловец. Но вам, вероятно, известно и другое. Опасаясь провокаций беляевых, я лично как солдат участвовал в наступлении и даже награжден за подвиг Георгиевским крестом, причем по представлению не только командования полка, но и руководившего наступлением командира Семидесятой дивизии генерала Беляева.

— Это вас и спасло от ареста, да и от предания военно-полевому суду. А военно-полевой суд во время войны, да еще и на фронте, да еще во время подготовки проведения наступления, штука, знаете, серьезная. Вы могли поплатиться головой.

— За что? За свои убеждения? И это в свободной-то России! И это говорит мне председатель солдатского армейского комитета, человек, называющий себя социалистом! Ну знаете, товарищ Виленкин, дальше ехать некуда.

— Вы напрасно возмущаетесь. Война есть война, а не дискуссионный клуб, где можно упражняться в красноречии.

— А мы этим и не занимаемся. Ваш упрек направлен явно не по адресу. К лагерю «главноуговаривающего» мы не принадлежим.

— Вы что же, пришли в армейский комитет только затем, чтобы поругаться с нами?

— О нет! Совсем не за этим. Я хотел поговорить с вами о командире дивизии генерал-майоре Беляеве. Это монархист, реакционер, корниловец. В дивизии он сколачивает группу контрреволюционно настроенных офицеров. Оставлять его на этом посту нельзя. Дивизионный комитет просит вас поддержать наше ходатайство о снятии Беляева с поста командира дивизии. Замечу от себя, что он не пользуется доверием не только солдат, но и большинства офицеров.

— Вот видите, вы требуете снятия Беляева, а он требовал вашего ареста, мотивируя его тем, что вы во время корниловского мятежа намеревались снять с фронта один или даже два полка дивизии и направить их в Петроград на помощь питерским рабочим. Армейский комитет взял вас под свою защиту. Не подумайте, что из любви к вам, а потому что Семидесятая дивизия — самая боеспособная дивизия во всей Пятой армии, и мы не хотели репрессиями, в частности арестом некоторых членов дивизионного комитета, подрывать ее боеспособность.

— Это какая-то чудовищная провокация! У вас в комитете, видимо, есть материалы. Я очень прошу вас, товарищ Виленкин, показать их мне. Не сомневаюсь, что это фальшивки. Разоблачив провокаторов, мы с вами, возможно, обнаружим и еще кое-что более важное, скажем скрытые корниловские организации.

Виленкин стал уверять меня, что у армейского комитета нет никаких порочащих меня материалов, что в настоящее время мне никто и ничто не грозит, что командование армии и армейский комитет не намерены менять руководство 70-й дивизии. Беляева он назвал старым, опытным генералом и рекомендовал мне сработаться с ним.

Выходит, что Виленкин заодно с Беляевым, подумал я. Мне хотелось тут же обрушиться с самой резкой критикой позиции, которую занимает армейский комитет. Но я сдержался и лишь заметил, что если у комитета нет никаких «порочащих» меня материалов, то почему же он намеревался предать меня суду, да еще не какому-нибудь, а военно-полевому? Виленкин на мое замечание не ответил, а перевел разговор на другую тему — о позорно провалившемся июльском наступлении.

Слушая мой рассказ, Виленкин нервничал, несколько раз перебивал меня вопросами, даже пытался оправдать действия командования. Но неуверенно. Да их и нельзя было оправдать. При такой мощи артиллерийского огня и насыщенности частей стрелковым оружием, при наличии огромных резервов, какие были в распоряжении командования, только круглый дурак не мог одержать полной победы. А руководившие наступлением генералы были далеко не дураки. Это опытные и знающие дело люди. Почему же они не добились победы? Почему, не

использовав резервы, прекратили наступление? Виленкин был явно смущен и постарался прекратить неприятный для него разговор...

За семь революционных месяцев, до отказа насыщенных важнейшими политическими событиями, это было мое первое и последнее посещение эсеров-меньшевистского армейского комитета, да и то совершенно бесплодное, если не считать, что прояснилась позиция Виленкина, вставшего на защиту корниловца генерала Беляева и всех действий командования 5-й армии. Стало ясно: это союзники.

18

Содержание разговора с Виленкиным, переданное мною во всех подробностях членам дивизионного комитета, в какой-то мере помогло нам вести агитацию против меньшевиков и эсеров в начавшейся широкой кампании перевыборов солдатских комитетов.

Помню, как на одном из собраний, кажется в Переяславском полку, на меня обрушились представители этих партий за то, что я назвал их союзниками Корнилова. Но яростная защита политики своих партий нисколько не помогла им: солдаты при голосовании с треском провалили многих из выдвинутых ими кандидатов. И так было повсюду. Во всех частях и командах дивизии эсеры и особенно меньшевики потерпели поражение. Количество избранных в комитеты сторонников этих двух партий сократилось. Перевыборы принесли победу большевикам. В некоторых солдатских комитетах левый блок получил большинство. Влияние соглашательских партий на массы солдат было подорвано, но еще далеко не ликвидировано. Особенно влияние эсеров. Действующая армия по своему социальному составу была преимущественно крестьянской. Многие солдаты все еще считали эсеров своей, «мужицкой» партией.

Изменился и состав нашего дивизионного комитета. Левый блок составил в нем большинство.

Наряду с перевыборами солдатских комитетов шла подготовка к съезду 5-й армии. Последнему большевики придавали особое значение, надеясь — и не без основания — отвоевать у эсеров и меньшевиков армейский комитет и таким образом выбить из рук реакции очень важное оружие — руководящий орган солдатской демократии в целой армии.

Открытие съезда состоялось 16 октября в обстановке ожесточеннейшей борьбы за состав президиума. Было решено прибегнуть к необычному способу голосования — выходу делегатов из зала заседания через двери: в левую дверь выходили сторонники большевиков, в правую — меньшевики и эсеры. «Голосование ногами», как шутили делегаты, дало перевес большевикам. Председателем съезда был избран Э. М. Склянский.

Выборы президиума показали, что устойчивого большинства на съезде мы все же не имеем. Представитель ЦК большевиков на съезде Б. П. Позерн и председатель съезда Э. М. Склянский предложили мне пойти на заседание фракции эсеров и попытаться расколоть ее. Сначала предложение Б. П. Позерна мне показалось нелепым. Я даже подумал, что он шутит. Но скоро убедился, что Борис Павлович не шутил. Да и было нам тогда не до шуток: положение сложилось на редкость трудное.

— Вы являетесь в дивизии председателем объединенной организации максималистов, — говорил мне Позерн. — На армейском съезде самостоятельной фракции левых эсеров нет. Левые элементы партии входят в единую эсеровскую фракцию. Следовательно, вы имеете полное право пойти на их фракцию и дать открытый бой правым эсерам.

Позерна поддержал Склянский.

Армия на девять десятых состояла из крестьян, и значительная часть солдат шла за эсерами. Поэтому было политически целесообразно сохранение и даже усиление максималистско-левоэсеровских организаций для борьбы с влиянием правых эсеров в армии. Этим, кстати говоря, и объяснялось, что я оста-

вался членом группировки максималистов, не вступал открыто в партию большевиков. Вот и теперь это давало мне формальное право участвовать в работе эсеровской фракции на съезде. Скрепя сердце я отправился в стан врага.

Конечно, я понимал все трудности выполнения возложенного на меня поручения. Заранее представлял себе, какую встречу мне устроят мои давнишние противники, с которыми мне не раз приходилось скрещивать политические шпаги на разных собраниях и митингах. Но в действительности все оказалось куда хуже, чем я думал. На фракции эсеров меня сразу же встретили в штывы. Мои аргументы поначалу не произвели на собрание абсолютно никакого действия. Одни называли меня скрытым большевиком, другие открытым максималистом, что было, конечно, справедливо. И те и другие предлагали немедленно удалить меня из зала собрания и ни в коем случае не допускать к участию в работе фракции как человека чуждого и враждебного ей. Правда, большинство фракции хранило молчание. Словесные сражения со мной вели исключительно лидеры, а не рядовые участники собрания. Значит, потеряно еще не все, думал я и снова бросался в словесную битву. Но масса по-прежнему упорно молчала.

Председатель собрания вот-вот должен был поставить на голосование предложение о лишении меня слова и об удалении из зала заседания. Считая битву проигранной, я уже хотел было покинуть собрание, как неожиданно для меня, да, пожалуй, и для других, слово взял лидер эсеров доктор Колеров. Это был человек среднего роста, лет сорока—сорока пяти. Шатен. В нем все было ладно и все располагало к себе — и умное приятное лицо и простота в обращении. Это, подумал я, противник сильный. И не ошибся. Выступления его были необычными. В них не было ни громких фраз, ни грубых нападок. Он говорил, не повышая голоса, не агитируя слушателей, а как бы беседуя с ними. Кое в чем он даже соглашался со мной. Я сразу почувствовал в Колерове не только умного, но и очень опытного и хорошо эрудированного врага.

Маневр Колерова я разгадал не сразу. Поначалу мне даже показалось, что он чуть ли не по всем вопросам идет мне навстречу. Лишь постепенно в процессе полемики раскрылась для меня его подлинная позиция. А говорил он примерно следующее:

— Да, товарищ Федулов прав. Мы социалисты. Защищать интересы капиталистов и помещиков нам не к лицу. Мы должны проводить свою политику, а не плестись за кадетами. Блок с кадетами себя явно изжил. Жизнь поставила перед нами новую задачу — создание подлинно социалистического правительства с участием в нем всех без исключения социалистических партий, в том числе, конечно, и большевиков. Совершить прыжок из царства капитализма в царство социализма сразу нельзя. Переход к социализму — путь длительный и тяжелый. Программу такого перехода и должно выработать социалистическое правительство, а потом уже провести ее в жизнь.

Все самые насущные, самые злободневные вопросы революции, такие, например, как свержение буржуазного Временного правительства и переход власти в руки Советов, передача всей помещичьей земли крестьянам и установление восьмичасового рабочего дня на заводах и фабриках и, главное, прекращение империалистической войны, лидер эсеров даже не затронул, обошел молчанием. Это было, пожалуй, самым слабым местом в его позиции, чем я и не преминул воспользоваться, отвечая Колерову.

Прения приняли исключительно резкий характер. Члены фракции в выражениях не стеснялись. Называли меня и «подосланным агентом большевиков» и «рупором Ленина»; говорили, что у меня нет за душой ничего своего, что я лишь «пересказываю статьи Ленина» и т. д. Было немало грубостей и даже прямых оскорблений. Отвечать тем же я не мог, памятуя о серьезности полученного мною задания.

Отвечая Колерову и на реплики участников собрания, я говорил о том, что за время революции мною прочитаны и не раз перечитаны все важнейшие программные документы и заявления всех политических партий и стенограммы выступлений их лидеров, в том числе лидеров эсеровской партии. Сам я, питерский

рабочий, в революционном движении с начала 1912 года. Сидел в царских тюрьмах. Всю войну провел на фронте, участвовал в боях, несколько раз ранен. В своей работе среди солдат действующей армии проводил идеи циммервальдской левой, то есть был самым настоящим пораженцем. А сейчас отстаиваю интересы и требования гниющих в окопах солдат. За что они воюют — за интересы рабочих и мужиков? Ничуть не бывало! Они воюют за интересы помещиков и капиталистов. За интересы львовых и рябушинских. Ленин единственный из вождей политических партий ведет борьбу за интересы рабочих, крестьян и солдат. Здесь, на собрании, товарищ Колеров говорил о создании правительства из всех социалистических партий. Что это — наивная утопия или ловкий маневр, рассчитанный на дураков или на политических несмышленишек? Полукадет Пешехонов, эсер Керенский, пустой красноречивый Церетели, заблудившийся в трех политических соснах Мартов и настоящий вождь рабочих Ленин. Можно ли представить себе более нелепую политическую комбинацию! Убеден, что такой опытный политик, каким является товарищ Колеров, и сам не верит в возможность блока Ленина с Керенским. А ведь именно такую возможность он и должен был доказать, выдвигая идею создания правительства, составленного из всех социалистических партий...

Чем кончилось собрание, я не знаю. По предложению председателя меня удалили с заседания фракции эсеров как члена другой партии...

Когда я сказал Б. П. Позерну, что его задание я не выполнил, фракцию эсеров расколоть не сумел, он громко рассмеялся и сказал:

— Вы сделали даже больше, чем мы рассчитывали...

Присутствовавшие при разговоре Склянский, Собакин и пришедший несколько позднее Седякин просили возможно подробнее рассказать им о ходе собрания, о выступлениях членов фракции, особенно Колерова. Слушали они меня внимательно. Иногда задавали вопросы. В одном месте Позерн воскликнул:

— А умная bestия этот Колеров! Прекрасно понимает, чем грозит эсерам раскол их фракции.

Дальнейший ход съезда показал, что какая-то часть сочувствующих эсерам и меньшевикам солдат и даже членов этих партий перешла в наш лагерь. При голосовании резолюций эсеры и меньшевики неизменно оставались в меньшинстве. Но и наши резолюции принимались не всегда в том виде, в каком они предлагались, кроме резолюции по вопросу о земле, принятой единогласно.

В общем, съезд завершился победой большевиков и поражением эсеров. В избранный съездом новый армейский комитет вошли 28 большевиков, 7 эсеров-интернационалистов, 23 эсера и 2 меньшевика. Эти цифры отразили как соотношение сил на съезде, так и накал развернувшейся на нем борьбы. Делегацию на II Всероссийский съезд Советов мы избрали большевистскую.

Выше я рассказал лишь об одном эпизоде — борьбе на собрании фракции эсеров. Эта борьба продолжалась и в армейском комитете нового состава. Не будучи членом армейского комитета, я не вникал в ее детали. Однако последующее развитие событий в стране и в армии обязывало нас держать постоянную связь с армейским комитетом и в ряде случаев помогать ему в борьбе с соглашательскими партиями, пытавшимися тянуть массы солдат вправо.

19

После окончания армейского съезда Борис Павлович Позерн просил меня устроить ему поездку в части нашей или какой-либо другой дивизии. Его просьбу поддержал Э. М. Склянский, шутливо заметивший: «Покажи ему окопное житье-бытье», — на что Позерн ответил:

— Житье, что и говорить, неважное. Я знаю его. Меня интересует другое: настроение солдат.

На линейке, запряженной парой добрых коней, мы прежде всего отправились в нашу 70-ю пехотную дивизию. И не потому, конечно, что она была расположена недалеко от Дви́нска, а по совершенно другим соображениям. Эта ди-

визия считалась в 5-й армии, во-первых, самой большевизированной и одновременно самой дисциплинированной и боеспособной; во-вторых, я знал эту дивизию, что называется, как свои пять пальцев и хотел показать представителю ЦК большевиков части и подразделения, разные по господствовавшим в них политическим настроениям солдат, и познакомить его кое с кем из офицеров, придерживавшихся разной политической ориентации.

По дороге мы много и откровенно, по душам говорили о текущих событиях, о планах разных политических партий и, главное, о подготовке вооруженного восстания. Да, да, именно о подготовке! Именно вооруженного восстания! Мы оба были убеждены, что на II съезде Советов большевики будут иметь большинство, что съезд примет решение о свержении буржуазного Временного правительства и переходе всей власти в руки Советов. Мы были убеждены и в другом: Временное правительство добровольно власти не уступит. Оно уже готовится к тому, чтобы «железом и кровью» задушить революцию, утопить ее в океане народной крови.

— Учтите, — говорил мне Позерн, — что социальная база кадетов и их союзников — эсеров и меньшевиков значительно шире, чем социальная база царизма перед Февралем, поэтому и совершить назревшую пролетарскую революцию будет неизмеримо труднее, чем Февральскую буржуазную революцию. Отсюда вывод: готовиться к ней надо тщательнее. В столице и в крупных промышленных центрах подготовка идет хорошо. А в армии? Представляете, что будет, если армия поддержит не пролетариат Питера, а Временное правительство... Не скрою, меня сильно встревожило соотношение сил на съезде Пятой армии, особенно при его открытии, когда дело дошло до «голосования ногами». У нас тогда не случайно возник план раскола фракции эсеров. Мы стали думать, кому бы поручить это дело. Молодых мы сразу отвели, понимая, что они будут фрондировать и положительных результатов не добьются. Скланский порекомендовал вас. Он сказал, что вы питерский рабочий с солидным революционным стажем, а главное, как он выразился, без пяти минут большевик и лучше, чем кто-нибудь другой, поймете необходимость этой операции и проведете ее так, как надо. На мой взгляд, маневр вы выполнили успешно. И все же в армейском комитете двадцать восемь большевиков и двадцать три эсера. Конечно, часть из них пойдет с нами. Но только часть. Остальные — это агенты Керенского. Как вы думаете, солдаты будут сражаться за революцию? Способна ли армия дать отпор немцам, если они в момент революции предпримут попытку двинуться на Петроград?

Я слушал Бориса Павловича так, как слушает ученик авторитетного учителя, боясь пропустить хотя бы одно его слово.

Опасения Позерна я понимал. Кадетско-эсеровский контрреволюционный лагерь в то время все еще располагал солидными силами. Какую-то часть их он безусловно мог ввести в бой. Однако я был убежден, что эта часть не столь велика и не может решить исход революционного сражения. Попытку атаковать наши позиции немцы, конечно, предпринять могут. Это надо учитывать. Вооружения у нас и в других дивизиях достаточно. Солдаты драться будут, а вот что касается офицеров, поручиться нельзя. Тут надо следить в оба и, если потребуется, быстро заменить реакционных офицеров нашими людьми.

— Солдатами?

— Нет, офицерами.

— А у вас есть такие?

— Да, есть. Кое с кем я вас познакомлю — и с врагами и с друзьями...

— Ну а в вашей дивизии эсеры могут использовать какую-нибудь часть против революционного Петрограда?

— Нет, Борис Павлович, не смогут. Командир нашей дивизии монархист, корниловец. Среди офицеров есть его сторонники — кадеты, эсеры, меньшевики. Мы их знаем и держим под своим наблюдением. Практически они ничего не смогут сделать: ни одна рота, ни одна команда без распоряжения дивизионного комитета не двинется с места. Это, разумеется, между нами. Командование ничего не знает о нашем подполье и наших планах. Поэтому прошу, когда будем вести раз-

говоры, особенно с командованием. Быть осторожным и не показывать виду, что вы об этом знаете.

Позерн расхохотался. Моя информация его развеселила. Мы подъезжали к фольварку Дерванишки, в котором был расположен штаб дивизии и дивизионный комитет.

В комитете мы застали трех или четырех его членов. После краткой беседы я поднялся на второй этаж к командиру дивизии и спросил, не пожелает ли он побеседовать с приехавшим из столицы политическим деятелем, моим старым знакомым. Беляев спросил, не большевик ли он. Прямого ответа я не дал, отговорившись, что давно не встречался с ним и каких он придерживается взглядов, не знаю. Генерал согласился принять моего знакомого, а Позерна я просил назвать себя социал-демократом.

Беседа с командиром дивизии была любопытной. Генерал представлял себе революционера преимущественно по книгам посредственных писателей — как что-то среднее между провинциальным актером и крупным аферистом. Борис Павлович под эту шаблонную мерку явно не подходил. Среднего роста, лет за сорок, с небольшой бородой и заметной лысиной. Он скорее был похож на мастерового или мелкого торговца из какого-нибудь заштатного города. Не выдавало его и простое, приятное лицо. Разве вот только живые карие пронизательные глаза...

Беляев с разных сторон подходил к одному и тому же вопросу: что происходит в столице, что замышляют большевики? А Позерн незаметно выпытывал у генерала, как он и его коллеги по оружию, высшие чины армии, представляют себе будущее России, как они относятся к разным политическим партиям и к новым, созданным революцией учреждениям, таким, например, как Советы и разные комитеты.

20

Отправляясь из штаба дивизии в Лохвицкий полк, я спросил Позерна о его впечатлении от беседы с командиром дивизии.

— Вы правы в оценке этого вояки, — сказал он. — Умом да и общими знаниями он, по-видимому, не блещет, хотя значок об окончании Академии генерального штаба свидетельствует, что военное дело он знает. Конечно, он реакционер, службист и, если начальство прикажет, не задумываясь пойдет на любые репрессии против рабочих и солдат. Не остановится он и перед массовыми расстрелами. Это человек опасный.

— К счастью, он бессилён что-либо сделать. Действительная власть в дивизии не у него, а у нас, в чем вы вскоре сами убедитесь.

Этим я и ограничился, не предупредив Бориса Павловича о настроениях командования полка, желая преподнести ему приятный сюрприз.

В Лохвицком полку мы прежде всего посетили командира полка полковника Кохановского. У него в кабинете были адъютант полка штабс-капитан Климов и председатель полкового комитета солдат Малявский. Я сказал им, что Б. П. Позерн — представитель ЦК большевиков на армейском съезде. Борис Павлович был явно недоволен этим. Его лицо мгновенно изменилось, глаза сделались злыми, колючими. Кохановский заметил перемену и, рассмеявшись, проговорил:

— Вы, Борис Павлович, не смущайтесь. Здесь люди свои. Я вас понимаю, конспирация сейчас нужнее, чем когда-либо раньше. Но здесь она ни к чему. Мы с капитаном люди беспартийные, а вот эти два башибузука — свирепые революционеры. Однако работаем мы вместе, и замечу, весьма дружно. В столице дело идет к революции. Это мы знаем и к схватке готовимся. Если Питеру будет нужна помощь, мы ее окажем. У нас для этой цели имеется инфантерия, немного кавалерии и даже артиллерия.

Позерна слова командира полка поразили. Поначалу, как мне показалось, он даже растерялся. Кохановский, обращаясь к Позерну, спросил:

— Вы не были в артиллерийском дивизионе?

— Нет, не был.

— А заглянуть туда стоит. Народ там боевой.

— Времени нет, товарищ полковник, задержались в штабе дивизии.

— Не у этой ли крысы Беляева?

— У него.

— Скажу вам одно: зря потеряли время.

Командир полка угостил нас чаем, дал хороших лошадей, и мы отправились с Позерном на станцию Вышки, рассчитывая поспеть к пассажирскому поезду.

— Ну как вам понравился наш старик? — спросил я.

— А не слишком ли вы доверяете офицерам? — вопросом ответил Позерн.

— Кохановский — участник революции пятого года. Был разжалован и уволен из армии. Войну начал, если не ошибаюсь, поручиком, не раз отличился в боях, награжден многими орденами. Это офицер боевой. На него можно положиться. Он человек наш.

— Ну смотрите. Вам виднее...

Подъезжая к Вышкам, Борис Павлович сказал:

— Очень прошу вас, Иван, прошу как старший товарищ, не зарывайтесь. Раньше времени в драку не лезьте. Не ставьте под удар себя и солдатские организации. На вас мы крепко надеемся. Если в Питере будет неустойка, чего я не думаю, приходите на помощь.

— Я прошу вас, товарищ Позерн, передать ЦК большевиков и товарищу Ленину, если увидите его, что Семидесятая пехотная дивизия со всеми ее огневыми средствами — в полном распоряжении большевиков. Думаю, что можно рассчитывать и на Тридцать восьмую дивизию. Я с ней связан и связь эту закреплю. У нас имеются и офицерские кадры. С двумя из них — Кохановским и Климовым — я вас познакомил. Вы разговаривали и с нашими врагами. Таких в нашей армии порядочно. Почти все генералы относятся к нам враждебно. Это корниловцы.

В ожидании прихода поезда мы бродили по платформе и обсуждали положение на фронте. Отойдя в конец платформы, где никого не было, Позерн сказал:

— В случае успеха восстания в Питере я дам вам телеграмму такого содержания: «Маме плохо. Если можешь — приезжай». Если будет все хорошо, дам другую: «Мама выздоравливает. Кризис миновал. Чувствует себя хорошо». Укажите надежный адрес, по которому телеграмма дойдет наверняка.

— Адрес простой: действующая армия, штаб Семидесятой дивизии. Или лучше: станция Вышки, Эсфири Иоффе. Это сестра Гени Иоффе. Она беспартийная. В Вышках у ее матери магазин. Это даже более надежный адрес. Действует пока безотказно.

Адрес этот Позерн записал. А я его адрес не записывал. Повторив два-три раза, я прочно его запомнил. Эта привычка осталась у меня со времен подполья — работы в боевой организации, где малейший промах мог повести к провалам и тяжелым жертвам. Я рассказал об этом Борису Павловичу. Через полчаса он все же проверил «запись» моей памяти и был удовлетворен ее точностью.

Перед тем как войти в вагон, Борис Павлович крепко обнял меня. Мы расцеловались и пожелали друг другу успеха.

Поезд ушел, а я еще долго стоял на платформе и глядел ему вслед. На душе у меня было тяжело, и вместе с тем я испытывал какую-то радость. Мне казалось, что я проводил не случайно встреченного на жизненном пути человека, с которым и общался-то всего лишь неделю, а мудрого наставника и чуткого отца. Мне шел тогда лишь двадцать третий год. Жизнь была тяжелой, полной лишений, вниманием людей она меня не баловала. И теплое, трогательно заботливое отношение старого революционера, годившегося мне в отцы, глубоко меня растрогало. Если бы я умел плакать, то, вероятно, тут же прослезился бы от радости. Но плакать я не умел. Я достал кисет. Закурил. И пошел к ожидавшей меня линейке.

21

День вооруженного восстания приближался. Неизбежность пролетарской революции понимали все. Но ждали ее по-разному: одни с радостью, другие со страхом.

...В одной из рот Переяславского полка я вел обычную беседу с солдатами.

Солдаты задавали множество разнообразных вопросов. Важное, как всегда, перемешивалось с повседневным, вопросы высокой политики с перебоями в снабжении сахаром и махоркой.

Вперед вышел младший унтер-офицер с Георгиевскими крестами на груди. Невысокий, щуплый, с продыmlенными махоркой рыжеватыми усами. Спросил:

— Ты скажи нам прямо — скоро ли?

— Что скоро ли? — ответил я вопросом, как будто не понимая.

— Да ты, председатель, не бойся. Тут люди свои. Говори все начистоту. Выкладывай все, что знаешь.

— А что именно? Что тебя интересует? Говори яснее, я отвечу.

— Я спрашиваю, скоро ли большевики прогонят эсеров и Ленин займет место Керенского?

— Да и скоро ли эта проклятая война кончится? — добавил другой, пожилой солдат.

— Когда в Петрограде начнется восстание рабочих и солдат, я, товарищи, не знаю. Думаю, что дело идет к этому. Терпению рабочих и солдат приходит конец. Думаю, что скоро оно лопнет. Скоро. Очень скоро. Но одно я знаю, и знаю твердо: без вашей поддержки, без поддержки всей действующей армии революция победить не может. Нас, таких вот солдат, что собрались здесь, миллионы. В наших руках оружие — винтовки, пулеметы, пушки. И мы не какие-нибудь маменькины сынки, а видавшие виды солдаты. Вот и выходит, что решать-то будем мы, а не Керенский и его юнкера и бабенки, одетые в военную форму. Ты вот небось командуешь взводом? — спросил я унтер-офицера.

— Ну командую, так что же из этого?

— А вот что: если тебе командир роты или какой другой начальник прикажет выступить против восставших рабочих и даже стрелять по ним, ты исполнишь такой приказ?

— Никогда! Разве я враг своего же брата — солдата или рабочего?

— Ну а если мы прикажем тебе выступить на поддержку восставших рабочих и солдат и стрелять по врагам революции? Такой приказ ты исполнишь?

— Выполню не задумываясь.

— Это, товарищи, сейчас главное. Возможно, что скоро Ленину и большевикам, питерским рабочим и солдатам потребуется ваша помощь, и не словесная, а вооруженная. К этому нам надо готовиться. Вы спросите, в чем должна заключаться эта подготовка? Отвечаю. В о п е р в ы х, не выполняйте приказов начальства о каких-либо перемещениях взводов, рот или батальонов вашего полка, если они не согласованы с вашим полковым комитетом; в о в т о р ы х, накапливайте как можно больше патронов, гранат, бомб и других боеприпасов; в т р е т ь и х, не допускайте арестов солдат или революционно настроенных офицеров, а если они будут произведены, силой освобождайте арестованных и немедленно сообщайте об этом в дивизионный комитет; в ч е т в е р т ы х, следите за офицерами, за их попытками сколотить контрреволюционные группы; в п я т ы х, держите фронт, не дайте немцам прорваться к Питеру. Вот и все, что от нас с вами, товарищи, требуется. Очень прошу вас сообщить о содержании нашей беседы всем солдатам вашего полка. Это необходимо для того, чтобы в сражении с контрреволюцией одержать быструю и полную победу.

— Вот это разговор! — сказал унтер-офицер. — Как, ребята, все понятно?

— Понятно, — раздались голоса.

— Все же, думаю, надо проголосовать. Кто за то, чтобы принять предложенную председателем дивизионного комитета программу наших действий?

Лес рук был ответом. Против или воздержавшихся не было.

Не везде, разумеется, одинаково проходили предоктябрьские собрания солдат. Не везде они были такими единодушными. Кое-где собрания носили исключительно бурный характер. Но я не помню ни одного собрания, где требование свержения Временного правительства и перехода власти в руки Советов не было бы поддержано абсолютным большинством солдат. Об этом говорили все члены дивизионного и полковых комитетов, все наши агитаторы и пропагандисты. Мень-

шевики и эсеры тоже заметно активизировались, но успехами похвастаться они уже не могли. Солдаты от них отвернулись. Если их кое-кто еще и поддерживал, то это были сынки кулаков, лавочников или чиновников — одним словом, люди, чуждые рабочим и трудовым крестьянам. У офицеров эсеры имели успех. Раньше золотопогонники нападали на эсеров, а теперь вдруг воспылали к ним великой любовью. Солдаты все это, разумеется, видели и по-своему учитывали.

В сентябрьско-октябрьские дни в дивизии образовалось два явно враждебных лагеря — один большевистский, другой эсеровский. Влияние на массы меньшевиков как-то незаметно стерлось. Они приутихли и ушли в тень. Борьба развернулась между этими двумя лагерями.

Генерал Беляев всячески пытался скрыть свои симпатии к эсерам, но делал это неуклюже. Нервничал. Начальник штаба дивизии полковник Авчинников про него говорил: после подавления корниловского мятежа генерал стал совершенно другим — мечется, всего боится, принимает опрометчивые решения и тут же их отменяет.

Видел это и я. И не только видел, но, бывало, и сталкивался с ним, спорил, ссорился, иногда резко. Поэтому, когда однажды вечером меня вызвал командир дивизии, я шел к нему, ожидая всякое. Встретил он меня холодно. Даже не подал руки. Я понял, что будет очередная схватка, но не предполагал, что она вызвана моим выступлением в Переяславском полку.

— Вы, молодой человек, начинаете играть с огнем.

— В чем дело, господин генерал?

— Что вы сегодня говорили в Переяславском полку?

— Ничего особенного. Говорил то, что всегда говорю. Мои убеждения и мое отношение к событиям вы отлично знаете. Разговоров на эту тему у нас, по-моему, было более чем достаточно.

— Мальчишка! Смутьян! В начальство, видите ли, лезет, приказы отдает!

— Успокойтесь, господин генерал, и объясните, в чем дело.

— Надо не объяснять, а немедленно арестовать и расстрелять вас за такие речи, что я и намерен сделать.

— Напрасно вы меня пугаете. Как вы знаете, я не из трусливого десятка.

— Я не пугаю. Я вызвал вас для того, чтобы в присутствии представителя штаба армии лично допросить вас о вашей преступной деятельности.

Оглядевшись, я заметил сидевшего в углу кабинета незнакомого мне офицера.

— Вы призывали солдат не выполнять боевые приказы командования?

— Подобных призывов в моих выступлениях не было, да их и быть не могло.

— Вы врете!

— Я попросил бы вас, господин генерал, разговаривать повежливее. Я избран председателем дивизионного комитета всеми солдатами и офицерами дивизии и сумею заставить вас уважать представительные органы революции, как бы ненавистны они вам ни были.

Беляева мое заявление не образумило. Наоборот, взбесило. Он явно потерял власть над собой. Топал, кричал, грозил арестом.

— Вы изменник! Вы призывали солдат открыть фронт немцам!

— Вы ошибаетесь. Я призывал к другому: держать фронт и не выполнять приказов корниловцев о снятии с фронта каких-либо подразделений или целых частей. Вы, господа генералы, сдали врагу Ригу, открыли ему дорогу на Петроград, а мы, солдаты, поклялись любой ценой защищать столицу революции. И не где-нибудь, а здесь, на двинском участке фронта, который занимает наша Семидесятая пехотная дивизия. Я сказал все. Можете меня арестовывать. Но предупреждаю: за это вы заплатите своей собственной головой, и не когда-нибудь, а сегодня же.

Беляев явно опешил. Он что-то невнятно бормотал. Сидевший до сих пор молча офицер встал, подошел ко мне и, протягивая руку, проговорил:

— Вы узнаете меня, товарищ Максимов?

— Вы ошиблись. Он не Максимов. Его фамилия Федулов.

— Нет, Владимир Павлович, я не ошибаюсь. Максимов — это, видимо, одна из его партийных кличек. Думаю, что и Федулов не фамилия, а кличка. Нам, революционерам, не раз приходилось менять паспорта. Но теперь надобность в этом отпала... Вы узнаете меня?

— Простите, возможно, мы с вами где-нибудь и встречались, а вот где — не помню.

— Вы Разумника Васильевича знаете?

— Ну как же! Иванову-Разумнику я многим обязан. До войны я бывал у него. Да и во время войны встречался.

— А Мстиславского?

— С Сергеем Дмитриевичем я встречался раза два или три, не больше.

— А помощника присяжного поверенного, на квартире у которого в пятнадцатом году вы познакомились с Керенским и другими политическими деятелями, вы помните?

— Неужели это вы?

— Да, я. Сильно изменился?

— Мы виделись с вами всего лишь раз. Да и то в обществе, если не ошибаюсь, восьми или десяти человек.

— Я сейчас работаю в штабе Пятой армии. Навещаю штабы корпусов и дивизий. И, знаете, везде слышу одни и те же жалобы: солдаты вышли из повиновения. Вот и у вас в дивизии не совсем ладно. В Пятой армии Семидесятая дивизия считается самой большевизированной.

— И самой боеспособной.

— Да, как это ни странно, и самой боеспособной. Как можно объяснить такое противоречие?

— По-моему, тут никакого противоречия нет. Мы боремся в частях за крепкую революционную дисциплину, за то, чтобы дорога на Петроград была наглухо закрыта для немцев. Не в пример некоторым «патриотам», для которых, насколько я знаю, кайзеровская Германия превратилась из врага в самого настоящего друга и союзника.

— Насколько я понимаю, вы имеете в виду конкретные факты и конкретных лиц, когда говорите об их связях с кайзеровской Германией. Не могли бы вы назвать их?

— По-моему, вы их знаете. Предложение Родзянко о сдаче немцам Петрограда напечатано в газетах. От занятой им позиции не отмежевался ни один из руководящих деятелей правительственного лагеря. А ведь Родзянко не какой-нибудь безответственный журналист, а вождь партии октябристов, председатель Временного комитета Государственной думы, формировавшего чуть ли не все составы Временного правительства. Да что там Родзянко! Октябристы, кадеты и эсеры организовали корниловский мятеж. Хотели установить диктатуру прямого изменника родины генерала Корнилова, преступно сдавшего врагу Ригу.

— Но ведь корниловский мятеж подавлен и корниловщина ликвидирована?

— Да, подавлен, вы правы. Но мы, члены дивизионного комитета, считаем величайшей политической наивностью разговоры о том, что опасность корниловщины уже преодолена. Организаторы мятежа по-прежнему стоят во главе армии и заправляют всеми делами в правительстве.

Представитель штаба 5-й армии, разумеется, возражал, спорил, ссылаясь на разные донесения командиров. Говорил он спокойно, иногда шутил. Это был не солдафон Беляев, а умный, образованный и хорошо эрудированный человек. Он стремился как-то сгладить выходку Беляева, его угрозы.

Отвечая представителю штаба, я хотел выяснить главное: поддерживает он угрозы Беляева или осуждает их. Поэтому сказал:

— Когда вы будете вести следствие по делу о незаконной деятельности дивизионного комитета и его председателя, чтобы арестовать, а возможно, и расстрелять нас, вот тогда, надеюсь, все мои товарищи назовут вам и конкретные факты контрреволюционной деятельности командования и имена отдельных наи-

более ярких корниловцев, которым безразлично, кто будет управлять Россией, лишь бы у них остались их поместья, заводы и банки.

— Что вы выдумываете! Помилуйте! Ни о каком следствии не может быть и речи.

— А заявление генерала? Выходит, что командиру дивизии дано право арестовывать и даже расстреливать членов солдатских комитетов, притом без всякого следствия и суда. Так я вас понял?

— Генерал погорячился и наговорил бог знает каких страшных слов. Неужели вы на самом деле поверили, что он намерен вас арестовать и даже расстрелять?

— Генерал-майор Беляев не ребенок. Ему, если не ошибаюсь, за пятьдесят. Слов на ветер он не бросает. Да ему и по чину не положено этим заниматься. Не скрою от вас, дивизионный комитет не раз ставил вопрос о снятии генерала Беляева с поста командира дивизии. Говорю это при нем, открыто. И очень прошу вас доложить армейскому комитету и командующему армией генералу Болдыреву о том, что Беляева на этом посту оставлять нельзя — он разложит и погубит самую дисциплинированную и самую боеспособную дивизию нашего фронта.

Представитель штаба был явно смущен и растерян.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Для вашей тревоги нет абсолютно никаких оснований, — говорил он. — Убежден, что командир дивизии возьмет свои слова обратно и никаких препятствий к деятельности дивизионного комитета чинить не будет. Не так ли, Владимир Павлович?

— У меня с председателем дивизионного комитета все время были очень хорошие отношения. Я был о нем самого высокого мнения и менять своего мнения не собираюсь. Конечно, мы с ним по-разному оцениваем политические события. Это наше право. А что касается нашей размолвки и моих резкостей, то, думаю, Иван Михайлович простит меня, старика.

Как дальше развивался бы наш разговор, не знаю. Его оборвал неожиданный приезд командира корпуса генерал-лейтенанта барона Будберга. Поздоровавшись с командиром дивизии и представителем армии, он подошел ко мне и, подавая руку, проговорил:

— У меня к вам есть дело. Не могли бы вы завтра утром приехать ко мне?

— Если сегодня не буду арестован и расстрелян, то завтра утром буду у вас.

— Что за чушь! Кем арестован? Кем расстрелян?

— Командиром Семидесятой дивизии.

— Это правда? — обращаясь к Беляеву, спросил Будберг.

— Мы немного повздорили с председателем дивизионного комитета, ну и взаимно обменялись любезностями.

— Я просил бы вас, Владимир Павлович, этого больше не повторять. Время сейчас не такое. Мы сидим на пороховой бочке, и малейшая искра может вызвать взрыв... Так завтра я вас жду.

Я раскланялся с командирами и вышел, не подав никому руки.

В дивизионном комитете меня ждали штабс-капитан Николук и поручик Рогов. Выслушав мой рассказ о столкновении с Беляевым, они посоветовали немедленно созвать пленум дивизионного комитета и вынести решение о снятии Беляева с поста командира дивизии. Я предложил обсудить вопрос о Беляеве после моего разговора с Будбергом. Мое предложение показалось товарищам правильным и было ими одобрено.

22

На другой день утром я был у командира 14-го армейского корпуса генерала Будберга. Встретил он меня холодно, а разговор начал с упреков. Во-первых, он осудил мое выступление в Переяславском полку как недопустимое «превышение власти» дивизионным комитетом; во-вторых, назвал мою стычку с Беляевым неуважением к командиру дивизии, человеку, как он выразился, старому, заслуженному и уважаемому.

Резкое изменение отношения Будберга к Беляеву меня поразило. В дни кор-

ниловского мятежа Будберг не скрывал своего неприязненного и даже недоверчивого отношения к нему, а сейчас взял его под свою безоговорочную защиту. Сделано это было открыто, резко, демонстративно, видимо, в расчете на то, чтобы показать изменение в отношениях этих двух генералов. Теперь, подумал я, это союзники в борьбе против солдатских комитетов. Во время корниловского мятежа Будберг занимал нейтральную позицию. А сейчас он протянул руку Беляеву, явному корниловцу. Бороться с ним будет трудно. Он умнее, осторожнее и тактичнее Беляева. На глупые угрозы он не пойдет и действовать будет осмотрительно, тщательно маскируя каждое проводимое им мероприятие.

Разговор, видимо, будет крутой, думал я, слушая Будберга. Надо с ним сцепиться, да покрепче, авось он проговорится и мы кое-что узнаем о вынашиваемых генералами планах.

О моем выступлении Будберг был информирован. Он по пунктам разбирал его и пункт за пунктом резко критиковал. Возражая командиру корпуса, я угадывал на опасность новой корниловщины. Тогда командованием 12-й армии преступно была сдана Рига, сейчас командование 5-й армии также преступно может сдать Двинск. Такой план существовал. Наш разговор на эту тему я не забыл. Не исключена и другая опасность: высшее командование может снять с фронта отдельные части или подразделения и так же обманно, как и Корнилов, бросить их на революционный Петроград. Для того чтобы не произошло ни того, ни другого, дивизионный комитет и предупредил солдат о возможных маневрах контрреволюции и необходимости срывать их самым решительным образом, то есть всеми силами держать фронт, ни под каким предлогом не оставлять занимаемых позиций. Генерал Беляев заявил мне, что за это меня следовало бы отдать под суд и даже расстрелять.

— Не затем ли, господин генерал, вы меня и вызвали сюда, в штаб корпуса, чтобы здесь арестовать? Напомню наш старый разговор о возможных эксцессах. Так вот со всей ответственностью заявляю, что репрессивные меры командования, направленные против комитетов, неизбежно вызовут ответные меры с их стороны. Расстреливать революционно настроенных солдат, что до сих пор безнаказанно делало командование, мы больше не позволим.

— Что же вы сделаете, уважаемый председатель дивизионного комитета? — насмешливо спросил барон Будберг.

— Руководители комитетов не принадлежат к числу тех командиров, которые перед сражением раскрывают свои планы противнику.

— Ого! Вы начинаете осваивать военную науку.

— До этого, господин генерал, еще далеко. Очень далеко. Однако не скрою: кое-что из трудов военных специалистов я читал.

— Что именно?

— Разные книги. Например, некоторые работы Куропаткина.

— Ну хорошо. Но сейчас нам надо решить другой вопрос — о незаконных действиях комитетов, подрывающих боеспособность армии, в частности о каких-то ваших тайных планах, которые вы почему-то скрываете от меня.

— Вы меня спросили, чем будут отвечать солдатские комитеты на затеваемые командованием массовые аресты и расстрелы революционно настроенных солдат, особенно членов солдатских комитетов. Отвечаю: откройте мне замышляемые высшим командованием планы удушения революции и восстановления старых порядков в стране — и я открою вам наши планы борьбы за полную победу революции. Согласны?

— Но таких планов у высшего командования не было и нет.

— А корниловщина? А угрозы Беляева? А тысячи и тысячи арестованных солдат только в одной нашей Пятой армии? А расстрелы солдат как по суду, так и без суда во всех армиях всех без исключения фронтов? Что это, по-вашему, случайность или самовольные действия отдельных начальников? Но тогда скажите, почему же никто из этих палачей не понес никакого наказания? Нет, господин генерал. Такие планы у командования были и есть. Оно их скрывает от нас. Со своей точки зрения, пожалуй, оно поступает правильно: врагу своих планов не

открывают. Мы это понимаем. Но поймите правильно и нас. Не считайте нас неумышленными и не требуйте от нас выдачи наших планов самозащиты от наглюющей с каждым днем контрреволюции.

— Ну хорошо. Не будем говорить о планах, есть они или их нет. Меня беспокоила и продолжает беспокоить опасность эксцессов со стороны солдат. Об этом я уже не раз говорил вам в наших предыдущих беседах. Помнится, вы уверяли меня, что никаких эксцессов в Семидесятой дивизии не будет, а теперь говорите совсем другое, даже угрожаете.

— Генерал Беляев и ему подобные хотят, чтобы мы превратились в кроликов, чтобы командование спокойно арестовывало и расстреливало наших товарищей, а мы сидели бы сложа руки и помалкивали. Нет, господин генерал, не для этого рабочие и солдаты делали революцию, чтобы так легко уступить завоеванные позиции всякого рода политическим выскочкам и доморощенным российским кавеньякам.

— А вы знаете, кто такой Кавеньяк? — насмешливо улыбаясь, спросил барон Будберг.

— Да, знаю, господин генерал. Книжки по истории Французской революции читал. Занимался этим еще до революции. Я очень прошу вас указать беляевым, чтобы они не играли с огнем. Поверьте, господин генерал, говорю это не из боязни, а исключительно из желания предотвратить никому не нужное кровопролитие.

— Не думал я, что вы, человек довольно эрудированный, не понимаете гибельности для России того пути, на который Ленин пытается ее столкнуть. Сейчас у народа России есть только один вождь — Александр Федорович Керенский, и его надо поддерживать всеми силами, чтобы завершить войну и довести Россию до Учредительного собрания, а оно, надо надеяться, разрешит все те вопросы, которые сейчас волнуют все классы русского общества и всю действующую армию.

— Вы хотите, чтобы комитеты поддержали главу Временного правительства и его политику? Считаю нужным заявить вам, притом совершенно откровенно, что все комитеты Семидесятой дивизии выступают и против Керенского и против его политики.

— Не понимаю, почему комитеты так настроены против Временного правительства и особенно его главы — Керенского.

— Потому, генерал, что из всего состава Временного правительства Керенский является самой опасной фигурой, а его политика — самой реакционной, самой антинародной.

— Что же выходит: социалиста Керенского, пусть даже плохого, как вы говорите, но все же социалиста, вы считаете опаснее буржуа Терещенко?

— Терещенко не опасен. За ним никто не идет. А Керенский все еще пользуется поддержкой какой-то части крестьянства и армии, буржуазии и чуть ли не всего офицерского корпуса. Поэтому он опасен. Куда опаснее Терещенко.

— Ну что же, поговорили мы откровенно. Ваша позиция мне более или менее ясна. Арестовывать вас сейчас никто не собирается, но вы можете зарваться и натворить непоправимых бед. Тогда вы сами поставите себя под удар и на нас не пеняйте.

На этом мы с Будбергом и расстались. Уверенности в том, что я благополучно доберусь до штаба дивизии, у меня не было. При выходе из кабинета командира корпуса я ждал неожиданного нападения, поэтому, сжав в кармане браунинг, приготовился к отпору. Но опасения мои оказались напрасными. Никто меня не остановил.

Сев в поджидавшую меня линейку, я вспомнил наставления Б. П. Позерна не лезть в драку раньше времени, вести себя осторожно и не ставить под удар ни себя, ни дивизионный комитет. Вспомнил и ругал себя. За последние два дня я только и делал что лез в драку, грубил командиру дивизии и командиру корпуса. Говорил с ними недопустимо резко, вел себя бестактно, особенно в беседе с генералом Будбергом. Кичился своими знаниями. И перед кем? Перед убежденным сединой, умным и всесторонне образованным генералом, окончившим Академию генерального штаба. Нет, думал я, так вести себя нельзя...

23

Предоктябрьские дни были тревожными и нервными. Равнодушных не было. Способствовало этому и отсутствие газет. Поэтому кто-нибудь из нас, членов комитета, регулярно ездил в Двинск, благо он был под боком. Чаще всего в Двинск приходилось отправляться мне.

Так и на этот раз. Я отправился в Двинск для того, чтобы узнать новости и проинформировать армейский комитет о своих беседах с двумя генералами — командиром 70-й пехотной дивизии и командиром 14-го армейского корпуса. Понимал, что поведение мое товарищи не одобряют и устроят мне хорошую головомойку.

Э. М. Склянского мой рассказ о разговоре с Беляевым рассмешил. Он немногое знал командира 70-й дивизии, считал его недалеким и трусливым. Значения его угрозам не придавал. По его словам, Беляев уже был в штабе армии. Жаловался и Болдыреву и ему на поведение дивизионного комитета, особенно на его председателя.

— У меня, — заметил Склянский, — сложилось впечатление, что он чем-то напуган и страшно боится дивизионного комитета. Думаю, что вам раздражать старика не следует. Он не опасен. Будберг — другое дело. Он умен, хитер и неплохой политик. У меня сложилось впечатление, что он хорошо разбирается во всех событиях. Шуметь и болтать он не будет. Своих замыслов он не выдаст. Это враг чрезвычайно опасный. Но поняв безнадежность борьбы, он может перейти на нашу сторону. Учтите это! Впрочем, на эту тему надо говорить с работниками корпуса, но вы в этом разговоре обязательно должны участвовать.

Прощаясь, Склянский сказал, что он только вчера виделся с Будбергом и говорил с ним о положении дел в нашей дивизии. Никаких жалоб или недовольства генерал не высказывал.

На этом разговор со Склянским о генералах закончился. Он сказал, что уезжает в Петроград. Просил проинформировать о состоянии дивизии и о нашей подготовке к вооруженному восстанию. Договорились мы о следующем:

1) выделить для помощи Петрограду 279-й пехотный Лохвицкий полк, заменив его на фронте 277-м Переяславским полком;

2) придать Лохвицкому полку батарею трехдюймовых орудий с полным комплектом снарядов;

3) командиром всего отряда, направляемого на помощь питерским рабочим, назначить полковника Кохановского, а комиссаром большевика солдата Маляевского;

4) для занятия в Двинске важных узлов (штаба 5-й армии, телеграфа, вокзала, военных складов и проч.) направить три или четыре роты 278-го Кромского полка с пулеметами под командованием поручика Рогова и прапорщика Бакурадзе. Если потребуется, придать этому отряду пулеметную команду и батарею трехдюймовых пушек.

— А вы не оголите этим занимаемый дивизией участок фронта? — спросил Склянский.

— У нас на нашем участке фронта остается почти полный три полка, — ответил я, — плюс достаточное количество артиллерии разных калибров, плюс резервные части других соединений, которые мы можем использовать, если немцы предпримут попытку наступать, что маловероятно, поскольку у них для этого нет даже минимально необходимых сил.

— А вы, сударь мой, основательно выросли за время революции. Стали не только толковым политиком, но и военное дело постигаете.

— Растем понемногу, уважаемый доктор. Вот и вы перешли от бинтов и касторки к управлению целой армией. Обстоятельства заставляют, Эфраим Маркович. А когда заберем власть у Керенского, тогда, надо полагать, будет еще труднее. Ягодки впереди.

Мы рассмеялись, хотя понимали, что сейчас нам не до смеха. Склянский сказал:

— Скоро будем штурмовать небо, свергать земных и небесных богов. Как ты думаешь, победим?

— А я об этом, знаете, как-то даже и не думал. Некогда было. А победить победим, не сомневаюсь. У Временного правительства сил для борьбы мало, а за нами идет весь народ — рабочие, солдаты, крестьяне. Меня, товарищ Склянский, занимает другое: как мы справимся с управлением государством. Уж больно мало у нас грамотных людей. Ведь вся интеллигенция за очень редким исключением против нас.

— Ничего, не беспокойся, покричит-покричит эта самая интеллигенция, а потом перейдет к нам. Не сразу, конечно, и не вся, но перейдет.

Прощаясь, условились, что Склянский даст нам знать о ходе восстания и сообщит, нужна ли Питеру наша помощь.

24

Весь день 25 октября я почти ничего не делал. Пил чай, а чтобы отвлечься, читал «Войну и мир» Льва Толстого. Ждал известий из Петрограда. А их не было.

Хотелось поехать в Двинск, но мне было приказано оставаться на месте и ждать распоряжений. Время, как назло, тянулось убийственно медленно.

Прошло утро. Прошел день. Не принес ничего нового и вечер. Наступила ночь. Но в дивизионном комитете никто и не думал о сне. В успешном исходе борьбы сомнений у нас не было. А вот как она будет протекать, какие трудности встанут на пути пролетариата к победе и каких жертв потребует их преодоление, этого никто, разумеется, предугадать не мог. Вставал в связи с этим и другой вопрос: потребуется ли Петрограду наша помощь, в чем конкретно она должна будет выразиться?

Неизвестность тревожила. Все мы нервничали. Строили всевозможные догадки. По моим расчетам, телеграмма от Б. П. Позерна уже давно должна была поступить, а ее почему-то не было. Не возвращался из Двинска и наш связной, посланный в армейский комитет еще с вечера.

В эти тревожные минуты неожиданно для всех в комнату вбежал дежурный солдат из команды связи дивизии. Размахивая телеграммой, он первый возвестил нам о победе восставших петроградских рабочих и солдат.

Взяв из его рук телеграмму, я вслух прочитал собравшимся ее содержание:

«К ГРАЖДДАНАМ РОССИИ!»

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет при Петроградском
Совете рабочих и солдатских депутатов.*

25-го октября 1917 г., 10 ч. утра».

Ликованию солдат, находившихся в дивизионном комитете, не было границ. Решили отпечатать обращение на шапирографе и распространить по частям и командам дивизии.

Связист стал возражать, говоря, что телеграмму он обязан немедленно передать командиру дивизии. Его слова вызвали смех. Кто-то, обращаясь к связисту, заметил:

— Произвол генералов кончился. Теперь хозяевами в армии являются солдатские комитеты. Их приказы ты и выполняй, а не корниловца Беляева.

Связист колебался. Я понимал его. Там высокие чины, офицеры, полковники, генералы, а здесь такие же, как он, простые солдаты. Кого слушать? Чьи приказы исполнять? Желая успокоить связиста, я сказал:

— Вот что, дружище. Передай начальнику команды связи и солдатам, что все материалы, в том числе радиограммы и телефонограммы, адресованные командованию дивизии, должны прежде поступать к нам, в дивизионный комитет, и только потом, после их просмотра, к начальству. Это распоряжение распространяется и на все приказы командования, передаваемые по всем каналам связи. Без согласования их с председателем дивизионного комитета или лицом, его заменяющим, они не имеют силы и поэтому не должны передаваться и исполняться. Командиру дивизии я об этом скажу сам. А теперь можешь взять телеграмму и отнести ее генералу. Она уже переписана и сейчас будет отпечатана на шапирографе.

Связист растерялся. Он явно не ожидал, что дело примет такой оборот. Мялся, задавал какие-то вопросы. Члены комитета объяснили ему, что переход власти к Советам меняет все отношения в стране. До сих пор власть принадлежала буржуазии, помещикам, генералам и офицерству. Этому всевластию врагов рабочих и крестьян пришел конец. Теперь власть — наша.

— Заруби это у себя на носу и перестань трепетать перед начальством. Иди к Беляеву да «порадуй» его этой телеграммой. Только смотри, чтобы он не окочурился.

Связист ушел, а мы занялись обсуждением новых задач, вставших теперь перед солдатскими комитетами.

Однако не прошло и пяти минут, как в комнату вбежал перепуганный командир дивизии с телеграммой в руках. Вид он имел жалкий. В ночных туфлях и нижнем белье, в накинутаой поверх него шинели, трясущийся, точно от озноба, и сразу сильно постаревший. Он что-то невнятно бормотал. Прислушавшись, я различил одну повторяемую им фразу: «Слава богу, кончилось».

Мне стало жаль старика. Усадив его на стул, я как умел стал его успокаивать. Беляев неожиданно заплакал. Схватил мою руку и умоляюще проговорил:

— Иван Михайлович, голубчик, берите командование дивизией, а я буду у вас начальником штаба. Берите. Пожалейте старика...

Поведение Беляева нас поразило. Лишь потом он мне признался, что был глубоко убежден, что, взяв власть, мы будем чуть ли не поголовно расстреливать всех офицеров, и в первую очередь, конечно, генералов. В ту тревожную ночь смертельно перепуганный Беляев был просто смешон и жалок. Мне пришлось долго его успокаивать. Когда он пришел в себя, я сказал ему, что он как был, так и останется командиром дивизии, но предупредил, что все распоряжения и приказы он должен согласовывать с председателем дивизионного комитета, а во время его отсутствия с его заместителем.

— А теперь, Владимир Павлович, идите спать. Не бойтесь, вам ничего не грозит. Спите спокойно. А завтра на свежую голову мы с вами обсудим, что нужно предпринять. Теперь нам с вами придется работать в одной упряжке.

Проводив Беляева, я попросил ординарца согреть чаю. Но вскоре в дверь постучали. Вошел начальник штаба дивизии полковник генерального штаба Авчинников. Одет он был по форме. Протягивая руку, он просто проговорил:

— Пришел поздравить вас с победой. Да и поговорить кое о чем.

Пока мы обменивались приветствиями, подоспел чай. Я предложил полковнику отпраздновать победу по-фронтовому — кружкой чая.

— Подождите, я сейчас кое-что принесу.

Полковник поднялся к себе и минуты через три появился с банкой варенья и пачкой печенья.

За чаем Авчинников рассказал нам о том, как генерал Беляев воспринял известие о революции. Оказывается, командир дивизии уже спал, когда связист принес телеграмму. Ее принял Авчинников и, прочитав, тут же разбудил генерала. Рассказал ему о событиях в Питере. Прочитав телеграмму, генерал проговорил: «Все кончено! И жизнь наша кончена». Накинув шинель, он побежал вниз. Авчинникова поведение Беляева испугало. Он даже пытался его остановить, но когда увидел, что генерал направился в комнату комитета, успокоился и вернулся обратно.

Рассказав начальнику штаба дивизии о своей беседе с генералом, я попросил его информировать меня о положении на нашем участке фронта.

— Больших сил у немцев на нашем фронте нет, — сказал он. — К серьезному наступлению немцы не готовы. Против нас стоит Восемьдесят восьмая немецкая пехотная дивизия. Командует ею генерал фон Букенброк, такой же старый и нерешительный, как и наш Беляев. На авантюру он едва ли пойдет. Но ему может приказать вышестоящее начальство. Поэтому мы должны быть готовы ко всяким случайностям. Сейчас на передовой у нас стоят два полка — Сурский и Лохвицкий. В резерве Переяславский и Кромский. Из всех четырех полков самым боеспособным является Лохвицкий. Не следует ли его сменить в окопах? Как вы находите?

— Думаю, Лохвицкий полк трогать с места пока не следует. А вот что действительно следует сделать, так это узнать, какими силами располагают на нашем фронте и что они намерены предпринять против нас.

— Путем разведки?

— Да. Всех видов, кроме, положим, одного — разведки боем. Гусей, по-моему, дразнить не следует.

В дальнейшей беседе мы с Авчинниковым условились действовать совместно по всем военным вопросам, не ущемляя, разумеется, прав командира дивизии, но установив контроль со стороны комитета за всеми его распоряжениями и действиями.

После ухода Авчинникова, уже утром, я лег спать, но уснуть мне так и не удалось. Связисты приносили все новые и новые сообщения из Петрограда. Дела там, судя по этим сообщениям, шли хорошо. Но не бездействовала и контрреволюция. Одно за другим стали поступать обращения к армии всякого рода организаций вроде Комитета спасения родины и революции, возглавляемого правым эсером Авксентьевым, Союза офицеров и каких-то других военных организаций, о существовании которых до того не было никаких сведений.

Обстановка требовала немедленного установления связи со всеми частями дивизии и армейским комитетом, точнее — с его большевистской частью. Решение этой задачи облегчалось тем, что теперь все средства связи дивизии фактически перешли в наши руки, чем, разумеется, дивизионный комитет и не преминул воспользоваться.

Связь с полковыми комитетами мы установили сравнительно быстро. Передали им имеющиеся у нас наиболее важные телеграммы. С армейским комитетом регулярная связь установилась только 26 октября. Все известные мне руководящие члены фракции большевиков были в Питере на II съезде Советов. Оставшиеся в Двинске работники армейского комитета сообщили, что вооруженное восстание в Петрограде развивается успешно. Министры Временного правительства арестованы, кроме Керенского, который бежал и находится сейчас в штабе одного из фронтов.

На мой вопрос, нужна ли наша помощь Питеру, последовал ответ: из Петрограда мы имеем только одно указание — держать фронт. Не дать немцам захватить Двинск. Эту задачу должны решить 70-я и соседние дивизии. Советуем установить строжайший контроль за всеми действиями командования.

Армейский комитет за подписью Собакина еще 25 октября телеграммой сообщил частям 5-й армии о восстании в Петрограде, о взятии власти Военно-революционным комитетом и потребовал немедленно назначить комиссаров по всем частям армии. Эту телеграмму мы получили с некоторым опозданием, только 26 октября. 27 октября во время беседы с армейским комитетом по телефону было сказано: будет неплохо, если вы соберете заседание дивизионного комитета, выберете комиссара дивизии и представите его кандидатуру на утверждение военно-революционного комитета армии.

Дивизионный комитет 70-й пехотной дивизии на своем заседании тайным голосованием избрал меня комиссаром дивизии. Моя просьба заменить меня кем-либо другим была отклонена. Таким образом, в эти бурные революционные дни мне пришлось совмещать две должности — председателя дивизионного комитета

и комиссара ВРК 70-й пехотной дивизии. Кроме того, комиссар армии Собакин дополнительно поручил мне руководить отрядами Красной гвардии, разоружавшими военные группы, оставшиеся верными «законному», как они выражались, Временному правительству.

25

Дни проходили напряженно. Надо было побывать везде: и в частях, занимавших окопы, и в полках, находившихся на отдыхе в дивизионном резерве, и посмотреть, что делается у нас в тылу, на железной дороге Двинск — Режица, где действовали отряды солдат нашей дивизии.

Не было, разумеется, недостатка и в серьезных ошибках. Как-то в армейском комитете меня спросили, назначил ли я комиссаров полков и почему до сих пор не удосужился сообщить их фамилии армейскому комитету и комиссару армии. Откровенно говоря, я был озадачен и на вопрос ответил вопросом: разве назначение комиссаров полков тоже входит в круг моих обязанностей?

— А как же! Мы, что ли, должны их назначать? Вы отвечаете за политическое и боевое состояние дивизии, поэтому вам и карты в руки.

Пришлось заняться и этим делом. Поначалу казалось, что поставленную задачу решить легко. Но когда я стал знакомиться с кандидатурами, предложенными полковыми комитетами, вопрос оказался куда сложнее, чем я думал.

Комиссаром Лохвицкого полка был назначен большевик солдат Маляевский, Кромского — анархист прапорщик Бакурадзе. Их кандидатуры ни у кого не вызвали сомнений — они уже давно активно участвовали в революционной работе. Труднее обстояло дело с назначением комиссаров в два других полка дивизии — Переяславский и Сурский.

В Переяславском полку к тому времени сложилась сравнительно многочисленная большевистская группа. Но она состояла почти сплошь из малограмотных солдат. В Сурском большевистская группа была и малочисленной и слабой. Зато существовала сильная группа эсдеков-интернационалистов, высказавшаяся еще до победы Октября за переход власти в руки Советов. Обсудив кандидатуры, выдвинутые полковыми комитетами, дивизионный комитет утвердил комиссаров Переяславского и Сурского полков. Комиссар Переяславского полка оказался человеком не только недалеким, но и опасным, что едва не причинило большой беды.

Переяславский полк должен был сменить занимавший окопы Лохвицкий полк, а последний надлежало отвести на отдых в дивизионный резерв. Подобного рода смена частей ни у кого не вызвала никаких сомнений и проходила до тех пор без всяких инцидентов или возражений со стороны солдат. Приказ командира дивизии генерала Беляева о смене частей был согласован с комиссаром дивизии и дивизионным комитетом, и, по нашему глубокому убеждению, его выполнение должно было произойти быстро и организованно. Каково же было наше удивление, когда командир полка сообщил, что полк отказался выполнить приказ командира дивизии и принял решение никуда с места не двигаться.

Для выяснения положения дивизионный комитет послал в Переяславский полк двух своих членов, о чем я тут же поставил в известность командование дивизии. Посоветовав им не предпринимать пока ничего, я сам отправился в штаб Лохвицкого полка, чтобы объяснить командиру и комиссару причины задержки с отводом их части на отдых в дивизионный резерв.

Вскоре по звонку Беляева в штаб дивизии прибыл генерал-лейтенант Будберг. Он встретил меня, когда я вернулся, упреками:

— Вот результаты вашей работы. Дивизия разложена. Вышла из повиновения. Отказывается выполнять оперативные приказы командования.

Опровергнуть обвинения, выдвинутые командиром корпуса, было нетрудно. Части дивизии неукоснительно выполняли все оперативные приказы командования, что тут же подтвердили командир и начальник штаба дивизии.

— В том числе и Переяславский полк? — спросил Будберг.

— Да, не отказывался от выполнения приказов и Переяславский полк. С командиром полка я виделся два дня назад, и он заверил меня в том, что дисципли-

на в полку поддерживается на должном уровне. Чем вызван отказ полка сменить лохвичан, я не знаю. Боюсь, что это результат какой-то провокации. У переяславцев я еще не был. Только что вернулся с передовой. Там все в порядке. Лохвицкий полк останется на позиции столько времени, сколько потребуется. Об этом мне твердо заявил не только командир, но и комиссар полка и председатель полкового комитета.

— Ну что же, давайте отправимся к переяславцам и на месте проверим боеспособность этой части. Буду рад, если подтвердится ваша оптимистическая оценка.

Вместе с Будбергом на его машине мы направились в расположение Переяславского полка. Командира полка мы встретили озабоченным. Он рассказал нам, что полк готов уже был выступить на позицию, как неожиданно для всех комиссар полка устроил общеполковой митинг, на котором выступил с глупой демагогической речью. Обращаясь к солдатам, он сказал: «Революцию мы делали не для того, чтобы и дальше гнить в окопах. Я призываю вас, товарищи, на позицию не идти. Если золотопогонникам нужна война, пусть они и воюют, а мы воевать не будем». В своих выступлениях командир полка и председатель полкового комитета напрасно пытались образумить закусившего удила комиссара и повести за собой возбужденную массу солдат. Солдаты их и слушать не хотели.

Наша попытка переубедить комиссара, доказать ему, что сейчас главная задача состоит в том, чтобы удержать фронт, не дать немцам занять Двинск и тем самым открыть себе дорогу на Петроград, ни к чему не привела. Он упорно твердил одно:

— На фронт не пойдем, воевать не будем.

Я должен был бы тут же снять его с занимаемого поста и назначить другого комиссара полка. Вместо этого я приказал созвать общеполковой митинг, надеясь убедить солдат в необходимости выполнения приказа командира дивизии.

Митинг открыл председатель полкового комитета. Слово для доклада он предоставил мне. Рассказав солдатам о победе вооруженного восстания в Петрограде, о свержении буржуазного Временного правительства и переходе власти в руки Советов, большую часть своего доклада я, естественно, посвятил тем новым задачам, которые поставлены революцией перед нами, солдатами действующей армии.

— Советское правительство немедленно предложит демократический мир всем воюющим державам. Предложит немедленное перемирие на фронтах. Но для того чтобы это дело увенчалось успехом, нам надлежит крепко держать фронт. Не забывайте, что мы находимся на подступах к революционному Петрограду. Прорыв на нашем фронте, сдача Двинска откроет немцам дорогу к центрам пролетарской революции, и войска кайзеровской Германии хлынут в глубь России, чтобы совместно с буржуазно-помещичьей реакцией утопить революцию рабочих и крестьян в крови. Укрепляя фронт, мы защищаем не интересы богатеев, а свою рабоче-крестьянскую власть, которая уже объявила о передаче всех помещичьих земель крестьянам, установлении рабочего контроля над фабриками и заводами, о заключении мира и перемирия на фронте. Отказавшись идти на фронт, в окопы, вы тем самым вольно или невольно выступаете вместе с немецкими империалистами и русскими помещиками и капиталистами против восставших солдат, рабочих и крестьян. Я верю, больше того — я убежден, что переяславцы свой долг перед революцией выполняют.

Солдаты покрыли мои слова дружными аплодисментами.

Раздались возгласы:

— Мы все за Советы! За Ленина! За большевиков!

Комиссара полка пришлось снять с занимаемого поста. Приказ полк выполнил.

Так начиналась моя деятельность на посту комиссара дивизии.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Н. ШАМОТА

ОТКРЫТАЯ ЧЕЛОВЕКУ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Все глубже со временем ощущаем мы пафос XXV съезда КПСС — пафос движения, развития, совершенствования. Все полнее и более лично постигаем развитую и конкретизированную съездом стратегическую идею нашего прогресса — идею гармонического развития человека, самую революционную идею современности. Я называю ее самой революционной, потому что она обоснована научно, на значительной части планеты осуществляется практически и выражает самые глубокие и всеобщие интересы людей.

Речь идет о создании новой, коммунистической цивилизации. Главное же богатство общества будущего основоположники научного коммунизма видели именно в новом человеке. Ведь «чем иным, — писал Маркс, — является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития?..»¹. Эта мысль сформулирована Марксом в экономических рукописях, в процессе анализа важнейших экономических категорий. Для коммунистов целью экономического развития всегда было развитие самого человека. В свою очередь, уровень духовной жизни человека ставится в теснейшую связь с его экономическим положением в обществе. Коммунисты умеют

мечтать и предвидеть, потому что твердо стоят на почве реальности.

Основное богатство коммунистической цивилизации — новый человек уже создается, и не по рецептам самосовершенствования, коим нет числа, а в революционном действии, в трудовой деятельности масс. Шестьдесят лет советской истории — это годы воплощения в жизнь великой гуманистической идеи, идеи развития человека, утверждения социалистических начал в его сознании, психологии, морали, быту. Величие наших идей все полнее раскрывается в красоте и величии наших людей.

Идея гармонического развития человека убедительно прозвучала в той части документов съезда, где развернута экономическая стратегия партии и определены фундаментальные, долговечные цели, высшей из которых признан неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. В решениях съезда задача борьбы за материальное и духовное благополучие наших людей определяется как единая задача. Эта мысль закреплена в новой Конституции СССР и стала, следовательно, конституционным принципом развития общества зрелого социализма.

Сориентированность планов и стратегических расчетов на удовлетворение и развитие материальных и духовных потребностей граждан одновременно коренным образом отличается от всего того, что называют экономическими планами и социальной стратегией в капиталистическом мире. Отличается, во-первых, своим реализмом, во-вторых — гуманизмом. Именно там, где экономика проходит испытание на человечность, лежит водораздел между гуманизмом

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 476.

дел и гуманизмом слов, между реальным гуманизмом социализма и все более слабеющими и все циничнее искажающимися отзвуками гуманистических лозунгов буржуазии.

Идея гармонического развития личности нашла яркое проявление в утвержденной съездом широкой программе деятельности, рассчитанной на дальнейшее углубление нашего осознания марксизма-ленинизма, воспитание на этой основе наших людей в духе коммунистической идейности. Идейность же эта, как сказал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС, является сплавом знаний, убежденности и практического действия. Воспитание такой личности не есть утилитарная задача: знающий, убежденный, деятельный человек нужен не только обществу — его собственная жизнь оказывается духовно насыщенной и гармоничной, он удовлетворяет свои высшие потребности, не говоря уж о том, какое огромное значение имеют знания и убежденность в той человеческой ценности, которая называется личной свободой.

Забота партии о человеке, о полном освобождении его чувств от пережитков и предрассудков прошлого, о его оптимистическом мироощущении отражена также в нацеленности нашей идеологической работы на бескомпромиссную борьбу против буржуазной идеологии, на политическую бдительность и готовность дать отпор любым идеологическим диверсиям.

Глубоким гуманизмом и интернационализмом проникнута международная политика нашей Коммунистической партии. Гуманистическая и общечеловеческая цель нашего мирного наступления встречает понимание и поддержку трудящихся во всех странах. Что же касается советских людей, то они кровно заинтересованы в том, чтобы ничто не омрачало их творческий труд, в котором они нашли надежную гарантию человеческого достоинства и свободы. Социалистический труд в нашей стране создает такую морально-психологическую среду для личности, когда угасают извечные, казалось бы, конфликты между чувством и долгом, между обязанностью и свободой, конфликты, прежде становившиеся трагедией и проклятием личности, как только она поднималась над заурядностью. В борьбе за мир мы защищаем не только созданные трудом народа материальные ценности, но и величайшего исторического значения ценности духовные.

Гуманизм решений XXV съезда КПСС нашел яркое воплощение в доброжелательной и требовательной оценке и оптимистическом предвидении дальнейших успехов советской литературы и искусства, в поддержке творческих поисков художников и определении путей здорового развития художественной культуры как культуры глубоко народной по содержанию и партийной по своему пафосу и целеустремленности. Отношение к искусству, к его роли в общественной жизни, может быть, самое убедительное средство проверки всякой теории и всякой политики на человечечность. Забота нашей партии о развитии искусства есть в то же время забота о благе трудящихся.

Пожалуй, нет необходимости спорить с теми, кто пытается отрицать или пробует хотя бы преуменьшить международное значение результатов XXV съезда КПСС: интернациональной является сама идея гармонического развития личности, столь ярко выраженная в его решениях, интернациональным достоянием является опыт и успехи нашей партии в воплощении этой идеи в жизнь.

Западные идеологи и журналисты вскоре после XXV съезда спохватились: не слишком ли много внимания уделили они этому событию? В самом деле, почему съезд советских коммунистов становится событием международного значения и его нельзя «закрывать», в то время как, например, конгресс II Интернационала даже в благосклонной печати выглядит заурядным событием, а то и вовсе остается без отклика? Уж не потому, конечно, что «большая пресса» так дорожит объективностью. В этом ее не заподозришь. Дело в том, что буржуазная печать о нашем съезде не то что информировала — она против него воела!

Что ж, их можно понять, буржуазных идеологов. В попытках очернить нашу страну, наш рабочий класс, посеять сомнение относительно гуманистического содержания наших достижений, дел и представлений о будущем нельзя не видеть проявления классовой борьбы буржуазии той или иной страны против своего рабочего класса и международного рабочего движения в целом. Между тем миллионы трудящихся мира справедливо считают опыт строительства социализма и коммунизма в СССР предметом своей пролетарской гордости.

Легко понять и то, почему главным объектом нападок буржуазной пропаганды

стал именно социалистический образ жизни, почему ей так хочется, так необходимо подорвать доверие к нашим гуманистическим принципам; социалистический образ жизни привлекает сердца миллионов трудящихся царящей в нем атмосферой взаимопонимания и взаимоуважения людей независимо от рас и наций; бесконечно дорогим и желанным всякому трудовому человеку представляется тот моральный климат, когда превыше всего ценится труд, когда честность, умение, мастерство, артистизм в работе поднимаются на уровень самых высоких духовных и нравственных ценностей. Трудно буржуазным пропагандистам опровергнуть симпатии трудящихся к тому образу жизни, при котором на человека не давит призрак «черного дня», где господствует и на деле подтверждается уверенность, что каждый следующий день будет светлее и радостнее, одним словом, где человек навсегда освободился от страха за свое будущее.

В этом великом преображении родины и истинном освобождении человека огромную работу совершила и совершает литература социалистического реализма. В формировании, утверждении и совершенствовании социалистического образа жизни немалая ее заслуга. Лучшие произведения советской литературы, отражающие новые художественные взгляды общества, сами стали неотъемлемой частью этого образа жизни, его духовного богатства. Участие в осуществлении самых гуманных идей социализма было и будет нравственной основой, человеческим стимулом интеллектуальной активности и источником философской глубины нашей литературы.

Пути и формы участия литературы в этих исторических преобразованиях богаты и разнообразны, как разнообразны и проблемы нашей жизни, как непохожи люди, решающие их. И все же можно, я думаю, выделить несколько главных направлений художественных поисков и свершений советской литературы, несколько направлений, в которых она, активно взаимодействуя с современными интересами общества, наиболее полно выражает народность и партийность своих гражданских и художественных принципов.

На первое место я поставил бы свойственный именно советской литературе пафос движения, предчувствие будущего как встречи с чудом. Тем самым она точно от-

ражает реальную особенность нашего образа жизни и с гражданской зрелостью реагирует на его действительные потребности. И этим непримиримо отличается от литературы всех модернистских направлений.

Когда-то Фауст, одержимый жаждой познания, нашел повод, чтобы воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Нынешние недостойные потомки Фауста, если бы их душами заинтересовался Мефистофель, одержимые страхом перед будущим, возопили бы: остановись, мгновенье, какое уж ты есты!.. Страх перед будущим — маниакальная идея модернистской литературы, даже если она называет себя авангардной. Что ж, это говорит только о том, с каким образом жизни она связана на деле и чего стоят слова о ее «нонконформизме» и «незаангажированности». Для советской литературы естественная связь с действительностью начинается с ясного понимания того, что стремление к познанию, желание угадать, «прозреть» будущее — это в природе человека. Гуманизм как деятельность, а не абстракция невозможен без уважения основных свойств человеческой природы.

В ночных раздумьях старого мастера («Ночные раздумья старого мастера» — так называется новое произведение Миколы Бажана), в последнем отчете перед судом собственной совести бывшего боевого офицера, затем директора гонимого предприятия Никитина (повесть сибирского писателя Владимира Сапожникова «Счастливчик Лазарев»), во всей системе самооценок рабочего Пыжова (героя эпического произведения донецкого прозаика Александра Чепижного «Гага»), в размышлениях героев многих других книг мы ощущаем гордость за честно и полноценно прожитую жизнь с полной мерой радостей и трудностей, выпавших на их долю. Спросите любого из этих героев: какой бы напряженной и нележкой ни была их жизнь, ни один не раскаивается в своем «выборе», ибо действительно сам выбрал именно такую жизнь. В этом, может быть, важнейший духовно-нравственный результат социализма, который дает человеку ощущение собственной незаменимости. А разве это такой уж простой дар судьбы, разве в жизни человека это мало значит? Причем нельзя не отметить, что это оптимистическое мировосприятие было бы невозможно, если бы человек не был

уверен, что оставляет что-то и для будущего, для других. У каждого есть свои паруса и свой берег — свой «Орион» и свой «берег любви», как говорится в новом романе Олеся Гончара «Берег любви».

В этом смысле литературу нашу можно назвать литературой счастливых людей. Раскрывая жизненный опыт героев, опыт нового общества, советская литература достигает большой философской глубины в решении отнюдь не простых вопросов. На реальной почве новых общественных отношений, в полном согласии с раздумьями современников она ставит и в оптимистическом духе решает один из так называемых вечных философских вопросов художественного творчества, прошедших тревогой и болью через всю культуру человечества и приводивших одних к познанию и революции, других — к мистике и реакции. Это вопрос о смысле человеческого бытия. Вопрос, который решается именно на реальной почве, на почве современности. Один из персонажей романа Анны Зегерс «Транзит» в минуту отчаяния говорит горькие слова о том, что каждый в жизни всего лишь транзитный пассажир, человек без сегодня, ибо сегодня — только пересадка из вчера в завтра, ожидание, а не движение. Для такого отчаяния были причины у героев этого произведения, горимых, бесправных, затравленных.

Но люди не могут жить ни без надежды, ни одной лишь надеждой. Сама наша вера в будущее была бы лишена смысла, если бы мы не умели строить и ценить современность, переносить в нее из будущего все, что можно перенести, обогащать ее будущим. Наше сегодня, каждый час должны стоить того, чтобы их любить, потому что их нельзя прожить вновь.

И действительно, герои названных мною произведений, что вообще характерно для советской литературы, не аскеты. Обстоятельства не требовали от них самопожертвования. Они не совершили как будто бы ничего героического. И все же когда мы с ними, мы чувствуем, что живем рядом с подвигом. Мы убеждены, что каждый из них в критический момент способен забыть о себе ради других, отдать себя без остатка людям. Думаю, что, например, у партизана из повести Василя Быкова «Волчья стая» просто не хватало бы физических сил, чтобы отбиться от волчьих стай — от фашистских карателей и от вол-

ков, — если бы хоть на миг изменили ему силы душевные, если бы перестало биться, как сердце, святое чувство ответственности за жизнь только что рожденного партизанского ребенка, сироты, если бы оставило его упрямым чувством долга, надежда передать хоть одному живому человеку имена родителей этого ребенка, имена, которыми будущий гражданин вправе гордиться.

Есть в романе Олега Куваева «Территория» легенда о Марке Пугине. Рядовой советский работник, в 30-е годы он был переброшен с Памира, где занимался национальным вопросом, на Крайний Север, чтобы помочь охотникам и поморам приблизиться к новому строю жизни — к социализму. За три месяца выучил он язык местного населения, кое-как сколотил собачью упряжку и, едва научившись управлять ею, пулился осваивать огромную Территорию, равную нескольким европейским государствам. Он замерзал, голодал, принимал роды у своей жены, невероятно трудно доставался ему опыт северянина. Но Марк Пугин все преодолел, потому что так велели ему долг и совесть. И стойкостью, мужеством, бескорыстием завоевал симпатию к большевикам в самом отдаленном уголке нашей земли. Прожил он там пятнадцать лет и умер на садовой скамейке, поставленной на галечном берегу северного океана, еще не зная, как вырастить сад, но веря, что его там непременно вырастят. Великий мечтатель нового мира — мечтатель, умеющий работать. Будь я скульптором, я воспроизвел бы в бронзе, в золоте эту скромную фигуру на садовой скамейке еще не существующего сада и назвал бы ее «Счастье». Или «Большевик», что было бы то же самое...

«Соль соли земли» — это, должно быть, о таких людях думал Н. Г. Чернышевский. Их немало. И становится все больше. Ибо, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»². А строительство коммунизма — основательное историческое действие, и оно просто немислямо иначе как дело всенародное.

Если бы возникла потребность назвать одну — только одну! — характерную черту социалистического реализма, я сказал

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 90.

бы, что это безусловно преклонение перед героическим в людях, эстетическая поддержка героического, пророческая вера в то, что в человеке заложена способность к подвигу. В своей любви и требовательности к людям наша литература стояла и стоит на том, что человеку не следует и даже непорядочно ждать случая, чтобы проявить себя сполна, что в конечном счете вся жизнь представляется таким случаем. Я называю эту очевидную особенность нашей литературы среди главных потому, что таким образом она доказывает свое умение «слышать» историю — качество, которым определяется масштабность и долговечность художественного таланта. Я считаю эту особенность важнейшей и потому, что, на мой взгляд, никакая система, определяющая, оценивающая способности и потребности людей, если она исключает готовность к героическому и потребность в героическом или хотя бы относит их к области исключительного, не может доказать, что она действительно справедлива к людям. Это максимализм, наверное. Он возник в нашей литературе, думаю, из постоянного пытливого интереса художников к труду людей, области малопривлекательной в прошлом. Но оказалось, что именно на непрерывности и преемственности человеческого труда зиждется связь времен, непрерывность истории. И будущее рождается трудом, лишь с ним мечта превращается в действительность, подобно тому как и прошлое передается нам в виде плодов труда и трудового опыта. Будущего не ждут — его создают.

Одна из важнейших особенностей общества развитого социализма заключается, по-видимому, в том, что на этом этапе развития социализм все более полно обнажает в труде его подлинное содержание — в сознании миллионов и миллионов людей труд предстает как историческое деяние, деяние великого значения и масштаба, естественное продолжение Октябрьской социалистической революции.

То, что коммунисты называют освобождением труда и что было первым из первых лозунгов нашей революции, в конечном итоге является проявлением исторического, творческого, духовно-нравственного начала в трудовой деятельности человека. Социализм, таким образом, открыл глубинное содержание понятия свободы и, осуществляя свои основные лозунги на деле, положил конец буржуазным спекуляциям

вокруг этого понятия. Он доказал, что реальное обеспечение этого понятия лежит в области труда, что свобода личности начинается со свободы труда — «вечного естественного условия человеческой жизни». Кто неспособен дать слову «свобода» такое реальное наполнение, тот не имеет на это слово никаких прав. Пустыми болтунами остаются те ревнители «свободы личности», которые неспособны предоставить миллионам людей в своих странах самой простой работы. И уж если говорить о так называемой третьей корзине хельсинкских соглашений, то западные политики предстают перед судом мира как заведомые нарушители основного права человека — права на труд, права, которое должно даваться человеку от рождения.

Свободный труд — наша социалистическая действительность. И понятно, что литература с ее углубленной человековедческой пытливостью не могла пройти мимо этой темы. Советские писатели с удивлением, радостью и восхищением открывали для себя и для мира это важнейшее, впервые возникшее обстоятельство жизни миллионов людей, обстоятельство, которое все более естественно определяло и определяет мироощущение, душевную удовлетворенность, доброе настроение человека. Свободный труд — естественное условие самореализации личности. Это убеждение проходит через всю историю нашей литературы, начиная, скажем, с «Цемент» Ф. Гладкова до только что опубликованного романа молодого писателя Ю. Скопа «Техника безопасности».

Известно, что эстетические отношения искусства с действительностью имеют двусторонний характер: действительность — объект изображения, она же, с другой стороны, поле труда писателя, предмет его заботы. Жизнь изображают, если говорить о литераторах серьезных и ответственных, не из простого любопытства, и главным образом любопытства к необычным ее проявлениям, — жизнь отражают, чтобы объяснить. В социалистическом обществе художник получает свободу не только объяснять жизнь, но и выполнять другую не менее важную и достойную задачу — участвовать в изменении ее.

В 1918 году В. И. Ленин писал: «Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменив-

шем частную собственность на земли и на фабрики»³.

Искусство, как известно, не требует признания его произведений за действительность. И дело, понятно, не в том, чтобы оно своими образами множило примеры трудовой доблести и славы. Но в его силах раскрыть привлекательность людей, достойных подражания, увлечь читателей их примером, показать, как говорил поэт, «душ золотые россыпи» наших великих тружеников. Можно ли представить себе более конкретный и благородный отклик на известный призыв великого гуманиста сеять разумное, доброе, вечное?..

Народность нашей литературы проявляется и в том, что созданные образы, если это, конечно, правдивые образы, включаются в систему собственных наблюдений читателя, подтверждаются его практическим опытом и освещают светом прекрасного сам этот опыт. Часто поступки людей, принятые, одобренные обществом и от его имени художником, могут служить примером, нормой поведения.

Имеем полное основание сказать: в том, что моральной нормой социалистического образа жизни становится отношение к труду как к делу доблестному, уважаемому, славному, что отношение к труду становится определяющей частью характеристики человека как личности, немалая заслуга литературы социалистического реализма. Немалая ее заслуга в том, что с отношением к общественному труду мы связываем такие понятия, как достоинство, доброты и порядочность человека.

Дело, конечно, не в том, чтобы отражать непременно, как сеют, жнут, добывают уголь, прокладывают нефтепроводы. Хотя и того забывать не следует, что будничных дней в жизни все же больше, чем праздничных, и что хорошо празднуется, когда хорошо поработалось. Но для литературы суть дела заключается в том, чем вдохновляется труд и что он оставляет в человеческом сердце.

И в этой связи хотелось бы обратить внимание на одно очень важное обстоятельство в отражении нашей литературой труда и трудовых отношений — на поэтическую поддержку духа народной инициативы и трудового соревнования. Кстати, в

приведенных выше словах из работы, где Ленин говорит о силе примера, он специально подчеркивает значение соревнования и призывает всемерно его расширять и поощрять. В самом деле, существует ли более бескорыстная инициатива, чем инициатива трудовая, возможно ли более благородное соревнование людей, нежели соревнование, в котором выигрывают все, — трудовое соревнование? Имеются ли более достойные основания для человеческой гордости, чем гордость за честный и упорный труд, известны ли более чистые источники славы, чем труд?

Из принципиальной поддержки народной трудовой инициативы вытекает и бескомпромиссность советской литературы в неприятии равнодушия. Равнодушие к делу осуждается с такой же силой эмоционального негодования, как и прямая враждебность ему.

Свободный труд делает свободным и независимым труженика. Эстетическое «открытие» этой гуманистической природы социализма неизмеримо обогатило нашу литературу и выдвинуло ее в число ведущих литератур современного мира. Литература социалистического реализма заявила о себе как самая демократическая и самая справедливая в мире.

Но есть еще одно качество советской литературы, в котором столь же зримо проявляется ее душевная связь с социалистическим образом жизни. Я имею в виду ее постоянный интерес к утверждению в обществе принципов коллективизма, к развитию чувства коллективизма в общественной и частной жизни миллионов людей, а также усиливающуюся активность в разоблачении эгоизма, себялюбия, тунеядства, раболепия перед вещами и т. п. В лучших художественных произведениях, в литературе в целом коллективизм поддерживается как необходимое духовное достоинство общества и неопровержимое свидетельство рождения в жизни нового типа человека — человека, высоко ценящего то, что он живет в обществе единомышленников.

Писатели показывают художественное проявление этого на всех уровнях человеческих отношений: и там, где речь идет о связях общественных, где изображаются большие трудовые коллективы, важные события в жизни общества, и там, где внимание привлекают обстоятельства частной жизни людей, дела семейные и бытовые.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 150.

В одних случаях оперируют такими широкими, общезначимыми понятиями, как консерватизм и новаторство, личное и общественное, и отражают конфликты, рождающиеся на этой почве; в других речь идет о воспитании детей, отношениях семейных, чувстве любви, ревности, зависти, благодарности и т. д. И везде и во всем человек может проявить себя коллективистом или эгоистом, который угнетен пережитками и предрассудками. Везде коллективизм сочетается с творческой и общественной активностью, с бескорыстием и справедливостью. С коллективистом легко жить и работать, потому что ему чуждо чувство собственной исключительности, потому что он откажется от любых преимуществ, если они недоступны другим.

Стоит, пожалуй, подчеркнуть, что изображение действительности на уровне частной жизни вовсе не означает сужения исходной точки зрения. Во-первых, человек немалую часть времени остается наедине с собою, со своими маленькими и большими заботами, желаниями, планами, остается лицом частным, — не думать о душевном благополучии его в эти часы жизни значит мало думать о нем как о человеке. Во-вторых, и это для нас очень важно, социализм проникает в быт, сказывается на поведении, настроении человека, на решениях всех частных вопросов. Литературе важно понять, показать это, потому что здесь она найдет еще одно доказательство значительности и необратимости социалистических преобразований в нашем обществе. В этой области человеческих отношений литература находит все новые проявления еще одного процесса необыкновенной важности — процесса сближения обыденного сознания с научным мировоззрением. Думаю, что и с точки зрения заботы о свободе личности — заботы подлинной, а не мнимой — значение этого обстоятельства невозможно переоценить. Всегда свободнее мыслит тот, кто мыслит научно, и всегда свободнее действует тот, кто хорошо осознает свою цель.

И наконец, нельзя не заметить, что быт современного человека, этот «начальный» уровень, нелегко поддается художественному изображению, что не всякий талант обладает достаточной проницательностью и зрелостью, чтобы увидеть «мелочи» и уловить большое и общезначимое в этих «мелочах». Далеко не всегда писатели, изо-

бражая частную жизнь, быт, находят ее внутренние связи с жизнью коллектива и страны, с нравственными нормами, установившимися в обществе.

Литература наша никогда не представляла себе процесса воспитания человека легким и гладким. О сложности человеческих характеров и отношений, о необходимости длительной и терпеливой работы с людьми напоминают нам такие произведения последних лет, как, например, «Василий и Василиса» Валентина Распутина, «Царь-рыба» Виктора Астафьева или, скажем, «Жизнь на грешной земле» Анатолия Иванова. Но для писателя недостаточно показать сложный и необычный характер, куда важнее открыть пути к его душе, к его сознанию. Не всегда это удается, и не удается чаще всего тогда, когда частные случаи подаются вне широкого социального контекста.

Ведь немислимо представить, чтобы, живя в обществе, человек, на беду свою, оставался независимым от общества, как бы вне общества. Я подчеркиваю: на беду свою. В условиях социалистического образа жизни перед нами все выразительнее и полнее раскрывается гуманистическая сущность известного ленинского положения о том, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Утверждая это, Ленин имел в виду не только тех, кто в классовом обществе старался «прикрыться» своей беспартийностью или провозглашал вздорные анархистские лозунги о так называемой абсолютной свободе. В тесной связи человека с обществом, пусть это даже называется зависимостью его от общества, Ленин видел условие, когда свобода становится вообще возможной. Потому что свобода необходима человеку прежде всего для деятельности, которая не бывает сама по себе целью, но приобретает смысл, лишь когда становится средством общения с людьми.

Многим известно произведение Валентина Распутина «Живи и помни». В центре повести двое: дезертир, явление вообще патологическое в этой войне, и его жена, преданность которой мужу приводит в конце концов к трагическому исходу. Иначе не могло и быть в условиях этой войны, когда миллионы женщин в тылу так же презирали трусов, как и солдаты на фронте. На этом, в общем, нетипичном случае и на судьбе этих двух фигур писателю удалось талантливо раскрыть очень

важную особенность нашей советской жизни: оказаться вне общества, нашего отзывчивого, чуткого и требовательного общества,— страшная беда, трагедия хуже смерти.

Рассказ В. Распутина «Василий и Василиса» — произведение о частной жизни людей. Он охватывает не меньше трех десятилетий жизни главных героев — мужа и жены, и на эти десятилетия приходится событие, решающее не только для страны в целом, но и для каждого человека в отдельности,— Великая Отечественная война. Однако даже война никак не сказывается на весьма сложных взаимоотношениях двух своеобразных характеров — Василия и Василисы, вынужденных жить на одном подворье как в аду. Это «своеобразие» словно бы загнипнотизировало автора, и он отказался от права судить о своих героях и об их жизни. Читаешь этот рассказ и думаешь: не слишком ли здесь большой контраст тому, что мы знаем о современном крестьянине и что сказала русская литература о русском национальном характере — советском характере? Я не хочу, избави бог, упрощать (тем более что при моем уважении к этому писателю подобное упрощение было бы невыгодно для нас обоих) и не допускаю сомнений, что изображенное автором душевное захолустье существует, но, на мой взгляд, оно и показано должно быть так, чтобы не оставалось никаких сомнений, что это именно захолустье, душевная периферия, что ли.

Над зыбкою, то есть в заботах о детях, проходит почти вся сознательная жизнь героини повести другого сибирского писателя, Виктора Потанина. Повесть так и называется — «Над зыбкой». Героиня — крестьянская женщина с сильным характером и отзывчивой душой. Вначале в зыбке копошились ее дети, а не успела зыбка остынуть, как туда поселились дети детей. А она все с ними, Ее не хвалили на собраниях, нет ее портрета на колхозной Доске почета, хотя, может быть, и напрасно, но тем не менее женщина — и мы ее понимаем — не считает себя обделенной судьбой и определено обиделась бы горько, если бы кто сказал, что ее жизнь неполноценна. О смысле своей жизни, о пользе ее и радости она судит по тому, в какой мир идут и какими людьми становятся ее воспитанники. И горда тем уважением, которое заслуживают у людей ее дети. По моему, это достойный критерий.

Чувство коллективизма на бытовом уровне, так сказать, стихийно может проявиться в том, как человек относится к мнению других людей о его образе жизни и поведении. Известно — и это хорошо показано в повести украинского писателя Владимира Дрозда «Люди на земле», как, впрочем, и во многих произведениях других авторов,— что за пренебрежительным отношением к мнению коллектива, за спесью и гордыней обычно прячется душа черствая, присущи ей и жадность, и скаредность, и лень, чувства, с которыми на люди не выйдешь, ни с кем не поделишься.

Если же говорить о других уровнях отражения и утверждения морали коллективизма, то прежде всего следует указать на органическую связь трех драгоценных понятий нашего образа мышления и мироощущения. Это коллективизм — патриотизм — интернационализм.

Для семьи Сирашей из романа украинского писателя Александра Сизоненко «Степь» близки и понятны свои деревенские дела, но близкими для них оказываются в те предвоенные годы и события на Халхин-Голе и положение в Испании. Правда, Сираши широко связаны с миром и, так сказать, семейно: где-то далеко от дома испытывают судьбу своего сыновья старого Сираша. Но и то верно, что карту Испании в те годы в советских городах и селах знали не хуже, чем свою. Как верно и то, что и о судьбе детей можно заботиться по-разному. Живы ли они? — может спросить отец, и каждый поймет его тревогу. Но возможен и другой вопрос: сохранили ли они честь свою в испытаниях? Сирашей волнует и это. Ибо дело в том, что события, в которых участвовали советские граждане, отстаивая честь Родины и неприкосновенность ее границ, где они выполняли свой интернациональный долг, становились предметом серьезных размышлений, переживаний, обсуждений многих и многих людей, так сказать, на бытовом уровне. Эти люди мыслили как советские патриоты и интернационалисты, ясно отдавая себе отчет в том, что защита Родины и интернациональная помощь трудящимся, восставшим против фашизма, входят в круг их человеческих обязанностей.

Так в новом человеческом качестве предстает перед нами советский крестьянин. Таким воспитал его колхозный строй, коллективные формы труда. Таким воспиты-

вает его наша советская демократия — высшая форма коллективизма, воплотившая морально-политическое единство народа. Коллективизм, поднимающийся до понимания народа, родины как единого коллектива — до советского патриотизма; коллективизм, поднимающийся до чувства пролетарской, революционной солидарности и не отделяющий судьбы человека от судеб человечества, до пролетарского, социалистического интернационализма, — такой коллективизм в нашу эпоху становится громаднейшей политической, духовной, нравственной силой. И невозможно представить себе действительно правдивое искусство, которое игнорировало бы этот важнейший фактор современной истории. Точно так же немисливо представить действительно гуманистическое искусство, которое игнорировало бы такую моральную величину.

Можем сказать в связи с этим, что сама жизнь социалистического общества, его нравственные устои, очевидные преимущества простого человека, которые он получает в этом обществе во всем и навсегда, дают каждому человеку и каждому советскому писателю моральное право на прямую критику так называемого общества потребления, общества равных возможностей — капиталистического образа жизни, какими бы названиями оно себя ни украшало. Примером здесь служат нам Максим Горький и Владимир Маяковский.

И наконец, несколько вопросов, связанных с вечной заботой литературы — о качестве. Впрочем, этот вечный вопрос каждый раз предстает с новыми акцентами, каждый раз выдвигается на первый план то одно, то другое свойство художественного творчества.

Вот и в наши дни. Люди живут нормами зрелого социализма, законами социалистического образа жизни. В главном, решающем социалистический образ жизни определяет типические обстоятельства, в которых реалист отражает типические характеры. Из этого вытекают определенные условия в отношении принципов художественного обобщения, типизации. Масштабность мышления художника все более органически должна сочетаться с пронизательностью в наблюдении самого малого и мельчайшего. Можно сказать, что масштабность мышления ныне неизбежно включает в себя такую пронизательность.

Писателя вообще интересуют не просто необыкновенные характеры и необычайные судьбы, которые также могут заинтересовать и читателя, но характеры и судьбы, в которых в той или иной степени и форме отразилось то, чем живем мы все, — обстоятельства жизни общественной. Коротче говоря, результатом художественного поиска хочется видеть реальные, живые проявления нашей социалистической нови в поведении, мировосприятии, самочувствии каждого человека, каким бы заурядным он ни казался. Для литературы вообще нет людей незначительных.

Уж до чего незначительным, малоинтересным казался сначала Акимка в «Царь-рыбе» В. Астафьева. Но страница за страницей книга убеждает нас, что Акимка не дитя природы, бесхитрое и беззащитное, а человек определенного общественного опыта. И будь этот опыт не столь ограничен (в силу определенных обстоятельств он поневоле ограничен), мы встретились бы несомненно с крупной и масштабной личностью. Во всяком случае, то, что сделал Акимка для другого, незнакомого человека в ущерб всем своим интересам и заботам, обнаруживает в нем характер значительный, совестливый и благородный.

Обобщать, типизировать вовсе не значит подводить каждое изображаемое явление под самые широкие общественные понятия. Вместе с тем локализация факта в соответствии с его подлинным смыслом должна содержать в себе и объяснение того, почему он должен восприниматься как факт ограниченного действия. Подобного ограничения, однако, не предусмотрел, например, Юрий Трифонов в повести «Дом на набережной». Получилось так, что иные морально опустошенные, никчемные люди, давно поправшие нормы социалистического общежития, ведут себя так, будто никому до этого нет дела, будто их поведение не выпадает из общего строя жизни, будто то, как они действуют и как оценивают свои действия, не противоречит общепринятому и не осуждается с точки зрения общепринятого. Между тем правда заключается в том, что такие люди (там, где они еще встречаются) в нашей нравственной среде не могут действовать без оглядки на эту среду, вынуждены скрепя сердце считаться с нею и внешне приспособляться к ней. Цинизм подобных типов обычно сочетается с трусостью. В про-

изведении Ю. Трифонова есть правда о том, что подлецы не перевелись и в нашем обществе. Не подчеркнута, однако, правда о том, что в нем они только отщепенцы, что здесь они не дома. А это в известной мере снижает гражданскую активность его книги.

Бывает, что пассивная позиция автора в отношении какого-либо отрицательного явления, изображаемого им, слишком расширяет общественный смысл этого явления. Подобный казус произошел, например, с рассказом Г. Тютюнника «Грамотный» («Вітчизна», 1977, № 5). Писательская позиция в отношении события и участвующих в нем или наблюдающих его персонажей (товарищеский суд над мужиком, избившим старуху за «потраву», превратился в фарс и описан как «жанровая сценка») по меньшей мере выглядит позицией постороннего наблюдателя, хотя речь идет о случае, когда человеку оставаться в стороне никак нельзя. Можно, правда, сказать, что такова, мол, манера писательская, когда автор будто нарочито не вмешивается в события. Но в том-то и дело, что всегда это только «будто». А главное, бывают случаи, когда никакая манера не оправдывает позиции «невмешательства», ибо речь идет уже не о стиле письма, а о стиле общественного поведения писателя.

Повесть Анатолия Иванова «Жизнь на грешной земле», писателя интересного, пытливого, одаренного, сопровождается аннотацией: «...рассказывает о жизни советской деревни»; повесть печатается в серии «Подвиг». На самом же деле никакого интереса к проблемам жизни советского села герои повести не проявляют и вообще повесть не о том. Ситуация, заинтересовавшая писателя, может быть связана необязательно с деревней, ее бытом.

Напомню коротко сюжет повести. Еще до войны некто Денис Макшеев, чтобы жениться на девушке, невесте своего односельчанина Павла Демидова, совершил поджог в колхозе и подстроил так, что подозрение пало на Павла. На основании фальшивых показаний Макшеева Павел Демидов был осужден на длительный срок заключения. После штрафного батальона, плена и «срока» Демидов возвращается в родные края с единственной мыслью — отомстить клеветнику. Макшеевы приходят в отчаяние от одного только появления Павла перед их домом. Пробовали они вручить Павлу отступного, но он оказал-

ся неподкупным. Переехали было Макшеевы на другое место, но Демидов появился вновь, и все начиналось сначала. Конфликт завершается тем, что Макшеев бросается в прорубь... Ни о чем другом, кроме того, что связано с этой драматической ситуацией, в повести не говорится. Смутные размышления о справедливости и терпении возникают тоже в связи с нею.

Есть в «Жизни на грешной земле» и светлые страницы, есть привлекательные черты в характере главного героя. Но все-таки при чем здесь подвиг, в чем подвиг-то? Изображенные в повести обстоятельства не давали простора для подвига. Подвиг относится к понятиям широкого общественного значения. И если он действительно является высшим проявлением преданности человека людям, то на подвиг могут вдохновить лишь чувства гуманные, благородные. Весьма сомнительно, по крайней мере сомнительно в отношении изображенной в этой повести ситуации, чтобы чувство мести подвигло кого-либо на героический поступок. Издатели поступили некорректно и с писателем и с читателем, когда подвели частный случай под обобщения, которых он не выдерживает.

Говоря о воспитании писательского таланта, особенно молодого таланта, необходимо отметить прежде всего, мне кажется, вот что. Всем нам очень хочется большей открытости души художника новому в жизни общества, тому новому, что «откладывается» национальным достоянием в самых глубинах народного быта и мышления. Хочется большей открытости и традициям советской литературы, среди которых следует особо выделить пытливость к новому, упоение новым. Но раз уж зашла речь об открытости, понятии, с некоторых пор ставшем предметом литературно-критических дискуссий, на ней стоит остановиться подробнее.

Искусство социалистического реализма первым открыло свою душу величайшей из революций — Октябрю и самому честному, самому талантливому строителю жизни — человеку труда. Конкретно-историческое отражение жизни в ее революционном развитии... Какая иная эстетическая система может сравниться с нашим искусством по своему жадному интересу к жизни, к тончайшим проявлениям мысли и чувства человека? Какая иная эстетическая система давала и дает такой про-

стор для свободного развития и проявления индивидуальных склонностей и художественных симпатий писателя? В литературе социалистического реализма нашли свое место и свою большую творческую судьбу Горький и Шолохов, Маяковский и Твардовский, Гладков и Фадеев. То же можно сказать и о писателях других литератур народов СССР, например украинской, где индивидуальная самобытность советских классиков столь же разительна. Так не грешно ли нам, имея такую литературу и такие возможности, всерьез дискутировать на тему, обогатит ли нас практика Джойса или Кафки, если ей «открыться», или не обогатит?

А за понятием открытости социалистического реализма нередко стоит именно преувеличение достижений модернизма, которыми будто бы следует обогащать социалистический реализм. По этому поводу академик М. Б. Храпченко на VI съезде писателей СССР заметил: «Некоторые литературоведы и критики подчеркивают прежде всего открытый характер социалистического реализма в отношении самых различных средств художественного выражения, в том числе и тех, которые созданы представителями нереалистических направлений в искусстве нашего времени» — и вполне справедливо предостерег: «...неоправданное обращение к любым (подчеркнуто оратором.— Н. Ш.) художественным средствам способно привести к тому, что эстетическая система может превратиться в конгломерат совершенно разнородных явлений, внутренне не связанных между собой. Социалистический реализм тем самым будет утрачивать свою действительную силу, свою целеустремленность».

Мы не сектанты и уважительно относимся к лучшим достижениям литературы XX века. Но именно к лучшим, то есть сохранившим реалистический взгляд на мир и веру в разум человека. Но чем может обогатить нас, скажем, опыт Джойса, этого идола модернистов? Нельзя не согласиться с Б. Л. Сучковым, когда он писал: «Нет ничего более чуждого социалистическому реализму, нежели джойсовская манера». Или в другом месте: «Нет нужды изучать язык этого искусства (разрядка автора.— Н. Ш.), ибо им говорят пустота». Печально, что некоторые авторы, выступая с идеей открытости, не дают себе труда позаботиться о том, чтобы не

оставалось никаких сомнений относительно действительного содержания этого расплывчатого понятия.

Буржуазные футурологи, соревнующиеся в смысле популярности, кажется, с самой кибернетикой, отваживаются предсказать решительно все до нового всемирного потопа включительно. Однако и они неохотно берутся за прогнозы в области искусства. А если берутся, то картина у них получается поистине апокалипсическая. Иначе и не может быть: экстраполяция нынешних «успехов» модернизма, как, например, фиксация «разорванного сознания» или знаков подсознания, может привести только к тому выводу, что последним «достижением» искусства будет молчание. Что касается «массовой» литературы, то она уже дошла до уровня полной безответственности и ее «достижения» продлевать вообще некуда. Никаких иных методов прогнозирования, кроме количественных, буржуазная футурология не знает. Тем более неведомы ей другие реальности современной культуры, кроме модернизма и «массовой» продукции.

Советская литература отличается пронизательностью наблюдений, «прозрением» исторических перемен и масштабностью философских обобщений. Она создает коллективную эпопею, которую потомки, может быть, назовут «Человек и коммунизм». Общечеловеческий характер этой задачи, чувство ответственности перед историей ставят литературную работу в число важнейших деяний человечества.

История литературы, выступавшей в защиту человека, была историей ее хождения по мукам. Наши художники обрели подлинное человеческое счастье — счастье жить и работать в обществе, где душевное благополучие человека признано важнейшим показателем успехов страны, и если бы этот показатель поддавался количественным измерениям, то во всех отчетах о выполнении наших планов он шел бы первой строкой.

Вопреки всем и всяческим «прорицателям» и «ясновидцам» будущее искусства прекрасно, как прекрасно будущее человечества, ибо оно нерасторжимо связано с успехами социализма и коммунизма, с торжеством реального гуманизма. В этом отношении наша литература является прорицателем будущего и строителем будущего. Будущее литературы, как и общест-

ва, гарантируется новой Конституцией СССР, которая отражает достижения и цели нашего народа, ясно и твердо определяет ведущую роль КПСС в обществе. А партия убедила всех прогрессивных людей мира, что во всем человеческом на коммунистов можно положиться!

Это объединяет литературу с партией. Ибо каким человековедом был бы писатель, если бы не видел, не чувствовал человечности всех дел, мыслей и воли партии? Каким человеком был бы он, если бы не под-

держал всей душой и всеми силами своими эти дела, мысли и волю? В этом самом простом человеческом смысле, а значит, в самом высоком смысле советские художники были и будут партийны. Советские писатели всем сердцем приняли решения XXV съезда КПСС, потому что быть на уровне этих решений значит быть на вершине современной мысли человечества, работать во имя осуществления этих решений, значит быть на вершине гуманистических деяний.

Е. СТАРИКОВА

ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

Заметки о прозе В. Распутина

Толстый том «Повести» В. Распутина, изданный «Молодой гвардией» в 1976 году, по праву можно было бы назвать избранным, так как он объединяет в себе четыре его лучших произведения. Книга необычно построена: вошедшие в нее повести расположены в порядке, обратном тому, в каком они писались в свое время. Читая том подряд, проделываешь путь, противоположный пути, пройденному за десять лет самим писателем, путь, нисходящий почти к самым истокам его творчества: «Прощание с Матёрой» — 1976, «Живи и помни» — 1974, «Последний срок» — 1971, «Деньги для Марии» — 1966.

Понятно желание писателя еще молодого, еще не нуждающегося ни в напоминании о своем прошлом, ни в строго историческом взгляде на свою литературную биографию, только что вызвавшего острый интерес читателя, критики, литературной общественности своим последним произведением, открыть итоговый том своего избранного этим самым недавно нашумевшим произведением, вероятно, еще самым для себя дорогим. Но очевиден и риск такого построения книги, нужна для него уверенность и отвага, отметающие сомнения: как бы читатель, постепенно сходя с набранной писателем высоты, не заскучал к концу.

Кстати, по-моему, так получилось при нашем знакомстве с книгой В. Распутина, вышедшей в 1975 году под общим названием «Живи и помни»: там следующие за тронувшей многие сердца повестью рассказы (может быть, кроме «Василия и Василисы») красноречиво говорили о поре писательского ученичества, еще и не обещающей будущего размаха. Не то здесь, в книге 1976 го-

да: перечитав заново повести В. Распутина в предложенном им порядке, удовлетворенно вздыхаешь — никакого спада нет, никаких поблажек к концу не требуется, книга в целом как отлилась, так до самого конца и держит тебя в напряжении чувства и мысли.

И «Деньги для Марии», которыми впервые обратил на себя внимание В. Распутин как на надежду нашей литературы, и сегодня читаются с тем же удовлетворением, что и десятилетие назад: эта баллада в прозе, русская баллада, так же как и тогда, хватая за сердце правдивостью картин жизни и сочувствием к человеку в беде, то есть гуманностью. Ну а сейчас, по прошествии стольких лет, когда перечитываешь повесть, храня главное в памяти, вперед выступают подробности. И ранняя повесть совсем молодого писателя особенно начинает радовать музыкальностью своего безупречного построения: набатным колоколом тревоги звучит на первой ее странице, повторяя название, во сне услышанный героем властный призыв: «деньги для Марии», «деньги для Марии»; приговор и надежда слышатся в финальном ее аккорде: «Молись, Мария». Такой прозаический сюжет — недостача (термин-то какой!) в сельской лавке,—а в музыке слов, в торжественном произношении библейского имени (не Марья ведь, а Мария) слышится призыв всеобщий: человек, поставь себя на место человека в беде, поставь, пока не поздно, поставь, не ошибешься! Недаром С. Зальгин, предпославший «Повестям» В. Распутина предисловие, назвал определяющим в его глазах признаком таланта В. Распутина как «истинного мастера слова» «законченность

его произведений»: тут один мастер сказал о другом мастере чистую правду, отдавая должное не одной природной одаренности, но и работе, но и выношенному чувству художественной меры, только и приводящих к подлинной эстетической завершенности.

Эта законченность особенно бросается в глаза при сравнении повестей В. Распутина, ну, скажем, с астафьевской «Царь-рыбой», родственной распутинским повестям и социальным материалом и проблемами и появившейся на страницах того же «Нашего современника», впервые познакомившего нас с повестями В. Распутина. Произведение Астафьева также привлекло к себе широкое читательское внимание, также вызвало интерес и споры. Но в книге Астафьева все вздыблено — и чувства, и мысль, и язык, и самый жанр его прозы, все предстает перед читателем в первозданном хаосе, том самом, который «шевелится», когда с него снимаются покровы или когда они на него еще не наброшены. В этом неприкрытом, непреодоленном, сохраненном, воплощенном смятении своя большая сила. А у Распутина и само изображение «хаоса» приобретает художественную законченность, что в конечном счете выражает определенность, выношенность, твердость писательской позиции, его идеала. Он точно знает, что хорошо, а что плохо. И тут никакого «шевеления».

Только забегаю вперед скажу, что при всей справедливости такого определения, как «законченность», предложенного С. Залыгиным, оно, как главное, как исходное, показалось мне все-таки для В. Распутина малым, холодным и только потому неточным. «Законченность», «мастерство» — такие эпитеты подходят для определения, ну, скажем, главных качеств прозы В. Катаева. Вот тут действительно мастер, и все: что задумал, то и сделал. К таланту В. Распутина хочется прежде всего применить слова другого порядка, из другого ряда представлений взятые, может быть в первую очередь такие, как «совесть», «долг», «ответственность», «благодарность», ну а потом уж и остальные хорошие слова, в том числе, конечно же, и «законченность». Но здесь потому и «законченность», что нигде пока не переступил через совесть, в том числе не давал себе поблажки и когда отливала мысль в слово.

А вот о том, что книга «Повести» В. Распутина в целом необычайно законченна, действительно надо сказать сразу: четыре

повести — четыре ступени, лестница, марши которой преодолеваются на едином дыхании и без сопротивления в любом направлении: от сложного к простому и от простого к сложному; четыре замкнутые, самодовольствующие формы, составляющие части еще одной, объединяющей их цельности — мира героев Распутина, мира творчества Распутина. Прекрасная книга.

Имя Распутина сейчас настолько известно, произведения его так популярны, а разговоры о нем постоянны, что приходилось слышать упреки критикам: не пора ли, мол, уже оставить эту избитую тему — Валентин Распутин, чтобы перейти к более активным поискам новых. Новые темы, новые имена — это, конечно, хорошо, но только если они не вводятся в литературу искусственно, а входят в нее по живой потребности этой самой литературы и ее читателей. А пока писателя так читают, как читают сейчас Распутина, до тех пор и разговоры о нем неизбежны и тема эта не исчерпана.

Другое дело, нужно ли сегодня знакомить читателя подробно с тем, о чем рассказал нам этот писатель, что он уже поведал миру? Но как ни популярно имя Распутина, все-таки, вероятно, кой для кого еще придется коротко напомнить сюжеты его четырех «главных» повестей. Сделать это нетрудно по простоте этих сюжетов, и сделать это лучше в хронологическом порядке их рождения.

У продавщицы сельского магазина Марии при ревизии обнаружена недостача в тысячу рублей, и муж ее Кузьма пытается собрать у соседей, родственников, друзей эту сумму, чтобы спасти от тюрьмы жену, мать четырех детей («Деньги для Марии»). Умирает восьмидесятилетняя Анна, в ожидании ее близкой смерти в родной деревенский дом съезжаются немолодые уже дети старухи, но, современные занятые люди, так и не дождавшись конца, вновь разъезжаются, а старуха умирает на следующий день («Последний срок»). В конце Отечественной войны Андрей Гуськов дезертирует из госпиталей и скрывается на пустынном острове близ родной деревни, а его жена Настена, спасая мужа от голода и одичания, тайно посещает его в убежище, но не выдерживая этой страшной и позорной тайны, беременная женщина бросается на глазах у выслеживающих ее односельчан в Ангару («Живи и помни»). В связи со строительством гидроэлектростанции подлежит затоплению остров на Ангаре, для жителей расположен-

ной на нем деревни построен новый современный поселок, но людям, особенно старым людям, трудно покинуть обжитые места и родные могилы («Прощание с Матёрой»).

Как видим, сюжеты простые и, кроме «Живи и помни», современные, а в то же время уже в таком элементарном пересказе виден их драматизм: смерть, гибель, исчезновение — вот перед чем оказывается лицом к лицу герой этих повестей, вот чем мерится его прошлая жизнь, его личность, его совесть. А слияние полной реалистической достоверности в изображении быта, нравов, языка современной сибирской деревни, родного и до последнего гвоздя известного В. Распутину мира, с постоянной устремленностью к широкому обобщению, с проникновением в глубочайшие и потому таинственные первоосновы бытия — вот что неизменно отличает прозу Распутина.

Двойное качество этой прозы — достоверный рассказ очевидца о житейских делах и одновременно поэтическая притча высокого нравственного смысла и художественной обобщенности — дает возможность рассматривать образы ее в разных плоскостях и разных масштабах: тут есть поле размышлений и для чистой публицистики и философского и социологического плана, тут достаточно материала для историко-литературного анализа, тут найдется работа и для того, что Добролюбов называл эстетической критикой, то есть для выявления той самой «законченности», которая прежде всего радует в Распутине С. Залыгина.

Дискуссия в журнале «Вопросы литературы», которую вызвала последняя повесть «Прощание с Матёрой», отчасти уже продемонстрировала разные возможности и потребности при разговоре о прозе Распутина: здесь не столько спорили (повесть всеми участниками была признана значительным явлением сегодняшней литературы), сколько поворачивали произведение разными его гранями — каждый в свою сторону. И пожалуй, обобщенно-философский смысл повести был раскрыт тогда с наибольшей полнотой, точностью и темпераментом.

Но, вероятно, у всех участников дискуссии о последней повести В. Распутина осталась потребность досказать недосказанное тогда, вернуться к собственным соображениям, чтобы их поправить, еще раз вдуматься в мнения своих оппонентов. Автору

настоящей статьи приходилось еще и раньше, в 1972 году, когда только что появилась повесть В. Распутина «Последний срок», на страницах того же журнала «Вопросы литературы» высказать свое мнение о таланте писателя. Но это было сделано поневоле бегом, в общей статье, имевшей специфически «социологическое» задание по отношению к тому, что называлось тогда «деревенской» прозой, и взгляд на удивительную повесть о смерти и потому уже о смысле человеческого пребывания на земле получился обидно узким. Там, как говорила героиня этой распутинской повести о собственной своей жизни, «сильно много со мною не сходится».

В общем, по отношению к В. Распутину, на мой взгляд, накопилось много долгов, они ведь, наши долги, растут как снежный ком, стоит только к чему-нибудь прикоснуться. Выход тома избранных повестей писателя — прекрасный повод для их уплаты. По силам ли только? Но лучше заплатить часть долга по мере возможностей, чем остаться вечно безнадежным и полным должником. К тому же упоминание старой статьи и прошлогодней дискуссии отчасти и уловка — сразу же и облегчить свой долг.

Проза Распутина своей реалистической конкретностью, своей бытовой, психологической, языковой точностью действительно дает громадное поле для размышлений социологического характера о современном нам историческом моменте, когда старое наше крестьянство и русская деревня в прежнем понимании этих слов в самом деле доживают свой последний срок, что рождает множество драматических житейских коллизий, когда потомкам этого крестьянства остается только помнить его роль, его жертвы, его противоречивое наследие и в своей собственной судьбе, и в истории, и в культуре всей страны, а жить предстоит как-то по-другому. Жить и помнить. «Деревенская» проза последнего десятилетия вышолняла и вышолняет сыновний долг памяти и прощания. Здесь В. Распутин — в ряду других наших замечательных писателей, имена которых у всех на устах. Но поскольку автору данной статьи раньше уже приходилось писать именно об этой роли В. Распутина в общем движении литературы и, пожалуй, только об этой его роли, то и хочется теперь, облегчая частично свой давний долг, начать, как говорится, с другого конца, найти в первую очередь то, что отличает В. Распу-

тина от писателей, как будто близких ему по темам и настроениям внутри совершения ими общей исторической миссии, их сближающей. Это означает ни мало ни много как определить то, что в старину называли пафосом художника. Задача не из легких, но ее не обойдешь. Хотя и с ходу не решишь.

Ведь во всех четырех повестях В. Распутина, собранных в его последней книге, боль разлуки, верность памяти уходящему деревенскому миру, упрек за надменное его забвение, жажда от него прощения за измену, то есть все, что образует лирическую стихию нашей «деревенской» прозы 60—70-х годов, также составляет ведущее настроение. Может быть даже, В. Распутин, с большим постоянством и большей субъективной избирательностью, чем другие писатели, закидывая свою сеть художника в житейское море, делает это, так сказать, все с одного и того же бережка родной реки, но при нескрываемой, одержимой, мучительной любви и к реке и к берегу не в пример некоторым лирикам-романтикам он оценивает свой улов очень трезво. А любовь вместе с трезвой строгостью и образует ответственность. В случае В. Распутина ответственность выражается и обеспечивается тем, что эмоции здесь уравновешены объективностью изображенных реальных отношений. Не всегда, конечно. Но как принцип, как свойство дарования и питающего его мировоззрения ведущим качеством прозы Распутина является реалистическая объективность.

Еще в «Деньгах для Марии» зазвучал распутинский упрек за беды и нужды родного деревенского мира, обращенный к городу, его забывшему, его обидевшему. И, думается, и сегодня не возникнет сомнения в правдивости и содержательной емкости хотя бы, например, сцены в поезде, увозящем Кузьму в пугающий и обнадеживающий город, когда стоит Кузьма, скованный, в грязных кирзовых сапогах, на белом половичке перед сидящими чистыми и уверенными в себе городскими преферансистами, снисходительно выпроваживающими «чужого» в соседний купейный вагон из мягкого, куда он попал хотя и за собственные деньги, но по горестной случайности. Тут все — зорко угаданная правда, тут крыть, как говорится, нечем.

Но и в ранней повести упрек, брошенный художником в одну сторону, не извлекла от той же, хотя и в других формах

проявленной вины эгоизма, равнодушия и отчужденности в сторону противоположную.

Как, казалось бы, легко спасти односельчанам безотказную малограмотную Марию, попавшую в беду равно и из-за доверчивой доброты и из-за беззаботной безалаберности! Стоило, как видится Кузьме в его сне, не ставшем вещим, собрать по четыре сорок со двора — меньше, чем на две поллитровки! — и беда одной семьи стала бы объединяющим и очищающим делом всех. Так, говорят, и повернул распутинскую историю какой-то сценарист, пытаясь превратить тревожащую нашу совесть, горестную историю эту в идиллическую кинобелиберду, оскорбляя замысел писателя неправдой. Нет, нелегко спасти наших Марий. Не будем обольщаться.

А в «Последнем сроке» обнаружилось, что и упрек бросать вроде некому. Старая деревня и новый город, оказывается, и во все одна семья, широко, может быть, слишком широко раскинутые ветви одного дерева. Вершки и корешки, корни и листья — продолжение долгого спора о них, постоянного диалога между ними. Постаревшие или стареющие дети умирающей Анны, вышедшие из одной крестьянской избы, так не похожи друг на друга. И все вместе так мало нравятся писателю, зорким беспощадным глазом вглядывающемуся в них, чутким ухом вслушивающемуся в их жестяную речь, утратившую музыку родного языка. А умирающая мать молит об одном: какие бы разные на вас ни были грехи, поймайте друг друга и простите друг другу, как бы далеко ни расходились ваши дороги, держитесь друг друга, помните, что вы родня, одна кровь, одно гнездо.

И как сам автор «Последнего срока» понял их, этих не очень симпатичных ему старухиных детей! Но как он, их создатель, сумел объективно увидеть у каждого из них свою жизненную драму, на которую он нам лишь слегка намекнул, не выходя из замысла поэмы о смерти крестьянки! Понял и тех, кто остался вблизи матери, как пьяница Михаил и беспомощная рыхлая Варвара, замученная бестолочью будней. Понял и тех, кто давно и навсегда оторвался от родного дома, перестав понимать его язык, его душу, как совсем городская Люся, как Илья, не похожий ни на городского, ни на деревенского, ни на чужого, ни на себя, у которого, по словам Распутина, такое лицо, «будто свое Илья

проиграл в карты чужому человеку». Ведь как сказано! Впору хоть самому Гоголю. И с каким безжалостным комизмом, а в то же время как буднично и точно написана Распутиным сцена бражничества в бане двух братьев, пропивающих запас, любовно-заботливо заготовленный ими же для грядущего поминального обряда, в котором по идеальному их представлению за неимением иных способов водка (много водки, вволю водки) — единственный способ достойно проводить мать в последний путь. А роль девочки, единственной старухиной внучки, в этой беспощадно-смешной истории? Об одной этой шестилетней Нинке с ее ежеминутным прагматизмом, не боящейся ни черта, ни дьявола, играющей, как опытный дипломат, на всех страстях и слабостях взрослых, можно, право же, писать целую диссертацию — социологическую, футурологическую, педагогическую, какую хочешь!

И вот ведь как получается: когда художник до конца верно несет добровольно возложенную на себя, традиционную для русского писателя «службу» гуманности, самой безнадежной в глазах Распутина старухиной дочери — скучной, «правильной», во всех смыслах бесплодной городской Люсе, гордящейся перед родным домом своей поверхностной, формально-бездушной «культурой», — именно ей, наиболее духовно обделенной в глазах автора, отданы проникновенные страницы прямых воспоминаний о деревенском военном детстве, о прошлом, горьком и горестно утраченном, единственные в повести страницы, обладающие безусловным зарядом лиризма и, значит, где-то далеко за пределами сюжета, объединяющие с духовным миром самого автора тайную драму этой надоедливо-дидактической, плоской, молодящейся городской женщины. Вот это и есть один из признаков широкой объективности и гуманности художника-реалиста.

Но ловя себя на полном согласии и со злорадными словами автора, обидно припечатывающего героя, и с обличительными бытовыми картинками повести, и с ее лиризмом, каждый раз от этих правдивых слов и картин все-таки с каким-то осязаемым подъемом возвращаешься к железной кровати с нечистым бельем возле русской печи, где умирает восьмидесятилетняя Анна. Мир старой крестьянки, так удивительно открывшийся писателю, по возрасту и биографии годящемуся ей во внуки, — поэ-

тическое средоточие повести «Последний срок», а может быть, пока и всего творчества В. Распутина, здесь впервые дарование писателя в его особенностях сказалось в полную силу.

В чем же такое большое и такое явное для писателя преимущество старой крестьянки, неграмотной, прожившей жизнь в одной избе, на одной улице, не прочитавшей великих книг, всем нам знакомых, не видевшей ни дальних стран, ни даже больших городов, — преимущество перед ее детьми, не только теми, кто совсем уж бесцельно опустил усталые руки в бессмысленной толчее прозаических будней, но и теми, разбитными, с виду более удачливыми, что ни за какие блага не променяют своего светливого удела на старухину нищую в их глазах судьбу? «Всегда одно и то же: теребили с чем-нибудь ребятишки, кричала скотина, ждал огород, а еще работа в поле, в лесу, в колхозе — вечная круговерть, в которой ей некогда было вздохнуть и оглядеться по сторонам, задержать в глазах и в душе красоту земли и неба... Вот так и пролетела вся жизнь, по годам вроде долгая, разная... а по памяти бедная: одно находило на одно, год на год, забота на заботу» — так сам автор, как всегда без прикрас, описывает судьбу старухи.

Что же тогда поутратил современный человек из накопленных предыдущими поколениями простых тружеников душевных богатств? А о том, что что-то из них потеряно, явно говорит повесть В. Распутина. И о том, чем владела старая Анна, здесь тоже рассказано и с психологической достоверностью и сказочно-прекрасно.

«То ли в самом конце жизни, то ли в начале смерти» встает перед старой Анной вечный для человека вопрос о смысле его жизни на земле. И в том ответе, который дает на него писатель, угадывая предсмертные видения человека по всей прожитой им жизни, самые главные слова звучат так: «Ей есть к кому уходить и есть от кого уходить». Все ли люди сегодня могут этим чувством утешиться? Кровная и духовная причастность к бесконечной цепи вечной жизни — первое условие ощущения человеком осмысленности своего земного существования, единым звеном и мигмом которого он является, но звеном и мигмом неотменимым и незаменимым: раз уж ты родился, раз живешь, то помни, что вошел в некий цельный космос, хранить, разрушать или совершенствовать который в твоей воле. Для старой

Анны и других распутинских старух, для которых, конечно, не существует сознательного историзма как свойства мышления и самоощущения, это знание воплощалось в чувстве живой постоянной своей ответственности перед ближайшими предками, в памяти о родных могилах, в верности обрядам, освященным многовековой традицией, и в органической причастности к жизни природы. Верно, деревенскому человеку всегда было некогда «задержать в глазах и в душе красоту земли и неба». Но когда ты неустанно и деятельно прикладываешь свои руки к этой земле, а от неба зависит ее плодородие, то волей-неволей бессознательно красота земли и неба становится частью твоего существования. И хотя думать о них достается лишь в болезни и на смертном одре, но всем опытом своей предыдущей жизни, неотделимой от природных процессов, соединившихся напрямую через глаза и руки с каждой частичкой твоего тела, ты приходишь к стихийному знанию о связи твоей жизни со всей земной жизнью. И тогда старая Анна, до смертного одра которой достигает лишь один теплый желтый луч солнца, говорит совсем как самые великие отечественные мыслители, хотя и другими словами: «И заради солнышка стоит жить». И это стихийное, но безусловное знание цельности мира, который некогда назывался «божьем», рождало в человеке утешительную простоту в понимании неизбежной конечности своей изжитой жизни, уступающей место нарождающейся и цветущей, и от тебя народившейся и за себя доцветающей.

Но это же знание рождало в таком человеке и понимание неслучайности собственного существования, как бы смиренно оно ни было, но одному тебе только данного и присущего, одним тобою и никем другим заполняемого и изживаемого, того единственного, за достоинство которого ты только и отвечаешь и которое ни на какое другое не меняешь. Не в смысле тех или иных внешних перемен и желаний, это-то всегда присуще любому человеку, но в смысле верности своему собственному представлению о своей собственной и единичной «службе» на земле.

Но все вышесказанное — лишь прозаический обобщенный пересказ того, что поэтично и мыслями, языком самой старой крестьянки сказано в «Последнем сроке»: «...но никогда ей не приходило в голову, что хорошо бы стать на чье-то место, чтобы, как он, больше увидеть или легче, как он, сде-

лать. Из своей шкуры не выскочишь — не змея. И никогда никому она не завидовала, как бы удачно он ни жил и с каким бы красивым лицом ни ходил, — для нее это было нисколько не лучше, чем хотеть себе в матери чужую мать или в дети чужого ребенка. Своя жизнь — своя краса. Случались и у нее светлые, дорогие радости, каких ни у кого не бывало, и случались дорогие печали, которые чем дальше, тем становились дороже, роднее и без которых она давно бы уж растеряла себя в суеде и мельтешенье; после каждого несчастья она заново собирала себя из старых косточек, окропляла живой водой и подталкивала: ступай, живи, без тебя никто на твое место не заступит, без тебя никто тобой не станет. Пока не избылась — будь, иначе нельзя...»

Герои Распутина, да, надо думать, и сам писатель восприняли это знание не из книг, хотя в русской литературе о нем немало можно прочесть, а из живого опыта самого крестьянства, вынесшего свою тяжкую долю и хранившего человеческое достоинство в нечеловеческих обстоятельствах силою этого знания. И, пожалуй, никто из современных прозаиков, озабоченных сейчас сохранением цельности и единства земного мира, не связывал так прямо возможности сохранения природной гармонии с цельностью и гармоничностью человеческой души, никто не прикасался так непосредственно и глубоко к философской сердцевине этой наисерьезнейшей сегодня общечеловеческой проблемы, как сделал это автор «Последнего срока». Не прибегая ни к публицистике, ни к дидактике, Распутин сказал о единичности и временности человеческого существования и о неотменяемом его месте в бесконечном потоке земной жизни самыми простыми и самыми проникновенными словами, внятыми всем и каждому, сказал об этом голосом самого народа, который здесь как бы сам себе напоминает о нем, об этом, в общем-то, присущем ему, но полузабытом знании.

Но неужели только «старинным старухам» оно внятно? Разве можно показать всю глубину и драматизм этого органического единства земной природы и человеческой души, законов нравственных и естественных на примере одной лишь старости? Как бы ни были ярки ее воспоминания о земной красоте, как бы ни было ясно сознание, что только причастностью к этой красоте осмысливается твоя жизнь, старость лишена полноты жизненных сил, а значит, траги-

ческого напора желаний и долга, потребностей и обстоятельств, которыми испытывается каждый человек в течение всего своего земного срока. И вот вслед за умирающей Анной в творчестве В. Распутина является молодая Настена в повести «Живи и помни». Всеми силами своей чуткой души и всеми соками своего юного тела ожидающая любви и счастья, воплощает она своим существованием то самое, что исповедует старуха в «Последнем сроке»: стихийное и органическое знание о смысле жизни человека, душой и телом предназначенного участвовать в естественном и стройном порядке жизни, нести свою обязательную «службу» в вечном движении природной жизни и наградой себе за эту «службу» могущего получить только ощущение своей причастности к общему движению, к общим законам бытия. Будучи частью природы, человек внес в земную жизнь еще и присущие только ему законы нравственности — понятия долга, жертвенности, верности, они трагически усложнили существование человека, но не отменили его природной «службы». Нарушение и тех и других законов чревато для него равно жестокой карой, он платит жизнью своей или жизнью своих потомков и за то и за другое.

Повесть Распутина «Живи и помни», выдвинутая на Государственную премию, одно из самых популярных произведений писателя. Крайний драматизм сюжета — прячущийся на острове среди Ангары дезертир-муж и бросающаяся в реку беременная женщина, — конечно, способствовал читательскому успеху повести и повернул споры критиков о ней в сторону героя-предателя с его неоплатной виной и перед родиной, и перед женой, и перед нерожденным ребенком — залогом будущей жизни.

Рискуя пойти против общего, давно сложившегося мнения об этой повести В. Распутина, должна сказать, что исходная ситуация ее сюжета представляется мне несколько искусственной. Не потому, что не было или не могло быть в жизни подобного случая: в жизни все было и все бывает! И через десять и через двадцать лет после войны приходилось слышать рассказы о скрывавшихся трусах-отщепенцах, обреченных на многие годы бессмысленной звериной судьбы в своих тайных логовах. Сам Распутин как-то рассказывал, что видел в детстве пойманного дезертира и воспользовался давним впечатлением для создания

одной из тех крайних, «пограничных» ситуаций, которыми он так любит испытывать человека, чтобы выведать о нем самое сокровенное, добираясь до тех его глубинных тайников, где напрямую сходятся и плотно соприкасаются душа и тело, закон нравственный с законом природным. Кажется же мне сюжетная основа повести несколько искусственной только потому, что при всей старательной выписанности военных обстоятельств и связанных с ними психологических состояний, приведших Андрея Гуськова к его предательскому поступку, нет в них той достоверности, которая нами, современниками войны, угадывается безошибочно. Это вовсе не значит, что только очевидец может воссоздать верно историческую атмосферу, но в данном случае есть в рассказе Распутина о военном времени некая отвлеченная обобщенность, выдающая ее сконструированность ради замысла, опирающегося на данную ситуацию только как на одну из возможных. И не то чтобы в рассказе о Гуськове было бы что-нибудь фактически неверное: добросовестный труженик, В. Распутин ничего такого, конечно, не допустит. Но в самой «правильности» и картины первого дня войны в деревне, и рассказа о службе Гуськова в разведке, и в госпитальных сценах мало того особенного, не совсем «типичного», а только «своего», что всегда хочется внести как лепту очевидцу в общечеловеческую память и что только и придает изображению очевидность достоверности.

Но для повести В. Распутина дезертирство, бегство Гуськова — все это и не так уж важно само по себе, все это лишь повод для создания ситуации крайнего драматизма и напряженности, ставящей человека один на один с вопросами жизни и смерти, проверяющей его способность вынести свою человеческую «службу» на земле. Андрей Гуськов мог бы быть и вовсе не военным дезертиром, а преступником иной вины и иной беды. В «Последнем сроке» уже промелькнул однажды озверевший беглец неведомой судьбы — подобная фигура не могла не остановить на себе внимания Распутина как сибирского писателя, верного краскам места. И здесь, в «Живи и помни», пригодилась писателю для его замысла эта памятная тень — не военный дезертир со своими, временем ему данными счетами, винами, бедами и расплатами (таков мог бы быть герой В. Быкова), а обобщенный примерный случай не прощаемой людьми отверженно-

сти и преступно-эгоистической отъединенности от людей. Чтобы можно было эту гибельную в глазах писателя, недопустимую ни при каких обстоятельствах самоизоляцию человека от общих земных и человеческих законов противопоставить той морали «службы» этим законам, которые исповедуют на смертном одре распутинские «старинные старухи» и которые пыталась воплотить в поступках Настена, жена Андрея Гуськова. Чтобы противопоставить непрощаемой вине мужчины верность ему женщины, не отменяемую никакою его виною. И хотя в некотором, на мой взгляд, отвлечении от конкретно-исторических условий, но это обобщенное и в то же время психологически точное противопоставление удалось Распутину полностью. Мы верим каждому душевно-телесному движению Настены при ее попытках пронести до конца свою женскую «службу», мы с ней на ее крестном пути естественного человека в неестественной ситуации. И верим как высшей, идеальной правде той провозглашаемой писателем истине, что женщина и мужчина сходятся в жизни не только для радости, но и для того, чтобы вместе вынести общую беду, а то, разлучает она их или навеки соединяет, только и проверяет подлинность, естественность, человеческую необходимость их союза. И плача над горестной судьбой Настены, ничего не хотим в ней изменить, зная, что изменить ничего нельзя, не нарушив правды, понимая, что, не будь на нашей земле таких судеб, таких женщин хотя бы иногда, хотя бы только в идеале, даже только в нашей памяти, наша общая жизнь стала бы совсем бедной. Разве не стала бы она бедней, если бы позади не было пушкинской Татьяны?

Связь распутинской прозы с русской классикой ощущается произвольно, параллели напрашиваются сами. Это не та внешняя связь и формальные сопоставления, которые принято называть заимствованием или влиянием и доказывать прямыми сопоставлениями образов, сцен и словесных оборотов. Это просто кровная родственность, которая вырастает при прикиновении художников разных мастей, веков и индивидуальностей к одним глубинным источникам. Тут Толстой встает за героями, за словом Распутин в первую очередь, — его проповедь добра и любви, его близость к стихиям природы, его опора на русское крестьянство и право говорить о нем и ему правду без прикрас. Но и другие наши гении слова и мысли не чужие для строя распутинской прозы.

А то будто бы мы до Распутин не читали об отверженном людьми и отторгнувшем сам себя от людей преступнике, которому единственной опорой и совестью оставалась жертвенная женская любовь, звавшая его к раскаянию, к возвращению в мир, разделявшая с ним до конца муку и наказание? Не хочется здесь предаваться прямым литературным сравнениям, педантичным упражнениям. Но куда деться от произвольных ассоциаций с одним великим романом более чем столетней давности, когда перечитываешь замечательную сцену убийства Андреем Гуськовым угнанного им себе на пропитание теленка? Да, все совсем другое! И какое убийство? Теленок не человек, и сибирская тайга не каменные громады Петербурга, и никакой философской подоплеку здесь-то, в этом поступке распутинского героя, вроде бы тоже нет. Но этот подвиг над живым существом топор, этот удар обухом по темени, эта липнущая к рукам кровь, эти невинные, преследующие убийцу материнские глаза коровы — куда денешься от памяти, от сравнения? И как бы ни были различны тут и там причины преступления, они равно сходятся к эгоистической замкнутости на собственной личности под маской своей «службы» будущему, и как бы ни различались тут и там вина, одиозность и ужас преступника, его отверженность от людей, от их грешного, неправедного, но навсегда родственного каждому человеку мира, идут по следам такого человека, подчиняясь одним и тем же психологическим законам. Эти общие психологические законы безусловно знает Распутин и, оставаясь целиком в кругу обстоятельств и нравов современной сибирской деревни, строит по ним образы своих героев.

Только здесь, в крестьянском варианте преступления и наказания, случившихся в XX веке, искупление вины обходится еще дороже, чем там, в городском романе XIX века. Там на берегу одной великой сибирской реки пришли, должны были прийти к человеку раскаяние, прощение, любовь и надежда. Здесь другая сибирская река поглотила все их разом и без остатка. Снова совершилось двойное убийство, и снова будто бы из-за справедливой идеи продолжения жизни, спасения будущего. Но идея, осуществляемая вопреки безусловному нравственному закону, ведет к вине, которой и вовсе нет прощения. Жесткий в своей деревенской простоте вариант великого сюжета.

Первым побуждением к созданию повести «Прощание с Матёрой», по словам В. Распутина, было простое желание — записать историю исчезновения с лица земли одного маленького, но самого дорогого для писателя ее угла, оставить хотя бы в слове след его существования, рассказать как свидетель и очевидец о том, что было однажды, то есть создать нечто вроде документального очерка о затопляемой в связи со строительством гидроэлектростанции деревне.

Старой Анне пришлось самой как последней «старинной старухе» оплакать, «обвыть» себя традиционным плачем, не надеясь на верность детей завету обрядом чтить связь прошлого с будущим. Выполняя сыновний долг памяти, Распутин вопреки намерению написать просто очерк о затоплении острова и переселении деревни создал своей повестью поэтический плач по ушедшему родному существу — своей Матёре, матери земле. Необычный жанр, определение «повесть» к нему не очень-то и идет, а видится на иных его страницах нечто от древних сказаний и мифов, давших человечеству символические ориентиры и веки многовековой живучести. В «Прощании с Матёрой» Распутин смелее, чем раньше, вводит в реалистические картины жизни, в прозаические сюжеты и описания образы сказочно-условные, вливаясь тем самым в то русло мировой прозы XX века, где законы эпического реализма свободно соединяются с фантастикой, окрашенной цветами национального фольклора. Недаром в числе любимых книг, произведших на него как читателя сильное впечатление, Распутин называет и такую, как «Сто лет одиночества» Маркеса. Появлением на страницах «Прощания с Матёрой» Хозяина — сказочного хранителя деревни, острова, земли, принявшего облик старинного домового, Распутин выразил вполне современную и очень тревожную мысль об угрозе равновесию в природе и о посильном сохранении этого равновесия как самого разумного и потому высшего принципа поведения человека на земле: «На то он и был Хозяин, чтобы все видеть, все знать и ничему не мешать. Только так еще и можно было остаться Хозяином». Эту мысль Распутин выразил не как публицист, а как смелый художник XX века. законный наследник и высокого реализма века XIX и условности древней сказки. Так «деревенская» проза (по сюжетам, по жизненному материалу) с ее, казалось бы, социально-тематической замкнутостью, кото-

рая не раз настораживала критиков, оказывается на одном направлении с современной научной мыслью, становится перед ее проблемами, присоединяется к ее предупреждениям. Не в этом ли один из секретов ее авторитетности? Кажется, так.

Ну а подглядел или придумал Распутин за старую Дарью торжественный обряд ее прощания с избой, когда перед сожжением обряжает старуха свое вековое жилище как дорогого покойника, говорит с ним и со всем, что оно в себе хранит, как с живым и родным человеком? Скорее всего придумал: столько приходилось видеть этих брошенных вековых изб, украшенных драгоценной резьбой, с незаколотенными даже окнами, с хаотически вздыбленной, никому не нужной крестьянской утварью внутри, что в реальность священного обряда прощания не очень веришь. Но веришь в правду Дарьи, как должно было бы быть по ее представлениям должно, если бы хватило у нее сил на их воплощение в дело. Так должно было бы быть. Нельзя же расставаться с тем, что действительно дорого, не оглянувшись, не поблагодарив, не обласкав, не оплакав. Красотой трагического этого обряда отвергается преимущество утилитарной целесообразности как принципа существования, противопоставляется ему более достойный человека, когда человек твердо знает, что в критические минуты он отметет узкую «пользу», откажется даже от разумности ради высокой «службы» своему истинному назначению: своей волею утверждать свое сознательное единство с большим миром, тебя родившим и тебе данным, с тем идеальным его образом, который ведь всегда стоит перед глазами, даже когда ты сам нарушаешь ему верность. Видя его перед собою, умирает Анна; потеряв с ним единство, обрывает свою жизнь Настена; служа ему, провожает свою избу, родные свои могилы Дарья. Потому-то мы в эти минуты их жизни, открытые нам художником, знаем об их безусловном человеческом преимуществе и над суетливыми их детьми и над бездумными внуками.

Но в «Последнем сроке», сохраняя за Анной это безусловное преимущество обладания верховным принципом осмысленной жизни, Распутин через любовь матери к детям и им не отказал в гуманном сочувствии — об этом уже шла речь.

В «Прощании с Матёрой», оплакав поэзию крестьянской жизни с поразительной искренностью любви и горя, Распутин более

жестко и менее гуманно, чем раньше, разделил мир своей повести на «своих» и «чужих»: своих, живущих на священном острове, омываемом и отделяемом от всего и всех чистой водой родной реки, и на чужих, городских, пришлых, с чужой речью, с полным непониманием духа и бед Матёры, с утилитарно-паразитическим жизненным кредо. Это усиленное обобщенностью жанра деление мира я бы назвала фельетонностью. Потому что в таком механическом, не свойственном в принципе Распутину делении того, что в глубине едино, есть своя публицистическая сила, но нет объективности и большой, всепонимающей гуманности.

Да откуда же они пришли, эти бездушные «пожогщики», появление которых на острове Дарья и другие «старинные старухи» с Матёры воспринимают как нашествие неведомой орды? Что довело этих таинственных пришельцев до варварского утилитаризма и полного равнодушия к любым святыням? И кто же не научил наших детей помнить о неразрывной связи человека с землей? Или уж вовсе не за что и их, этих юных неприкаянных дикарей, пожалеть? Тут встречных вопросов можно столько поставить, что их не смогут вместить и десятки документальных очерков, а ответы на них не оплатит никакой плач. Или не обоюдная наша вина друг перед другом стоит за всеми этими вопросами?

Поделенным на «своих» и «чужих» видится мир Дарье: при высокой поэтичности самосознания и мироощущения Дарьи, перед которыми преклонился Распутин, а вслед за ним мы, его читатели, у Дарьи, конечно, нет широты кругозора, достаточной для того, чтобы увидеть историческое единство «своего» мира с «чужим». И слившись насколько только возможно с ее сознанием, с ее речью ради действительно хранящейся в них поэтической цельности, автор «Прощания с Матёрой» не отделил себя и от ее предрассудка видеть в тех, кто только-только вынужден был уйти из ее мира в другой, чужих. Но разделяя хоть в какой-то мере предрассудок Дарьи, писатель оказался перед опасностью нарушить цельность общей гуманной идеи своего творчества и главенствующий принцип своей поэтики.

В основе и того и другого лежит постоянное ощущение органического единства мира и взаимосвязанности его частей. И убеждающая сила прозы Распутина в том, что он не как сторонний свидетель передает прощальные мысли своих «старинных ста-

рух» (как делает это, например, В. Лихоносов), а в том, что воплощает в фактуре своей прозы, в ее форме на всех ее уровнях то, что видит наиболее ценного в морали и культуре старого русского крестьянства.

Возьмем хотя бы сюжеты таких его повестей, как «Последний срок» и «Прощание с Матёрой». Разве не есть они воплощенное в формах литературы почитание предков, желание сохранить и передать в будущее живую связь времен через любовь к породившим нас и ушедшим от нас? Передать не обрядом, а словом, образом, книгой.

Или возьмем само построение повести Распутина. Здесь особенно очевидно стремление писателя уловить и передать слитность ритма человеческой жизни с ритмом жизни природной. Вот только откроешь книгу, только начнешь читать первую фразу первой повести: «И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матёры...» — и с ходу же возникает как бы совсем мелкий вопрос: что означает здесь это начальное «и», что и с чем оно соединяет? И тут же следом быстрый ответ: а как прямее выразить непрерывность единого потока земной жизни, чем этим маленьким «и», связующим последнюю весну Матёры с бессчетными ее предшественницами, саму Матёру с тысячами других русских деревень, а образы последней повести Распутина с тем миром, что уже возникал перед нами со страниц его предшествующих повестей, где та же быстрая Ангара омывала ту же землю? И это «и» и эти четырежды повторенные «опять» при рассказе о приходе весны в деревню, которая «много раз была внутри происходящих в природе перемен» и вот теперь выбывает из вечного круговорота и потому «повяла, как подрубленное дерево, откоренилась, сошла с привычного хода», — все это скупые внешние выражения того, что при новом, неспешном чтении начинает представляться главной заботой, главной мыслью писателя, мыслью о единстве человека с прекрасным земным миром. Частью его он рожден, ощущением его сохранности он только и может быть счастлив, его красоту дано ему постигнуть как высший смысл своего существования... но дано ли ему ее сохранить?

И стоит только включиться в такое ощущение распутинской прозы, как видишь, что картины природы — блеск текущей под солнцем реки, шум нескончаемого дождя летнего ненастья, высокая торжественность

звездного неба — отмечают самый ритм повествования, придавая ему эпическую величавость. В «Прощании с Матёрой» это воплощение в слове слитности земной красоты с душевным миром человека особенно явственно. Но и в других повестях Распутина такая слитность также очевидна. Как тревожно воеет ветер, когда в «Деньгах для Марии» Кузьма отправляется в город; этот ноющий, будоражащий душу зов обрамляет весь нехитрый сюжет повести. И вдруг в конце ветер упал. Вдруг настала тишина, и чистый белый снег покрыл землю. Знак надежды? Знак конца? Невольного покоя безнадежности? Ответа нет, ответ только в наших сердцах. Но этот неподвижный снег, сменивший тревожный ветер, что-то значит, как-то соединяет светлую, муторную заботу об одной спасительной тысяче рублей с мыслью о людской общности и разъединенности.

Ну а в «Последнем сроке», где мир Анны давно ограничен железной кроватью? Но в этой повести мысли об изжитой жизни и ее смысле совсем уж напрямую соединяются с видениями земной красоты, радости жизни и любви к жизни, встающими в памяти умирающей старухи и переданными писателем такими точными яркими словами, что перед ними, как однажды сказал другой писатель, и спрашивать о смысле жизни неприлично. «Было, и правда было, бог свидетель», — говорит благодарный человек с открытым миру сердцем, держа в памяти видения земной красоты, слитность с которой дарована была ему в лучшие мгновения жизни.

Так в сюжетах, темах, в построении произведений, где житейская проза и социальные драмы погружены в стихию природной жизни, воплощается единство мироощущения писателя и его народных героев. Эта миссия Распутина — претворить стихийную культуру старого русского крестьянства, уходящего с исторической арены в нетленную данность современной общенациональной культуры, — особенно очевидно сказывается и воплощается в самом слове писателя.

Самой элементарной формой такого словесного воплощения крестьянской культуры, конечно, являются разговоры между собой распутинских «старинных старух». Эти разговоры как бы и не сочинены, не придуманы писателем, а лишь дословно записаны, лишь выбраны им из запасов памяти. Автор делится с нами своим зна-

нием этих уходящих от нас интонаций, любителю и заставляет нас любоваться живописной первозданностью народного слова, наслаждается своим родственным пониманием языка этих последних хранительниц прежнего народного сознания. Когда в «Последнем сроке» Распутин рисует сцены свиданий умирающей Анны и ее подруги Мироники, он с неподражаемой точностью и любовной улыбкой передает все словесные оттенки той простоты, с которой эти старухи подходили к самым главным функциям жизни, в том числе и к самой смерти, пленительную для интеллигентского сознания наивность выражения чувств, а в то же время и умную самоиронию человека, умеющего как бы со стороны посмотреть на себя и свои беды, заранее и без жадности уступая свое место на земле другим людям. Такие сцены, достойные хотя бы и Островского, есть и в «Прощании с Матёрой».

Участвует Распутин и в той любимой народом языковой игре (у каждого народа своей), которую автор «Прощания с Матёрой» определяет афоризмом: «Языку, известно, чем чудней, тем милей». Это замечание прямо отнесено к материнским уличным прозвищам, воспроизводимым в повести. Но и сам автор охотно включается в словотворчество, родственное словотворчеству деревни, создавая, например, глагол «петрухаться», вполне понятный в узком контексте образа бессовестного и бездарного материнского пьяницы и бездельника Петрухи, но содержащего в своем грубо-пренебрежительном звуковом составе и некое обобщение, выходящее за границы одного образа. И в иных серьезных поэтических планах автор изредка дарит нас своим собственным словом или собственным фразеологическим оборотом, чутко следуя, однако, в этом вольном словотворчестве законам родного языка. И вот где-то здесь, на незаметных для глаза стыках разных повествовательных плоскостей, на переходах от любовной передачи чужой речи к слову авторского самовыражения, некоторые ценные качества языка и мышления «старинных старух» становятся органическими качествами языка самого автора, заметной частью его образительного мастерства, принципами поэтического языка его повестей. И прежде всего обращает на себя внимание необычайная конкретность этого языка, которая в конечном счете означает и выявляет точность

мысли, ставящей своей простой, но трудной целью не прятаться, не рисоваться, не присоединяться к общему и потому уже приблизительному суждению-штампу (все это распространенные, но, по сути, вторичные наслоения на задачи языка), а исполнять свое высшее и прямое назначение — добираться до собственной единственной мысли и стараться именно ее донести до другого человека.

Это свойство распутинского языка находится в тесной связи с другим качеством его изобразительности: психологический процесс передается писателем как очень конкретное физиологическое ощущение, на проверку оказывающееся всем нам знакомым, понятным: «...беда его не стояла теперь комом в одном месте, а разошлась по телу, стала мягче и как бы податливей»; «Ему казалось, что от стыда он стал прозрачным и в нем теперь видно все то жалкое и срамное, что есть в человеке» — так рассказывается об ощущениях Кузьмы, собирающего деньги для своей Марии, но разве все мы в этом телесно-мучительном ощущении беда и стыда не были хоть раз в жизни на месте Кузьмы?

В прямой зависимости от ощущения единства духовных и физических процессов и явлений находится бросающаяся в глаза тотальная одушевленность мира распутинских героев. Переданная в слове, она оказывается главным, выходящим на поверхность источником поэтичности прозы этого писателя.

В мире, открывшемся нам через прозу Распутина, все живое и все находится в равно активных отношениях друг с другом: земля и небо, утро и солнце, радость и беда, деревня и изба, работа и сон, дым из трубы и недостача в магазине... Перечисленные только что слова не случайный набор возможных одушевлений, названных мною ради парадоксальности. Все они — немногие из многих — буквально выданы из повестей Распутина. Здесь тучи «сбрасывают» с себя воду, а солнце, как глашатай и труженик, едва «продравшись» сквозь тучи, «объявляя свое освобождение, зазвенело, засияло, обещая, что только зайдет на ночь, а утром выйдет и примется за работу». Здесь небо «отцветает», а Ангара «отгуляла», как вышедшая замуж девка. Здесь сгоревшей перед затоплением деревне писатель дает напутствие и обещает вечную память: «Царствие ей небесное!» Здесь старая береза помнит, что не только

человек, но и она смертна, и, «виноватая только в том, что стояла она вблизи с могучим и норовистым», умирая, обнажает свое «красноватое старческое волокно». А «норовистый» — тоже не человек, а дерево, могучий «лиственъ»: тщетно пытающиеся его свалить порубщики называют его «зверем», «а дерево спокойно и величественно возвышалось над ними, не признавая никакой силы, кроме своей собственной». Здесь погода путается, «как выжившая из ума старуха, забывает, что за чем идет», здесь «небо задумалось в ожидании», сентябрьские дни «тоже стоят не молоденькие, много чего с весны повидали», а один из них «уже целиком вышел на люди, пошел свободней, быстрей». Здесь случайно вспомнившееся, ненужное теперь человеку слово «с сиротской призывностью улетело в поля», а летняя счастливая земля «распахнулась догола, дышит углоденно, с наслаждением».

Но не только явления природы одушевлены и смело наделены человеческими чувствами и свойствами — одушевлены и уже этим слиты с человеком предметы его бытового обихода, одушевлены и тем самым наделены самостоятельной жизнью части человеческого тела — живот, ноги, руки.

Поэтическая слитность человека с миром и одушевленная автономность мира по отношению к человеку — общее свойство мироощущения Распутина. Уже в «Деньгах для Марии» недостача — это безобразное и потому особенно пугающее название человеческой беда — приобретает в глазах женщины одушевленную самовольность и самовластность: «Недостача, как палач, который дал ей немножко передохнуть, доставала ее затем отовсюду, где она хотела умереть своей смертью...»

Но начиная с «Последнего срока», и особенно в «Прощании с Матёрой» (повести, самым предметом изображения которой стало физическое и духовное, природное и культурное единство земной жизни, повести — предупреждении об опасности нарушения законов этого единства), принцип общей одушевленности мира естественно и органично входит в слово самого писателя, сближая поэтику повествовательного стиля Распутина с поэтическими особенностями фольклора. Так зрелый, можно сказать, утонченный психологизм художника-реалиста, за которым стоит опыт Толстого, Достоевского, Бунина, объединяется с цельным в своей поэтической

наивности мироощущением его народных героев, его «старинных старух». А сам Распутин воспринимается нами как достойный наследник отечественной культуры, объединивший в своих книгах лучшие традиции старого крестьянства с образованностью, ответственным гражданским сознанием, совестливым даром выражения правды, нужной всем.

Мне уже приходилось однажды противопоставлять распугинским тревогам и работам его самого как писателя, воплотившего в своем слове единство старой крестьянской культуры с высокими принципами русского реализма. Я и теперь склонна стоять на своих надеждах.

Ах, знаю: удачная строка не живое дело, ушедшую под воду жизнь книгой не

воскресишь, душевное равновесие проповедью не восстановишь, образ прекрасного не есть еще прекрасное в реальности, самые страстные предупреждения не спасали людей от страшных грехов. Все так. Но и слово человеческое, слово писательское, громко и вовремя сказанное, немало значит. С него тоже многое начинается. Оно, как зерно, может хранить в себе до поры силу предшествующего опыта личности, нации, человечества — смотря по масштабу. И мне верится, что распутинское слово передает куда-то вперед, кому-то в будущее чуткую совестливость, высокую духовность и органичное ощущение связанности каждого единичного существования с самыми общими природными процессами земли, даже космоса.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Дм. Молдавский. «Надо мечтать» — П. Топер. «Победит везде». — А. Мясников. Горизонты научного поиска. — А. Анастасьев. Советский театр — в пути.

ПОЛИТИКА И НАУКА

И. Роздорожный. Ленин, Октябрь, Финляндия. — Б. Марушкин. Слово друзей Октября. — Мих. Магусовский. Записки романтика.

Литература и искусство

«НАДО МЕЧТАТЬ!»

И. Эвентов. Пробуждение новых сил. В. И. Ленин о поэзии. Лениздат. 1977. 231 стр.

Много лет назад я написал письмо Елене Дмитриевне Стасовой. Спрашивал, не приходилось ли ей говорить с Владимиром Ильичем о сокровищах Эрмитажа. Кроме того, я спросил, нет ли материалов о посещении В. И. Лениным экспозиции Русского музея. Ответ пришел незамедлительно. На небольшом листе бумаги было написано:

«22.V.61 г.

Уважаемый Дмитрий Миронович! Получила Ваше письмо от 15.V, в котором Вы просите меня дать сведения о посещении В. И. Лениным Эрмитажа и Русского музея.

К сожалению, ничего на эту тему сказать Вам не могу, т. к. мне никогда не приходилось говорить с Владимиром Ильичем об искусстве. Единственно что я знаю, это то, что он с детства любил музыку и одним из любимых произведений была «Аппассионата» Бетховена.

Однажды, после исполнения этой сонаты одним музыкантом на квартире у Цюрупы, на мой вопрос, как ему (В. И. Ленину) понравилось исполнение, он мне ответил, пожимая плечами, что он профан в этой области и потому его суждение никакого значения не имеет. Мне думается, что в

переписке Вл. Ильича с родными имеются какие-нибудь высказывания по этому вопросу. Но я ничего определенного назвать не могу.

С глубоким уважением Елена Стасова».

Первоначально мне показалось, что письмо — повторение известных воспоминаний об исполнении «Аппассионаты». Но стоило перечитать его внимательнее, как я увидел то, на чем не остановил внимания сперва. «...он мне ответил, пожимая плечами, что он профан в этой области и потому его суждение никакого значения не имеет». Эта фраза свидетельствовала не только о глубочайшей скромности Владимира Ильича, человека феноменальных познаний в самых разных областях науки и культуры, и искусства в частности. Она звучала еще и живым укором иным из нас, профессиональным литераторам, любящим, что греха таить, выходить подчас на страницы прессы с собственными рецептами по самым разным поводам без должной подготовки и без необходимых знаний.

Как известно, эта ленинская скромность, нежелание говорить о литературе и искусстве «вообще», породили ряд мифов. Один из них воспроизвела Н. К. Крупская, рассказ ее приводится в рецензируемой нами

книге. «Товарищ, познакомивший меня впервые с Владимиром Ильичем,— рассказывает она, имея в виду инженера-технолога С. И. Радченко, члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»,— сказал мне, что Ильич — человек ученый, читает исключительно ученые книжки, не прочитал в жизни ни одного романа, никогда стихов не читал. Подивилась я. Сама я в молодости перечитала всех классиков, знала наизусть чуть ли не всего Лермонтова и т. п., такие писатели, как Чернышевский, Л. Толстой, Успенский, вошли в мою жизнь как что-то значащее. Чудно мне показалось, что вот человек, которому все это не интересно нисколько. Потом на работе я близко узнала Ильича, узнала его оценки людей, наблюдала его пристальное взглядывание в жизнь, в людей — и живой Ильич вытеснил образ человека, никогда не бравшего в руки книг, говоривших о том, чем живы люди». И еще, несколько даже неожиданно: «По натуре, несмотря на величайшую трезвость мысли, Ильич был очень большой лирик, очень любил стихи пафосные, лирические, только об этом он не писал, конечно».

Книга И. Эвентова помогает не только уточнить ряд фактов литературной жизни, явлений, складывающихся в процессе развития мировой культуры, но и воссоздать некоторые живые черты облика В. И. Ленина. И. Эвентов приводит свидетельства истинного отношения Ильича к поэзии, подтверждая свою мысль о том, что мир поэзии вообще был предметом очень тщательного, по существу, постоянного и зоркого внимания Владимира Ильича. Тезис этот подкреплен большим, в чем-то почти исчерпывающим материалом.

Разумеется, когда мы говорим о материалах, связанных с В. И. Лениным, мы никогда не можем поставить точку наверняка — время добавляет все новые данные, заставляет заново взглянуть на имеющиеся. Но то, что вошло в книгу ленинградского исследователя, это примерно все, чем мы располагаем сегодня в поднятом им круге вопросов.

Пять разделов в книге — пять больших глав: В. И. Ленин и поэзия русских классиков, В. И. Ленин и зарубежная поэзия, В. И. Ленин и русская поэзия начала XX века, В. И. Ленин и поэзия первых лет советской эпохи. В отдельную главу выделен круг вопросов — В. И. Ленин и революционная песня.

И. Эвентов — эрудированный и обстоятельный исследователь, автор книг о Маяковском, Демьяне Бедном, Сергее Есенине и других поэтах — дает новый материал для постановки ряда проблем эстетики: проблемы социального в стихии поэзии, вопрос о национальном в его историческом движении, темы «влияния», темы традиции и новаторства. Обстоятельно автор раскрывает перед нами одну за другой страницы ленинских томов, страницы воспоминаний и сопровождающих документов. Он не боится проблем, которые не решены до конца или в силу каких-то обстоятельств решены однобоко. Не боится и часто неожиданных человеческих штрихов образа.

Может быть, никакие другие материалы в этой книге не раскрывают человеческий образ Владимира Ильича так, как приведенные в главе о его отношении к песне. К. Т. Свердлова вспоминает, как в 1906 году в перерывах между заседаниями IV съезда РСДРП делегаты-большевики проводили свои совещания. И «всюду, где собирались группами выходцы из России, политические эмигранты, раздавались русские песни». «Любил Ильич музыку, любил хорошую песню, и почти ни одна наша беседа в далеком Стокгольме не проходила без песни», — вспоминает К. Т. Свердлова весенние дни 1906 года, когда проходил IV съезд РСДРП.

Чрезвычайно важна и мысль, которая очевидно вырастает из всех материалов книги: песня была для В. И. Ленина и орудием пропаганды (он писал об Эжене Потье как об одном из самых великих пропагандистов в посредстве песни) и фактором народной эстетики, замечательным памятником истории, философии, педагогики народа.

Овладев — как читатель — многими богатствами поэзии, Ленин отдавал себе ясный отчет в том, сколь требовательно и сложно это искусство и как много знаний и труда понадобится еще нашей молодежи, тянущейся к стихам, чтобы ступить на стезю поэтического творчества, пишет И. Эвентов.

Чрезвычайно интересны мысли о том, что же ближе всего было В. И. Ленину в искусстве, в литературе, в частности в поэзии. К сожалению, видимо, объем работы не позволил автору привлечь материал живописи и графики, который безусловно помог бы точнее передать взгляды В. И. Ленина на искусство в целом. Но

нельзя не согласиться с Эвентовым, когда он пишет, что Ленин высоко ценил в искусстве романтику и героику: «Лирически окрашенные образы моря, бури, урагана, грозы, позаимствованные из произведений классической и современной поэзии, он охотно употреблял в своей публицистике. Оторванной от жизни мечтательности, «возвышающему обману» реакционных романтиков Ленин противопоставлял революционный романтизм подлинных мечтателей о великом народном благе и подлинных борцов за него. «Надо мечтать!» — восклицал он и подкреплял этот призыв словами Д. И. Писарева: «Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно глядя в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии». «Мы не можем обойтись без романтики, — говорил Владимир Ильич уже после Октября. — Лучше избыток ее, чем недостаток».

Ленин и поэзия русских классиков, Ленин и поэзия зарубежных народов — эти главы свидетельствуют и о новом прочтении известных мемуаров, и о привлечении неизвестных материалов, и прежде всего о скрупулезном изучении работ самого Владимира Ильича.

И. Эвентову удастся найти немало «скрытых цитат», упоминаний о тех или иных поэтических строфах в произведениях В. И. Ленина, которые позволяют судить об огромных знаниях Владимира Ильича в этой области. Шекспир и Пушкин, Гомер и Вергилий, Лермонтов и Кольцов, Гёте и Гюго, Гейне и Фрейлиграт... Книга говорит: не только знал, не только любил, но безусловно держал в своем сознании этапы литературного процесса в историческом развитии со всеми перипетиями и тонкостями. Книга Эвентова, вновь вводящая в научный обиход документы, опубликованные в таких органах печати, как, скажем, «Вечернее радио», выходящее в Харькове в конце 20-х годов (там напечатаны воспоминания М. Крашенинникова о гимназических годах В. Ульянова), помогает это увидеть и понять.

Надо особо отметить материалы, связанные с темой поэзии Некрасова в произведениях В. И. Ленина. Многие источники рассказывают, как молодой В. И. Ульянов знакомился с произведениями поэта — и по

комплектам журналов «Современник» и «Отечественные записки», имевшимся в библиотеке его родителей, и по хрестоматии Гербеля, и по четырехтомному собранию стихотворений поэта, и еще по юношеской тетради отца. Автор книги «Пробуждение новых сил» справедливо пишет: «Любовь к Некрасову, унаследованную от отца (тогда как в гимназии его поэзией открыто пренебрегали), Владимир Ильич пронес через все последующие годы жизни».

К сожалению, мы не можем привести многочисленные, не менее значительные примеры, связанные с основной темой книги. Но о своеобразной манере цитации классиков В. И. Лениным следует упомянуть. Эвентов пишет: «Бывают случаи, когда Ленин видоизменяет не отдельное слово, а всю интонацию, весь эмоциональный настрой поэтического отрывка, вводя его в свой стилистический ряд: лирику насыщает иронией, патетику превращает в сатиру и т. п. Грустно-лирическое «так возможно, так близко» из «Евгения Онегина» превращается в насмешливо-ироническое, когда Ленин пишет о кадетской Думе, которая, конечно же, осудит восстание пролетариата и крестьянства, ибо, по ее мнению, «действительное конституционное устройство было, дескать, так возможно, так близко...» Торжественное пушкинское (из стихотворения «Герой»)

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман —

приобретает совсем другое звучание, когда Ленин обрушивается на укрывателей истины и сеятелей обмана: «...нет более вредной, более преступной для народных представителей вещи, как распространение с трибуны Государственной думы «нас возвышающего обмана»...»

В этой же связи следует отметить и цитации В. И. Лениным Максима Горького, когда уже звучавшие на слуху строки приобретали дополнительное значение, новую остроту. «Реминисценцию крылатых горьковских слов о «безумстве храбрых», прозвучавших в «Песне о Соколе», — пишет И. Эвентов, — мы находим в двух работах Ленина: в предисловии к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману (1907), где «безумно-храбрыми» парижанами названы борцы Коммуны 1871 года, и в статье «Английский пацифизм и английская целлюлоза к теории» (1915), где социал-шо-

винисту Р. Блэчфорду противопоставлен «безумно-смелый» «социалист чувства» Эптон Синклер, автор манифеста против войны».

И. Эвентов произвел огромную работу, строчку за строчкой изучая произведения В. И. Ленина и обнаруживая в них явную или скрытую цитацию известных стихов. Так строки из стихов Скитальца, напечатанных в девятом сборнике «Знание», прозвучали в ленинской статье. Так возникли в статьях В. И. Ленина цитаты из «Песни о Буревестнике» и «Песни о Соколе» и др.

В главе «В. И. Ленин и русская поэзия начала XX века» прослеживаются судьбы многих поэтов, их творческое развитие, связи с революционным движением.

Достойны внимания страницы, посвященные стихам К. Бальмонта, полученным редакцией «Искры» в 1901 году. Об аресте и высылке его из столицы «Искра» сообщала в заметке «Полицейский набег на литературу». И. Эвентов приводит интересные мемуарные свидетельства о работе В. И. Ленина в редакции «Правды», о его беседах с начинающими поэтами и т. д. Значительное место занимают материалы, посвященные творчеству Демьяна Бедного.

Пристальное внимание приковывает материал главы, посвященной В. И. Ленину и поэзии первых лет советской эпохи. Эвентов показывает, что Владимир Ильич не только знал творчество А. Блока, произведения которого были в его библиотеке, но и проявлял к нему особый интерес: «Вслед за «Двенадцатью» в кремлевской библиотеке появились второй том собрания сочинений поэта, охватывающий лирику 1904—1908 годов, отдельное издание поэмы «Возмездие», две книги статей и заметок: «Россия и интеллигенция», «О любви, поэзии и государственной службе». Все эти издания вышли в 1920—1922 годах. Документы свидетельствуют также, что Ленин интересовался личностью Блока, его общественной деятельностью в последние годы».

Не менее интересны материалы, связанные с Сергеем Есениным и имажинизмом. К имажинизму В. И. Ленин относился отрицательно. И. Эвентов приводит строки из газетного интервью поэта. «Имажинисты, — сказал С. Есенин, — выразители и дети своей эпохи. По словам Ленина, они — больные эпохой мальчики, по словам Луначарского — «аморальные типы» («Накануне», Берлин, 1922).

Справедливо пишет автор, что в декларациях имажинистов отразились наивность, незрелость, «мальчишество» участников этой группы и вызывающий, подчас действительно аморальный характер их выступлений, рекламных заявлений и пр. Но к С. Есенину Ленин относился с интересом — в библиотеке в Кремле были книги поэта «Триптих» и «Избранное», да и в журналах, которые читал Владимир Ильич, С. Есенин был частым автором.

Автору книги удалось установить факт присутствия С. Есенина на одном из выступлений В. И. Ленина — на Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских наробразов, где Ленин произнес приветственную речь, говоря о значении культурно-просветительной работы и подчеркивая ее важность «для переустройства всей жизни». Есть данные, что Есенин видел и слышал Владимира Ильича на Красной площади 7 ноября 1918 года на открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции. Скульптурная композиция была выполнена С. Коненковым, текст для траурной кантаты принадлежал С. Есенину, М. Герасимову и С. Клычкову.

Интересен материал о встречах В. И. Ленина с Д. Бедным и о его оценках творчества поэта советского периода, в частности строки из воспоминаний самого Д. Бедного, связанные с отдельными его стихами. «В архиве Д. Бедного сохранилась газетная вырезка текста с авторской пометкой: «Вл. Ильич разнес это стих[отворен]ие». За что? За то, что поэт обвинул в политической слепоте крестьян, оставших от войны. Красная Армия только еще начала создаваться (стихотворение написано в конце февраля 1918 года). Солдаты старой армии разбежались из своих частей. Надо было разъяснить им, в чем разница между постылой службой, которую они покидали, и долгом их перед новой, социалистической родиной. А поэт вместо этого обрушился на них как суровый обвинитель. Позднее, выступая перед селькорами «Бедноты», Демьян Бедный рассказал: Владимир Ильич после публикации стихотворения, встретив его, «чуть за уши не выдрал». «Как вам не стыдно, — упрекал он поэта, — как не стыдно!.. Понять мужика надо!» «И Владимир Ильич, городской человек, — добавил Д. Бедный, — учил меня, деревенского выходца, любить этого темного, несчастного мужика».

И. Эвентов рассказывает о встречах поэта с В. И. Лениным. Он вспоминает Александра Безыменского, который был в составе делегации первого, учредительного съезда РКСМ в кремлевском кабинете Владимира Ильича, и Алексея Гастева, который беседовал с В. И. Лениным в 1921 году по вопросам, связанным с организацией ЦИТ (Центрального института труда), вспоминает о Н. Полегаеве, В. Казине, А. Жарове и других.

Немалое место отведено в работе рассказу о борьбе с ошибками Пролеткульта, причем автор книги совершенно справедливо говорит, что задача не только показать, как боролся В. И. Ленин, вдохновляя и поддерживая линию партии, направленную на то, чтобы очистить Пролеткульт «от мелкобуржуазного мещанского их загрязнения, оказывать идейный отпор всем попыткам подменить материалистическое мирозерцание суррогатами буржуазно-идеалистической философии». Автор говорит о том, что важно и другое — то, что В. И. Ленин стремился сберечь и направить по верному пути то положительное, что сделал Пролеткульт.

Злободневен, хотя, к сожалению, у иных авторов подвергается упрощенному толкованию, вопрос об отношении В. И. Ленина к Маяковскому и футуризму. Со знанием дела (напомним, что И. Эвентову принадлежит ряд работ о Маяковском, причем не только о Маяковском-поэте, но и, что особенно важно для настоящей проблемы, о Маяковском-художнике) автор дает в целом правильную и достаточно точную историю этих отношений. Чрезвычайно важен, и не только для изучения творчества Маяковского, известный отклик о «Проза-седавшихся». Очень важны данные о беседе В. И. Ленина со студентами Вхутемаса о Маяковском, письмо Б. Малкина к Мейерхольду о предполагаемом чтении Маяковским «Мистерии-буфф» В. И. Ленину и многое другое.

Есть и особый аспект проблемы, который, к сожалению, мало изучен теоретиками эстетики и социальной психологии первых послереволюционных лет, но без которого нам не разобраться в целом ряде вопросов, связанных с образом В. И. Ленина и его отношением к искусству.

Существуют разные объяснения, почему поэма Маяковского «150 000 000» не понравилась Ильичу. Они общеизвестны. К ним,

пожалуй, можно добавить еще момент, отмеченный Демьяном Бедным в его пародийной поэме «Царь Андрей», где действует футурист Ятаковский, сочинивший мистерию «Жизнь за Империю, за Русь православную, исконную, столетидесятимиллионную». Можно предположить, что в сложнейшей политической обстановке времен гражданской войны некоторые моменты, о связанные с образом Ивана, показались В. И. Ленину неуместными. Но есть еще одно обстоятельство, как нам кажется, не менее важное.

У Ф. Энгельса есть высказывание о плебейском и пролетарском аскетизме, который обнаруживается на начальной стадии борьбы с господствующими классами. Говоря об этом явлении, Ф. Энгельс пишет, что этот плебейский и пролетарский аскетизм теряет свой революционный характер, по мере того как, с одной стороны, развиваются современные производительные силы, безгранично увеличивая средства потребления и делая тем самым ненужным спартанское равенство, и, с другой стороны, становятся все более революционными условия жизни пролетариата, а вместе с ними и сам пролетариат.

В нашей стране это явление «наложилось» на еще одно явление, о котором В. И. Ленин писал достаточно сурово. «Капитализм,— говорил он,— нам оставляет в наследство, особенно в отсталой стране, тому таких привычек, где на все государственное, на все казенное смотрят, как на материал для того, чтобы злостно его попортить». Эта психология мелкобуржуазной массы чувствуется на каждом шагу.

Мы убеждены, что В. И. Ленин, говоривший о трудности борьбы с этим явлением, не мог мириться с мотивами наивного аскетизма, упрощенного понимания классовой борьбы, неудержимой ненависти ко всему «казенному» (куда попадало и прекрасное как таковое). Все это, увы, было ощущаемо в известной поэме.

Мы далеки от мысли требовать от Эвентова решения всех и всяческих вопросов, связанных с большой темой, поднятой им. Это было бы несправедливо. Его работа, плод многолетних трудов,— несомненный вклад в историю изучения и советской поэзии и советской культуры в целом.

Дм. МОЛДАВСКИЙ.

Ленинград.

«ПОБЕДИТ ВЕЗДЕ»

Друзья Октября и мира. Издание 2-е, дополненное. М. «Художественная литература». 1977. 356 стр.

В этой книге представлено более ста писателей и художников более чем из тридцати стран. Конечно, это капля в море; их могло быть в десять, сто, тысячу раз больше.

Давно уже стало неоспоримым фактом, что Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная шестьдесят лет назад под руководством русского рабочего класса в далекой и таинственной — для многих — России, вызвала в мире столько откликов, сколько не вызывало ни одно событие человеческой истории. И ни одно событие не становилось объектом такого яростного столкновения мнений, хотя вся человеческая история соткана из противоречий и противоречиями движется.

Если говорить о сближающих народы факторах, которые мощно действуют в наше время, то на первое место мы должны поставить именно Октябрьскую революцию. Современники восприняли ее как вспышку света во мраке империалистической войны. «С Востока свет!» — восклицал Иоганнес Бехер в известном стихотворении «Привет немецкого поэта Российской советской федеративной республике». Три десятилетия спустя польский поэт Юлиан Тувим вынесет эти слова в заголовок своего стихотворения «Ex Oriente», закончив его такими строками:

Пою Народ Ста Народов, пою о великом
народе,
О ясном солнце Востока, о светлом
восходе — пою.

В послевоенные годы, годы великого общественного подъема, вызванного победой над гитлеровским фашизмом, Назым Хикмет, турецкий поэт, напишет в стихотворении, озаглавленном «Октябрьская революция»:

Света сиянье бывает разное-разное.
И я видел на свете сияние разного света.
Могучее самое и прекрасное —

это
сияние света
твоего маяка
над океаном народов.

Образ светоносного Октября проходит в зарубежном искусстве через все годы, отделяющие нас от того часа, когда «бабахнула шестидюймовка Авророва».

Книга «Друзья Октября и мира» открывается стихотворением испанского поэта Рафаэля Альберти «Октябрь. 1917—1957», построенном на том же образе:

Великий свет возник однажды в мире,
как маленькое солнце над землею...

То, что стихотворение Рафаэля Альберти «Октябрь. 1917—1957» стоит первым, случайность: имена писателей расположены в книге в алфавитном порядке. И в то же время в этом нет случайности, ибо образ света, который несет Октябрь, — один из самых устойчивых образов в мировой поэзии современности. У Рафаэля Альберти он осмыслен в исторической перспективе — стихотворение писалось к сорокалетию Октябрьской революции — как образ встающего солнца, которое все шире и все ярче освещает мир:

...оно росло, и лился свет все шире,
и счастье перестало быть мечтою.

С волнением встречаешь в этой книге имена друзей Октября, писателей и общественных деятелей из разных стран, которые первыми грудью встали на защиту «русской революции» как своего дела, как дела своих народов, как дела всего человечества. Ощупывая, говоря словами Маяковского, «железки строк», вышедших из-под их пера в те легендарные годы, испытываешь чувство безграничного уважения к мужеству этих людей, к святой вере, наполнившей все их существо, к точному знанию, делавшему их провидцами будущего. Джон Рид, похороненный у Кремлевской стены, заканчивал одну из глав своих «Десяти дней, которые потрясли мир» (она помещена в книге) такими словами: «И вдруг я понял, что набожному русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымалывать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдешь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть — счастье...»

Анри Барбюс в 1919 году, в разгар интервенции старого мира против молодой Советской страны, писал: «Война против России есть не что иное, как война социальная и политическая. Это — острый и грандиозный этап классовой борьбы. Или социа-

лизм будет насильственно уничтожен, или он победит везде».

«Вдруг я понял...», «Победит везде...» Ощущение огромного, всемирно-исторического перелома угадывается в этих словах. Читая сегодня строки, рождавшиеся в гуще борьбы, мы испытываем искреннее волнение. Написанные без всякой мысли о бессмертии, они стали бессмертными, ибо несли в себе главную правду эпохи, и годы подтвердили их правоту.

В книге представлена и «Россия во мгле» Герберта Уэллса — знаменитая шестая глава, в которой Уэллс рассказывает о встрече с В. И. Лениным. Она названа «Кремлевский мечтатель». Знаменитой эту главу сделало отнюдь не предвидение Уэллса — признанный фантаст, человек, считавший себя знатоком будущего, «футуролог», говоря терминами нашего времени, оказался, как известно, бессильным понять реальность ленинских планов. Знаменитой ее сделал сюжет, созданный жизнью, столкновение резко выраженных характеров и мнений, отразившее напряженные конфликты огромного значения. В холодной и голодной Москве 1920 года, в центре безнадежно отсталой, по Уэллсу, и нищей России он записывает: «В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссе прорезают его страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения».

Живо почувствовав величие Ленина, называя его «изумительным» человеком, защитником новой России («Россия во мгле» вызвала анафему Уинстона Черчилля в том же 1920 году), Уэллс тем не менее уверен в бесцельности революции и предсказывает гибель «последних остатков современной цивилизации на всей территории, составлявшей ранее Российскую империю». Он опасается, что губительное развитие ожидает и всю современную цивилизацию: такое пророчество прочел он на «восточной стене Европы». Приехав в СССР вторично десятилетие спустя, Уэллс уже не утверждал этого. Что сказал бы он, автор «Машины времени», если бы ему довелось дожить до полета Гагарина? Согласился ли бы он с тем,

что путь к первооткрытиям в космосе начался в 1917 году?

В книге «Друзья Октября и мира» собраны стихи, рассказы, очерки друзей нашей страны. Мы хорошо знаем, конечно, что на Западе возникновение Советского Союза, каждый шаг его истории по пути строительства социализма, каждый шаг его по пути укрепления мира вызывал и продолжает вызывать поток злобы и клеветы. Менялась тактика наших идейных противников, но не менялась суть — представить социализм и в его идеи и в его реальном воплощении как дело, противное прогрессу, свободе, человеческой природе, а буржуазный строй, давно обанкротившийся идейно (что сегодня уже ни для кого не секрет), как единственно отвечающий понятиям человеческого счастья. Каждую помещенную в этой книге строку мы должны рассматривать в ее историческом контексте, в условиях никогда не прекращавшейся борьбы между новым миром, идущим непроторенными путями истории, и старым миром, готовым на все, чтобы задержать свое падение. Так было и в первые годы после революции, и в годы пятилеток, и в дни второй мировой войны, и в послевоенные десятилетия, прожитые человечеством без тотальных военных столкновений.

От Джона Рида, Альберта Риса Вильямса, Мартина Андерсена-Нексе, Поля Вайяна-Кутюрье, Ивана Ольбрахта, Цюй Цю-бо идет славная традиция документальных репортажей о Советской стране. И здесь пером наших друзей водило не праздное любопытство и не просто желание рассказать соотечественникам о неведомой земле, нет — это тоже было активным действием в поддержку молодой Советской страны. Правда о Советском Союзе должна была прорваться за кордоны, и это должна была быть точная, документированная, надежная правда. Мария Пуйманова писала в 1932 году: «...каждый, кто владеет пером, обязан дать свидетельские показания. Об СССР у нас еще до сих пор распространяется не только много злобной клеветы, но и смешных небылиц».

Очерки эти, как правило, конкретны, фактографичны, и такова была цель авторов, ибо факты о жизни Советской страны были оружием в борьбе за точное знание жизни, в борьбе за правду. Но в них нет и тени холодного бесстрастия. Очерк Пуймановой написан гневно, как ни покажется странной такая характеристика путевых впечатлений

Он полон гнева против лжи и клеветы старого мира, он полон полемического утверждения новой правды: «Люди здесь до сих пор не имеют многого. Но они верят в то, что делают, и понимают, что происходит. Они полны энтузиазма исполнителей великой миссии. А это, господа, важный экономический фактор на бирже истории».

Сегодня строки этих документальных очерков, репортажей, путевых впечатлений, статей читаются с особым чувством. Они доносят до нас реальность хода истории — истории нашей страны, увиденной глазами друзей, доброжелательными, верными, но и строгими глазами. Сегодня не всегда бывает легко понять, как много значили и как много весили слова Рабиндраната Тагора, написанные им в 1930 году: «Все, что вижу, поражает, как чудо. В других странах нет ничего подобного. Все здесь совершенно иначе. Они разбудили и подняли на ноги весь народ». Или слова Ромена Роллана, сказанные им в годы сплочения антифашистского фронта: «Я не могу выразить волнение, вызванное во мне гордой радостью, сознательной, продуманной уверенностью, глубоким гуманным чувством интернационализма, которое я почерпнул в пламенном потоке писем, приходивших ко мне со всех концов вашей страны. Какой очаг света! Мои братья в СССР, благодарю вас за то, что к вечеру моей жизни вы преподнесли мне это солнце».

Если попытаться окинуть взором духовную историю нашего времени, мы увидим, что число друзей Октября неизменно возрастает от десятилетия к десятилетью. Для доказательства этой очевидной истины не обязательно приводить цифры и статистические данные. Мы хорошо знаем при этом, что многие и многие заплатили за чувство дружбы к нашей стране лишениями и самой жизнью, ибо не только в былые времена, но и теперь есть в мире немало мест, где быть другом Советского Союза значит поставить себя вне закона, обречь на преследования и смерть. Мы хорошо знаем также, что сплочение передовых сил вокруг знамени Октябрьской революции не было процессом простым и однолинейным, что не все выдерживали испытание временем, и крутые повороты истории иных толкали на путь измены самим себе, и были среди тех, кто числился в друзьях, и люди случайные, и маловеры, и отступники. Но реальный ход истории выдвигал все новых и новых борцов за идеалы социализма и мира, все но-

вых и новых друзей Октября, и круг их ширился от поколения к поколению, охватывая все новые и новые слои народов, все новые и новые континенты и страны.

Как и все великие даты человеческой истории, Октябрьская революция принадлежит к явлениям движущимся. «Только педанты скажут: это было сорок лет назад... — писал в 1957 году Леон Кручковский. — Было? Так думают те, для кого история — только кладбище фактов. Мы говорим: уже сорок лет живет Революция. Именно теперь, в наши дни, она обрела новое, глубокое дыхание». Естественно поэтому, что широко представлены в книге «Друзья Октября и мира» свидетельства военных и послевоенных лет, когда решалась судьба мира и когда начался новый период всемирной истории, отмеченный образованием мировой системы социализма, крахом колониальной системы, углублением общего кризиса капитализма. Тогда же начался и новый этап клеветнического похода против Советского Союза и идей социализма, похода, целью которого было поставить под сомнение и смысл, и величие, и гуманистическую сущность подвига, совершенного советским народом в Великую Отечественную войну. В те годы Томас Манн произнес свои знаменитые слова о том, что страх перед коммунизмом — «главная глупость нашей эпохи». В те же годы Иво Андрич в очерке «Впечатления о Сталинграде» говорил о местах недавних боев — и бывших боев гражданской войны — как «арене фантастических подвигов, воспламенивших миллионы душ на всем земном шаре». Артур Оло, бельгийский поэт, в стихотворении «Павшим за Ленинград» (оно впервые опубликовано в этой книге по-русски) пишет:

Мы берем вас в свидетели нашей свободы,
нашей жажды дожить до грядущего,
до обновленья планеты.

Рядом со стихотворением А. Оло в книге помещена репродукция панно из серии «Хиросима» японских художников И. и Т. Маруки. Панно называется «Сбор подписей». Женщина в национальной японской одежде склонилась над листом бумаги, за спиной ее ребенок, видны только глаза, внимательно смотрящие на вас.

О репродукциях в этой книге, прекрасно оформленной художником О. Боярским, следует сказать особо. Это не иллюстрации в обычном смысле слова, не добавления к литературному тексту — они существуют на

равных правах с текстом как свидетельства мастеров культуры, запечатлевших кистью, карандашом, резцом силу и величие идей Октября. Такие работы 20-х и 30-х годов, как «Демонстрация» Кете Кольвиц, «Красные солдаты, вперед!» Яноша Табора, «Демонстрация на Красной площади 1 мая 1937 года» Франса Мазереля, фрагмент фрески Диего Риверы «Союз крестьян и рабочих», рисуют солидарность трудящихся, их веру в Советский Союз. На многих работах послевоенных лет изображение голубя, но это не библейский дух умиротворения и покоя, а символ широчайшего, всемирного движения сторонников мира. Голубь на фоне распахнутого окна, с серпом и молотом, лежащими на первом плане (Ренато Гуттузо); голубь, охраняемый заботливыми руками то ли рабочего, то ли художника (Фриц Кремер); голубь, отпускаемый на волю девушкой с поднятыми руками (Антон Рефрежье); голубь, взлетающий с простертых ладоней, на плакате конгресса сторонников мира в Хельсинки (Г. Эрни). Одна из многочисленных композиций Пабло Пикассо, в которой единый летящий штрих обнимает крылатую птицу, хлебный колос и человеческое лицо, воспроизведена на форзаце книги.

Полю Элюар говорит:

Я знаю все места где голубь гнезда вьет
И лучшее из них сознание человека

Среди материалов книги обращает на себя внимание статья югославского писателя Михайло Лалича. Она называется «Первая встреча»; это воспоминания о прочитанном в раннем детстве рассказе Максима Горького. От этой первой встречи с великим художником Михайло Лалич, по его словам, ведет свое пристрастие к трезвому реализму, ясное понимание классовых противоречий, весь свой путь к революционной борьбе. Перед нами слово человека, в равной мере считающего себя и писателем и революционером и не отделяющего одно «ремесло» от другого. Свой широко признанный писательский труд он считает скромным вкладом современника в создание истории нашей эпохи, летосчисление которой идет от Октября. Михайло Лалич говорит:

«Борьба была без снисхождения, тяжелая и всегда против превосходящих сил. Многие из нас падали, но при этом чувствовали себя героями своего времени, эры, которая началась Октябрьской революцией. Как один из хроникеров этого революционного поколения, я счастлив, что принадлежал к нему, и думаю, что направила меня по этому пути, наряду с другими обстоятельствами, моя первая встреча с творчеством Максима Горького».

На последних страницах книги — красочный плакат-листовка, распространенная перуанской Ассоциацией культурных связей с Советским Союзом. На ней изображены пятиконечная звезда, серп и молот и ленинский профиль. Текст ее гласит: «Слава Красному Октябрю! Да здравствует славная Коммунистическая партия Советского Союза!» Имя художника неизвестно. Листовка с далекого латиноамериканского континента еще раз напоминает нам о борьбе за свободу и социальный прогресс, непрерывно идущей в мире, о жизненности и величии идей Ленина.

Нгуен Динь Тхи, поэт победившего народного Вьетнама, говорит: «Свет Октябрьской революции помог народам увидеть и найти друг друга. Стране Ленина принадлежит великая честь, которая не забудется в веках, честь создания действительно братских отношений между народами».

Книга «Друзья Октября и мира» выпущена издательством «Художественная литература» к шестидесятилетию Октябрьской революции. Это не просто прекрасный подарок нашему читателю. Писатели и художники, чьи мысли, чьи свидетельства о времени представлены в этой книге, говорят не только от своего имени: многих из них по праву называли совестью своих народов, совестью человечества. В их свидетельствах отстоялся огромный нравственный опыт больших мастеров культуры. Они и сегодня борцы против дезинформации и лжи, против клеветы на нашу страну и идеи социализма. Их слово и сегодня оружие в борьбе за мир и социальный прогресс.

П. ТОПЕР.

ГОРИЗОНТЫ НАУЧНОГО ПОИСКА

М. Б. Храпченко. *Художественное творчество, действительность, человек. М. «Советский писатель». 1976. 366 стр.*

Новая книга академика М. Б. Храпченко тесно связана с предыдущей его книгой — «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы», удостоенной Ленинской премии. В новом труде автор, продолжая дальнейшее исследование вопросов, которые были поставлены им раньше, вместе с тем выдвигает и новые актуальные проблемы. Неизменно книги М. Б. Храпченко активно включаются в те дискуссии по узловым вопросам эстетики и литературоведения, которые происходили у нас на протяжении последних десятилетий. В новой книге подводятся некоторые итоги уже отшумевших дискуссий и намечаются дальнейшие перспективы в разработке новых проблем.

Хорошо продуман и строен план этой книги. В ней три раздела, внутренне связанных между собой. Первая часть книги посвящена общим проблемам реализма и его исторического развития. Вторая — анализу новейших методов изучения литературы: семиотике, теории знаков, проблемам моделирования. Третья исследует возможности системного анализа, проблемы поэтики, стилистики, теории литературы.

Первая глава служит как бы методологическим введением ко всему труду. Обращаясь к широкому кругу эстетических воззрений буржуазных и ревизионистских теоретиков XX века, автор тщательно исследует эти системы и показывает, как решались в их рамках ключевые вопросы эстетики и литературоведения. «Так соединяются в единое целое,— подытоживает он свои наблюдения,— теории элитарности искусства и его дегуманизация, уход от действительности и «нейтрализация» художественного творчества, защита абсолютной свободы творца и отказ от ответственности его перед людьми. А все это вместе характеризует тот тупик, в который зашло буржуазное искусство».

Этим теориям исследователь противопоставляет марксистско-ленинское понимание важнейших проблем теории искусства, которое позволяет решать самые сложные вопросы современного искусствознания и эстетики.

Особое место в книге М. Б. Храпченко занимает глава «Реалистическое обобщение

и его формы». Здесь автор возвращается к спорам об особенностях реализма, времени его зарождения и основным этапам его развития, спорам, которые происходили во время этапной дискуссии 1957 года,— теперь они рассматриваются на новом «витке спирали» развития эстетической мысли, опираются на все ценное, что было добыто наукой за последние годы.

Собственная концепция М. Б. Храпченко подчеркнута исторична и основана на идее последовательного развития реализма в мировой литературе — он анализирует особенности реализма эпохи Возрождения, эпохи Просвещения, своеобразия критического реализма, открытия реализма социалистического.

В свое время один из основоположников экспериментальной эстетики, Густав Фехнер, писал о двух видах эстетики — об эстетике «сверху» и эстетике «снизу». Недоверчиво, как и другие позитивисты, относясь к философским выводам, Фехнер признавал плодотворной только эстетику «снизу», то есть выводы, сделанные уже на основе не столько анализа, сколько описания фактов. Эти идеи Фехнера получили признание и в трудах некоторых современных буржуазных теоретиков.

Разумеется, на иных позициях стоит марксистско-ленинское литературоведение. В труде М. Б. Храпченко анализируются произведения многих художников слова — Боккаччо, Рабле, Шекспира, Сервантеса, Дидро, Ричардсона, Бомарше, Дефо, Гёте, Шиллера, Бальзака, Гоголя, Пушкина, Стендаля, Флобера, Тургенева, Чернышевского, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького. Исследователь показывает, как соотносились в их творчестве такие проблемы, как человек и среда, искусство и действительность, художник и общество, в чем своеобразие творчества каждого из этих художников, какими особенностями их творчества определялись специфические черты реализма на различных его стадиях. Исследователь идет от анализа художественной практики того или иного писателя к анализу проблем художественного метода и обратно. Теоретические обобщения убедительно формируются на глазах у читателя. Автор доказательно анализирует структурные особенно-

сти различных направлений искусства от эпохи Возрождения до наших дней.

Такая методика анализа позволила автору не только предложить свою концепцию развития реализма на разных исторических этапах, но и выдвинуть ряд теоретических проблем, важных для понимания реализма как метода.

Известно, что некоторые буржуазные эстетики обвиняют реализм в том, что он будто бы лишь «фотографирует» действительность, удваивает ее, создает «копию жизни» и т. д., то есть смешивают реализм с натурализмом. Советские ученые, и М. Б. Храпченко в том числе, защищая основы реализма, доказательно разоблачили этот подлог, утвердили мысль о творческой широте реалистического метода, который никогда не был «замкнутой» эстетической системой.

В этой книге итогов и перспектив автор стремится пересмотреть некоторые традиционные представления об отдельных художественных произведениях. Так, например, он полагает, что повесть «Тарас Бульба» не является романтическим произведением, хотя в ней есть элементы романтизма, и не может быть противопоставлена «Мертвым душам» как произведению реалистическому. Эти произведения, подчеркивает автор, «представляют собой две различные формы реалистического обобщения действительности».

Еще примеры. Автор исследует творчество Стендаля и критическую литературу о нем. Многие критики считали Стендаля романтиком, в частности, на том основании, что он создавал крупные характеры, рисовал большие страсти. Но эти черты, делает вывод М. Б. Храпченко, не составляют «прерогативы романтической литературы». Широкий подход к анализу образов, созданных писателями-реалистами, позволяет исследователю делать и другие важные выводы и сопоставления. Так, по его наблюдению, пушкинский Пугачев некоторыми своими чертами близок Петру, каким тот изображен в «Полтаве» и «Арапе Петра Великого», близок Моцарту «с его внутренней свободой и творческой одержимостью».

М. Б. Храпченко активно выступает и против упрощенного, однолинейного представления о позициях писателя и его героев, чем обычно грешат работы вульгарных социологов. Вопрос о человеке и среде не раз был предметом ожесточенных дискуссий. Что среда определяет поведение чело-

века, установлено давно. Однако есть упрощенный взгляд, согласно которому среда как некая сумма экономических и социально-политических факторов определяет в се поведение человека. Против такого понимания среды выступал еще Достоевский. Он видел в этом представлении о среде оправдание пассивности и безответственности: среда, мол, заела, я ничего поделать не могу!

М. Б. Храпченко доказывает на примере творчества классиков, что среда — понятие многогранное, многолинейное, что в этом понятии перекрещиваются социально-политические, философские, психологические, биологические, эстетические, бытовые факторы, но момент личного выбора, ответственности человека за свои поступки и судьбу сохраняет чрезвычайно важное значение при всем «давлении» на него внешних факторов.

Анализ особенностей реализма прошлых веков подводит исследователя к большому разговору о сущности нового метода мирового искусства, к определению основ социалистического реализма.

В недавнюю еще пору иные из наших теоретиков, сопоставляя критический реализм с социалистическим, склонны были это сопоставление превращать в противопоставление. Возникла легенда о том, что будто бы критический реализм склонен был лишь критиковать действительность старого мира в отличие от социалистического реализма, который активно вторгается в жизнь, помогает строительству нового мира. М. Б. Храпченко убедительно говорит о несостоятельности такой концепции. Анализ произведений Грибоедова, Тургенева, Чернышевского, Толстого, Достоевского, Чехова показывает, что эти великие художники никогда не были лишь «негативистами», они вели активную борьбу за высокие идеалы. Ленинская теория отражения — философская основа нашей эстетики — позволяет сделать вывод, что искусство есть один из видов общественного сознания, в котором функция отражения органически связана с функцией преобразования мира, то есть с борьбой за воплощение высоких идеалов. «Идея,— писал Ленин,— есть познание и стремление (хотение) [человека]...»¹. Автор книги делает два очень важных вывода. Во-первых, идея активного преобразования мира не разделяет критический реализм и социалистический реализм, а роднит эти ме-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. т. 29, стр. 177.

тоды между собой. Во-вторых, современный «критический реализм в капиталистических и в целом ряде развивающихся стран отнюдь не утратил своих творческих потенций». В таком понимании современный критический реализм рассматривается как метод, отражающий демократические настроения передовых художников в их борьбе за гуманистические идеалы.

Много внимания в книге М. Б. Храпченко отводится разработке проблем социалистического реализма, который рассматривается автором как сложная, многогранная структура.

Автор исследует связи социалистического реализма с предшествующими методами, прежде всего с критическим реализмом и одновременно с теорией научного социализма, с практикой освободительной борьбы. Многообразные факторы определяют основные особенности нового метода, своеобразие решения проблем человека и среды, созидательного труда, проблемы формирования лучших черт человека в эпоху развитого социалистического общества, в процессе борьбы за дальнейшее совершенствование социальных отношений.

От анализа общих вопросов теории и истории реализма автор переходит к рассмотрению других важных проблем. «Жизнь в веках. Внутренние свойства и функция литературных произведений» — так названа одна из глав первого раздела.

Рассматривая «жизнь в веках» таких произведений, как «Венецианский купец», «Дон-Кихот», автор показывает, как в разные эпохи в условиях идеологической борьбы работы разных исследователей раскрывали те или иные стороны этих великих созданий. М. Б. Храпченко приходит к очень важному выводу, имеющим общеметодологическое значение. «Их жизнь, — говорит он о подобных великих произведениях, — открывает ту внутреннюю энергию, которая в них заключена, действительные возможности художественных обобщений, их «силовой» потенциал. Этот тезис переключается с общей характеристики реализма как метода, полноценные образцы которого и в наши дни несут в себе большой творческий потенциал.

Вторая часть книги М. Б. Храпченко вводит читателя в самую гущу современных дискуссий о новых методах анализа художественных произведений. В центре внимания исследователя — проблема семиотики и моделирования.

Что такое знак? Каково его значение в жизни, в быту, в науке, в искусстве? Исследованию этих вопросов автор уделяет особое внимание. Из широкого круга работ, включая работы основоположников семиотики Пирса и Морриса и наших современников, в частности Ю. Лотмана, автор выделяет два взгляда на сущность знака: одни исследователи говорят о знаке как средстве обозначения, другие уверяют, что знак сам по себе обладает значением. Автор книги полагает, что вторая точка зрения направлена против теории отражения и служит исходным пунктом для формалистических теорий. Он критикует исследователей, которые, признавая знаковую языка, отождествляют язык с художественным произведением и переносят на него законы знаковых систем.

Автор рассматривает разные аспекты знака: соотношение знака и действительности, знака и искусства, знака и условности, знака и разных направлений в искусстве (классицизма, романтизма, реализма, символизма и др.), знака и мифологии, знака и массовой культуры, знака и образа и т. д. К сожалению, М. Б. Храпченко не остановился на очень важной проблеме — соотношения знака и проблемы типического.

Большое место в труде уделено проблемам семиотики. Известно, что эстетическая реальность отличается от жизненной реальности и одновременно связана с этой реальностью, определяется ею. Это диалектическое единство игнорируют представители некоторых школ эстетики XX века. Так, сюрреалист А. Бретон видит в искусстве высшую реальность, которая осуществляется в системе сложных ассоциаций, грез, «незаинтересованной» игры ума. Р. Барт полагает, что в науке слова ориентированы на предмет, ими обозначаемый, а в искусстве — на другие слова самого произведения, на знаки, откуда рождается их многозначность. Стронница символично-знаковой теории С. Лангер, развивая идеи одного из основоположников семиотики, Ч. Морриса, видит особенности знакового символа в том, что он «не замещает ничего и не соотносится ни с чем». Ю. Лотман полагает, что существует два языка — язык практики и науки и язык художественной литературы, он называет его вторичным языком, который осуществляет не только коммуникативную, но и моделирующую функцию (Ю. Лотман не оригинален в решении этого вопроса: о двух языках писали еще русские форма-

листы в 10-е годы нашего века). Так сторонники «глобальной семиотики», различными способами абсолютизируя условность искусства, разрывают его сложную связь с реальной жизнью.

В книге М. Б. Храпченко развернута убедительная критика теории эстетического моделирования. Если рассматривать искусство как модель, утверждает автор книги, то стирается всякая грань между наукой и искусством. Ее сторонники игнорируют роль художника — творца эстетических ценностей. Художник для них выступает в роли скорее медиума, чем творца. Некоторые виды образов, например сатирические и гротесковые, вообще не могут быть проанализированы с точки зрения сторонников теории моделирования. Эта теория может объяснить прикрепление образа к определенной среде, к определенным обстоятельствам, которые изображены в произведении, но не может объяснить, как рождаются и живут такие большие обобщения, как образы Хлестакова или Григория Мелехова.

Однако автор не ограничивается критикой тех или иных положений семиотики и теории моделирования. Он утверждает, что в целом изучение литературы с позиций семиотики «находится еще в стадии становления», и считает необходимым «вести научные поиски в области марксистской семиотики искусства».

Пристальное внимание уделено в книге характеру и границам системного анализа, путям и методам историко-литературных исследований, особенностям и соотношениям поэтики, стилистики и теории литературы.

Автор убедительно показывает, что системный анализ — открытие не структурализма, как полагали некоторые теоретики, им пользовались основоположники марксизма-ленинизма при анализе различных сторон и явлений общественной жизни.

Системный анализ исключает абсолютизацию одного из компонентов художественного произведения — сюжета, темы, художественного образа, композиции, языка, интонационного строя и т. д. И автор подчеркивает необходимость комплексного, всестороннего изучения художественной структуры произведения искусства.

Исследователь ведет убедительную полемику с теми литературоведами, которые пытаются доказать, что художественные концепции существуют в голове писателя еще до их претворения в слово. Такое понимание искусства сводит творчество писателя к иллюстрированию готовых идей, то есть оправдывает тенденции вульгарно-социологического метода, давно преодоленного нашей наукой.

К ошибочным выводам приходят и те ученые, которые рассматривают художественное произведение как своего рода «обособленный» организм, развивающийся по своим частным законам. Сторонники этой точки зрения забывают об огромном творческом труде художника, о его творческих поисках, о его индивидуальных открытиях. И о том, что подобное толкование в какой-то мере оправдывает формалистические теории.

Анализируя такие направления в современном литературоведении, как историко-генетическое, историко-функциональное, сравнительно-историческое, типологическое, структурное (отличное от структурализма), семиотическое, автор книги утверждает, что ни одно из этих направлений не может претендовать на исключительность. Напротив, они должны дополнять и обогащать друг друга. Так, историко-генетический метод необходимо дополнить историко-функциональным исследованием, которое должно раскрыть внутренние потенции художественных образов для читателей разных эпох. Рассматривая положительные стороны, а равно черты ограниченности разных школ и методов в современном литературоведении, М. Б. Храпченко предлагает собственное понимание важных проблем поэтики, стилистики, теории литературы, устанавливает границы этих дисциплин, круг проблем, входящих в каждую из них.

Даже краткий обзор труда М. Б. Храпченко «Художественное творчество, действительность, человек» свидетельствует о том, что эта книга нужна каждому, кто интересуется теоретическими вопросами литературоведения, ибо она вводит читателя в самую гущу современной науки о литературе, побуждает к творческому осмыслению ее насущных проблем.

А. МЯСНИКОВ

СОВЕТСКИЙ ТЕАТР — В ПУТИ

Б. Алперс. Театральные очерки. В двух томах. Т. 1. Театральные монографии. 567 стр. Т. 2. Театральные премьеры и дискуссии. 519 стр. М. «Искусство». 1977.

В последние годы театральная теория и критика энергично расширяют плацдарм своего действия. В частности, и за счет статей, рассыпанных в повременных изданиях давних и нынешних лет, работ, ставших библиографической редкостью, — они собираются в книги, которые занимают важное место не только в специальной историко-театральной библиотеке, но и в большой литературе о духовной жизни страны. Первостепенный интерес представляет в этом смысле восьмитомное собрание сочинений А. В. Луначарского, всегда уделявшего, как известно, огромное внимание театру. Вскоре выйдет в свет четвертый, завершающий том произведений П. А. Маркова под общим заглавием «О театре». Недавно издательство «Искусство» выпустило «Театральные очерки» Б. В. Алперса в двух томах, вобравшие в себя исторические и теоретические исследования, рецензии и дискуссионные статьи ученого и критика, написанные на протяжении почти шестидесяти лет.

То, что очерки эти вышли в год шестидесятилетия Советской страны, советского театра, не только символично, но внутренне оправдано. Речь идет вовсе не о том, что в двухтомнике мы найдем очерк истории советского сценического искусства, — отбирая свои сочинения, автор, надо полагать, не претендовал на это. Но советский театр был в центре внимания ученого до конца его жизни — ведь такие статьи, как «Билль-Белоцерковский и театр 20-х годов», «Бабанова и ее театральное время», «Судьба театральных течений», написаны на рубеже 60—70-х годов, и можно только удивиться тому, как живо сохранились в памяти писателя, которому перевалило за семьдесят, давние театральные времена, как с высоты исторического опыта он глубоко и точно судил о кардинальных проблемах становления и развития советского драматического искусства.

«Театральные очерки» — лишь часть литературного наследия Б. В. Алперса. За их пределами осталась, в частности, быть может, главная книга ученого — «Актерское искусство в России», первый том широко задуманного исследования. К сожалению, автор не успел завершить эту свою капитальную работу, но книга, вышедшая в 1945 году, поистине драгоценна тем

прежде всего, что в ней предложен, а точнее, открыт наиболее плодотворный исторический метод изучения искусства актера — самого трудноуловимого из всех искусств. Вскоре после выхода книги она подвергалась несправедливой критике (с горечью должен вспомнить, что и в одной моей тогдашней статье на другую тему прозвучало неверное слово о талантливом исследовании), но уже давно всеми признано, что «Актерское искусство в России» определяет важный этап в развитии советской науки о театре.

Трудно охватить единым взором «Театральные очерки» Б. В. Алперса. Трудно потому, что под яркими, «театральными» обложками (хорошая работа художников М. А. Аникста и Е. Б. Аникст) собраны очень разнохарактерные сочинения. Рядом с «Театром социальной маски», книгой, написанной по горячим следам искусства Мейерхольда 20-х годов, — углубленно-исторический анализ позднего Островского; Станиславский соседствует в книге с Билль-Белоцерковским, Бабанова с Комиссаржевской; в «Дневнике театрального критика» напечатаны газетные отклики на спектакли и размышления о путях развития советской драматургии, о ее идейных и творческих открытиях.

При всем несходстве сочинений в построении издания нет случайности, в нем ощутима внутренняя логика. А кроме того, объединяющим началом в двух томах стала личность автора. Таким мы и знали Бориса Владимировича — человека необычайно широких познаний, убежденного в своих театральных воззрениях, академически корректного и вместе с тем увлекающегося, а порой язвительно-резкого. Б. В. Алперс писал о крупнейших художниках советского театра, с иными из них был близок в жизни и работе, но для него не существовало магии имен или каких-либо групповых пристрастий: он всегда прямо и определенно писал и говорил то, в чем был несокрушимо уверен.

Значит ли это, что Б. В. Алперс был всегда объективен и непогрешим в своих суждениях о театре? Думаю, нет. Некоторые его сочинения хочется оспорить, иногда во взглядах критика на художественное явление стиралась, как мне кажется, грань

между последовательностью и упорством, даже упрямством. Но несомненно одно: Борис Владимирович Алперс осветил своим талантом ученого и писателя некоторые сложнейшие явления русского сценического искусства, он был активным строителем советского театра, владел даром глубокого осмысления накопленного опыта. Редкая особенность аналитического метода Б. В. Алперса состоит в том, что, оттолкнувшись от, казалось бы, локального художественного явления, будь то творческая судьба одного писателя, опыт актрисы или просто единственный спектакль, ученый осмысливает это явление в широком историческом контексте.

Чувством историзма проникнуты его статьи о советском сценическом искусстве, о советской драматургии. Почему из всех драматургов ранней, послеоктябрьской поры автор сосредоточил особое внимание на творчестве В. Н. Билль-Белоцерковского? Ведь известно, что только «Шторм» стал этапным явлением театра 20-х годов, а другие пьесы постигла безрадостная сценическая судьба. Но Билль важен для исследователя потому, что в его драматургии в первые столь ясно и откровенно явился новый герой, человек, совершивший революцию. Явился, не имея литературных предшественников, из самой жизни.

Думаю, что Б. В. Алперс преувеличивает достоинства таких пьес, как «Штиль», «Жизнь зовет», однако в связи с ними, и прежде всего со «Штормом», он высказывает очень глубокую, важную и в наше время мысль о «личной теме драматурга», об ущербности словно бы «анонимных» пьес, в которых не слышно авторского голоса, опыта, тревог и надежд. Личную тему драматурга ученый понимает очень широко — недаром он справедливо находит ее у Горького, Булгакова, Вишневского, Леонова, Олеси, Файко, Погодина. Но у Билля она особенно наглядна, почти автобиографична — этапы, которые прошел Братишка, прошел и его создатель.

Б. В. Алперс назвал Братишку спутником драматурга. Это очень хорошее, содержательное определение природы героя, особенно когда речь идет о драматургическом искусстве. Недаром в очерке «Бабанова и ее театральное время» автор вновь говорит о спутниках, которые «рождаются в душе своего создателя, составляя плоть от его плоти, кровь от его крови, а затем принимают на себя облик другого человека и начинают двигаться по собственной жизнен-

ной орбите». Такими спутниками Бабановой были ее ранние роли подростков (в которых, быть может, впервые на сцене было оспорено, в общем-то, старомодное амплуа трагести), а позднее работница Анка из погдинской «Поэмы о топоре», Таня в лирической драме Арбузова.

Как будто бы очерк о Бабановой — моему, лучшее сочинение в двухтомнике — представляет собою образец традиционного в театальной литературе жанра: творческий портрет. Однако название очерка точно: через жизненную и творческую судьбу молодой артистки мы явственно ощущаем некоторые существенные приметы театрального времени, входим в мир художественных явлений на сцене той поры. Перед нами возникает живая в своей зримости картина театра 20-х годов с его резкими схватками, крайностями и открытиями. Бабанова, как и многие ее сверстники, боготворила Мейерхольда, в его искусстве видела будущее нового театра, но вскоре покинула своего учителя. Почему? Казалось бы, частный биографический факт, но он выводит нас на арену решающих процессов в театре того времени — острых, болезненных столкновений, заключающих в себе вместе с тем двигательную силу развития молодого советского театра. Мейерхольд высоко ценил Бабанову, открыл в ней неповторимого художника, а она была «актрисой психологического театра, заложницей «театра Станиславского» в боевом стане «левого» искусства».

Так, исподволь, на примере опыта любимой актрисы исследователь развивает одну из магистральных, определяющих тем развития советского сценического искусства: противостояние и вместе с тем взаимовлияние, постепенное сближение системы психологического реализма и условного театра. Еще ранее, в очерке «Пятнадцать лет советского театра», Б. В. Алперс отмечал: «Эти системы постепенно сближаются друг с другом, вливаясь в одно русло, в один поток формирующегося социалистического театра». А в завершающей двухтомник аналитической статье «Судьба театральных течений» автор протягивает прочную нить от «диффузии» полярных театральных систем в 20-е годы к нынешнему времени: «Все яснее становится, что современный театр не может обойтись ни без Станиславского, ни без Мейерхольда. Творческое наследие этих двух великих режиссеров XX века — у каждого по-разному — прочно вошло в художественную структуру театра наших

дней, в его плоть и кровь, и определило характерные особенности его развития, основные черты его стиля».

«Театральные очерки» свидетельствуют, что Б. В. Алперс всегда особенно влекли сложные явления искусства, что он и в молодые и в зрелые годы отвергал хрестоматийные, казалось бы, прочно установившиеся мнения и стремился сказать свое слово. Кажется, досконально и всесторонне изучен творческий опыт Станиславского, однако очерк «Год артистических странствий Станиславского» не только помог авторам более поздних исследований, но сохраняет свое неповторимое место в литературе о великом реформаторе сцены.

В 1954 году Б. В. Алперс посмотрел в Малом театре новую постановку комедии Островского «Сердце не камень». Спектакль в целом огорчил критика, и он — с полным уважением к его создателям — написал об этом. Однако рядовая неудача современного театра побудила автора задуматься о генеалогии этой неудачи, об ее исторических истоках. И, казалось бы, локальная рецензия переросла в большую, подлинно научную монографию о пьесах великого драматурга 70—80-х годов прошлого века, о драматической судьбе непонятого позднего Островского, о ложном «театральном мундире», в который был обряжен писатель и из которого — за редкими исключениями — не выпускали его и современники и критики, режиссеры, актеры более поздних времен вплоть до наших дней. Дорого и существенно при этом, что автор не ограничивается констатацией этой «непонятости», а высказывает свое, во многом новое в науке суждение о позднем Островском, о многоликости и гуманистической широте его драматургии, о сценической судьбе поздних пьес Островского в советском театре.

Особую, едва ли не первостепенную роль играет в сочинениях критика Мейерхольд, к нему автор обращается во многих своих работах. Н. Тодрия в хорошей вступительной статье рассказала о том, что творческая близость между режиссером и совсем молодым критиком возникла еще в дореволюционную пору, и, конечно, давние жизненные и художественные связи во многом определили повышенный интерес автора к Мейерхольду. Но дело не только и не столько в этом. Как и многие его сверстники, ступившие на порог советского театра в начальную пору, Б. В. Алперс видел в Мей-

ерхольде энергичного и неоспоримого лидера в борьбе за создание революционного сценического искусства. И был прав, хотя при этом надо сказать, что молодой критик недостаточно прозорливо судил о будущем коренной традиции русского театра — традиции психологического реализма.

Б. В. Алперс много сделал в объективном осмыслении новаторского искусства Мейерхольда, его вечных исканий. Он протянул крепкие нити между опытом режиссера на разных путях дореволюционного творчества и его искусством советской эпохи, пролив тем самым свет на, казалось бы, необъяснимую загадку. Исследователь раскрыл революционную роль Мейерхольда в строительстве советского театра и драматургии периода «бури и натиска», глубоко охарактеризовал его опыт в сценическом воплощении классики, воссоздал ушедшие в небытие спектакли мастера.

Можно с уверенностью сказать, что каждый ученый, обращавшийся к изучению сложного и противоречивого творчества Мейерхольда, его миссии в театре XX века, не обошел вниманием работы Алперса, в частности его давнюю книгу «Театр социальной маски», которая открывает «Театральные очерки». Наверное, только у специалистов сохранилась в домашней библиотеке небольшая, изданная на плохой серой бумаге книга, снабженная интереснейшими авторскими комментариями, имеющими самостоятельную ценность. И хорошо, что работа эта стала теперь всеобщим достоянием. Однако нельзя не почувствовать, что на ней лежит печать того времени, что в некоторых своих выводах и обобщениях автор обнаружил чрезмерный радикализм, дав тем самым одностороннюю оценку театра, или, как он говорит, «системы», Мейерхольда. Думаю, что понятие «театр маски», «театр социальной маски», далеко не обнимает театральную эстетику Мейерхольда, — если бы это было так, то вряд ли уроки великого режиссера, его опыт оказали бы такое громадное влияние на современное сценическое искусство. Более прав, мне кажется, П. А. Марков, который примерно в те же годы писал: «Проблема Мейерхольда на театре не может быть решена без ответа на вопрос — имеет или не имеет право на существование театр режиссера-позта. Думается, этот вопрос разрешается безоговорочно в положительном смысле. Более того, всякий раз, когда Мейерхольд порывает с этим своим качеством, поста-

новки его немедленно становятся серыми и неинтересными».

Трудно, да и как будто не принято polemизировать с автором, которого нет в живых, но думаю, что бескомпромиссный Борис Владимирович Алперс не согласился бы с этим неписанным правилом. Вот почему считаю возможным и даже необходимым очень кратко высказать свое мнение по поводу статьи 1931 года «Творческий путь МХАТ Второго».

В этой статье высказаны глубокие соображения о трагедии художника, обособленного от своих современников, не понявшего всемирно-исторического и гуманистического смысла революции, — и Первая студия, ставшая в 1925 году МХАТ Вторым, действительно развивалась в резких противоречиях, далеко не сразу нашла контакты с новой действительностью. Но мне кажется, что статья Б. В. Алперса звучит не «предостережением» театру, как считает Н. Тодрия, а приговором, в ней осуждается и перечеркивается весь путь, пройденный Первой студией, и утверждается, что классовая основа краха театра коренится в последовательной мелкобуржуазной идеологии, в «запоздалом конфликте с новой исторической эпохой». Думаю, что в этом случае Б. В. Алперсу изменило чувство историзма, что он не принял в расчет мучительных, но устремленных в будущее (а вовсе не в прошлое!) исканий молодых художников, занявших вскоре такое видное место в советском театре. Ведь даже «Чудак» А. Н. Афиногенова, поставленный в 1929 году и, пожалуй, впервые выразивший на сцене дух высокого энтузиазма социалистического строительства, познакомивший нас с

новым героем, по мнению Б. В. Алперса, есть выражение все того же «конфликта МХАТ Второго с действительностью». Я видел этот спектакль и хорошо помню, что мы уходили из театра с совсем другим ощущением.

Вызывают несогласие и некоторые иные взгляды и оценки Б. В. Алперса. Трудно, скажем, согласиться с тем, что последний спектакль Вахтангова — это «слащаво-жеманная «Принцесса Турандот» с ее ущербной иронией, с ее салонной эlegantностью». Требовательный до резкости, критик несомненно ошибся, дав чрезмерно высокую оценку пьесе Ф. И. Панферова «Жизнь».

Но эти и другие, на мой взгляд, ошибочные суждения критика несколько не снижают значения книги в целом. Это вовсе не штампованная утешительная фраза под занавес. Дело не только в том, что большинство работ, включенных в двухтомник, составляют непреходящую ценность советской науки о театре и театральной критике, но и в том, что «Театральные очерки» — это не учебник по истории театра, а живой опыт, энергичная мысль редкостно одаренного, высокопринципиального и, конечно, как каждый талант, субъективного литератора и ученого, который прошел вместе с советским театром без малого шестидесятилетний путь. Поэтому мы вправе рассматривать его книгу и как своеобразную летопись советского театра, которая пусть и не всегда полно и с известным субъективизмом, но все же отражает путь становления нашего театрального искусства, а следовательно, и частицу духовного опыта нашего народа.

А. АНАСТАСЬЕВ.

Политика и наука

ЛЕНИН, ОКТЯБРЬ, ФИНЛЯНДИЯ

П. В. Московский, В. Г. Семенов. Ленин в Финляндии. Памятные места. М. Политиздат. 1977. 159 стр.

Заслуживает внимания инициатива Издательства политической литературы, выпустившего в последние годы ряд исследований и популярных книг о жизни и деятельности В. И. Ленина в период эмиграции в Германии, Франции, Швейцарии, в Скандинавских странах. В данном случае речь идет о небольшой по объему, но весь-

ма содержательной работе, посвященной пребыванию Владимира Ильича Ленина в Финляндии.

Владимир Ильич в разное время находился в эмиграции в двенадцати европейских странах, но Финляндия среди них занимает особое место. Ведь рядом была Россия, ставшая центром революционных событий

в мире, и Ленин постоянно направлял ход этих событий, руководил деятельностью созданной им большевистской партии. Ленин хорошо знал Финляндию и посещал ее не менее двадцати шести раз, прожив там в общей сложности более трех лет. Финны — рабочие, представители прогрессивной интеллигенции — не раз предоставляли Ленину надежное убежище, укрывая его от преследований царской охранки, от ищеек Временного правительства, заботились о создании условий, в которых он мог бы вести свою огромную политическую, теоретическую, организаторскую работу во имя торжества идей социальной справедливости, свободы народов.

Деятельность Ленина была глубоко интернациональна. Он был вождем не только российского пролетариата, но и всего международного революционного рабочего движения. Он принимал непосредственное участие в работе конгрессов II Интернационала, общался с видными деятелями социал-демократии разных стран. Его встречи с представителями финского рабочего движения — лишь один из примеров непосредственного воздействия на формирование их как революционеров-интернационалистов.

Первым финном, с которым В. И. Ленин встречался еще во время сибирской ссылки, был рабочий Путиловского завода в Петербурге Оскар Энгберг, сосланный в Шушенское за участие в забастовочном движении. Для него Ленин стал первым учителем революционной теории. Владимир Ильич подарил ему свою фотографию с надписью: «Товарищу Оскару Ал-чу в память о совместной жизни. 1897—1900 гг.» О. Энгберг с неподдельной теплотой писал в воспоминаниях, что у Владимира Ильича он «многому... научился и понял, что, следуя по социалистическому пути, человечество может прийти к счастью».

В. И. Ленин часто встречался с активными участниками финского рабочего, революционного движения, среди которых прежде всего должны быть названы В. И. Борг, К. Х. Вийк, Э. А. Гюллинг, О. В. Куусинен, Ю. К. Латукка, А. Ф. Нуортева, К. Маннер, Э. А. Рахья, Г. С. Ровио, Ю. С. Сиrolа, Э. Хутгунен, А. В. Шотман, а также семьи Парвийайнена, Блумквиста, Усениуса и другие. Кое у кого из названных финских товарищей Владимир Ильич жил, часть из них брала на себя заботу о его безопасности, с другими же он имел неоднократные

встречи и долгие беседы по вопросам подготовки революции.

Ленин всегда высоко ценил борьбу финского народа за свои права, решительно разоблачал шовинистическую политику царизма в отношении Финляндии и призывал российский пролетариат оказывать всемерную поддержку финнам в деле освобождения. В ходе совместной борьбы росло и крепло единство русского и финского рабочего движения, слившихся в общий революционный поток.

Политика большевистской партии по национальному вопросу исходила из признания за всеми нациями и народами, входившими в состав царской России, права на свободное отделение и образование самостоятельного государства. В полной мере это относилось и к Финляндии, и по предложению Владимира Ильича Пражская конференция РСДРП приняла резолюцию «О политике царизма по отношению к Финляндии», в которой подчеркивалось, что «лишь совместными усилиями рабочих России и Финляндии может быть достигнуто свержение царизма и свобода русского и финляндского народов».

Впервые В. И. Ленин посетил Финляндию в ноябре 1905 года, возвращаясь из Стокгольма в революционную Россию. Затем под руководством и при участии Ленина на территории Финляндии в 1905—1907 годах состоялись четыре конференции Российской социал-демократической рабочей партии, конференция военных и боевых организаций РСДРП, ряд совещаний ЦК и Петербургского комитета партии.

Особо следует выделить первую большевистскую конференцию, состоявшуюся в Рабочем доме в Таммерфорсе (ныне Тампере)¹ в декабре 1905 года, когда возникла насущная необходимость выработать линию партии на дальнейшее развитие революции. Председателем конференции был избран Ленин, он выступил с докладами по текущему моменту и по аграрному вопросу. «Это был самый разгар революции,— вспоминала Надежда Константиновна Крупская,— каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять».

Именно с финляндской территории регулярно осуществлялась транспортировка в

¹ В этом доме в 1946 году по инициативе общества «Финляндия — Советский Союз» был открыт Музей В. И. Ленина, первый ленинский музей в капиталистической стране.

Россию оружия и нелегальной литературы, что имело немалое значение для дела революции.

Хотя Финляндия и пользовалась известной автономией, после поражения революции 1905 года оставаться в ней Ленину становилось все опаснее. К концу 1907 года она настолько наводнилась царскими шпиками, что Владимиру Ильичу необходимо было немедленно уехать. Путь «доктора Мюллера» (под этим именем скрывался Ленин) из Або (Турку) через Аландские острова в Швецию был исключительно тяжелым и, по свидетельству Н. К. Крупской, сопряжен с огромным риском для жизни Ильича, когда он вместе с сопровождавшими его финскими крестьянами ночью шел по нетвердому льду Финского залива. В одном месте лед стал уходить из-под ног, и это едва не кончилось трагически для Владимира Ильича. 13 декабря 1907 года Ленин приехал в Стокгольм, откуда затем последовал в Женеву.

Прошло более девяти долгих лет, наступил бурный 1917 год, год Февральской буржуазно-демократической, а затем Октябрьской пролетарской революции. Ленин спешит в Петроград, колыбель революции, и снова завершающим этапом его пути на родину стала Финляндия, где он был исключительно тепло и сердечно встречен финскими рабочими, социал-демократами и русскими большевиками. Вечером 3 апреля Ленин уже прибыл на Финляндский вокзал в Петрограде. Рабочие, солдаты и матросы с воодушевлением приветствовали вождя революции.

После июльских событий 1917 года, в дни временного разгула контрреволюции, когда правительство Керенского готовило приказ об аресте Ленина и его жизни угрожала прямая опасность, ЦК партии рекомендовал Ильичу уйти в подполье. Ленин сначала находился в Разливе, а затем ЦК РСДРП(б) решил организовать его переезд в Финляндию. С помощью финнов-интернационалистов Ленин на паровозе под видом кочегара пересек тщательно охраняемую границу и с большими трудностями и предосторожностями добрался до Гельсингфорса (Хельсинки). А. В. Шотман, которого Ленин хорошо знал еще со II съезда партии как представителя Петроградской партийной организации, верного искровца, взял на себя организацию надежной конспиративной квартиры для В. И. Ленина в Гельсингфорсе. Выбор его был необычным, но удачным. Местопребыванием Ленина стала квартира... исполняю-

щего обязанности главного полицмейстера Гельсингфорса Густава Семеновича Ровио², который уже ранее зарекомендовал себя как социалист-интернационалист, способный выполнять любые партийные поручения.

В целях конспирации Владимир Ильич несколько раз менял квартиры в Гельсингфорсе. Некоторое время он проживал в рабочих семьях А. Блумквиста, А. Усениуса. Ровио заботился о безопасности Ленина в Гельсингфорсе, доставлял ему газеты и информацию о политических событиях не только в финской столице, но и в Петрограде. Вспоминая впоследствии об этих днях, Ровио особенно подчеркнул «удивительное самообладание и хладнокровие» Ленина. «Приехал прямо с дороги, где всегда можно было ожидать ареста, и сразу сел за письменный стол за работу... За все время пребывания в Гельсингфорсе я не заметил во Владимире Ильиче ни малейшей нервозности. Всегда он был в хорошем настроении. Когда слышал какую-нибудь забавную вещь, смеялся от души... Что касается личных нужд и потребностей, то Владимир Ильич отличался необычайной скромностью».

Во время пребывания в Гельсингфорсе В. И. Ленин проделал огромную теоретическую и политическую работу, завершил главы гениального труда «Государство и революция», написал множество статей и писем по актуальным вопросам развития социалистической революции.

Весь ход политических событий в России свидетельствовал о нарастании революционной ситуации. И в этих условиях Ленин ощущал настоятельную потребность быть ближе к Петрограду, к ЦК большевистской партии, к штабу подготовки вооруженного восстания. Наиболее подходящим местом он считал Выборг. А в начале октября Владимир Ильич уехал из Выборга в революционный Петроград, чтобы возглавить подготовку Великой Октябрьской социалистической революции³.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции была восторженно встре-

² В 1976 году в этой квартире (Хагнеская пл., 1) общество «Финляндия—Советский Союз» организовало филиал Музея В. И. Ленина.

³ Паровоз № 293, на котором В. И. Ленин в августе 1917 года нелегально выехал в Финляндию, а в октябре вернулся в Петроград, в 1957 году был правительством Финляндии передан в дар Советскому Союзу и сейчас находится на стоянке у Финляндского вокзала в Ленинграде.

чена в Финляндии, как и в других странах мира. Трудящиеся связывали с этим всемирно-историческим событием свои надежды на мир, свободу и прогресс. Великий Октябрь открыл путь и к подлинно демократическому решению национального вопроса, стал вдохновляющим примером для всех угнетенных народов в борьбе за свободу и независимость. Одним из первых шагов молодого Советского государства было принятие «Декларации прав народов России», в которой провозглашалось не только равноправие и суверенитет народов России, отмена дискриминации национальных меньшинств, но и «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

31 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров принял декрет о признании государственной независимости Финляндии, который Ленин тогда же вручил представителем Финляндии. Этим была заложена основа для развития отношений дружбы и добрососедства между советским и финским народами, доверия между ними. «Именно Ленин, — говорил Л. И. Брежнев, — подписал исторический декрет о признании государственной независимости Финляндии. Именно Ленин мог с полным основанием заявить: «Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии...»

С момента получения Финляндией государственной независимости вскоре исполнится шестьдесят лет. Все эти годы Советский Союз неизменно следовал по отношению к Финляндии курсу, направленному на развитие дружбы, взаимного доверия, равноправного сотрудничества, курсу, вытекающему из самой природы социалистического строя.

Рабочий класс, трудящиеся Финляндии всегда с симпатией относились к нашей

стране, к советскому народу. Однако реакционные буржуазные круги в самой Финляндии и за ее пределами пытались мешать развитию добрососедских советско-финляндских отношений, подорвать доверие финнов к Стране Советов. Понадобились время и усилия народов обеих стран, их руководителей, общественных организаций, чтобы советско-финляндские отношения стали подлинно добрососедскими и дружественными. Прочной основой таких отношений стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией, заключенный в 1948 году, в котором нашли воплощение принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, разработанные В. И. Лениным. Опыт сотрудничества между СССР и Финляндией показал жизнеспособность этих принципов и служит хорошим примером для народов других стран, так как он отвечает коренным интересам не только советского и финского народов, но и интересам мира и безопасности европейского континента в целом.

Новой вехой в укреплении дружбы народов обеих стран явилась встреча Л. И. Брежнева и других советских руководителей с президентом У. К. Кекконеном в Москве в мае этого года, в результате которой была подписана долгосрочная программа развития торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между СССР и Финляндией до 1990 года и другие документы. Это открывает новые широкие возможности для углубления сотрудничества во всех областях между Советским Союзом и Финляндией, содействует дальнейшему укреплению дружбы между народами обеих стран, имеющей богатые исторические традиции, неразрывно связанные с именем Ленина, Великим Октябрем.

И. РОЗДОРЖНЫЙ.

СЛОВО ДРУЗЕЙ ОКТЯБРЯ

Революция, изменившая мир. Слово прогрессивных людей мира о Великой Октябрьской социалистической революции. М. Политиздат. 1977. 333 стр.

В среду вечером 25 октября (7 ноября) 1917 года трое находившихся в Петрограде молодых американских журналистов — Джон Рид, Луиза Брайант и Альберт Рис Вильямс — спешили к Зимнему дворцу, «боясь, — как вспоминал один из них, — пропустить события». За аркой Ген-

штаба открывался удивительный по красоте ансамбль площади, избранной самой историей в качестве места действия величайшей эпопеи века. «Было только начало шестого, — писал Альберт Рис Вильямс. — Солдат и красногвардейцев вокруг дворца прибавилось, но все было тихо и исполне-

но напряженного ожидания. Зимний дворец находился еще в руках призрачного правительства, хотя министры и спрятались где-то во внутренних залах...» Разворачивались события — именно о них Джон Рид впоследствии скажет слова, ставшие крылатыми: «Десять дней, которые потрясли мир». Журналисты были людьми прогрессивных взглядов, их симпатии всецело принадлежали восставшему народу, руководимому большевиками. Честные свидетели истории, они запечатлели Октябрьские дни в книгах, которые и сегодня нельзя читать без волнения. Так, по горячим следам событий закладывались основы всемирной Октябрьяны — огромной литературы об Октябре, поток которой из года в год возрастает.

Лишь незначительная часть написанного об Октябрьской революции могла войти в рецензируемый сборник. И все же собранные в нем высказывания, воспоминания, заметки, отрывки из статей и выступлений, документов и приветствий ярко показывают отношение прогрессивных людей всего мира к Великому Октябрю. Пять разделов книги последовательно раскрывают то, как со временем расширялось и углублялось понимание социальной сущности социалистической революции в России, ее творческого динамизма и всемирно-исторического значения. Показу этого процесса подчинена и логика расположения публикуемого материала.

В первом разделе даны воспоминания зарубежных участников, очевидцев и современников Октября. Включение их в сборник принципиально важно не только потому, что это документы большого исторического значения, но и потому, что многие из них сыграли важную роль в развернувшейся сразу же после Октября острой идеологической борьбе между двумя системами. Известно, что победа социалистической революции в России вызвала в стане международной реакции бешеную ненависть и скрежет зубовый — в ход были пущены все средства, чтобы дискредитировать большевиков, революционные массы. В условиях начавшихся в капиталистических странах ожесточенных антисоветских пропагандистских кампаний, честные свидетельства очевидцев имели большое значение. Характерно, что знаменитая книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (отрывок из нее включен в рецензируемый сборник) вышла в дни, ко-

гда юридическая подкомиссия сената США под председательством Ли С. Овермэна на своих публичных заседаниях всячески рекламировала антибольшевистские вымыслы врагов советской власти. Друзья Октября — Рид, Брайант и Вильямс — настояли на вызове их в комиссию и даче правдивых показаний, которые были включены в официальный стенографический отчет.

Эта активная позиция в отстаивании правды об Октябре проходит красной нитью в политической и литературной деятельности друзей нашей страны. В книге «Путешествие в революцию», созданной в конце 50-х — начале 60-х годов, Альберт Рис Вильямс писал: «Некоторые западные историки изображают дело так, будто Ленин не имел почти никакого отношения к реальным событиям Октябрьского восстания. Это, конечно, печальный пример умышленного самоослепления, такое же безнадежное и бесславное дело, как и любые попытки переписать историю. Преуменьшить роль Ленина оказалось невозможным».

Книги Вильямса, других прогрессивных людей являются убедительным опровержением этой и прочих легенд противников Октября. Джон Рид оставил одно из прекраснейших описаний деятельности Ленина в самой гуще событий — его выступление на Втором Всероссийском съезде Советов: «Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них... Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума...»

Уже в первые дни после Октябрьской революции российские и международные контрреволюционеры стали усиленно создавать миф о некоем «недемократизме» Октября, о насилии как «основном методе» советской власти в управлении страной и строительстве нового общества. Характерно, что в роли «защитников демокра-

тии» выступали и вчерашние черносотенцы, еще недавно утверждавшие (подобно Маркову 2-му), что русскому народу необходимы лишь «романовский полушубок» да «ежовые рукавицы», и буржуазные либералы, скатившиеся к поддержке корниловщины. Несомненно, существует явная преемственность между этими первыми контрреволюционными нападками на мнимый «тоталитаризм» Октября и современной антисоветской кампанией на Западе относительно якобы имеющих место нарушений прав личности в СССР. В материалах рецензируемой книги наглядно показан подлинный демократизм революции эксплуатируемого большинства, революции, сделавшей гигантский шаг к действительной свободе, равенству и братству людей труда. «Россия переживает этап революционной демократии,— писал 27 октября (9 ноября) 1917 года Жак Садуль, офицер французской военной миссии в России, ставший под влиянием Октябрьской революции сторонником коммунистических идей.—Огромное большинство армии и, возможно, рабочие и крестьянские массы идут за большевиками. Это большинство, естественно, должно пытаться осуществлять свои чаяния». Наблюдая развитие революционных событий, Альберт Рис Вильямс воскликнул: «Это будет первый случай в истории человечества, когда трудящиеся, свершившие революцию, пожнут ее плоды». Через все преграды, установленные буржуазией, правда об Октябре доходила до трудящихся масс за рубежом. Как вспоминал видный деятель французского и международного коммунистического движения Морис Горез, «кампании необузданной лжи и клеветы не производили серьезного впечатления на рабочих Франции. Даже самые отсталые из них смутно понимали, что в России строится их республика, что дело, за которое так доблестно борются и умирают русские рабочие,— их дело, общее дело трудящихся всех стран».

В первых рядах тех, кто с воодушевлением принял Великий Октябрь, были единомышленники российских коммунистов. Видные деятели пролетарского движения с самого начала характеризовали Октябрьскую революцию как коренной поворот в ходе борьбы за идеалы коммунизма во всем мире. «Русские пролетарии своей обильно пролитой кровью расчистили путь к освобождению трудящегося человечества»,— заявил Георгий Димитров. «7 ноября 1917 г.

началась новая эпоха классовой борьбы пролетариата... Международный рабочий класс начинает все больше осознавать, что в эту эпоху целью классовой борьбы становятся уже не частичные реформы и незначительные изменения в рамках капитализма, а завоевание политической власти, создание Советской республики»,— писал Эрнст Тельман. В наши дни руководитель героической Коммунистической партии Чили Луис Корвалан подчеркивает: «Чилийские коммунисты испытывают глубокую революционную гордость оттого, что являются учениками Ленина и состоят в рядах коммунистической партии, которая родилась в среде рабочего класса, в грохоте классовой борьбы и под влиянием Октябрьской революции».

Среди тех, кто увидел и верно оценил великий гуманистический потенциал Октябрьской революции,— известные политические и общественные деятели, знаменитые писатели, ученые, деятели культуры. «Я считаю 7 ноября 1917 г. величайшей датой в истории человеческого общества с прославленных дней французской революции; и на сей раз человечество сделало новый шаг вперед, еще более важный, чем тот, который отделял французскую революцию от старого режима»,— писал Ромен Ролан. Генрих Манн отметил, что «Октябрьская революция установила как принцип, что человек может и должен быть счастлив на земле, человек может и должен добиваться своего счастья, пусть даже ценой тяжелой борьбы». Октябрьскую революцию горячо приветствовали Бернард Шоу и Мартин Андерсен-Нексе, Анатоль Франс и Герберт Уэллс, Эптон Синклер и Рабиндранат Тагор...

Друзья Великого Октября, прогрессивные люди зарубежных стран,— наши верные друзья на протяжении всей истории Советской страны. «Мы, советские коммунисты, как и коммунисты других социалистических стран,— подчеркнул А. И. Брежнев в выступлении на Конференции коммунистических и рабочих партий в Берлине,—глубоко признательны товарищам из стран капитала, которые были солидарны с нами и в сложные моменты нашей истории, и в дни нормального, мирного труда. В свою очередь мы постоянно проявляем солидарность с борьбой, которую ведут наши братья по классу в лагере капитализма, стремимся оказывать им моральную и политическую поддержку».

Материалы четвертого раздела рассматриваемой работы являются красноречивыми свидетельствами действенной поддержки трудящимися массами, всеми передовыми силами планеты Советской страны в борьбе против вооруженной интервенции и внутренней контрреволюции, в строительстве нового, социалистического общества. Сразу после Октября во многих странах прошли митинги и собрания международной солидарности с делом трудящихся Советской России. В резолюции собрания рабочих Будапешта 24 ноября 1917 года провозглашалось, что «все трудящиеся Венгрии полны решимости помочь русским революционерам в их борьбе за мир». Митинг рабочих американского города Сизгла в декабре 1917 года принял резолюцию, подчеркивающую горячее сочувствие и готовность помочь делу российского пролетариата. Под лозунгом «Против реакции и за революционную Российскую республику!» состоялись манифестации рабочих и общественных организаций Италии. А в воззвании к рабочим Болгарии Коммунистической секции профсоюзов города Варны, принятом в 1921 году во время голода в Поволжье, говорилось: «День 7 ноября... праздник рабочих всего мира. Это и наш праздник! Этот день мы должны посвятить работе для голодающей России. Отдадим же свой заработок за 7 ноября страдающим от голода и холода мужчинам и женщинам и детям труда на снежных полях у Волги. Этим мы исполним свой великий долг братской солидарности, долг как по отношению к всемирной революции, так и по отношению к нашему будущему и будущему наших детей».

Заключительный раздел книги посвящен высказываниям об Октябре уже после выхода социализма за рамки одной страны, когда еще больше возросло влияние великих идей социалистической революции в

России на весь ход всемирной истории. Как писал в 1957 году Пальмиро Тольятти, «великий пример Советского Союза как незаходящий маяк осветил весь мир... Он указал дорогу социализма народам Восточной Европы, которые были освобождены от ига феодальных и фашистских режимов. И в нынешнем мире коммунистическое движение стало мировой силой, открывшей перед собой путь самых больших побед». «С рождением и утверждением Октябрьской революции народные массы и поэты нашего континента начали воспевать новую мечту. Эта мечта о справедливости, о братстве и ясном разуме стала реальностью. Древняя мечта о равенстве воплотилась в жизнь» — эти вдохновенные слова об Октябре принадлежат великому чилийскому поэту Пабло Неруде. «Октябрьская революция — главное, определяющее событие XX века. Оно повлияло на судьбы всех нас — независимо от того, живем ли мы в Советском Союзе или за его пределами», — подчеркивает известный английский писатель Чарльз Перси Сноу.

Из приведенных высказываний наглядно видны причины непрекращающегося интереса всего прогрессивного человечества к теме Октября. В день шестидесятилетнего юбилея главного события XX века можно сказать со всей определенностью, что Великий Октябрь принадлежит не прошлому, а настоящему и грядущему, ибо начатые им процессы продолжают активно изменять лицо мира. Непреходящая актуальность величайшей в истории революции является главной причиной того, что тема Октября и его завоеваний до сих пор стоит в центре политической, идеологической и интеллектуальной жизни современности.

Б. МАРУПКИН,
доктор исторических наук.

ЗАПИСКИ РОМАНТИКА

Борис Изаков. В наш романтический век. Двадцатые, тридцатые, сороковые.
М. «Советская Россия». 1977. 320 стр.

С автором этой книги я познакомился в декабре 1941 года во фронтовой газете Северо-Западного фронта «За Родину». Борис Изаков — журналист высокого класса, и многие его очерки и публицистические статьи, всегда отличающиеся остротой и в которых он умело использует пись-

ма и дневники солдат фон Буша, остановленных под Демянском и Старой Руссой, читались с живым интересом в блиндажах и окопах переднего края. Я и сейчас помню его статьи «К югу от озера Ильмень», взволнованно и горячо рассказывающие нашим воинам о том, в каких краях они сражаются, что

значит наш фронт для обороны Ленинграда и Москвы, каково значение этой земли во всей многовековой истории родины. Бориса Изакова в редакции любили за деликатность, ненаигранную скромность, доброжелательность, умение радоваться творческими удачам своих товарищей, за его, я бы сказал, твердую мягкость. А о корректности и выдержке Изакова в любых обстоятельствах среди сослуживцев даже ходил такой анекдот. Говорили, что в охваченном пламенем самолете он однажды обратился к летчику: «Вы извините меня, пожалуйста, мне неловко тревожить вас по пустяковому поводу, прошу у вас прощения, что отвлекаю вас, но не кажется ли вам, что мы горим и падаем?» Не знаю, что в этой истории правда, но характер Изакова в нем передан точно. Особенно ценили в редакции его мужество, желание увидеть все своими глазами, не пользоваться сведениями из вторых рук. Военные журналисты могут подтвердить справедливость его слов: «Я всегда считал, что, как работник фронтовой печати, должен точно знать, о чем пишу. Если хочу призывать солдат смело идти в атаку, я должен на собственном опыте испытать то, что переживает боец, когда бросается вперед, под вражеский огонь. Только тогда мое слово будет звучать правдиво и убедительно».

Вот почему Б. Изаков, рискуя жизнью, дважды пересекал линию фронта на маленьком, неказистом «ПО-2», чтобы побывать в партизанском крае, где в глубоком тылу у врага сохранялись сельсоветы, работали колхозы и даже выходила районная газета, а потом и в третьей партизанской бригаде, передислоцировавшейся на земли Псковщины. Там во время одного из сражений Борис Романович был тяжело ранен. Только на третьи сутки пилоту удалось прорваться сквозь завесу огня, принять его на борт и вернуться на свой аэродром. Военные врачи приложили немало сил и умения, чтобы спасти жизнь Борису Изакову. Все это я рассказываю для того, чтобы читатель, взяв в руки книгу «В наш романтический век», имел представление о ее авторе.

Я убежден: чтобы написать книгу воспоминаний, надо прожить жизнь, дающую право на это. Книга воспоминаний — это прежде всего сам автор с его неповторимой судьбой и дорогой, его странствиями и наблюдениями, его делами и раздумьями. И биография Бориса Изакова, старшего работника международного профсоюзного

движения, редактора созданной по инициативе В. И. Ленина газеты «Батрак», первого корреспондента «Правды» в Лондоне, участника похода ледокола «Красин», фронтового литератора, начинавшего войну политработником дивизии, дала ему право написать такую книгу. Листая ее, читатель побывает в разных уголках нашей страны и всей планеты, станет свидетелем исторических событий, познакомится то бегло, то более близко со многими выдающимися людьми века. Здесь и американский революционер Уильям Хейвуд, прозванный рабочими Большим Биллом, чей прах захоронен и в кремлевской стене и у него на родине, в Чикаго; здесь и внимательный и чуткий, вникавший в каждую мелочь, помогавший автору на первых порах налаживать газету «Батрак» нарком Анатолий Васильевич Луначарский; здесь и Алексей Максимович Горький, приехавший на выпускной вечер батрацких курсов, чтобы побеседовать с бывшими пастухами и подпасками, ставшими активом новой деревни; здесь и Демьян Бедный, отдававший свой поэтический талант будничной и кропотливой газетной работе, считавший своим долгом сотрудничать в газете для батраков («Я ведь и сам батрачил на Херсонщине, когда еще был мальчонкой. Стихи напишу. Вспомню прошлое и обязательно напишу»); здесь и неутомимый генеральный секретарь ЦК Компартии Великобритании Гарри Поллит, аппарат которого состоял тогда из трех человек: организатора, машинистки и его самого; здесь и блистательный Бернард Шоу со своими парадоксами и шутками; здесь и прославленный английский писатель Герберт Уэллс, по своему призванию, казалось бы, долженствовавший уметь заглядывать в будущее, но долго не понимавший нашей страны и только на склоне лет осознавший все значение примера Советской России для человечества. Значительный интерес представляет публикуемое впервые приветствие Уэллса к пятнадцатилетней годовщине Октября, в котором великий фантаст заявляет: «Русская революция — кардинальное событие истории. Она высвободила воображение всего человечества...» Кончается его письмо следующими знаменательными словами: «Поздравляю с пятнадцатой годовщиной вашего могучего начинания». А еще дальше нам встретится Климент Ефремович Ворошилов, с которым Б. Изаков принимал участие в поездке в Турцию; добродушный и умный, серьезно и основательно готовив-

шийся к своим выступлениям, на первый взгляд многим казавшимся экспромтами, всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин; легендарный командир партизанской бригады Александр Герман, с которым писатель провел бок о бок на конях всего лишь один день, а подружился так, будто был знаком долгие годы, впрочем, на войне такое случалось часто.

Таков далеко не полный перечень людей, с которыми сводит нас Изаков. И надо отдать ему должное — буквально несколькими штрихами он умеет набросать портрет человека, схватить и запечатлеть что-то главное в его облике, в его манере разговаривать и вести себя. Эти портреты похожи на зарисовки художника в путевом блокноте. Но нам запомнится и высокая худощавая фигура Бернарда Шоу; и уютно сидящий у каминя рядом с маленьким гепардом, распластавшимся на ковре, седой Бертран Рассел; и стремительно, не по-стариковски шагающий, не опирающийся на палку, а только поигрывающий ею Калинин, и многие, многие другие.

Однако Б. Изаков умеет писать не только людей, но и эпоху. Одной-двух деталей ему достаточно, чтобы перед вами возникло время, его особые черты и приметы. Вот автор рассказывает о начале работы Интернационала профсоюзов в 1921 году, помещавшегося в старинном особняке в Москве: «В доме — внутренние лестницы, узкие коридоры, загадочные переходы. Во дворе базировался транспорт Интернационала: пролетка и гнедая кобыла, при которых состоял старичок извозчик. Когда по утрам генеральный секретарь Профинтерна Лозовский с толстым портфелем на коленях катил в пролетке на работу по залитому солнцем Гранатному переулку, я без труда обгонял профинтерновский транспорт на своих молодых ногах». И сразу мы переносимся в 20-е годы с заботами и нуждами молодого Советского государства. А вот Изаков собирается в заграничную поездку на международную конференцию в Берлине.

«— Придется вас приодеть,— сказали товарищи.

Мы получили по ордеру костюмы из партии, присланной Американской рабочей помощью, пальто фасона реглан и новенькие калоши. В полу пиджака я зашил мандат на клочке полотна; каким-то чудом он сохранился у меня до сих пор. Несколько дней я ходил по Москве ферт фертом, и меня принимали за иностранца».

Такие живые подробности щедро рассыпаны по книге, и они создают ощущение точности и достоверности каждого описания — происходит ли все в берлинской тюрьме Моабит, куда Б. Изаков попал по обвинению в прокоммунистической деятельности, или же на улицах Лондона, сохранявших еще викторианский облик прошлого века.

Не могу не сказать и о привлекательной тональности всей книги. Мне нравятся люди, понимающие и умеющие ценить шутку, не раздувающиеся от самолюбия и спеси, от желания казаться более значительными, чем они есть на самом деле. Лирический герой повести относится к себе и к своей молодости с долей легкой иронии. Как человек, проживший большую и сложную жизнь, Б. Изаков с улыбкой глядит на себя двадцатилетнего. Он вспоминает, как начал изучать иностранные языки, готовясь к деятельности в Профинтерне, как долго бродили молодые люди по Бульварному кольцу, стараясь разговаривать друг с другом по-немецки. «Занятия становились особенно успешными, когда преподавателя из Коминтерна заменяла молоденькая преподавательница из КИМа. Если вы хотите изучать иностранные языки, рекомендую именно такой метод». Или он разглядывает старую, потускневшую фотографию тех лет: «На ней одиннадцать человек. Зарубежные товарищи — в сорочках, при галстуках, я же в красной косоворотке, и вид у меня ужасно важный: кажется, я относился тогда чересчур серьезно к собственной персоне».

Это чувство юмора поддерживает и выручает человека в самых нелегких случаях, на крутых поворотах жизни. Вот уж, кажется, трудно припомнить что-либо веселое, рассказывая о феврале 1943 года, когда части нашего фронта перешли в наступление в районе так называемого Рамушевского коридора. Студеный, обжигающий ветер, замерзшие болотные кочки, неудобная ледяная земля и огонь, огонь... Борис Изаков и фотокорреспондент Вячеслав Шаровский, возвращаясь с передовой, решили срезать путь, найти дорогу покороче, и очутились на минном поле. Кто не испугается, попав в такой переплет... «Мы увидели мины всех назначений: противопехотные, противотанковые, противотранспортные, мины-ловушки, квадратные, круглые, продолговатые, всякие. Под ногами проглядывались предательские усики, похожие на пучочки травы, безобидные на первый взгляд куски

крученой проволоки. Тут в полной мере можно было оценить неприступность подходов к бывшему коридору. Зрелище было интересное, но не из приятных. Посередине минного поля лёд стал прогибаться и трещать, но повернуть назад уже не имело смысла. Мы продолжали идти вперед, стараясь ступать в промежутки между минами, выделявая всевозможные па почище балетных танцоров». Это теперь писатель с иронией рассказывает о своем проходе по минному полю, а тогда, я думаю, ему было совсем не до смеха. Улыбка, то лукавая, то добрая, освещающая страницы воспоминаний, делает книгу и мужественной и привлекательной.

После войны Борис Изаков снова на линии огня. Он выезжает все в том же качестве журналиста-международника на мирную конференцию в Париж и на первую сессию Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорк. Этим событиям, ставшим уже достоянием истории, посвящена завершающая глава книги. Если уж быть до конца справедливым, надо бы указать на некоторую скомканность и торопливость последней главы. В отличие от других она написана несколько суховатым и информационно, в ней мало подробностей и деталей, которые так интересны в изаковском повествовании. Однако многое прощаешь автору за ту сильную и выразительную сцену, которой кончается глава. Не могу удержаться от соблазна, чтобы не процитировать ее целиком. Дело происходит в Париже, во дворце, где идет одно из заседаний мирной конференции 1946 года. «Участники комиссии сидели за продолговатым столом в середине зала, журналисты — вдоль стен. Выступал представитель одной из западных держав. Он бросил пренебрежительную фразу о жертвах, понесенных в войне против фа-

шизма советским народом, народами Восточной Европы. Смысл его разглагольствований сводился к тому, что все это было и прошло и быльем поросло,— так стоит ли вспоминать прошлое? В эту минуточку раздался несусветный грохот. Костыли, которые стояли, прислоненные к стене, рядом с моим стулом, бухнули на пол и прокатились через весь зал по навощенному до умопомрачительного блеска паркету. Признаюсь, я легонько толкнул их локтем. Кажется, присутствующие поняли эту реплику без слов». Таким выразительным, хотя и не совсем дипломатическим выступлением советского журналиста на международной конференции завершается книга. Коллеги Изакова, очевидцы этой сцены, говорили мне, что выступление его прозвучало вполне убедительно.

Итак, Б. Изакову удалось, по-своему воплощая мечту Маяковского, рассказать о времени и о себе; о времени трудном и противоречивом, о времени немалых испытаний и потерь и о себе, так как с его неугомонным и непоседливым характером ему довелось быть отнюдь не сторонним наблюдателем этих событий. Автору не пришлось долго искать литературную форму для своего повествования. Сама история помогла ему выстроить сюжет книги, а главами ее закономерно стали годы 20—40-е. Ныне, когда наша страна празднует шестидесятую годовщину со дня своего рождения, естественно желание и даже более того — потребность оглянуться на пройденное, подвести итоги, припомнить и осмыслить прожитое и пережитое. Среди книг художественно-документального жанра прочно займёт свое место и томик Бориса Изакова «В наш романтический век».

Мих. МАТУСОВСКИЙ.

КОРОТКО О КНИГАХ

Н. СТРАХОВ. Петр Замойский. Жизнь. Время. Книги. М. «Художественная литература». 1976. 350 стр.

Автор рецензируемой книги поставил целью сказать об эстетической ценности творчества П. Замойского как одного из своеобразных представителей «срединного» слоя деревенской литературы, без понятия о котором «неизбежно упрощается и обедняется общий, многоликий и многосложный, процесс движения советской литературы». Н. Страхов, таким образом, продолжает важную и необходимую по сей день историко-литературную работу, начатую несколько лет назад журналом «Вопросы литературы» публикацией серии статей (Ю. Андреева, А. Туркова, М. Чудаковой и других), посвященных литературному наследию первых послереволюционных десятилетий.

Петра Замойского, конечно, нельзя отнести ни к малоизвестным, ни к забытым писателям. Его произведения широко читаются и переиздаются. Роман «Лапти» выпущен недавно массовым тиражом издательством «Современник». Статьи о Замойском появляются в периодической печати. Но работа Н. Страхова — первое исследование, в котором творчество писателя рассматривается на широком историко-литературном фоне. Биографический принцип сочетается в этой книге со скрупулезным художественным анализом. Н. Страхов действительно открывает забытые страницы жизни и творчества Замойского, среди них те, что связаны с литературной борьбой 20—30-х годов. Ей автор посвятил немало интересных, порой резких строк (резких в первую очередь по отношению к РАППу, не терпевшему инакомыслия). Замойский был одним из руководителей ВОКПа — Всероссийского общества крестьянских писателей. Драматическая история ВОКПа, его попытки консолидировать писателей-крестьян, его иллюзии и просчеты досконально прослеживаются автором. Книга Н. Страхова безусловно проливает дополнительный свет на некоторые малоизученные стороны литературной обстановки, предшествовавшей опубликованию в 1932 году постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций».

Н. Страхов внимательно прослеживает эволюцию таланта Замойского, подчеркивая, что писателя и в ранних его литературных опытах не коснулись те крайности, которым отдали дань многие его коллеги, писатели

послереволюционной деревне. В рассказах Замойского не было ни елейности, ни «невynosимой коросты» (выражение И. Катаева) иных псевдокрестьянских сочинений. Замойский стремился к правдиво-реалистическому воплощению деревенской нови, всегда хорошо чувствуя тенденции, которыми жила деревня после Октября, и воплощая эти тенденции в своих произведениях. Прав Н. Страхов, сближая «Лапти», лучшее произведение Замойского, с «Поднятой целиной». Налицо не просто общность образов и тем, но и сходство типически общественно-социальных тенденций, процессов, связанных с формированием психологии представителей колхозной деревни.

От бытописания первых рассказов к широкому социальному обобщению («Лапти») и выявлению нравственной основы процессов, совершавшихся в деревне со времен первой русской революции (автобиографическая трилогия), — таковы основные вехи творчества Замойского. Н. Страхов верно определяет его как жизнеописание крестьянских масс.

Со страниц монографии предстает живой Замойский, проживший жизнь трудную, но полную подлинного творческого горения. Критик цитирует множество документов из архива Замойского и рукописи воспоминаний о нем, знакомит нас и с собственными впечатлениями от встреч с писателем.

Образу Замойского, живо обрисованному автором, не хватает порой такого же «живого» фона. Воссоздавая, например, ранние годы Замойского, Н. Страхов сознательно возвышает фигуру писателя над его односельчанами и родными. Это противоречит действительному сердечному отношению Замойского к своим близким (о чем есть свидетельства самого автора в конце книги), не совпадает и с его творческим кредо, которое хорошо было понято А. Фадеевым, отмечавшим в начале 1947 года, что деревня в книгах Замойского «полна глубоко человеческими характерами, настоящими чувствами, большой чистотой отношений». Как видно из самой книги Н. Страхова, Замойского отличала простота и чуткость к окружающим. Именно о простом человеке он поставил важнейший для себя вопрос: «Кто же он? В каком лоне вырос? Каким хлебом вскормлен? Нам надо это знать».

А. Кузнецов.

ЮРИЙ ПОЛУХИН. Заколдованные берега. М. «Советская Россия». 1976. 253 стр.

Читая очерки Ю. Полухина, видишь: писателем движет желание рассказать о событиях, которые известны ему досконально не по наблюдению со стороны, но по личному опыту. Когда-то, не довольствуясь позицией приезжего очевидца, газетчика и литератора, Ю. Полухин (он вспоминает об этом в книге) уехал работать бетонщиком на одну из сибирских строек. Там в живой работе узнал он впервые людей, ставших затем героями его книг.

Место действия новой книги — КамАЗ, Набережные Челны. Но повествование включает в себя многое из жизни других крупных строек страны. И это естественно, ибо ударные стройки — главные вехи биографии героев книги «Заколдованные берега».

На ее титульном листе напечатан портрет бригадира монтажников, Героя Социалистического Труда А. Б. Новолодского. Его судьба и его дела в центре документальной повести. Рядом с главным героем вырастают фигуры не менее колоритные — начальник управления механизации Батенчук, бульдозерист Павел Черномаз, старый знакомый писателя бетонщик Антон Дюжев, экскаваторщики, шоферы, бригадиры, руководители хозяйственных подразделений. Словом, люди, строящие автогигант.

Ю. Полухин, сознавая многонаселенность очерков, даже счел нужным «оправдаться»: «Книга моя выстраивается как бы по спирали, захватывая на свои витки все новые персонажи, — вроде б не по правилам». Но мы, в общем-то, и не возражаем. Нам, как и автору, понятно, сколь особенно по своему объему, срокам, техническим, организационным и нравственным условиям эта громадная коллективная работа. И автор стремится постичь ее «правила», представить себе и показать читателю ее реальный ход.

В книге создан как бы собирательный образ современного рабочего, человека практики, того, кто своим ежедневным трудом создает корпус и платины, улицы и города. За каждодневными заботами подчас как-то ускользает от людского внимания, что совершается здесь дело невиданного масштаба, историческое дело.

Вглядываясь в лихорадку будней, воспроизводимую очеркистом, видишь, что всякое событие слагается из наиконкретнейших противоречий, преодолевая которые люди добиваются общей цели. Мы радуемся, когда им это удается, когда торжествуют целесообразность и здравый человеческий смысл. Нам обидно, если происходят потери и ошибки, вызванные рутинной, глупостью, казенной психологией.

Не буду вдаваться в детали происшествий, рассыпанных по страницам очерков. Замечу только, что они заставляют почувствовать реальную сложность практических задач и человеческих отношений, возникающих ежеминутно в горниле современной индустрии. Ее нагрузки ложатся немалой ношей на

человека, подвергают испытанию его характер и способности. Ситуации возникают самые неожиданные и контрастные. В одних случаях надо упорно отстаивать существующие нормы, инструкции, стандарты, в других приходится, наоборот, обходить предписания, изменять проекты, корректировать нормативы. Главным же критерием здесь являются интересы дела, оптимальное решение насущных вопросов. Оптимальное, как верно подчеркивает автор, и с деловой и с нравственной точки зрения. Последнее требует тщательно учитывать личные интересы всех участников работы, достигая по возможности гармонии целей частных и коллективных.

Сквозь канву документальных историй просвечивают большие проблемы, волнующие сегодня социологов, экономистов, публицистов. Ю. Полухин видит эти проблемы, но мне кажется, что он порой ограничивается только изображением фактов, не вдаваясь в их детальный анализ. В итоге обильным свидетельством и обстоятельным картинам несколько недостает внутреннего стержня, сюжетной, «мыслительной» пружины. Если бы повествование было пронизано ключевой идеей, если бы оно сплывало в один слиток крупницы достоверных наблюдений и замет, то книга от этого несомненно выиграла бы. О том, с какой настойчивостью материал этих очерков требует широкого и аналитического к себе подхода, заставляют задуматься и заключительные строки книги: «Никогда раньше, как в эти секунды, столь явственно не приходило ко мне это знобкое, как на морозном ветру, чувство своей сопричастности к истории».

А. Панков.

ФРАНЦ ТАУРИН. Без страха и упрека. Повесть о Николае Сергеевиче М. Политиздат. 1977. 375 стр.

Все сказки мира начинались и начинаются со свидетельства достоверности волшебных событий, с завораживающих слов «жили-были». И нельзя не поверить силе духа, отваге сказочных героев, если они на самом деле «жили-были». Действительно, что может быть сказочнее правды, волшебнее факта? С возрастом, осмысливая окружающую жизнь, историю своей собственной судьбы и судьбы своей страны, каждый из нас проявляет все больший интерес к документу, к произведениям, рассказывающим о подлинных фактах, о реальной жизни реальных людей.

Жил-был на Руси богатырь, юный рыцарь без страха и упрека. У него не было ни шпаги, ни коня, но он все же отважно сражался, отдав весь пыл своего сердца, свою любовь служению родине. Он — «государственный преступник», один из основателей тайного революционного общества 60-х годов «Земля и воля» Николай Сергеевич — умер сто одиннадцать лет назад, в

феврале 1866 года, в тюремном лазарете Иркутска на тридцать втором году жизни.

Повесть Ф. Таурина знакомит читателя с этим незаурядным человеком, развертывая во многих подробностях трагичную и вместе с тем прекрасную историю его жизни, прожитой стремительно и благородно, напоминающая о старом, но вечном, всегда современном — о совестливости, порядочности, о цели и предназначении человека.

Кажется, всякому ясно, что значит быть честным человеком. Но понятие «честность» всегда нуждается в конкретизации. И для нас очень важно, каким конкретным содержанием наполняли это понятие выдающиеся деятели прошлого. В частности, передовые русские XIX века, те, кого считал своими духовными и идейными наставниками Николай Серно-Соловьевич, — А. Герцен и Н. Огарев.

Н. Огарев в «Предисловии к 8 и 9 книжкам «Голосов из России» писал: «...что значит быть честным человеком? Неужели только — платить карточные долги, исполнять семейные обязанности, не мстить за личные обиды и т. п.? Быть честным человеком для каждого... — значит жить для блага общего, жертвовать общему личным интересом... Подчинение правде, независимой от личных интересов и желаний, — в этом вся честность, вся нравственность... честность — это преданность общественной свободе, благу и истине». Так жил и он, Николай Серно-Соловьевич. Бескорыстно, самозабвенно служа высшему долгу — благу родины. Герцен назвал его «благороднейшим, чистейшим и честнейшим человеком», «последним маркизом Позой». Когда шиллеровский рыцарь маркиз Поза, «гражданин грядущих поколений», защитник угнетенного человечества, погиб, то король, фактический его убийца, не мог не признать, что «за человечество, за мир, за счастье всех грядущих поколений то сердце билось...».

История знает, сколь коварно это восхищение царей, порой оно равносильно смертному приговору. Из книги Ф. Таурина мы узнаем, что юный Серно-Соловьевич верил в государя российского, написал письмо, в котором бесстрашно высказал свои мысли об улучшении существующих порядков, и даже сумел лично передать это письмо в руки императору. Прочтя пылкое послание, царь повелел расцеловать автора, и венценосный этот поцелуй был как приговор к вечной каторге.

Надежда, что император спасет Россию, рухнула, и юный рыцарь, бросив вызов всемогущей монархии, решил сражаться за правду. Конечно, у него были единомышленники, были друзья, и все же их уделом стало трагическое одиночество. Эта историческая обреченность, это одиночество, наивная, романтическая вера, что можно победить царскую машину силой убеждения, с большой художественной достоверностью показаны в книге.

Образ пылкого, страстного Николая Серно-Соловьевича, с любовью нарисованный Ф. Тауриным, как бы зовет и нас, ныне живущих, непоколебимо верить в те великие

идеалы, за которые погибли лучшие люди России. Сколь ни было бы тебе трудно, сколь ни было бы тяжело духовно и физически, как бы ни давила усталость, силы еще найдутся, если боль родины — твоя боль.

Николай Евдокимов.

СЕРГЕЙ ВОРОНИН. Камень Марии. Повести и рассказы. Л. «Советский писатель». 1977. 240 стр.

Сколько раз литературная наша периодика выступала по поводу стандартных, маловразумительных издательских аннотаций, но, как говорится, воз и ныне там. Удивительно живучи и неистребимы они, эти безликие аннотации! Вот и еще одна такая: «В новой книге Сергея Воронина — две повести и более двадцати рассказов... Как всегда, рассказы Сергея Воронина — очень разные, неожиданные по жизненным ситуациям — проникнуты любовью к людям, сочувствием, пониманием их душевных движений». Но ведь сказать так — значит, по существу, не сказать ничего. В самом деле: разве для рассказов многих других авторов, плодотворно работающих в этом жанре, так уж редка неожиданность жизненных ситуаций? Разве рассказы Сергея Антонова, Николая Атарова, Юрия Казакова, других наших писателей не проникнуты любовью к людям, сочувствием им, пониманием душевных движений героев? Между тем у автора «Двух жизней», «Ненужной славы» — автора, который более тридцати лет активно трудится на ниве русской литературы, — есть свои, выстраданные им темы, свои герои, свой взгляд на характеры и поступки людей, своя мера оценок этих характеров и поступков.

Во многих произведениях Сергея Воронина, в том числе и вошедших в новую книгу, живет горькая память о минувшей войне. Она, эта живая и острая память, не перестает тревожить героиню повести «Семейный кухон», потомственную работницу, мать троих, теперь уже взрослых, детей. «Со всем могу примириться, но только не с войной, — думает она по ночам, когда плохо спится оттого, что теснит сердце. — Вот уж тридцать лет прошло, из молодой стала старой, а все не могу забыть да и не забуду всего, что принесла война... Но лучше об этом и не думать». И думает опять и опять...

В рассказе «Невысказанная благодарность» семидесятилетняя женщина вспоминает жизнь в блокадном Ленинграде. Вспоминает о том, как ее с больной матерью и двумя детьми в августе сорок второго эвакуировали в Башкирию и как совершенно незнакомая девушка помогла им в трудную минуту. Девушка спешила на завод, ни имени ее узнать, ни поблагодарить за помощь женщина не успела. Больше эту девушку она так и не встретила. С тех пор прошло почти тридцать пять лет, а старая

женщина до сих пор несет в своей душе груз не высказанной вовремя сердечной благодарности за человеческую доброту.

О доброте человеческой и рассказ «Вей-ка». Героиня рассказа Елизавета Николаевна, муж которой убит на войне, всю нерастрченную доброту женской души употребила на то, чтобы вернуть к достойной человека жизни случайно ею встреченного бывшего фронтовика. Отвоевав, он не застал дома жены — сошлась с другим и куда-то уехала. Человека стала одолевать пустота, он пристрастился к спиртному, был уволен с работы. К тому дню как встретиться с Елизаветой Николаевной, он дошел до жалкого состояния...

Герой рассказа «Камень Марии» приезжает снова в те места, где двадцать лет назад пришла к нему большая чистая любовь. Женщину звали Марией. Было это через год после окончания войны. Оба прошли по ее трудным дорогам — он в боевом строю, она санитаркой во фронтовом госпитале. Оба радовались, что остались живы, что настал мир. Радовались, что могут наслаждаться жизнью, могут любить друг друга. До чего же им было тогда хорошо! «Ну почему мы не умеем ценить настоящее? Почему? — размышляет он, с печалью оглядывая памятные места. — Все на что-то надеемся, ждем лучшего и упускаем то, что в наших руках и что никогда уже не вернется и потом вызовет только сожаление, позднее, горькое, когда словно ножом ударит в сердце воспоминание!» Да, не сумел он тогда полной мерой оценить любовь Марии, оценить свое счастье. Не сумел сберечь его. Чтобы легче было жить, легче «пробиться в верхи», женился на дочери профессора, которая так и не стала близким ему человеком...

Острота нравственных коллизий, пристальное внимание к таким морально-этическим категориям, как совесть, чувство долга, доброта, как доверие, честность, порядочность во взаимоотношениях между людьми в труде, в любви, в быту, свойственны лучшим рассказам Сергея Воронина. Это и делает их по-настоящему современными. Это и привлекает к ним читателя.

В. Косолапов.

ВАСИЛИЙ СУББОТИН. Стихотворения. М. «Советская Россия». 1976. 143 стр.

Март 1947 года. Первое всесоюзное совещание молодых писателей. Семинар А. А. Суркова и Е. А. Долматовского. Мы взахлеб читаем стихи — как правило, длинные: нам хочется рассказать все, что было с нами за четыре немислимых года войны. Нам все еще кажется, что самое главное и действенное в поэзии — обилие подробностей.

И вдруг встает высокий худощавый парень (штатский костюм еще как бы не слишком «обжит», хотя до сих пор запо-

нились острия карандашей, торчащих из нагрудного кармана). Его стихотворения коротки: восемь, от силы двенадцать строк. Две-три детали, но до того точные, так избирательно найденные, что перед нами не просто образ войны и человека на ней, но сама суть пережитого: «У надменных державных коней» на Бранденбургских воротах «перебиты железные ноги». Оказывается, можно написать всего лишь одну строку — и она будет стихотворением, явлением поэзии и правды: «Окоп копаю. Может быть — могилу».

Так — для меня, во всяком случае, — начался поэт Василий Субботин.

Вот сейчас передо мной книга избранных стихов. Ловлю себя на том, что примерно две трети из них знаю наизусть и люблю до сегодня. В каких-то мелких частностях стихи претерпели изменения: мне доводилось видеть уже вроде бы набело написанные стихотворения, где страницы были из-за поправок истерты резинкой до толщины папиросной бумаги. Субботин до тошноты добирается до точного слова, его просто-таки мучительно угнетает приближительность звучания строки. Может, и в этом один из секретов долговременности его поэзии?

Он, как и все мы, пришел на войну, в общем-то, мальчиком, стал солдатом, потом офицером, участвовал во взятии рейхстага: «Я Берлин штурмовал под отчаянный мат Неустроева». Его книга прозы «Как кончаются войны», по-моему, одно из лучших произведений нашей литературы, написанных о заключительном периоде Великой Отечественной. Не удивительно, что война пронизывает всю книгу «Стихотворения», и даже в самых «мирных» стихах нет-нет да и прозвучат военные ассоциации. Но армейская тема далеко не единственная в творчестве Василия Субботина: в книге вы найдете и воспоминания довоенного детства, и стихи о Сибири, где поэт родился и куда неоднократно возвращался, и целый цикл стихотворений, посвященный крымской земле (там, в Крыму, Субботин прожил несколько лет после демобилизации). Конечно же, есть и «чистая» лирика и стихи о природе. Но вот что примечательно: все, о чем сказано в стихах, поэт знает досконально, у него нет заимствованных впечатлений, все точно. И каковы бы ни были темы и местность, к которой, говоря по-военному, привязаны стихи, как бы ни менялось настроение — от восхищения до глубокой и, смею сказать, нежной грусти, — все равно сам по себе стих остается прежним, субботинским, коротким и предельно емким: все так же «легко и без шума зима свой справляет приход: и шубу кидает на шубу, и шапку на шапку кладет».

Вся книга есть, как у каждого лирического поэта, личная, житейская и духовная, биография. Но Субботин — солдат и гражданин, у него четкое ощущение сопричастности времени, бытию, надеждам и горестям своих однопольчан по судьбе, военной или мирной. Поэтому книга еще и биография страны, в которой поэт живет, на-

рода, к которому он принадлежит. Василий Субботин старательно избегает громких слов, он осторожно и не всуе произносит «Россия», у него не сыщешь деклараций. То, что мы называем приметам времени, у Субботина внешне проглядывает как бы вскользь, но по сути — ярко, хотя и ненавязчиво, значимо, но без педалирования: «Яблочная крепкая прокладка. Трепетанье флага над селом». Вот, к примеру, стихи о том, как отец покупает дочке пионерский галстук, «тот, что рукою отцовскою в мае был мне повязан. Как время идет!». Тогда, в давнюю и великую пору, наших отцов «поедом ела тифозная вошь», мальчики в пионерских галстуках «становились под пулю и нож». Написано две строфы, можно бы и дальше продолжать повествование. Но — просто интервал, разрыв между строфами и отдельно стоящая заключительная девятая строчка: «Вот я и галстук тебе покупаю!» Все сказано в паузе, и потому так грустно, горда и пронзительна внешне вроде бы «бытовая» последняя строчка.

Мне дорого, что за строчками стоит единая личность со своим характером, почерком, отношением к миру. В книгу вошли, как я уже говорил, стихотворения многих лет — пожалуй, больше тридцати, — а кажется, что она написана на одном дыхании. С годами поэт, конечно, меняется, но все время остается самим собой. Это очень ценное человеческое и творческое качество.

Мы всегда опасаемся произносить слово «поэт» от первого лица: очень уж обязывающая категория! Мне хочется закончить рецензию одним давным-давно написанным стихотворением Василия Субботина:

Поэт, поэт, весь мир перед тобою,
А перед нами — лишь окопа дно.
И может, этой самой ценою
Найти слова редчайшие дано.
Мне видится среди полей изрытых,
Где ночи настороженно тихи,
Всю землю обошедший как спаситель —
Солдат, в окопе шепчущий стихи.

Марк Соболев.

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ. Рядом ты и любовь. М. «Молодая гвардия». 1976. 127 стр.

Если судить по заглавию и по тематике ряда стихов, книга А. Деметьева адресована молодым читателям, тем, о которых он пишет: «Стихи читают молодые. И в поездах, летящих в полночь. И у костра — в заре и в дыме. Стихи читают молодые, чтоб души радостью наполнить... И, как на первое свиданье, иду я к молодости той». Однако уже второе стихотворение книги показывает, что куда более важным адресатом для поэта являются его ровесники, люди одного с ним поколения, те, с кем «мы судьбою не схожи, но памятью схожи». Возраст же ровесников и самого

поэта легко определяется по стихам о военном детстве, о старшем брате, «что с войны не пришел назад», даже по стихам о Грине, узанном в юности.

Слова «грусть», «печаль» часто, очень часто встречаются читателю новой книги А. Деметьева. Тем не менее книга вовсе не грустна и не печальна; точнее сказать, что это светлая и добрая книга. Ибо мир, воспринимаемый и воспроизводимый поэтом в стихах, — и природа и люди — светел и прекрасен. И об этой красоте мира автору легко и радостно писать. Не стоит, однако, обвинять его в чрезмерном благодушии. Не хуже нас он видит в судьбах — своей и чужих — «долгую дорогу или короткую тропу, где на обочине цветы и злые заросли крапивы». Но поэтическое восприятие мира Деметьевым таково, что добро и красота естественны, а зло и духовное уродство — ненормальны. И писать об аномалиях ему не хочется, да и не может — так гневные филиппики и дидактические обличения, что редко, но встречаются в книге, явно проигрывают от сравнения со стихами, родившимися от чувства «нет ничего прекрасней...» (Не думаю, впрочем, что гнев и обличение вообще противопоказаны Деметьеву-поэту: например, читая стихотворение «Ученики», убеждаешься, что он может порой отрешиться от присущей ему мягкости и медитативности и создать резкий, точный портрет неприятного ему явления — в данном случае чванливой бездарности, уверовавшей в свой несуществующий талант.)

И все-таки присутствует грусть. Описывая, как осенний «лес божественно хорош», поэт видит его не только «в цветах любви, надежды», но «и печали». Очарованность миром у Деметьева неразрывно слита с мыслью о том, что все преходяще; восторг даже не соседствует, а сплавлен с сожалением (этот эмоциональный сплав рождает едва ли не лучшие стихотворения книги — «Отец», «Солнце Сарьяна»). Много уже минуло, уже в былом, сохраняется только в памяти — отсюда это обращение к сверстникам, к людям со «схожей памятью»: «А поэтому вы погрустите со мной».

Приведу небольшое стихотворение «Будь добра»:

Мы молодость в себе хороним,
уж раз тому пришла пора.
И мысли горестные гоним.
И говорим ей:
«Будь добра!
Как с нами доброю бывала,
будь доброй с юностью чужой.
И все, что нам недодала,
отдай за нас,
отдай с лихвой».

Доброта, столь естественно обнаруживающая себя не только в этом стихотворении, но во всей книге, помогла поэту понять и описать хороших людей в удавшихся ему портретных стихотворениях «Сестра милосердия», «Сердце учителя».

Чувство сыновней признательности и заботы многое определяет в отношении поэта к родине, сказавшемся, в частности, и вот в этих строках: «Мы входим в мир, глядим на Русь влюбленно. Уйдем, оставшись перед ней в долгу». Так что слово «любовь» в названии книги нужно понимать широко: это любовь к жизни, к людям, к женщине и к отчизне.

Ю. Болдырев.

Переславль-Залесский.

НИКОЛАЙ КУЧМИДА. Просто дорога. Повесть и рассказы. М. «Современник». 1976. 192 стр.

Рассказы, входящие в сборник «Просто дорога», различны по тематике, но чем-то неувлимо связаны между собою внутренне. Может быть, настроением? Наверное, так. И это делает книгу единой, целостной, хотя по художественному уровню она далеко не равноценна. Перечитывая рассказы, видишь, как «шел» автор к своей повести «Держи пять». Эта повесть — последняя работа писателя, и отрадно отметить, что в содержательном и изобразительном смысле она заметно возвышается над тем, что было сделано автором до сих пор.

Рассказы «Однажды», «Пейзаж», «По старому стилю», хотя и близки по внешним приметам к повести — похожесть героев, ситуаций, настроения, стиля, — тем не менее уступают ей в главном. Они не несут в себе сколько-нибудь серьезного большого содержания и потому аморфны, случайны. Рассказу «Пейзаж» просто не хватило изобразительной силы, чтобы дорогое автору впечатление — мимолетное, неожиданное, как вспышка, — обрело эстетическую выразительность и весомость. Откровенно «придуманым» оказался мне рассказ «По старому стилю».

Совсем другие впечатления оставляют вещи, в которых автор говорит о том, что пережито им лично, о том, что знает он досконально. Рассказы «Всего хорошего», «Выпадет снег» — о молодых парнях, проходящих службу в рядах Советской Армии, — отличаются точностью наблюдений, меткостью деталей, искренностью чувств, значительностью обобщений. Автор знает эту жизнь, она прошла через него, прежде чем выплеснуться строчками на бумагу.

Лиричен и мягок рассказ «„Бедная Лиза“». Тонко и психологично передано то, как зарождается первое чувство между юношей и девушкой.

Однако в целом рассказы сборника — это еще скорее эскизы, наброски с натуры, с явной незавершенностью и неотточностью мысли и чувства. Им не хватает прочувствованной, выношенной идеи, проблемы. А без всего этого — полет по касательной, скольжение по поверхности.

Герой повести «Держи пять» — наш молодой современник, по профессии шофер. Да, опять дорога, нескончаемая тема дорог, пути, так уже знакомая нам и по кине-

матографу и по литературе. Генка Пакшин, центральный персонаж повести, работает на крупном строительстве, «горячей точке на карте». Но несмотря на то, что и стройка настоящая и работает Генка неплохо, не может он ощутить себя по-настоящему счастливым и удовлетворенным.

Не все благополучно, безоблачно в его жизни. И хотя твердит он себе, что главное — это работа, что жизнь — это работать, работать, нет покоя в душе, нет удовлетворения, потому что не ясно ему, кто же кого крутит: он ли рулевое колесо своего самосвала или оно его?

И с любовью Генке не повезло. Автор знакомит нас с героем, у которого внешне все в жизни может быть полной мерой — молодой, здоровый, неглупый, симпатичный парень, — вся жизнь впереди, все дороги открыты, дерзай, двигайся, живи, добивайся. Нет, что-то не так — скучно, скучно человеку. Генка Пакшин должен сам определить, как ему следует жить дальше, в чем причина его неудовлетворенности. Проблемы перед ним стоят совсем не простые. И автор привлекает к ним внимание читателей, заставляет всерьез задуматься над всеми теми вопросами, над которыми размышляет Генка Пакшин.

Владимир Куницын.

ВАЛЕРИЙ ГЕЙДЕКО. А. Чехов и Ив. Бунин. М. «Советский писатель». 1976. 373 стр.

Сравнительный анализ — вещь соблазнительная для литературоведа и в то же время опасная. Главная опасность, от которой не так легко уберечься, заключается в том, что исследователь, даже подчас того не желая, невольно склоняется к мышлению по принципу «лучше — хуже». И одному из сравниваемых писателей отводит первое место, а другому, естественно, второе. А поскольку сравниваются, как правило, крупные художники, то получается несообразность: система исследовательских координат выбирается такая, в которой одному из них заранее обеспечивается преимущество, дается своего рода фора, и писателя судят не по законам, им самим над собой поставленным, а по тем, что поставил над собой другой писатель. При таком подходе к делу анализ порой подменяется оценочными суждениями или подгоняется под оценку.

В. Гейдеко удалось счастливо избежать этой опасности. А избежать в данном случае было не просто хотя бы потому, что Чехов все же занимает более значительное место в русской и мировой литературе. В. Гейдеко не оспаривает очевидного, не производит переоценку ценностей; выделяя главные линии и мотивы творчества обоих писателей, он ищет то непреходящее, чем обогатили они — к а ж д ы й по-своему — духовную сокровищницу России.

Говоря о нравственном идеале писателей, В. Гейдеко отмечает: «Чехов и Бунин не

могли принять бесцельную, не одухотворенную высоким смыслом жизнь. И различия между ними — различия существенные — находятся в н у т р и этого сходства».

В потаенном трагизме чеховской прозы, в открытом темпераменте бунинских рассказов автор находит единство творческой личности и жизненной позиции каждого из писателей. И, сравнив два типа личности, говорит о внутренней силе Чехова с его «строгой душевной дисциплиной, направленной на преодоление явных и скрытых своих недостатков», опять-таки не «за счет Бунина». Характеристика последнего, данная в книге, не менее глубока, точна и объективна. Чехов, огромным трудом и железной волей воспитавший себя, и Бунин, являющий себя миру во всех крайностях, субъективных пристрастиях, непреодоленных противоречиях, — такими предстают в книге В. Гейдеко два писателя, нам же самим нужно сделать выбор, причем итог читательских размышлений может и не сойтись с авторским выводом, но путь к итогу искусно прокладывает автор. Ему ближе Чехов, но он делает все от него зависящее, чтобы читатель понял и полюбил также Бунина.

Я коснулся только одной линии, одной темы книги — в других ее частях и главах авторский анализ столь же диалектичен. Удачна композиция книги — от общего к частному: начиная с определяющих тенденций эпохи и ее литературы (главы «Народничество», «Толстовство», «Декадентство»), через наиболее общие мотивы творчества обоих писателей (раздел «Идеи и образы») В. Гейдеко приходит к подробному и детальному «микроанализу» в разделе «Особенности мастерства»; в последнем много интереснейших наблюдений, тонких интерпретаций текста.

Я уже говорил, что в книге отчетливо ощущимо личное отношение автора к исследуемым писателям. Добавим, что именно это делает работу В. Гейдеко интересной не только специалистам и студентам-филологам, но и всякому, кто любит Чехова и Бунина. Книга, можно сказать, рассчитана на читательское соучастие в размышлении.

Ю. Смелков.

А. Ф. ЛОСЕВ. Проблема символа и реалистическое искусство. М. «Искусство». 1976. 367 стр.

Всякая развитая наука имеет свой разработанный аппарат терминов и категорий. Но есть термины, одинаково охотно употребляемые в разных науках, давно примелькавшие и вроде бы общепонятные. Термин «символ» употребляется в математике и химии, философии и эстетике, лингвистике и литературоведении, геральдике и эмблематике. Очевидно, что в каждой науке этот термин наполняется собственным содержанием, но можно поставить вопрос: есть ли что-то общее между математическим символом, допустим $\sqrt{2}$, и, например, образом тройки у Гоголя или Блока или флагом как символом государ-

ства и словом как лингвистической единицей? Другими словами, переходя из одной сферы действительности в другую, из науки в науку, остается ли понятие символа всегда равным самому себе или же оно всякий раз пронизывается новыми смыслами?

В книге советского философа и филолога А. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» и ряде его статей, предшествовавших книге, вскрывается сложнейшая диалектика символа. Автор предупреждает, что «необходимо вооружиться огромным терпением и настойчивостью, чтобы в конце концов добиться четкого решения вопроса о символе или, по крайней мере, ясной постановки этого вопроса». Таким же «терпением и настойчивостью» следует вооружиться и читателю книги, который в конце концов окажется вознагражден строгостью и точностью постановки проблемы символа и блестящим искусством диалектики («чистым движением мысли в понятиях», если воспользоваться формулой В. И. Ленина) в ее решении.

Название книги явно скромнее ее содержания. А. Лосев, по сути, создает введение в общую теорию символа. Строится она на основании методичного и тщательного анализа всех аспектов понятия «символ» и на отграничении этого понятия от соседних категорий, с которыми оно часто бывает связано (знак, образ, тип, аллегория, эмблема и т. п.). Каждая глава книги, являясь частью общего рассуждения о символе, имеет и самостоятельную ценность. Особенно важна глава «От знака к символу». Здесь А. Лосев предлагает аксиоматику знаковой теории языка. Несмотря на всячески оговариваемую автором «предварительность» этой аксиоматики, «логическую скромность определений», необходимость и желательность ее дальнейшего развития, значение предложенной А. Лосевым аксиоматики языкового знака для общей семиотики, теории лингвистического знака, теории символа несомненно. Последняя из аксиом гласит: «Всякий знак может иметь бесконечное количество значений, то есть быть символом». Это значит, что если не всякий знак есть обязательно символ, то всякий символ есть знак, а потому перечисленные в книге аксиомы знака являются также и аксиомами символа.

Если выстроить широко употребляемые в теории искусства структурно-семантические категории, руководствуясь признаком соотношения в них единичного и общего и как бы наполненности этим общим, то это диалектическое становление, по Лосеву, будет выглядеть так: аллегория — схематическое олицетворение — тип — художественный образ (в частности, метафора) — символ — миф. Многомерность всякого реально-исторического символа показана А. Лосевым на примере Гесиода и Платона, Данте и Гёте; особенности символа в реалистическом произведении — на примерах из Тургенева и Некрасова, Л. Толстого и Достоевского; историческая конкретность символа — на примере мирового образа

Прометея как символа прогрессирующей цивилизации.

Предлагаемое в книге А. Лосева толкование символа как «порождающей» модели, как функции, разложимой в бесконечный ряд, как принципа «бесконечного становления с указанием всей той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления», дает возможность осмыслить символическую сущность и $\sqrt{2}$, и образа тройки, и символизма как художественного направления, и теорию символизма, разрабатываемую в этом направлении, и современное мифотворчество, и сами эти мифы, и еще многое другое. Книга А. Лосева заставляет по-новому прочитать и его собственные работы, особенно ранние, посвященные диалектике художественной формы, философии имени, античному символизму и мифологии.

В. Сапогов,

кандидат филологических наук.

Кострома.

Б. П. БАЛУЕВ. Ленин полемизирует с буржуазной прессой. М. Политгиздат. 1977. 254 стр.

В произведениях В. И. Ленина упоминается 330 зарубежных периодических изданий на немецком, английском, французском, итальянском, шведском, польском и болгарском языках. Эта внушительная цифра приведена в монографии доктора исторических наук Б. Балугева, исследующего отношение и подход Ленина к буржуазной печати, его более чем тридцатилетний опыт полемической борьбы с газетами и журналами самых различных направлений.

Работа с буржуазной прессой была для Ленина неотъемлемой частью его деятельности партийного публициста, теоретика, организатора, частью тех колоссальных и разносторонних источников информации, которые пропускал через себя и перерабатывал его гениальный ум. Ленин любил напоминать об одном из важнейших постулатов партийной публицистики, которому следовал всю жизнь: «Кто хочет знать своего врага, тот должен идти в страну этого врага» (перефразируя Гёте). С буржуазной прессой Владимир Ильич воевал так, что об этом до сих пор вспоминают те, чьи отцы и деды испытывали на себе силу разящих ленинских ударов. Перелистывая не так давно западногерманскую «Вельт», орган ультрареакционного магната Шпрингера, автор этих строк обнаружил злобную статью некоего Бернта Конрада под названием «Гении оскорбления словом». Речь шла о полемике Маркса, Энгельса, Ленина. Как видно, кое-кто до сих пор не может простить публицистам-марксистам тех метких и презрительных характеристик, которыми были и в род и в потомство награждены мировая буржуазия и весь ее обслуживающий персонал.

Да, Ленин и его атакующая публицисти-

ка активно участвуют в идеологических битвах наших дней. И одно из достоинств книги Б. Балугева заключается в том, что она как бы вводит читателя в творческий арсенал партийного публициста, знакомит с его сточенным, постоянно готовым к бою оружием. На большом фактическом материале, умело подобранном и систематизированном, автор раскрывает перед читателем основные принципы, методы, приемы ленинского анализа буржуазной прессы и борьбы с ней.

Как справедливо отмечает Б. Балугев, зарубежные издания были для Ленина, если употребить его собственное выражение, «преинтересны... с отрицательной стороны». «Он использовал эту печать в основном как источник дополнительной информации о русских делах, о внутренней и внешней политике господствующих классов, о нарастании межкапиталистических противоречий, об образовании враждебных блоков и союзов среди империалистических стран. Эта информация не лежала на поверхности буржуазных изданий, ее надо было извлекать из подтекста, она таилась между строк не только в фактах, но и в позиции, нередко тщательно закамуфлированной».

Этому умению, умению срывать маски с идеологического противника, добывать саморазоблачающую информацию в «стране врага», бить оппонента его же собственным оружием и учить весь опыт Ленина-полемиста. Автор монографии выделяет такие черты публицистики ленинской школы, как оперативность, наступательность, аргументированность. Ленин был нетерпим к малейшему проявлению робости в идеологической борьбе, к попыткам уйти от поставленных враждебной пропагандой вопросов с помощью «фигуры умолчания», как бы остры эти вопросы ни были. Запаздывание в освещении событий Ленин считал несоместимым с газетным делом, чей девиз: «Вовремя и своевременно». Высоко ценил Ленин и честность в споре. Он всегда стремился дать читателю полное представление о позиции и доводах противника. Все это — компоненты всепокоряющей ленинской полемике, восстававшей и отстаивавшей правду. «Наша сила в заявлении правды!» — этому принципу Ленин следовал всю свою жизнь.

Ленинский опыт идейной борьбы с противниками социализма и марксизма имеет важнейшее методологическое значение для современной идеологической борьбы. Об этом вновь напоминает монография Б. Балугева, пополняющая публицистическую Лениниану. И автор совершенно прав, когда завершает свою работу такими словами: «Каждое новое возвращение и даже простое прикосновение к опыту великого мастера революционной публицистики, к ленинскому полемическому искусству — это всегда еще один шаг вперед в работе журналистов коммунистической печати».

Вл. Кузнецов,

кандидат филологических наук.

А. И. АРНОЛЬДОВ. Социалистический образ жизни и культура. М. «Мысль». 1974. 156 стр.

В последние годы проблемы социалистического образа жизни и его развития привлекают пристальный интерес философов, социологов, экономистов. В ряду литературы, посвященной данной тематике, самостоятельное место занимает книга А. Арнольдова, исследующая духовные аспекты социалистического образа жизни. Автор раскрывает широкое понимание культуры, включающее высокую культуру труда и общественного управления, культуру нравственных отношений, социального творчества и повседневного бытового поведения. Он органично вводит в контекст своего теоретического анализа денинский термин «политическая культура», определяя ее как «синтез высоких революционных идеалов с активным социальным действием».

Ставя вопрос о критериях определения культурного уровня, А. Арнольдov подчеркивает, что они не ограничиваются только показателями общеобразовательного уровня, а включают всю систему ценностей социалистической культуры и степень их распространенности. В этой связи анализируется проблема разработки системы показателей, характеризующих качественную сторону культуры, которые особенно необходимы при составлении планов социального развития трудовых коллективов.

В рецензируемой книге верно отмечается, что эффект от вложенных в культуру средств существенно сказывается и на экономических показателях, ибо степень культурного развития общества оказывает непосредственное воздействие на творческую деятельность личности, на ее духовную динамичность и социальную активность.

Внимание читателя привлекают и те разделы книги, где затрагиваются вопросы нравственной культуры. Автор характеризует мораль как активный элемент культуры, придающий общественному сознанию практический характер, способствующий непосредственному переходу ценностных ориентаций и идеалов в поведение людей, в их привычки. Анализируя процесс общения как одно из проявлений образа жизни, автор подчеркивает необходимость дальнейшего усиления эмоциональных начал в общении, преодоления вульгарно-утилитарного подхода в отношениях между людьми, недоброжелательности, раздражительности, возникающих из-за отсутствия воспитанности, от несдержанности, невнимания, а порой и просто из-за незнания психологических законов человеческого общения.

Касаясь сложностей возникающих проблем на пути формирования здорового нравственного климата общества, автор подвергает критике проявления мещански-потребительского отношения к жизни, выразительно характеризует социальную фигуру современного «интеллектуального» мещанина, в духовном мире которого немалый запас знаний и новомодных идей уживается с

отрицательными, глубоко чуждыми социализму нравственными чертами.

Заключительные разделы книги посвящены диалектике национального и интернационального в социалистическом образе жизни и духовной культуре стран социализма. Приведенные автором многочисленные примеры расширения культурного обмена и сотрудничества между братскими социалистическими странами убедительно характеризуют процессы духовной консолидации всего социалистического содружества. О высокой степени этой общности говорит тот факт, что большинство социалистических стран ныне имеют однотипные системы образования, аналогичную сеть культурно-просветительных и зрелищных организаций, близкие показатели потребления и распространения духовных ценностей.

В работе «Социалистический образ жизни и культура» наш советский образ жизни рассматривается как один из ведущих итогов всего исторического пути, пройденного страной за шесть десятилетий ее истории, раскрывается тот выдающийся вклад, который в утверждение духовных основ советского общества внесло осуществление ленинской программы культурной революции.

Книга А. Арнольдова обобщает достижения марксистской теории культуры и выдвигает новые как исследовательские, так и практические задачи. Наблюдения автора подводят к выводу о необходимости определенной структурной перестройки системы управления культурными учреждениями, приведения ее в соответствие с возросшим уровнем образования и социальных потребностей советских людей, с непрерывно происходящими изменениями в образе жизни. Понятие «социалистический образ жизни» служит объектом и ориентиром социальной политики как в сфере культуры, так и в других областях общественной жизни.

В. Роговн,
кандидат философских наук.

И. П. ДОНКОВ. Антоновщина: замыслы и действительность. М. Политиздат. 1977. 127 стр.

На третьем году существования Советского государства уже были разбиты Колчак, Юденич, Деникин и было покончено с вооруженными притязаниями буржуазных интервентов из многих стран. Но подлинный мир еще не наступил: в Крыму окопались белые дивизии барона Врангеля, на юго-западе продолжала существовать угроза агрессии белополяков, Дальний Восток оккупировали японцы. Сложность положения усугублялась хозяйственной разрухой, недородом 1920 года. А контрреволюция использовала любую неурядицу, малейший просчет власти на местах, недовольство части крестьянства политикой военного ком-

мунизма, чтобы толкать массы на борьбу против рабоче-крестьянского государства. Крупнейшим кулацким мятежом, инспирированным эсерами, явилась так называемая антоновщина — восстание крестьян в Тамбовской губернии, возглавленное авантюристом, эсером Антоновым.

И. Донков, автор рецензируемой книги, на мой взгляд, безукоризненно справился со своей задачей. Читатель получил книгу монографически достоверную, насыщенную уникальным архивным материалом и вместе с тем написанную легко и доступно. Местами она читается как приключенческая повесть. Но автор достигает этого отнюдь не в ущерб научной точности и убедительности.

Кулацкий контрреволюционный мятеж на Тамбовщине разразился в конце лета 1920 года и в короткое время захватил несколько уездов, переливаясь порой на территорию соседних губерний. Антоновщина, поддерживаемая вначале и частью среднего крестьянства, недовольного продразверсткой, сопровождалась убийствами коммунистов, советских работников, грабежами, разгромом совхозов и коммун. Слабость партийной организации на Тамбовщине и недостаток военной силы в обстановке хозяйственных трудностей — все это и обусловило удачное для мятежников начало событий. Мутная волна озверелой мелкобуржуазной контрреволюции стремительно заливала земледельческий центр России.

Партия и Владимир Ильич Ленин понимали грозную для революционного дела опасность необузданной крестьянской стихии. По инициативе В. И. Ленина большевистская организация на Тамбовщине была срочно укреплена стойкими и опытными коммунистами, а войска усилены новыми соединениями, оружием, боеприпасами. На подавление антоновщины партия направляет выдающихся военачальников Красной Армии — Тухачевского, Уборевича, Котовского.

Не менее остро, чем военная, стояла задача политическая — преодолеть эсеровское влияние на крестьянскую массу. Достичь успеха можно было двумя путями: во-первых, изменением экономической политики, дальнейшим упрочением союза рабочего класса и крестьянства и, во-вторых, усилением агитационно-массовой работы на селе. Назрела необходимость немедленного перехода к новой экономической политике. В. И. Ленин писал: «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избил до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двинься!» И вот в начале февраля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) принял ленинский «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором предлагалось «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом». В книге прослеживается, как введение нпза глубоко отразилось на настроении

тамбовского крестьянина, как середнячество перешло на сторону советской власти, решительно порывая с контрреволюцией.

Неоценимую роль в деле завоевания симпатий крестьянства сыграли беседы Владимира Ильича Ленина с тамбовскимиходаками. Через крестьян, побывавших у главы Советского правительства, мысль Ленина доходила до масс, и все больше и больше крестьян порывало с бандами и возвращалось к земле. Большевистское слово, печатное и устное, в соединении с вооруженной силой республики Советов способствовало быстрому (к лету 1921 года) и окончательному разгрому антоновщины. Упования эсеров и прочей «идейной» контрреволюции на раскол между рабочим классом и крестьянством не оправдались. Редактор «Известий Тамбовского губисполкома» В. Докукин позднее вспоминал: «Типографии работали бешеным темпом, не считаясь со временем... Колоссальную пользу принесли нам воздушные эскадры, тысячами разбрасывавшие наши листовки и брошюры в бандитских районах... Печать... разлагала бандитские шайки... способствовала пробуждению сознания обманутых крестьян...»

В книге впервые в нашей исторической литературе обстоятельно показана руководящая роль В. И. Ленина в подавлении эсеро-кулацкого мятежа на Тамбовщине. В этом обнаружила себя огромная заинтересованность Ленина в упрочении союза рабочего класса и крестьянства.

Читатель получил книгу, расширяющую рамки наших знаний об одном из сложнейших периодов истории Советского государства, книгу умную и полезную.

Владимир Давенбург.

В. И. РИЧ, М. Б. ЧЕРНЕНКО. Неоконченная история искусственных алмазов. М. «Наука». 1976. 137 стр.

Рецензируемая книга — о научном поиске методов синтеза алмазов. Повествование начинается с описания эффективных опытов, предпринятых в последнее десятилетие XV века во Флоренции, когда было продемонстрировано «исчезновение» алмаза под действием лучей солнечного света, сфокусированных гигантской линзой. Заканчивается же оно впечатляющей сценой, разворачивающейся в наши дни в Антверпене — городе, издавна славящемся искусством шлифовки стекол и алмазов. Советский инженер В. Бакуль просит владельца одной из гранильных мастерских отшлифовать алмазы, которые искусственный в своем деле мастер отказывается считать искусственными. Из них изготавливают бриллианты — некрупные, но ничем не отличимые от настоящих.

Авторы прослеживают историю исследований, ведущих начало от интуитивных, ничем не обоснованных догадок до реализации идеи синтеза алмазов из углерода. На пути решения этой проблемы судьбы идей,

гипотез, опытов теснейшим образом переплетаются с судьбами ученых — «детективов» мира атомов и кристаллов, тщательно выясняющих обстоятельства, при которых образуются алмазы, ищущих их следы и в глубинах Земли, и в метеоритах, и в «недрах» специально сконструированных приборов. Читатель найдет на страницах книги имена Ньютона и Лавуазье, Дэви и Фарадея, хорошо ему знакомые вне «алмазной истории». Он узнает об исследованиях ученых XX века — американца П. Бриджмена, шведов В. Платена и Э. Лунблада. Значительное внимание авторы уделяют рассказу о работах Леонида Федоровича Верещагина — пионера исследований по получению искусственных алмазов в СССР. Недавно скончавшийся Л. Верещагин — академик, Герой Социалистического Труда, директор Института физики высоких давлений Академии наук СССР — исключительно много сделал для прогресса физики и техники искусственных алмазов, его работы в этой области науки принесли ему заслуженную мировую известность и признание. Мы узнаем также о существенном вкладе, внесенном в решение проблемы другими советскими учеными — профессорами О. Лейпунским и Д. Франк-Каменецким, киевскими инженерами В. Бакулем и А. Мамуровским.

Работы по синтезу алмазов в наши дни вышли из стен лабораторий. Уже существуют заводы, выпускающие готовую алмазную продукцию, успешно конкурирующую с естественными алмазами. Характерный факт: с 1969 года Институт сверхтвердых материалов в Киеве регулярно (6 раз в год) издает сборник «Синтетические алмазы». Листая его страницы, можно видеть, что ставшие сейчас сравнительно дешевыми алмазные инструменты находят себе применение при шлифовке, резании, бурении в разнообразных отраслях производства вплоть до обувного.

В заключение выскажу замечание, которое, кстати, можно адресовать большинству книг, подобных рецензируемой. Читатель, не знакомый с предметом и литературой о нем, — а ведь именно на читателя рассчитаны такие книги — не может установить, что в прочитанном материале отражает поиски и находки авторов, что является умелым переводом на язык научно-популярной литературы сложных специальных статей и что, наконец, заимствовано из уже имеющих в этой области образцов. Я отнюдь не призываю к скрупулезному цитированию и отягощению текста многочисленными сносками. Но, по моему мнению, совершенно необходимо к такого рода изданиям прилагать хотя бы краткий перечень использованной литературы: оригинальной и обзорной, специальной и популярной. Такой справочный материал поможет читателю, увлеченному предметом, углубиться в него.

А занимательно написанная книга В. Рича и М. Черненко одновременно и удовлетворяет любопытство читателя, и стимулирует его дальнейший интерес к продолжающейся на наших глазах — неоконченной — истории искусственных алмазов.

Завоевавшая себе признание серия «Проблемы науки и технического прогресса», выпускаемая издательством «Наука», пополнилась новой полезной и содержательной книгой.

В. Френкель.

★

А. ПИРОЖНИКОВ. Что такое голография? М. «Московский рабочий». 1976. 144 стр.

«...Трое мужчин быстро жестикнули, как будто спорили друг с другом. Я подошел к ним.

— Хэлло!

Они даже не оглянулись и продолжали быстро говорить...

— Что вы строите из себя глухих? — спросил я, и внезапно с того места, где я стоял — точно из меня, из моей груди, — вырвался пискливый крик:

— Вот я тебя! Вот я тебя сейчас!

Я отскочил, и тогда появился обладатель голоса... толстяк в шапке, — я хотел схватить его за плечи, пальцы прошли насквозь и сожмулись в воздухе».

Это из «Возвращения со звезд» Ст. Лема — далекого будущего, фантастика. Фантастика? В недавнем газетном репортаже был описан случай, когда специалисты не сразу поверили, что увиденный ими предмет — всего лишь его голографическое изображение, «призрак» предмета...

Действительно, что такое голография? Способ «замораживания» световых волн, метод объемного фотографирования, средство искуснейшей имитации любых предметов? Какова научно-техническая основа голографической фантоматики, этого чуда и волшебства наших дней?

Популяризация сродни переводу, только не с английского или японского, а с научного языка, ибо оригинал сплошь и рядом темен для неспециалиста, как средневековый манускрипт. В этом смысле книга Л. Пирожникова — строгий, иногда суровый, требующий сосредоточенного чтения, зато добротный и обстоятельный «перевод». И не более того, в общем. Тем интересней, однако, нечастые прогнозы автора.

«Давайте немного пофантазируем, — пишет он. — Допустим, что в один из дней 1980 г. в газете появится заметка с заголовком «Шапку Мономаха — бандеролью». В ней сказано, что в сибирском селе Нетушихино под Иркутском открылась выставка шедевров Оружейной палаты...»

Размеры голограмм возрастут и будут определяться не сантиметрами, а метрами. Интерьер производственных, жилых и общественных зданий украсят работы знаменитых скульпторов, живописные полотна... Площади, скверы, фасады зданий оживит голографическая скульптура. Представьте себе, что вы приобрели метровую голограмму, изображающую море. Если прикрепить ее к стене и осветить лампой, то у вас создастся впечатление, что это окно, за которым синее море...

Из той же книги мы узнаем, что голография обещает прийти в акустику, радиолокацию, создать объемную картину звука, или пейзажа далекой планеты, или толщи горных пород. Возможность столь совершенного видения скрытого, голографическая материализация незримого, будь то вулкан на Венере или сталактитовый занавес в пещере у нас под ногами, — все это плохо укладывается в сознании. Перед этим меркнут и сказочные чудеса! И уже технической частью кажется то, что голографическая запись информации резко увеличивает возможности машин; ЭВМ, говорим мы все еще по привычке, а электронно-вычислительными машинами голография уже готовит место в музее...

И тут в пору сказать о том, о чем молчит книга. О возможных теневых последствиях бурного вторжения голографических изображений в жизнь. Частный пример — кино. Переход от немого кино к звуковому не был безболезненным ни для режиссеров, ни для актеров. Но голография сулит куда большую революцию... И к этому тоже надо готовиться заранее.

Член-корреспондент АН СССР А. Д. Бахрах справедливо заметил: «Голография позволила техническими средствами создать принципиально новый орган восприятия, не эквивалентный никакому из человеческих!» Новый орган восприятия — все так. И еще новая реальность, отличающаяся от подлинной только на ощупь. Голография скорее всего невиданно расширит наше восприятие мира, откроет искусство, как и науке, новые горизонты и одновременно серьезно изменит вещный облик среды. Фотография, кино, телевидение — впереди, судя по всему, новый высочайший перевал. Непросто, хотя и нужно, предвидеть, какие дали он откроет, какие возможности даст и как оттого изменится жизнь.

Д. Билевкин.

ГРИГОРИЙ МЕДЫНСКИЙ. Разговор всерьез. М. «Советская Россия». 1977. 236 стр.

Наставничество. Словари определяют это понятие как передачу профессионально-технического и нравственного опыта рабочими старшего поколения младшим. Психологи квалифицируют его как неформальное лидерство. Наставничество организуют и планируют.

Для Григория Медынского все началось намного раньше того, как распространилось это движение, и, можно сказать, стихийно.

Помню, лет двадцать назад он позвонил мне и попросил ознакомить его с только что опубликованным моим исследованием о малых неформальных группах с антиобщественной направленностью. Удивительно было уже то, как быстро он узнал об этой специфической и ведомственной работе, почему она, автор светлой «Повести о юности», потянулся вдруг к этой темной и трудной теме.

Оказалось потом, что в это время он уже работал над другой повестью, названной им «Честь», и в ходе этой работы побывал в школе, в милиции, в суде, в тюрьме, несколько месяцев вел наблюдения в колонии для несовершеннолетних.

Здесь-то, «взяв разгон» и загоревшись благородным огнем гражданственности в борьбе с нравственным пороком, он и начал свою публицистику с такой страстью, что уже не смог потом удержаться в спокойном беллетристическом русле художественной прозы: вымысел показался ему неуместным в этой борьбе. Тут больше подходило оружие публицистики, которое действует немедленно, широко и ощутимо. Такой оказалась энергия нравственного начала, заложенная в этом человеке и гражданине.

Он выступил несколько раз в «Литературной газете», «Известиях», «Комсомольской правде». И пошла ему письма. Писали «униженньё и оскорбленньё», а на самом деле заблудившиеся и в этом блуждании преступившие закон и оскорбившие других, за что и подвергнуты каре — уголовному наказанию. Они потянулись к нему — кто за советом, кто в надежде спекулировать на перепишке с лауреатом, а кто и в прямом стремлении нагадить в душу «сладокорчивому литератору».

Он внимательно, уже со знанием дела, отобрал среди них тех, кто искрещен, кто способен к размышлению, к поиску своего пути, и начал с ними переписку. Нет, это не была обычная переписка писателя с читателями. Так началось новое наставничество, сперва чисто эпистолярное, личное и чуть ли не родственное (Медынские потеряли на войне сына, и связь с этими молодыми их подопечными в какой-то, хоть малой мере смягчала невозможную утрату).

И вот из этого эпистолярного, индивидуального и частного наставничества выросло нечто совершенно новое — наставничество публичное, публицистическое. Появилась и была издана Политиздатом основанная на этих письмах и наставническом опыте «Трудная книга» (1964).

Вышел целый ряд более мелких публицистических произведений, в их числе «Пути и поиски» (1970), и вот наконец эта только что изданная «Советской Россией» книга — «Разговор всерьез», которую сам автор назвал «мини-Трудной книгой».

Нет, это не та проповедь, о которой можно сказать: писатель пописывает, а читатель почитывает. Это проповедь высшего нравственного накала, за которой, если надо, сразу же следует действие — обращение писателя в «инстанции», поездка к своему адресату, рука помощи, протянутая иным способом. И именно в этой постоянной готовности к действию причина безотказной действенности наставнической проповеди.

Примеров тому немало можно найти во всей публицистике Г. Медынского и, конечно, в книге «Разговор всерьез». Вот Саша Пшеная. С августа 1959 года под влия-

нием писателя (более 300 страниц переписки!) уголовный преступник превратился в мастера производственно-технического училища (сам стал наставником), вооружающего себя педагогической литературой от поучений Владимира Мономаха до Сухомлинского. Или вот Виктор Петров, переписка с которым обширно воспроизведена в книге. В начале это потерявший себя и утративший веру в людей подросток, а в конце «наставнического действия» (прошли годы) — студент института и комсомольский активист. Автор и поныне считает их своими подопечными, а они его — отцом. И хотя не столь подвижен он ныне

(приближается восьмидесятилетие), но по-прежнему всегда готов, если потребуется, протянуть им руку помощи. И в эту готовность верят все — и подопечные и тысячи читателей. Наставничество стало публичным: черпайте все!

Прочитайте публицистику Мединского. То, что делает он, — уникально. И все это идет от его высокой гражданственности, от горячего стремления помочь победе тех нравственных начал, без которых мы не мыслим себе общество будущего и которые в сумме составляют высокое понятие коммунистической морали.

Вадим Мовахов.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. О социалистической революции. Сборник. В 2-х тт. Т. 1. 1899—1917. 351 стр. Цена 70 к.
Визит Леонида Ильича Брежнева во Францию. Речи, документы, материалы. 64 стр. Цена 15 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

П. Антокольский. Конец века. Стихи. 80 стр. Цена 27 к.
С. Ботвинник. Зеленые миры. Стихи. 110 стр. Цена 33 к.
П. Бровка. Как поднимается солнце. Книга стихов. Перевод с белорусского. 152 стр. Цена 49 к.
Воспоминания о Корнее Чуковском. 472 стр. Цена 2 р. 8 к.
В. Конецкий. За Доброй Надеждой. Роман-странствие. 751 стр. Цена 2 р. 76 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А. Бочаров. Требовательная любовь. Концепция личности в современной советской прозе. 365 стр. Цена 1 р. 13 к.
Я. Брыль. Еще раз первый снег. Избранные рассказы. Перевод с белорусского. 381 стр. Цена 1 р. 54 к.
Видьяпати. Песни любви. Из индийской средневековой лирики. 254 стр. Цена 73 к.
Гонгора-и-Арготе. Лирика. Перевод с испанского. («Сокровища лирической поэзии») 188 стр. Цена 78 к.
Джером К. Джером. Трое в одной лодке, не считая собаки. Повесть. Рассказы. Перевод с английского. 365 стр. Цена 1 р. 60 к.
И. Рахим. Избранное. Перевод с узбекского. 365 стр. Цена 1 р. 66 к.
Самба-храбрец. Сказки и легенды Сенегала. Перевод с французского. 272 стр. Цена 1 р. 52 к.
Г. Цадаса. Избранное. Стихи, басни, сказки и поэмы. Перевод с аварского. 404 стр. Цена 5 р. 40 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Академики рассказывают. Ученые о достижениях советской науки. 239 стр. Цена 64 к.
В. Астафьев. Мальчик в белой рубашке. Однотомник. 591 стр. Цена 2 р. 46 к.
Д. Кабалевский. Дорогие мои друзья. («Мастера искусств — молодежи») 191 стр. Цена 82 к.

«СОВРЕМЕННОК»

М. Вишняков. Горький зной. Стихи. Предисловие В. Цыбина. («Первая книга в столице») 63 стр. Цена 29 к.
Л. Давыдичев. Самое длинное мгновение. («Новинки «Современника») 270 стр. Цена 78 к.
А. Нуков. Дом для внука. Роман. («Новинки «Современника») 461 стр. Цена 1 р. 80 к.
Л. Ленч. Оказывается, существует! Сатирические и юмористические рассказы. 1936—1975. 284 стр. Цена 1 р. 20 к.
Н. Ливнев. Созвездие окон. Повести и рассказы («Новинки «Современника») 301 стр. Цена 1 р. 20 к.
А. Татаринцев. Радищев в Сибири. 269 стр. Цена 93 к.
Л. Федорова. Из чужого гнезда. Повести и рассказы. Предисловие Н. Воронова. («Новинки «Современника») 224 стр. Цена 97 к.
М. Юхма. Из синевы рассвета. Очерки о чувашской литературе («Литературная карта РСФСР») 157 стр. Цена 49 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ф. Абрамов. Две зимы и три лета. Роман. 320 стр. Цена 79 к.
А. Кикинадзе. Пирамида Солнца. Роман. 190 стр. Цена 44 к.
М. Колесникова и М. Колесников. Экспедиция идет к цели. Приключенческая повесть. 272 стр. Цена 57 к.

ВОЕНИЗДАТ

Н. Тихонов. Сила России. Военная публицистика. 350 стр. Цена 1 р. 47 к.

Главный редактор **С. С. Наровчатов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Ф. К. Видрашку (ответственный секретарь), **Е. М. Винокуров, Р. Г. Гамзатов, М. Б. Козьмин** (первый зам. главного редактора), **В. А. Косолапов, А. А. Кулешов, В. М. Литвинов, М. Д. Львов** (зам. главного редактора), **А. И. Овчаренко, Г. И. Резниченко, А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахнин, Д. В. Тевекелян**

Адрес редакции: 103006, Москва, Малый Путинковский пер., д. 1/2. Тел. 299-81-77
Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»
Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

Сдано в набор 25/VIII 1977 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 3/X 1977 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 28,7 уч.-изд. л. 9 бум. л. (25,2 усл. печ. л.)
А 09844. Тираж 180.000 экз. Заказ 2884.

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени типографии «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», Москва, Пушкинская пл., 5.
Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», Киев-47, Брест-Литовский проспект, 94. Зак. 04858.

Цена 70 коп.

70636